

*MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80026-6*

MICROFILMED 1993

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States - Title 17, United States Code - concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material.

Under certain conditions specified in the law, libraries and archives are authorized to furnish a photocopy or other reproduction. One of these specified conditions is that the photocopy or other reproduction is not to be "used for any purpose other than private study, scholarship, or research." If a user makes a request for, or later uses, a photocopy or reproduction for purposes in excess of "fair use," that user may be liable for copyright infringement.

This institution reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

KOROLENKO, PROKOPII
PETROVICH

TITLE:

CHERNOMORTSY

PLACE:

ST. -PETERBURG

DATE:

1874

Master Negative #

91-80026-6

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947
K843

Korolenko, Prokopii Petrovich, d.1913.
Chernomortsy, soch. Korolenko. [The Cossacks of
the Black Sea, by Korolenko.] S.-Peterburg,
tip. Depart. udielov, 1874.
212, 76, iii p. 22 $\frac{1}{2}$ cm.

170916

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm

REDUCTION RATIO: 11x

IMAGE PLACEMENT: IA IIA IB IIB

DATE FILMED: 10/12/93

INITIALS 10/12/93

FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

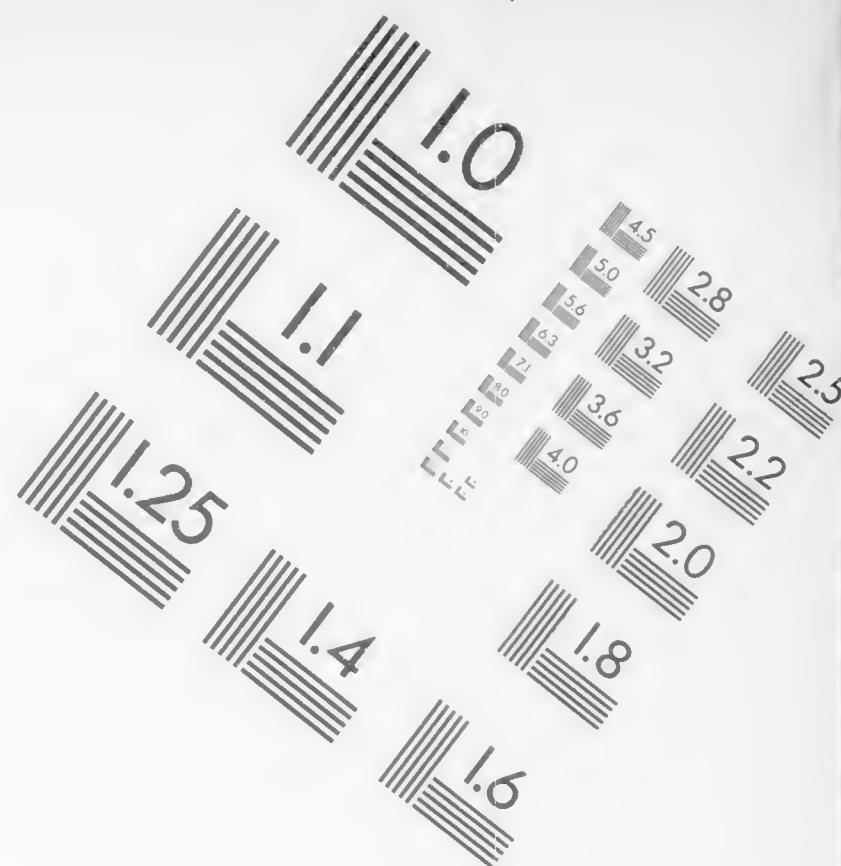
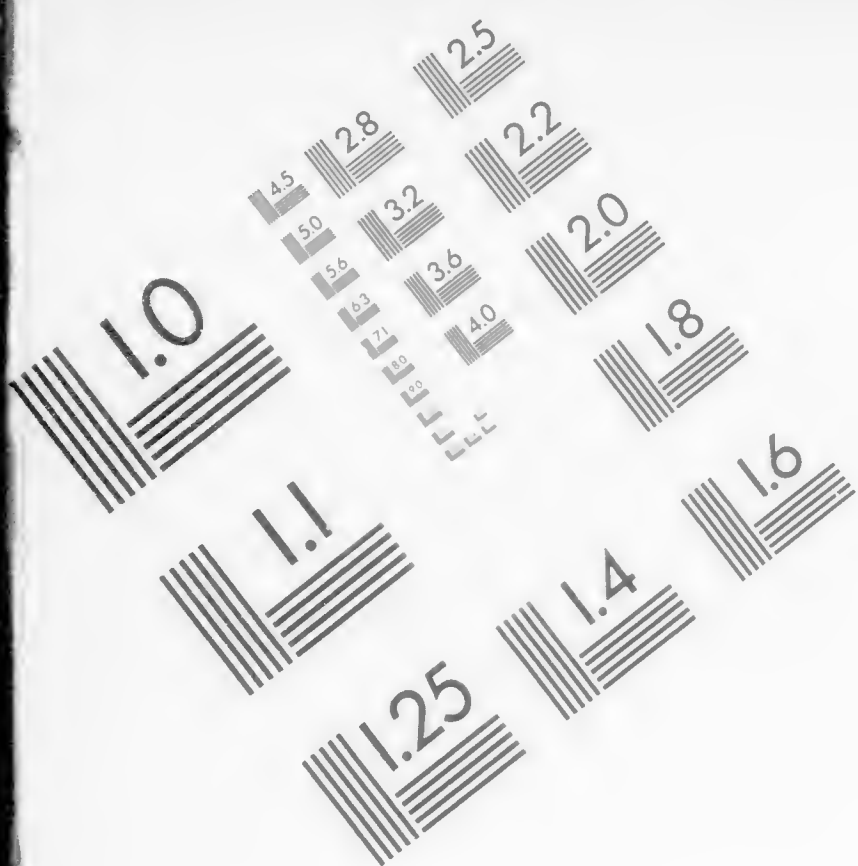

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

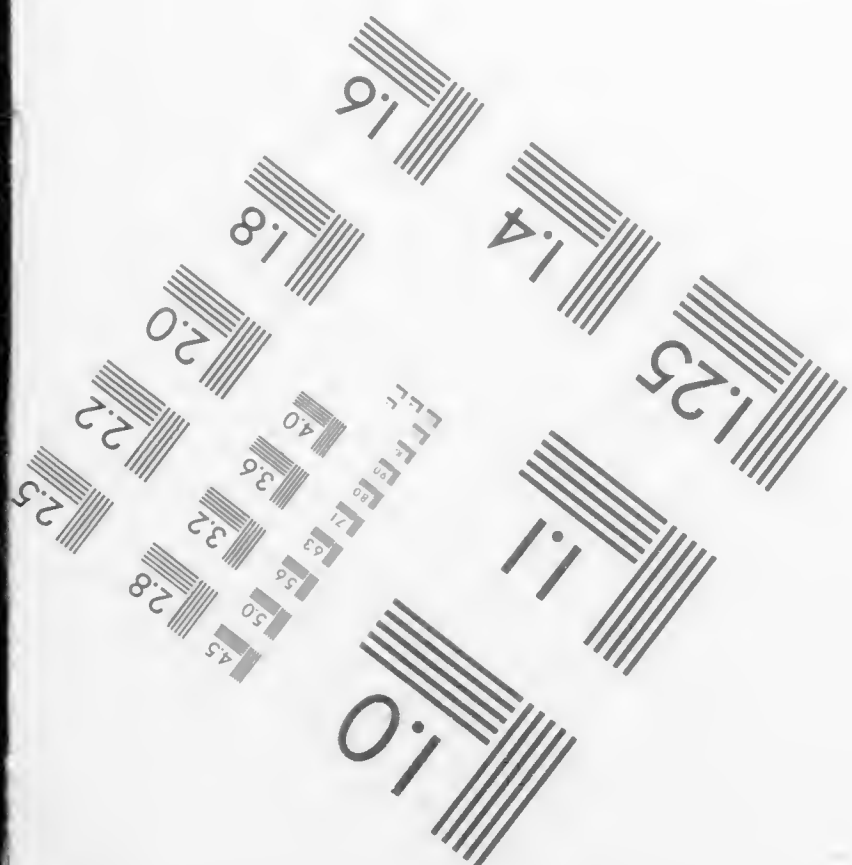
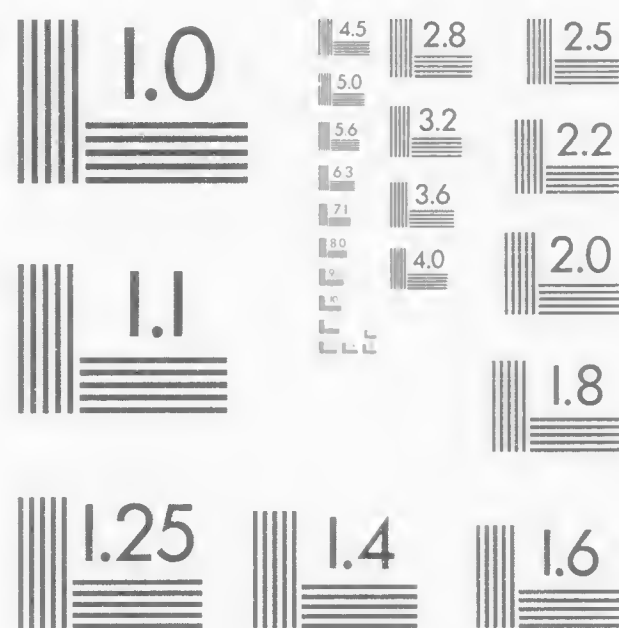
301/587-8202

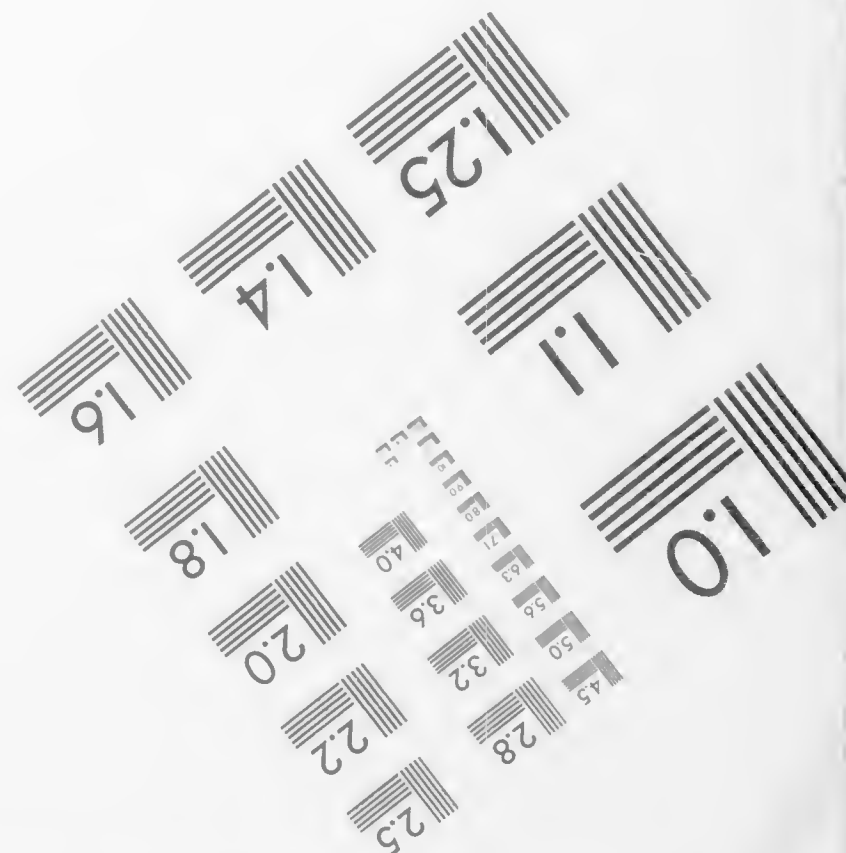
Centimeter

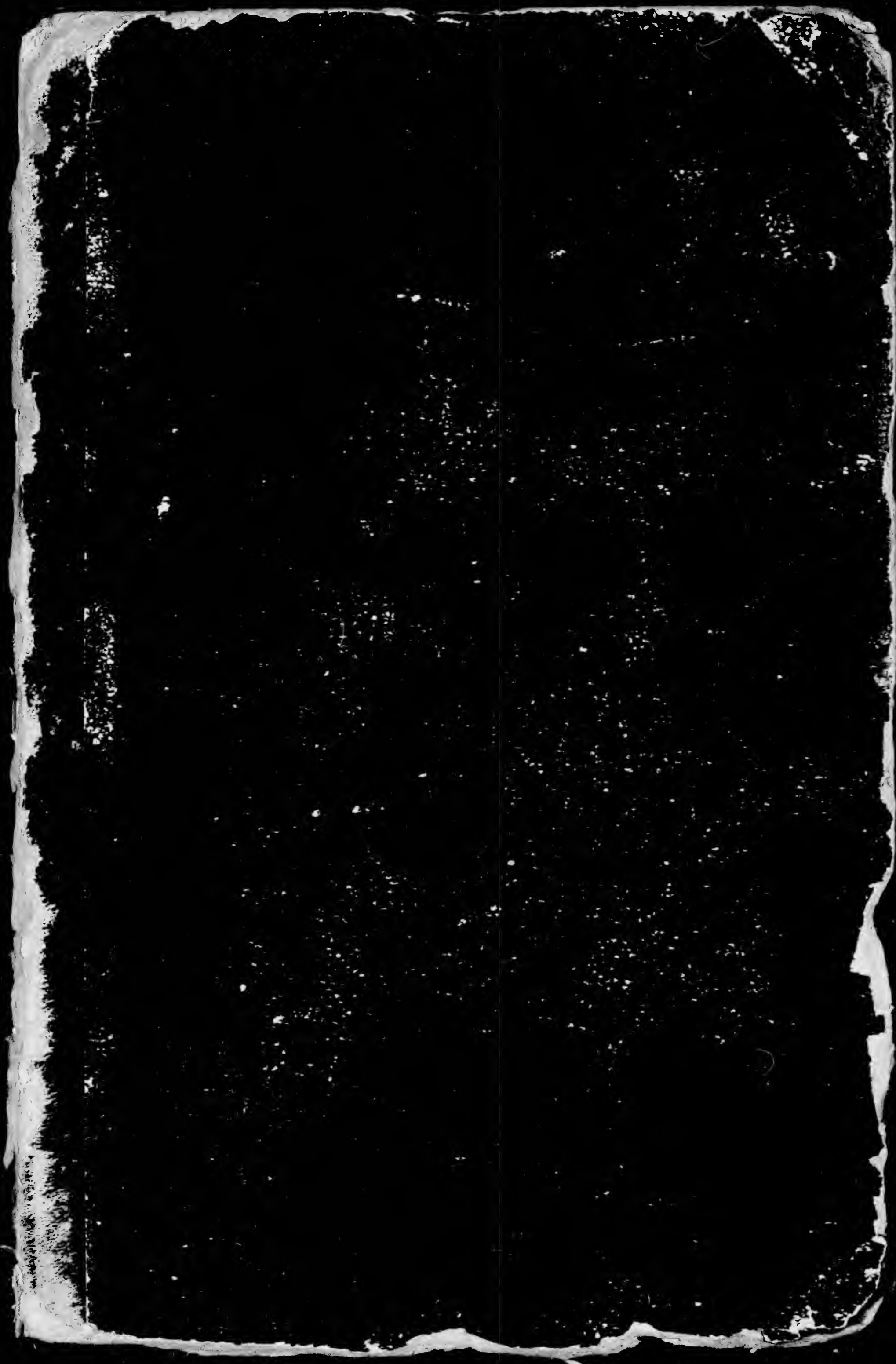

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

150

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY

Діаконъ
Григорій Степановичъ
Бѣлановскій

Printed
in Russia

ЧЕРНОМОРЦЫ.

СОЧ. КОРОЛЕНКО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСП. № 39.

1874.

Стихъ Арсенію

Воловскому

ЛІБРИЛЛО

УТІСЛЕНІЕ

УДАНІЕ

947

K843

I.

ЧЕРНОМОРЦЫ ЗА БУГОМЪ (¹).

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Угрюмый вечеръ наступалъ,
Луна всплывала надъ холмами,
И тихо Бугъ шума плескалъ
О берегъ мутными волнами.
Изъ поэмы Печай.

I.

(1775 — 1786).

Уничтоженіе Запорожской Сѣчи.—Жизнь казаковъ до составленія
вновь войска.—Невѣрные запорожцы.

Ой негараздъ, негараздъ запорожці вчинили,
Степь широкій, край веселій той занастили.
НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Въ 1775 году императрица Екатерина II уничтожила Запорожскую
Сѣчь (²). Предшествовавшія этому событію обстоятельства не входятъ

(¹) Первый отдѣлъ настоящаго сочиненія, «Черноморцы за Бугомъ», напечатанъ въ №№ 4 и 5 «Военнаго Сборника» за 1868 годъ. Г. Скальковскій, заканчивая исторію послѣдняго коша запорожскаго, упомянулъ и о дальнѣйшемъ существованіи разрозненныхъ сѣчевиковъ, до поселенія ихъ въ Прикубанскомъ краѣ.

Между сохранившимися въ кубанскомъ войсковомъ архивѣ старыми дѣлами, я отыскалъ нѣсколько документовъ о жизни черноморцевъ за Бугомъ. Матеріалы эти хотя недостаточны для цѣлой исторіи черноморцевъ, однако заключаютъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о старинѣ нашего Черноморья.
Авторъ.

(²) Манифестъ Екатерины II, 3-го августа 1775 г. См. «Полн. Собр. Зак.»

въ програму моихъ изслѣдованій, и потому замѣчу только, что, съ паденіемъ Сѣчи, запорожцы, волей неволей, должны были навѣкъ проститься съ своей разгульной свободой.

Съ этого времени запорожское войско сошло съ политической арены; казаки лишились войсковыхъ своихъ заслугъ; войсковая казна была отобрана (1); куренныя селенія и земли Запорожья причислены: лежавшія по лѣвую сторону Днѣпра къ Азовской, а по правую къ Новороссійской губерніямъ, находившимся подъ управленіемъ князя Потемкина-Таврическаго (2).

Многія запорожскія земли были розданы помѣщикамъ, и самые запорожскіе поселяне, сначала поступившіе на оброкъ, впоследствии были закрѣпощены помѣщиками на земляхъ и надолго оставались въ тяжкомъ крѣпостномъ рабствѣ (3).

Знаменитая Сѣчь Запорожья навсегда скорила свою славу на берегахъ Днѣпра; угасъ воинскій духъ казаковъ, и даже имя запорожскаго войска державною волею навѣки предано забвенію. Казалось, все было потеряно для сѣчевыхъ казаковъ.... Но надъ ними сбылась русская пословица: «нѣтъ худа безъ добра». Духъ единства и братской любви уничтоженнаго Запорожья не умеръ; казаки видѣли надежду на свое возрожденіе въ благоразумныхъ предпріятіяхъ своихъ старшинъ, заслужившихъ своею полезною службою русскому престолу и милость монархини, и особенное благоволеніе истинно-русскаго вельможи князя Потемкина-Таврическаго.

Не всѣ однако запорожцы отдались въ распоряженіе русскаго правительства: часть изъ нихъ, до 5,000 человекъ, подстрекаемые отчаянными головами, подумавъ, погадавъ, рѣшились удалиться къ турецкому султану — просить службы и покровительства: отважные сѣчевики пустились въ Турцію по бурнымъ волнамъ Чернаго моря на своихъ утлыхъ чолнахъ, въ глазахъ генераль-поручика Текелія, который, атакуя Сѣчь, забылъ, въ своихъ стратегическихъ соображеніяхъ, казацкую хитрость и казацкую удалъ. Впоследствии Текелій сознавался, что не понялъ запорожцевъ.

Запорожскіе выходцы были приняты Оттоманскою Портою благо-

(1) 120,000 рублей ассигнаціями, принадлежавшихъ запорожскому войску, были отданы въ ссудный городской капиталъ, для новороссійскихъ поселенцевъ. Высочайше утвержденный докладъ князя Потемкина, 20-го апрѣля 1776 г. См. «Полн. Собр. Закон.»

(2) Тамъ же. Манифестъ 3-го августа 1775 г.

(3) Прощеніе Черноморскаго войска правительства таврическаго генераль-губернатора 14-го марта 1795 г. Изъ дѣлъ войскового архива. *Авт.*

склонно и поселены при устьѣ Дуная, называемомъ Георгіевскимъ; но, спустя нѣсколько времени, вслѣдствіе ссоры съ некрасовцами, турецкое правительство перевело кошь запорожцевъ дальше, вверхъ по Дунаю, выше крѣпости Гирсова, въ урочище Сеймены (1).

Запорожцы, удалившіеся въ Турцію, по отважнымъ предпріятіямъ, приводившимъ нѣкогда въ трепетъ турецкіе приморскіе города, были опасными сосѣдями и для Россіи. Вѣроятно, по этой причинѣ, русское правительство предлагало, въ 1779 году, Оттоманской Портѣ возвратитъ запорожскихъ казаковъ въ предѣлы Имперіи, или же отодвинуть ихъ далѣе отъ Дуная (2). Екатерина II, желая скорѣе осуществить первую мысль, надѣялась милостивымъ царскимъ словомъ вразумить невѣрныхъ запорожцевъ: она объявила имъ прощеніе за побѣгъ въ Турцію и даровала имъ всѣ права подданныхъ своихъ (3).

Могли ли вольные задунайскіе запорожцы отрѣшиться и отъ своего управленія по древнимъ обычаямъ, и отъ разгульной жизни, съ которою сроднились? Могли ли они усвоить себѣ чуждую мысль о подчиненіи мирнымъ уставамъ Россіи?... Собратья ихъ, оставшіеся въ отечествѣ, доказали, что все это было возможно; но задунайскіе запорожцы пошли другой дорогой, поворотъ съ которой былъ труденъ. Они, для сохраненія своей воли, пожертвовали своими чувствами привязанности къ дорогой отчизнѣ; покинули своихъ кровныхъ, родные берега Днѣпра, завѣтную свою святыню (4), и ушли къ народу чуждому по вѣрѣ и языку, къ народу, котораго еще недавно заставляли трепетать, города котораго не разъ истребляли огнемъ и мечомъ и нагружали добычею утлые свои чайки.... Этимъ-то недругамъ, нечестивымъ сарацинамъ, запорожцы пожелали ввѣрить свою судьбу. Золотыя мечты ихъ сбылись; но какъ грустно отзывались эти мечты въ сердцахъ казаковъ на чужой землѣ!... Сѣчевики достигли своей цѣли, но были ли счастливы?... Отвѣтомъ служатъ приведенныя Скальковскимъ слова запорожской пѣсни, сложенной, какъ можно полагать, за Дунаемъ:

(1) Исторія Запорожской Сѣчи, Скальковскаго.

(2) Конвенція, заключенная Россіей съ Турціей 10-го марта 1779 г. «Полн. Собр. Законовъ».

(3) Манифестъ 5-го мая 1779 г. «Полн. Собр. Законовъ».

(4) Многіе запорожцы, окончившіе казенную службу, поступали въ Кіевскій Межигорскій монастырь, бывшій на ихъ коштѣ. Съ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, былъ упраздненъ и этотъ монастырь; церковныя вещи поступили впоследствии въ Черноморское казачье войско. См. мою статью о Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ, напечатанную въ «Кубанскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» 1867 г., №№ 9 и 10. *Авт.*

Летів орелъ по-надъ моремъ та й ставъ голосити:
Ой якъ тяжко міні бідному на чужбині жити!

Амнистію, дарованную запорожцамъ, императрица Екатерина подтвердила въ 1780 году ⁽¹⁾; но и этотъ призывъ, какъ и первый, замеръ на дунайскихъ берегахъ.

Запорожцы, очевидно, желали ббльшого: они ждали, конечно, дарованія особыхъ правъ своему разгромленному войску. Не возвратились сыны Днѣпра въ родную землю, и чуждые берега Дуная надолго остались ихъ отечествомъ.

II.

(1787).

Война Россіи съ Турціей. — Фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій. — Призывъ на войну запорожцевъ. — Войско вѣрныхъ казаковъ. — Войсковыя клейноды. — Основаніе войсковаго коша. — Назначеніе кошевымъ атаманомъ Сидора Бѣлаго.

Наступае чорна хмара, дрібенъ дощикъ зъ неба,
Зруйнували запорожъе буде колись треба!..

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

1787 годъ пробудилъ летаргическое оцѣпенѣніе воинскаго духа запорожцевъ. Открылась война Россіи съ Турціей. Князь Потемкинъ-Таврическій, командовавший екатеринославской арміею, цѣня военныя достоинства запорожцевъ, сознавалъ необходимость призвать этихъ рыцарей на войну съ османами, понималъ, что они своей неустранимой отвагой и храбростію могли быть полезными слугами отечеству. Протянулъ Григорій Александровичъ свою мощную руку, и исторгнулъ изъ мрака забвенія запорожское имя; прикрылъ разсѣянныхъ казаковъ несокрушимымъ щитомъ своего могущества; открылъ имъ неисчерпаемый источникъ своихъ благодѣяній и широкое поле для славы въ войнѣ съ Оттоманскою Портою...

Въ 1787 году, во время путешествія императрицы Екатерины II въ южную Россію, запорожскіе старшины, Сидоръ Бѣлый, Антонъ Головатый и другіе, поднесли отъ имени падшаго своего войска ея ве-

⁽¹⁾ Манифестъ 27-го апрѣля 1780 г. «Полн. Собр. Законовъ».

личеству, въ Кременчугѣ, адресъ, въ которомъ выражали искреннее желаніе служить подъ русскими знаменами ⁽¹⁾.

Императрица благосклонно приняла изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ казаковъ и, какъ увидимъ, не оставила ихъ безъ царской милости.

Князь Потемкинъ, ходатайствовавшій за вѣрныхъ казаковъ, въ концѣ того же 1787 года призвалъ ихъ на службу отечеству. Изъ собиравшихся съчевиковъ князь Таврическій самъ старался сформировать волонтерскія команды и доставить имъ военные припасы, самъ входилъ во всѣ нужды казаковъ, и обиженныхъ имъ же днѣпровскихъ дѣтей окружалъ заботливыми попеченіями и истинно-отеческою любовью ⁽²⁾.

Радостно откликнулись запорожцы на зовъ *вельможнаго пана*; закипѣло казацкое сердце военной отвагой; явились вожди храбрыхъ сыновъ Запорожья, и въ главѣ ихъ стали казацкіе старшины: Сидоръ Бѣлый, Антонъ Головатый и Захарій Чепѣга ⁽³⁾.

Словно быстролетныя орлы собирались запорожцы, подъ именемъ войска «вѣрныхъ казаковъ», на службу отечеству противъ враговъ. Изъ нихъ конные поступали подъ команду Чепѣги, а пѣшіе подъ начальство Головатаго.

Императрица, въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ вновь составленному изъ запорожцевъ войску, подарила этимъ казакамъ, для новаго поселенія, землю въ Керченскомъ кутѣ, или на Тамани, предоставивъ выборъ мѣста высокому за нихъ ходатаю, свѣтлѣйшему князю Тавриды ⁽⁴⁾. Эту милость, оказанную императрицею войску «вѣрныхъ» казаковъ, Потемкинъ передалъ въ ордерѣ 31-го января 1788 года, съ пожеланіемъ Божіей помощи на ревностную службу отечеству. Но тогда казаки еще не могли воспользоваться царскою

⁽¹⁾ Неизданное обозрѣніе историческихъ фактовъ о Черноморскомъ войскѣ. Я. Г. Кухаренко.—Исторія Запорожской Сѣчи, Скальковского.

⁽²⁾ См. приложение I. Изъ дѣлъ войсковаго архива.

Въ исторіи Запорожской Сѣчи Скальковскій говоритъ, что еще до завоеванія Крыма, Потемкинъ, желая увеличить число мѣстныхъ войскъ, поручилъ полковымъ старшинамъ Головатому, Чепѣгѣ, Тишковскому и Легкоступу приглашать разсѣянныхъ запорожцевъ въ царскую службу, но не объясняетъ, какіе были результаты этой мѣры. Изъ имѣющихся у меня документовъ не видно, чтобы были въ сборѣ какія-либо части строевыхъ казаковъ изъ запорожцевъ до 1787 г.

⁽³⁾ См. приложение I и II. Изъ дѣлъ войсковаго архива.

⁽⁴⁾ Имен. Высоч. указъ 14-го января 1788 г. «Полн. Собр. Зак.». См. приложение III. Изъ дѣлъ войсковаго архива.

милостию, поселиться на дарованной землѣ всѣмъ войскомъ: они должны были остаться на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Начальствованіе надъ войскомъ вѣрныхъ казаковъ князь Потемкинъ ввѣрилъ первому кошевому атаману, любимому казаками, храброму и мужественному подполковнику Сидору Бѣлому ⁽¹⁾. Этотъ незабвенный ходатай о благоустройствѣ своего войска основалъ, съ дозволенія князя Таврическаго, въ началѣ 1788 года, кошъ войска «вѣрныхъ казаковъ» за днѣпровскимъ лиманомъ, съ кинбурнской стороны ⁽²⁾. Помощниками кошевому атаману назначены были: войсковою судья Антонъ Головатый, войсковою писарь Иванъ Подлѣсецкій и войсковою есаулъ Алексѣй Кобинякъ. Черезъ Суворова, князь Григорій Александровичъ, передалъ кошевому атаману Бѣлому: бывшее въ Запорожѣ большое бѣлое знамя войска, малыя знамена для куреней, булаву для кошевого атамана, нѣсколько перначей ⁽³⁾, также печать съ надписью: «печать коша войска вѣрныхъ казаковъ» ⁽⁴⁾. На печати былъ изображенъ воинъ съ саблей при боку, держащій въ одной рукѣ мушкетъ, а въ другой знамя съ крестомъ. Усердному же помощнику кошевого, Чепѣгѣ, Потемкинъ пожаловалъ особо, въ знакъ даннаго начальства, перначъ, который доставленъ былъ Захарію Алексѣвичу генералъ-аншефомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, при ордерѣ отъ 26-го января 1788 года.

Такъ изъ разсѣянныхъ запорожцевъ составилось вновь войско «вѣрныхъ» казаковъ, съ кошевымъ управленіемъ по примѣру павшей Запорожской Сѣчи, но при другихъ условіяхъ.

Князь Таврическій, устроивъ судьбу оставшихся вѣрными казаковъ, старался вызвать запорожцевъ и изъ Турціи. Съ этой цѣлью Потемкинъ посылалъ въ ихъ кошъ воззванія, обѣщая имъ, именемъ государыни, прощеніе за оставленіе отечества, а отъ себя защиту и покровительство; предлагалъ имъ тѣ же права, какими пользовалось войско «вѣрныхъ» казаковъ. Порученіе было возложено на генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина, который, въ свою очередь, пору-

⁽¹⁾ См. прилож. VI. Изъ дѣлъ войскового архива.

⁽²⁾ Походы въ Турцію Румянцева, Суворова и Потемкина. Соч. М. Богдановича. По росписанію войскъ, находившихся на кинбурнской сторонѣ, составленному 26-го мая 1788 г., кошъ войска «вѣрныхъ казаковъ» былъ расположенъ въ урочищѣ Васильковѣ. Копія этого росписанія въ дѣлахъ войск. архива.

⁽³⁾ См. Прилож. IV. Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽⁴⁾ См. Прилож. V. Изъ дѣлъ войск. архива.

чилъ поступившему впослѣдствіи, на мѣсто Сидора Бѣлаго, кошевымъ, Чепѣгѣ войти въ переговоры съ турецкими запорожцами о возвращеніи ихъ въ Россію. На первое предложеніе, сдѣланное 24-го сентября 1788 года, находившіеся на турецкой границѣ запорожцы отвѣчали, что воззваніе свѣтлѣйшаго князя Потемкина отправлено къ ихъ кошевому атаману, и потому сами собой они рѣшиться ни на что не могутъ, а чтобы отстранить непріятныя столкновенія, предупредили Чепѣгу не искать болѣе съ ними свиданія.

Воззванія Потемкина произвели волненіе умовъ между задунайскими запорожцами: молодое поколѣніе, видя русскихъ запорожцевъ опять подъ управленіемъ булавы кошевого атамана, горѣло нетерпѣніемъ соединиться съ ними; старое же казачество, сомнѣваясь въ прочности *будущаго* этого войска, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, противилось намѣреніямъ молодыхъ своихъ собратьевъ. Кошевое управленіе «невѣрныхъ» запорожцевъ, вѣроятно, было на сторонѣ послѣдней партіи. Это доказывается тѣмъ, что кошевой Чепѣга, не смотря на всѣ свои старанія, не добился отъ турецкаго запорожскаго коша никакихъ обѣщаній о выходѣ запорожцевъ изъ Турціи въ Россію. И послѣдующія сношенія Захарія Алексѣевича съ самимъ войсковымъ есауломъ турецкаго запорожскаго коша не привели дѣла къ желанному концу.

Тѣмъ не менѣе, многіе запорожцы, помимо всѣхъ переговоровъ, выходили, въ тогдашнюю войну, изъ Турціи по одиночкѣ и по нѣскольку человекъ разомъ. Такіе казаки приводились въ войсковомъ кошѣ къ присягѣ на вѣрность службы руссійскому престолу и поступали въ ряды днѣпровскихъ своихъ товарищей ⁽¹⁾.

Отъ такихъ добровольныхъ выходцевъ изъ Турціи строевой составъ войска «вѣрныхъ» казаковъ значительно увеличился: на театрѣ военныхъ дѣйствій ихъ было до 2,829 человекъ конницы и 9,681 человека пѣхоты. Они сражались на сушѣ и на морѣ противъ враговъ христіанской вѣры и Россіи ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Свѣдѣнія взяты изъ дѣлъ войск. архива.

⁽²⁾ Докладъ черноморскаго атамана Котляревскаго императрицѣ 1-го декабря 1787 г. По другимъ же свѣдѣніямъ, именно въ прошеніи войска императрицѣ Екатерины II объ отводѣ на Кубани земли, значится, что въ турецкую войну 1787—1791 года служило черноморскихъ казаковъ всего 12,622 человека. Дѣла войск. архива.

III.

(1788).

Участіе войска «вѣрныхъ» казаковъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ. — Смерть кошевого Бѣлаго. — Новый кошевой Захарій Чепѣга. — Подвигъ войскового судьи Головатаго. — Наименованіе войска «вѣрныхъ» казаковъ Черноморскимъ войскомъ.

Князь Потемкинъ, предоставивъ «вѣрнымъ» казакамъ всѣ способы къ борьбѣ съ турками, снабдилъ войско мореходными лодками, достаточною артилеріею, далъ боевое оружіе, огнестрѣльные припасы, назначилъ жалованье и провіантъ; словомъ, обезпечилъ войско всѣмъ и во всемъ, и только тогда потребовалъ мужественной ихъ службы на пользу Россіи (1).

Въ то время, какъ войска екатеринославской арміи, предназначившіяся, по соображеніямъ военныхъ дѣйствій, для взятія Очакова, медленно двигались внизъ по р. Бугу (2), секундъ-маіоръ Чепѣга былъ отряженъ, съ частію «вѣрныхъ» казаковъ, на Пингуль, гдѣ генераль Голенищевъ-Кутузовъ предписалъ ему, 21-го апрѣля, захватывать приближавшихся къ нашему берегу непріятелей; самъ же кошевой, Сидоръ Бѣлый, находился въ войсковомъ кошѣ и зорко наблюдалъ за движеніями турокъ.

20-го мая, во второмъ часу пополудни, три фрегата, пять ботовъ и пять малыхъ судовъ, изъ числа турецкаго флота Гассана капуданъ-паши, сильно преслѣдовали правой стороною днѣпровскаго лимана русскій боть и другое небольшое судно, стараясь ихъ захватить, что, однако, не удалось. Минувъ устье р. Буга, одинъ непріятельскій боть взлетѣлъ на воздухъ, какъ можно полагать отъ оборонительныхъ выстрѣловъ съ удалявшихся русскихъ судовъ. Послѣ такой потери, непріятельская эскадра отступила, внизъ по лиману, отъ устья Буга. Часть судовъ этой эскадры отправилась далѣе по лиману къ виднѣв-

(1) По росписанію, составленному 26-го мая 1788 г., за подписомъ князя Потемкина-Таврическаго (копія), кошъ войска «вѣрныхъ» казаковъ, съ казачьею гребною флотиліею, поступилъ во 2-ю дивизію дѣйствовавшей арміи, подъ начальство генераль-аншефа Суворова. Изъ дѣлъ войск. архива.

(2) Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова. Соч. М. Богдановича.

шимся вдали другимъ непріятельскимъ судамъ, а семь судовъ бросили, на ночь, якорь въ самомъ устьѣ р. Буга.

Утромъ, 21-го мая, по случаю воскреснаго дня, кошевой атаманъ Бѣлый, войсковой судья Головатый и есауль Кобинякъ, съ прочими старшинами войска, находились на утренней молитвѣ въ кошевой часовнѣ. Въ это время, часа за полтора до восхода солнца, начальникъ кошевыхъ передовыхъ постовъ донесъ Сидору Игнатьевичу, что непріятель подходитъ судами, насупротивъ коша, къ Константиновскому и Малому редутамъ. Кошевой, принявъ докладъ во время богослуженія, тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе объ оборонѣ своего воинскаго стана отъ враговъ. Немедленно, подъ командою Головатаго и Кобиняка, все наличное войско стало подъ ружье, береговыя казачьи лодки мигомъ наполнились отважными казаками и гребная ихъ флотилія мѣткими своими пушками готова была встрѣтить и угостить незваныхъ гостей по-казацки. Турки, видя приготовленіе къ отпору со стороны казаковъ, не рѣшились подходить близко къ берегамъ, но, окруживши кошъ съ лимана, открыли по немъ сильную канонаду. Выстрѣлы съ турецкихъ судовъ летѣли въ кошъ съ 4 до 11 часовъ дня, однако, по причинѣ далекаго разстоянія, не причинили никакого вреда. Казачьи лодки, находясь внѣ дѣйствія непріятельскаго огня, не отвѣчали. Видя напрасную трату времени и пороха, турки прекратили пушечную пальбу; къ тому же одинъ ихъ фрегатъ сѣлъ на мель, и освободившись бѣжалъ въ Очаковъ. Вышедшіе изъ крѣпости конные турки, до 300 человекъ, остановясь надъ крутымъ берегомъ лимана, смотрѣли на казацкій кошъ; пѣхота же ихъ расположилась лагеремъ на своемъ берегу, противу Константиновскаго редута. Не замѣчая съ нашей стороны никакихъ движеній, турки ограничились наблюденіемъ надъ казацкимъ кошемъ; остававшаяся же въ устьѣ Буга турецкая эскадра, въ ночь на 22-е мая, ушла изъ виду коша (1).

Суворовъ, находившійся въ Клибуриѣ въ день блокады коша, потребовалъ къ себѣ три казацкихъ лодки съ «добрыми молодцами», какъ писалъ герой Рымнига, а 22-го мая приказалъ послать къ командовавшему гребнымъ флотомъ, принцу Нассау-Зигену, еще 15 такихъ же лодокъ. Кошевой атаманъ отправилъ, 23-го числа, на лодкахъ, къ Суворову войскового полковника Савву Бѣлаго съ 120 казаками, къ принцу же Нассау командировалъ двухъ войсковыхъ

(1) Донесеніе кошевого атамана «вѣрныхъ» казаковъ генералу Суворову. Изъ дѣлъ войск. архива.

полковниковъ, арміи секундъ-маіоровъ Ивана Сухину и Левка Малаго, съ 684 казаками. Вслѣдъ затѣмъ, 28-го мая, по требованію принца Нассау-Зигена, отправился къ нему въ устье Буга и самъ кошевой, со всей казачей флотиліей и находившимся при кошѣ войскомъ «вѣрныхъ» казаковъ. Принцъ расположилъ флотилію у кинбурнскихъ береговъ.

1-го іюня появился въ лиманѣ Гассанъ-паша и напалъ на казачьи лодки, надѣясь уничтожить горсть храбрецовъ; но казаки смѣло вступили въ бой съ сильнымъ непріятелемъ и нанесли туркамъ не мало вреда. Въ этомъ дѣлѣ со стороны казаковъ былъ убитъ куренный атаманъ 1, казаковъ убито и ранено 8 человекъ и повреждены четыре лодки (1).

3-го іюня казачья гребная флотилія, присоединившись къ флоту принца Нассау, стоявшему тогда въ глубокой пристани около 50 верстъ отъ Очакова, выстроилась въ первой линіи, и съ того же дня казаки стали на своихъ лодкахъ дѣлать разѣзды для наблюденія за дѣйствіями непріятеля.

7-го іюня происходило жаркое дѣло между турецкимъ флотомъ и русскою гребною флотиліей. Храбрый принцъ Нассау восторжествовалъ и заставилъ Гассана отступить. Въ дѣлѣ этомъ «вѣрные» казаки оказали чудеса храбрости, и въ награду получили отъ главнокомандующаго, князя Потемкина, лестный рескриптъ, писанный на имя кошевого атамана, старшинъ и всего общества. Въ рескриптѣ князь Тавриды писалъ: «Всякій опытъ ревностнаго вашего къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердія, всякій подвигъ, означающій вашу неустранимость, производятъ во мнѣ истинное удовольствіе. И такъ, теперь чувствуя оное въ полной мѣрѣ, услышавъ о храбрыхъ вашихъ дѣяніяхъ во вчерашнемъ съ флотомъ турецкимъ сраженіи, сего я ожидаю отъ васъ, и вы совершенно оправдали мои заключенія о людяхъ вѣрою православною и любовью къ отечеству привязанныхъ. Я объявляю всѣмъ вамъ мою благодарность и не примену о заслугахъ вашихъ засвидѣтельствовать предъ монаршимъ престоломъ (2).»

Гассанъ-паша, раздраженный своимъ поражениемъ, рѣшился еще разъ попытать счастья. Преодолавъ всѣ препятствія при движеніи большихъ судовъ между мелями лимана, онъ, 16-го іюня, поднялъ весь

(1) Донесеніе принцу Нассау-Зигену коша войска «вѣрныхъ» казаковъ 1-го іюня 1788 г., за № 531. Изъ дѣлъ войск. архива.

(2) Свѣд. изъ дѣлъ войск. архива.

свой флотъ отъ Очакова съ тѣмъ, чтобы истребить нашу флотилію (1), и подойдя къ ней на пушечный выстрѣлъ, бросилъ якорь. На разсвѣтѣ турецкіе корабли и фрегаты выстроились въ передовую линію и двинулись противъ нашей эскадры. Съ презрѣніемъ смотрѣли османы на наши гребные суда и, надѣясь на превосходство своихъ силъ, были увѣрены въ побѣдѣ. Каково же было изумленіе турокъ, когда лодки «вѣрныхъ» казаковъ бросились штурмовать трехпалубные корабли, посаженные принцемъ Нассау на мель! Жестокій бой загорѣлся по всей линіи. Турки оборонялись отчаянно; картечные и ружейные выстрѣлы сыпались градомъ на штурмовавшихъ, но неустранимые казаки, сцѣпившись съ турецкими великанами, жестоко поражали непріятелей, приведенныхъ въ ужасъ безпримѣрной отвагой «вѣрнаго» войска. Зажженные нашими брандскугелями и калеными ядрами турецкіе корабли пылали страшнымъ огнемъ и взлетали на воздухъ; нѣсколько мелкихъ судовъ были затоплены и захвачены. Разбитый на голову Гассанъ-паша отступилъ.... На другой день, гребной нашъ флотъ преслѣдовалъ турецкіе корабли, попавшіе ночью, при отступленіи, подъ убійственный огонь кинбурнской батареи (2).

Дорого, однако, стоила «вѣрному» войску эта побѣда: оно лишилось своего любимаго храбраго кошевого атамана, арміи подполковника Сидора Бѣлаго, одного полковаго есаула и 14 казаковъ. Кромѣ того, турки захватили въ плѣнъ 235 человекъ и сильно повредили одну лодку (3).

Принцъ Нассау-Зигенъ, преслѣдуя Гассана, dokonчилъ поражение турецкаго флота подъ Очаковымъ 1-го іюля (4). Въ этомъ бою, какъ и въ первомъ, «вѣрные» казаки, мстя за смерть своего атамана, дрались отчаянно и потеряли убитыми одного куреннаго атамана и пять казаковъ, да ранеными шесть казаковъ. Четыре лодки ихъ были сильно повреждены турками (5).

(1) Въ распоряженіи принца Нассау-Зигена, въ числѣ прочихъ судовъ, были лодки войска «вѣрныхъ» казаковъ.

(2) Изъ дѣлъ войск. архива. Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова, соч. М. Богдановича.

(3) Кошевой атаманъ Бѣлый отъ полученной смертельной раны умеръ на третій день, т. е. 19-го іюня. Какъ объ этомъ, такъ и о прочей потерѣ казаковъ взяты мною свѣдѣнія изъ донесенія коша «вѣрныхъ» казаковъ князю Потемкину отъ 17-го іюня 1788 г., № 503. Дѣла кубан. войск. архива.

(4) Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова, соч. М. Богдановича.

(5) Донесеніе коша войска «вѣрныхъ» казаковъ генералъ-аншезу Суворову отъ 2-го іюля 1788 г., № 533. Изъ дѣлъ войск. архива.

За такія молодецкія дѣла «вѣрные» казаки получили, въ числѣ прочихъ войскъ, благодарность главнокомандующаго.

По желанію войска «вѣрныхъ» казаковъ, на мѣсто смертельно-раненаго кошеваго Сидора Игнатьевича Бѣлаго былъ назначенъ испытанный въ бояхъ арміи майоръ Захарій Алексѣевичъ Чепѣга⁽¹⁾, которому фельдмаршалъ Потемкинъ, въ знакъ уваженія и признательности, подарилъ дорогую саблю⁽²⁾.

Потемкинъ, двигаясь къ Очакову съ войсками обоими берегами Буга, 21-го іюля потребовалъ къ себѣ половину казачьей флотиліи. Чепѣга, отрядивъ 18 лодокъ съ войсковымъ судьей Головатымъ, вручилъ этому вождю «вѣрныхъ» казаковъ войсковые знаки достоинства, перначъ и прапоръ; къ оставшейся же подъ начальствомъ принца Нассау казачьей флотиліи былъ, за болѣзнію полковника Сухины, назначенъ войсковой полковникъ Мокій Гуликъ, при которомъ также находился одинъ войсковой прапоръ.

Еще до этихъ распоряженій, кошевой атаманъ Чепѣга двинулся со всѣмъ сухопутнымъ «вѣрнымъ» войскомъ къ селенію Коренихъ, оттуда перешелъ къ рѣкѣ Аджигулу, а затѣмъ отправился на Еселки, для соединенія съ передовымъ корпусомъ арміи, прибывшей къ Очакову.

31-го іюня Чепѣга отрядилъ къ свѣтлѣйшему князю 300 «вѣрныхъ» казаковъ, для наблюденія въ разѣздахъ за дѣйствіями непріятеля, а на другой день получилъ приказаніе слѣдовать, со всей своей конницей, за Березань, и, расположась при устьѣ Телегула, дѣлать разѣзды вверхъ по этой рѣкѣ и къ сторонѣ Аджибея, и наблюдать не будутъ ли непріятельскія суда приставать къ берегу⁽³⁾.

Зорко смотрѣли «вѣрные» казаки на всѣ движенія турокъ близъ нашихъ береговъ, и результаты ихъ наблюденій весьма были полезны военачальникамъ въ стратегическихъ соображеніяхъ. Отважные и неутомимые старшины войска, съ храбрыми казаками, не находили никакихъ препятствій въ выполненіи самыхъ трудныхъ порученій своихъ начальниковъ.

Осеннія бури въ Черномъ морѣ заставили Гассана-пашу удалиться съ флотомъ изъ-подъ Очакова въ безопасныя мѣста. Тогда князь Потемкинъ, чтобы поколебать духъ защитниковъ Очакова, приказалъ взять неприступный островъ Березань. Отважное это предпріятіе онъ

(1) См. прилож. VII. Свѣд. изъ дѣлъ войск. архива.

(2) О подаркѣ Потемкинымъ Чепѣгу сабли значится въ церемоніаль погребенія сего послѣдняго. Дѣла войск. архива.

(3) Изъ дѣлъ войск. архива.

поручилъ войсковому судѣй Головатому, истинному витязю, для котораго не существовало невозможнаго. Онъ, со своими «вѣрными» казаками, дѣйствительно взялъ Березань⁽¹⁾. Объ этомъ подвигѣ выписываю реляцію, приведенную Скальковскимъ въ «Исторіи Запорожской Сѣчи».

«Капуданъ-паша (4-го ноября 1788 г.) съ кораблями и фрегатами отплылъ, и по показанію плѣнныхъ пошелъ къ Царюграду. Во время пребыванія его предъ очаковскимъ берегомъ, держа фрегаты, шебеки и всѣ мелкія суда, составлявшія переднюю его линію, близъ острова Березани, привелъ на ономъ крѣпость въ оборонительное состояніе и старался сдѣлать невозможнымъ всходъ на берегъ сего неприступнаго острова, построивъ батареи въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ къ острову приставать можно было, а для защищенія крѣпости оставленъ отъ него довольный гарнизонъ. По удаленіи флота турецкаго, главнокомандующій препоручилъ войску вѣрныхъ казаковъ черноморскихъ⁽²⁾ поискъ на сей островъ, приказалъ ихъ войсковому судѣй, подполковнику Головатому (Антону), идти туда со всѣми своими лодками и стараться взойти на берегъ, разбить непріятеля и овладѣть крѣпостію.

«Предпріятіе сіе, предъ лицомъ всей арміи, произведено въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ. 7-го ноября, по-утру, казаки, приближаясь къ острову, выдержали съ твердостію и мужествомъ сильный огонь непріятельской, потомъ сдѣлали залпъ изъ пушекъ и ружей, вскочили въ воду и, всплывая на берегъ, бросились съ такимъ стремленіемъ, что прогнали непріятеля, отняли у него батареи и преслѣдовали до самой крѣпости, гдѣ встрѣчены были картечами; въ семъ случаѣ, поворотили они противъ крѣпости орудія, съ бережныхъ батарей и съ своихъ лодокъ взятыя. Жестокая канонада ихъ, движеніе, сдѣланное отъ флота, по данному сигналу, нѣсколькими фрегатами, и отправленіе къ острову лодокъ канонирскихъ съ бригадиромъ Рибасомъ заставили непріятеля умолкнуть и просить пощады».

Казаки-побѣдители потеряли при штурмѣ Березани одного полковаго старшину, четырехъ куренныхъ атамановъ и 24 казаковъ⁽³⁾.

(1) Изъ дѣлъ войск. архива. Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова, соч. М. Богдановича.

(2) «Вѣрное» войско послѣ этого дѣла получило наименованіе «Черноморскаго». Объ этомъ будетъ сказано далѣе.

(3) Исторія Запорожской Сѣчи, Скальковскаго.

Трофеями ихъ побѣды были: 320 плѣнныхъ турокъ, 23 орудія, 150 бочекъ пороха, болѣе 1,000 ядеръ, 2,300 четвертей хлѣба и нѣсколько знаменъ, за которыя главнокомандующій, фельдмаршалъ Потемкинъ, приказалъ выдать казакамъ въ награду по 20 р. за каждое знамя изъ главнаго дежурства екатеринославской арміи (¹).

Князь Потемкинъ остался весьма доволенъ взятіемъ Березани и потребовалъ къ себѣ старшинъ войска для изъявленія, въ лицѣ ихъ, своего удовольствія и благодарности, за такое молодецкое дѣло, всему кошу «вѣрныхъ» казаковъ (²).

6-го декабря команды «вѣрныхъ» казаковъ участвовали въ колоннѣ праваго крыла при взятіи штурмомъ Очакова и дрались мужественно при занятіи гассанъ-пашинскаго замка (³).

За оказанныя въ этомъ году отличія въ военныхъ дѣйствіяхъ, войско «вѣрныхъ» казаковъ, кромѣ благоволенія императрицы Екатерины II, милостей и покровительства князя Потемкина-Таврическаго, удостоилось получить наименование «Черноморскаго войска» (⁴).

IV.

(1789).

Участіе Черноморскаго войска въ сраженіи подъ Бендерами и при взятіи штурмомъ Хаджибея. — Покореніе Болграда и взятіе Аккермана. — Набѣгъ подъ Килию. — Покореніе Бендеръ.

Храбрость и отвага—девизъ черноморцевъ.

Князь Потемкинъ, покоривъ Очаковъ, имѣлъ въ виду овладѣть Аккерманомъ и Бендерами, дѣйствуя на удобнѣйшей операціонной линіи отъ Ольвіополя къ нижнему Днѣстру.

3-го января онъ далъ повелѣніе кошевому атаману Черноморскаго

(¹) Предп. главн. дежурст. екатеринославской арміи въ кошѣ «вѣрныхъ» казаковъ отъ 8-го ноября 1788 г., № 3,270. Изъ дѣлъ войск. архива. Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова, соч. М. Богдановича.

(²) Предп. главн. дежурства екатеринославской арміи въ кошѣ «вѣрныхъ» казаковъ отъ 7-го ноября 1788 г., № 42. Изъ дѣлъ войск. архива.

(³) Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова, соч. М. Богдановича.

(⁴) Исторія Запорожской Сѣчи, Скальковского. Свѣдѣнія въ дѣлахъ войсковаго архива. Высочайше утвержденный докладъ военной коллегіи отъ 13-го ноября 1802 г. (Въ «Полномъ Собраніи Законовъ»).

войска, собравъ пѣхоту казаковъ на кинбурнской сторонѣ, слѣдовать въ Очаковъ по вскрытіи лимана, куда должны были перейти и оставшіеся на Березани казаки, которымъ приказано перевезти оттуда возможно-большее количество провіанта и при очищеніи острова разорить тамошнія укрѣпленія. Расположившаяся по Громоклеѣ черноморская конница, съ кошевымъ своимъ атаманомъ, по приказанію князя Потемкина, передвинулась къ мостамъ на Бугѣ и остановилась, 14-го мая, при устьѣ «Мертвыхъ водъ», въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній (¹).

7-го іюня кошевой Чепѣга получилъ приказаніе генераль-маіора Голенищева-Кутузова слѣдовать съ конными черноморцами къ Егорлыку и, соединившись тамъ съ бригадою походнаго атамана донскихъ полковъ, полковника Псаева, съ Бугскимъ казачьимъ полкомъ и съ прочими войсками, прикрывать съ непріятельской стороны отъ Бендеръ слѣдовавшаго по Егорлыку генераль-маіора Богданова, со взятыми на Дунаѣ плѣнными турками, которые препровождались изъ екатеринославской арміи въ Турецкую Балту (²).

Въ происходившемъ 18-го іюня подѣ Бендерами дѣлѣ, черноморскіе казаки, подвигами мужества и храбрости заслужили полную благодарность знаменитаго внослѣдствіи Кутузова (³).

Проводивъ генерала Богданова, черноморцы расположились на Чичаклеѣ, куда пришелъ и весь казачій обозъ, стоявшій до того у Мертвыхъ водъ (⁴).

По распоряженію генераль-маіора де-Рибаса, черноморскіе казаки, съ августа мѣсяца, дѣлали разъѣзды подъ Хаджибей и наблюдали за всѣми дѣйствіями непріятеля, а 4-го сентября кошевой Чепѣга получилъ отъ де-Рибаса повелѣніе готовиться къ походу подъ Хаджибей. 11-го числа, храбрый Харько, съ тремя конными и тремя пѣшими полками, вошелъ въ Кривую балку и соединился съ прочими войсками генераль-маіора де-Рибаса.

14-го сентября, черноморскіе казаки, участвуя во взятіи штурмомъ хаджибейскаго замка, отличились особеннымъ мужествомъ и храбростію,

(¹) Предп. князя Потемкина кошевому Чепѣгѣ отъ 27-го апрѣля 1789 г., № 277. Дѣла войск. архива.

(²) Свѣдѣнія изъ дѣлъ войск. архива.

(³) Предп. генерала Кутузова Чепѣгѣ отъ 19-го іюня 1789 г., № 1,308. Изъ дѣлъ войск. архива.

(⁴) Такое же предписаніе отъ 27-го іюня 1789 г., № 1,342. Изъ дѣлъ войск. архива.

за что получили благоволеніе главнокомандующаго арміею, фельдмаршала Потемкина ⁽¹⁾.

Вообще, въ этой экспедиціи, черноморцы много способствовали войскамъ въ открытіи непріятеля, въ доставкѣ снарядовъ и провіанта въ опасныхъ мѣстахъ, а главное—проводили войска по труднымъ дорогамъ очаковской степи, издавна имъ знакомой ⁽²⁾.

Послѣ хаджибейской экспедиціи, три полка черноморцевъ отправились Чернымъ моремъ къ Болграду, участвовали въ покореніи этого города и оставлены здѣсь, въ видѣ гарнизона, вмѣстѣ съ Троицкимъ пѣхотнымъ полкомъ ⁽³⁾. Остальное войско, съ кошевымъ атаманомъ Чепѣгою, 27-го сентября, по повелѣнію князя Потемкина, придвинувшись къ Аккерману, участвовало во взятіи этого города и въ рекгносцировкахъ подъ Кицію.

11-го октября, партія черноморскихъ казаковъ въ 400 человекъ, съ полковымъ старшиною, арміи капитаномъ Тиховскимъ, ночью подошла подъ самую Кицію, захватила трехъ валаховъ и одного турка, а около Форштата крѣпости казаки загнали до 400 штукъ рогатаго скота и до 40 лошадей. Всполошившіеся турки, выскочивъ изъ крѣпости въ числѣ 300 человекъ, завязали съ казаками жаркое дѣло, продолжавшееся часовъ до трехъ. Казаки положили на мѣстѣ четырехъ турокъ и троихъ взяли въ плѣнъ, потерявъ съ своей стороны одного изрубленнаго казака и нѣсколько лошадей ⁽⁴⁾.

Отважные черноморцы неоднократно повторяли подобные разбѣды, захватывали турокъ подъ самой Киціей, снимали ихъ пикеты, неустанно тревожили непріятеля и доставляли нашимъ полководцамъ точныя свѣдѣнія о движеніи и расположеніи турецкихъ войскъ.

Князь Потемкинъ, собравъ всѣ легкія войска къ Болграду 15-го октября, распорядился изъ трехъ черноморскихъ полковъ, назначенныхъ въ гарнизонъ этой крѣпости, оставить одинъ полкъ въ занятой турецкой паланкѣ, а кошевому Чепѣгѣ приказалъ слѣдовать къ Каушанамъ, для наблюденія, въ числѣ прочихъ войскъ, за Бендерами, куда отрядилъ, на 47 лодкахъ, и остальную пѣхоту черноморскихъ ка-

⁽¹⁾ Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽²⁾ Приказъ князя Потемкина-Таврическаго отъ 14-го октября 1789 г., за № 1,464 (Копія).

⁽³⁾ Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽⁴⁾ Донесеніе атамана Чепѣги въ корпусное дежурство 2-й части, отъ 14-го сентября 1789 года. Изъ дѣлъ войск. архива.

заковъ съ войсковымъ судьей, Антономъ Головатымъ ⁽¹⁾. Онъ надѣялся, что турки, видя превосходство нашихъ силъ, сдадутъ Бендеры безъ выстрѣла; но замѣтивъ упорство ихъ, 30-го октября началъ осаду этой крѣпости съ обѣихъ сторонъ Днѣстра. Въ то же время черноморскія лодки, не смотря на сильный огонь турецкихъ орудій, подошли къ самымъ стѣнамъ крѣпости, и только тогда грозное русское оружіе заставило турокъ, 2-го ноября, сдать Бендеры побѣдителямъ ⁽²⁾.

Войска были затѣмъ расположены на зимнія квартиры, и черноморскіе казаки могли отдохнуть послѣ понесенныхъ боевыхъ трудовъ.

V.

(1790):

Князь Потемкинъ пожалованъ гетманомъ черноморцевъ. — Войско черноморское получаетъ для поселенія землю между рр. Бугомъ и Днѣстромъ. — Командорскій знакъ Головатаго. — Дѣйствія Головатаго при истребленіи турецкаго флота подъ Измаиломъ. — Штурмъ Измаила и черноморцы.

И, мощной княжеской рукой,
Взмахнувъ гетманской булавой,
Пути ко славѣ указалъ,
Богатство, славу, милость далъ.
ПОТЕМКИНЪ — ЧЕРНОМОРЦАМЪ.

Смерть австрійскаго императора и вмѣшательство другихъ державъ измѣнили, въ этомъ году, ходъ военныхъ дѣйствій.

Послѣ того, какъ Австрія заключила съ Портой перемиріе, прибывшій къ Бухаресту, для содѣйствія войскамъ принца Кобургскаго, Суворовъ отступилъ на лѣвую сторону Серета. Такимъ образомъ Порты, обезпечивъ себя до этой рѣки отъ вторженія русскихъ въ Валахію, имѣла возможность усилить свои дѣйствія противъ нашихъ войскъ, имѣвшихъ для наступательныхъ дѣйствій весьма неудобное пространство между Галацомъ и берегами Чернаго моря, гдѣ турецкія войска были прикрыты рукавами нижняго Дуная и обширными болотами.

⁽¹⁾ Приказъ князя Потемкина отъ 15-го октября 1789 г., за № 1,468. Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽²⁾ Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію; соч. М. Богдановича.

Въ виду ожидаемаго съ Турціей мира, русскія войска ограничивались занятіемъ завоеванныхъ пунктовъ, и наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны не было до самой осени (¹).

Во все это время, князь Потемкинъ Таврическій, въ числѣ многихъ государственныхъ заботъ, не забывалъ черноморскаго войска и усердно хлопоталъ объ устройствѣ судьбы «вѣрныхъ» казаковъ.

Императрица Екатерина, видя полезную для государства заботливость князя Тавриды объ устройствѣ казачьихъ войскъ, въ поощреніе заслугъ этого достойнаго мужа и въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ казакамъ, назначила Потемкина великимъ гетманомъ казацкихъ екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ (²).

Князь Григорій Александровичъ, получивъ столь высокое достоинство, ознаменовалъ свое гетманское званіе новыми милостями Черноморскому войску. Въмѣсто Высочайше пожалованной войску земли на Тамани, гетманъ, соображаясь съ выгодами черноморскихъ казаковъ, назначилъ имъ подѣлу поселенію привольную землю между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ, по берегу Чернаго моря, и подарилъ имъ собственныя свои богатые рыболовные мѣста на Тамани (³). Объявленіи за Черноморскимъ войскомъ отведенной земли, Потемкинъ представилъ государынѣ; но не суждено было ему дожидаться разрѣшенія, долженствовавшаго упрочить внутреннее благосостояніе казаковъ-черноморцевъ.

Черноморское войско, съ присоединившимися къ оному, по разрѣшенію правительства, иностранными выходцами изъ придунайскихъ княжествъ, начало заселять вновь отведенную Потемкинымъ землю и основало свою кошевую резиденцію въ селеніи Слободзѣ.

И въ то самое время, когда свободные отъ службы казаки устраивали домашній свой бытъ на новомъ мѣстѣ, строевые казаки продолжали оставаться на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Потемкинъ, имѣя въ виду дать рѣшительный оборотъ войнѣ, избралъ предметомъ своихъ дѣйствій Измаиль, но предварительно, по совѣту Суворова, предположено было овладѣть устьями Дуная и взять Килию и Тульчу.

Съ этою цѣлію, черноморскіе казаки, на своихъ лодкахъ, подѣ командою войскового судьи Головатаго, прошли изъ днѣпровскихъ

(¹) Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію; соч. М. Богдановича.

(²) См. прилож. VIII, IX, X, XI и XII. Изъ дѣлъ войск. архива.

(³) См. прилож. XIII и XIV. Изъ дѣлъ войск. архива.

гирль Чернымъ моремъ въ Дунай, 18-го октября соединились съ гребной флотиліей генерала Рибаса, по повелѣнію котораго полковникъ Головатый на другой же день вошелъ въ устье рѣки Килии, а 23-го числа прибылъ подѣ самую крѣпость Килию (¹).

При содѣйствіи черноморской флотиліи, крѣпость Килия была взята; равно взяты были турецкія укрѣпленія при входѣ въ Сулинскій рукавъ, замокъ Тульча, обстрѣливавшій этотъ рукавъ, и замокъ Исакача, при Дунаѣ. Такимъ образомъ, открытъ былъ путь къ Измаилу.

Пятисотенный конный полкъ черноморскихъ казаковъ охранялъ коммуникаціонную линію, проведенную отъ Сулинскаго гирла, гдѣ стояла наша флотилія, до лагеря графа Гудовича, расположеннаго на островѣ, гдѣ лежала старая Килия (²).

По занятіи Исакачи, Потемкинъ приказалъ генералу Рибасу истребить турецкій флотъ, стоявшій подѣ стѣнами Измаила. Для этого, въ числѣ прочихъ войскъ, назначены были и черноморскіе «вѣрные» казаки (³). 18-го ноября Рибасъ, приблизившись по килийскому рукаву къ непріятельскому флоту, сталъ выше крѣпости, а черноморскій войсковой судья Головатый, съ казачьими лодками, расположился ниже крѣпости.

На другой день, вечеромъ, на занятомъ Рибасомъ островѣ Читалѣ заложены были батареи подѣ прикрытіемъ канонады обѣихъ нашихъ флотилій, выдержавшихъ сильный огонь всѣхъ непріятельскихъ судовъ и крѣпости (⁴). Въ этотъ же день, приготавливаясь къ рѣшительному бою, полковникъ Антонъ Головатый получилъ отъ генерал-маіора Рибаса брейдъ-вымпелъ на свое судно, чтобы «столь почетный командорскій знакъ» — писалъ Іосифъ Михайловичъ Рибасъ — «служилъ вождю храбрыхъ моряковъ-черноморцевъ, на казачей флотиліи, честью и славою» (⁵).

На утро, 20-го ноября, были окончены наши батареи, и обѣ флотиліи, Рибаса и Головатаго, подойдя къ крѣпости на картечный выстрѣлъ, открыли, вмѣстѣ съ батареями, по Измаилу жестокую канонаду. Капитанъ Ахметовъ, съ капитанъ-лейтенантами Поскочинымъ и

(¹) Свѣдѣнія изъ дѣлъ войскового архива. Походы въ Турцію Румянцева, Суворова и Потемкина; соч. М. Богдановича.

(²) Извлеченіе изъ дѣлъ войск. архива.

(³) Предписаніе генерала Гудовича кошевому Чепѣгѣ отъ 4-го ноября 1780 года, № 147. Изъ дѣлъ войск. архива.

(⁴) Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова; соч. М. Богдановича.

(⁵) Изъ дѣлъ войск. архива.

Кузнецовымъ, подвели свои баркасы къ турецкимъ судамъ, стоявшимъ у каменнаго бастіона. Устрашенные турки оставили бастіонъ и большую часть судовъ, изъ которыхъ было сожжено семь, а 18-типушечное судно брандсугелемъ взорвано на воздухъ. Между тѣмъ, полковникъ Головатый, пройдя съ своими лодками подъ градомъ ядеръ и картечи мимо крѣпости, атаковалъ непріятельскій флотъ и нанесъ туркамъ такое пораженіе, что они потеряли потопленными и сожженными до 90 судовъ ⁽¹⁾.

При истребленіи подъ Измаиломъ непріятельскаго флота, полковникъ Головатый вполне оправдалъ надежды и довѣріе генерала Рибаса, доблестными подвигами поддержавъ честь русскаго оружія и открылъ новой славой храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, казаковъ черноморскихъ.

Оставалось для побѣдоносныхъ русскихъ войскъ покорить непріступную турецкую твердыню—городъ и крѣпость Измаиль, охранявшійся многочисленнымъ гарнизономъ. Это трудное, но славное дѣло Потемкинъ поручилъ исполнить Суворову.

9-го декабря Суворовъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Сего дня — молиться; завтра—учить войска; послѣ завтра—побѣда, либо славная смерть». Одушевленные именемъ Суворова и неразлучной съ нимъ побѣдой, войска наши 11-го декабря пошли на штурмъ Измаила, и грозный турецкій оплотъ не выдержалъ удара славнаго русскаго вождя. Въ этотъ день черноморцы находились въ составѣ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Рибаса, назначеннаго штурмовать Измаиль со стороны Дуная. Распредѣленіе черноморскихъ казаковъ было слѣдующее: въ 1-й колоннѣ, генерала Арсеньева, 2,000 человекъ; во 2-й, центральной, колоннѣ кошеваго атамана черноморцевъ, бригадира Чепѣги, 1,000 человекъ, и въ 3-й колоннѣ, гвардіи секундъ-маіора Маркова, 1,000 человекъ; на судахъ 1,500 человекъ. да въ авангардѣ 766 человекъ, всего 6,266 человекъ, считая въ томъ числѣ конныхъ, пѣшихъ, рядовыхъ и старшинъ черноморскаго войска. Черноморская гребная флотилія состояла подъ командою войскаго судьи Головатаго ⁽²⁾. Весь нашъ флотъ подъ Измаиломъ былъ расположенъ въ двѣ линіи; впереди стояли черноморскія казачьи лодки съ десантными войсками.

⁽¹⁾ Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова; соч. М. Богдановича.

⁽²⁾ Извлечено изъ документовъ войск. архива. По Богдановичу только 3,500 человекъ черноморскихъ казаковъ участвовали въ штурмѣ Измаила.

Наканунѣ приступа войска наши съ сухаго пути и съ флота открыли по Измаилу сильную канонаду, сами выдерживая жестокій огонь турецкихъ орудій. Въ ночь на 11-е декабря, по второй ракетѣ, флотилія построилась въ боевой порядокъ, въ разстояніи версты отъ крѣпости, а по третьей двинулась впередъ. Флотилія, приближаясь къ берегу на веслахъ, производила по крѣпости живую канонаду, на которую непріятель отвѣчалъ огнемъ всѣхъ своихъ батарей. Подошедши къ крѣпости на картечный выстрѣлъ, первая линія нашего флота, состоявшая изъ 100 черноморскихъ лодокъ, подъ градомъ ядеръ и картечи высадила на берегъ войска въ совершенномъ порядкѣ ⁽¹⁾.

Во время покоренія Измаила, Черноморское войско отличилось особеннымъ мужествомъ и храбростію. За доблестные подвиги вожди черноморцевъ удостоились Высочайшей награды орденами: Чепѣга св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-го класса, Головатый св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени, войсковые есаулы Сутика и писарь Котляревскій произведены въ подполковники. Кромѣ этихъ лицъ еще 500 черноморскихъ офицеровъ награждены слѣдующими чинами, всѣмъ войсковымъ чиновникамъ. въ числѣ прочихъ офицеровъ арміи, пожалованы золотые знаки съ надписью: «за отмынную храбрость» и «Измаиль взятъ декабря 11-го 1790»; нижнимъ чинамъ розданы овалныя серебряныя медали, на одной сторонѣ съ вензелемъ Императрицы, на другой съ надписью: «за отмынную храбрость при взятіи Измаила декабря 11-го 1790».

На штурмъ Измаила черноморское войско потеряло убитыми 160 и ранеными 345 человекъ ⁽²⁾.

Для прикрытія Измаила оставлено было 18 черноморскихъ лодокъ съ казаками, а съ остальною флотиліей и съ черноморскою пѣхотой Головатый расположился на зимовку при старой Килии ⁽³⁾.

Такъ закончилась кампанія 1790 года, доставившая случай Черноморскому войску еще разъ покрыть себя военной славой и заслужить особенную милость царицы и лестное вниманіе своего атамана.

⁽¹⁾ Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова; соч. М. Богдановича.

⁽²⁾ Свѣдѣнія собраны изъ дѣлъ войск. архива. Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова; соч. М. Богдановича.

⁽³⁾ Предп. Рибаса Головатому отъ 27-го декабря 1790 г., № 650. Изъ дѣлъ войск. архива.

VI.

(1791).

Походъ черноморцевъ подъ Галацъ. — Вѣроломство турецкихъ запорожцевъ. — Сраженіе при Бабадагѣ. — Участіе Черноморскаго войска при разбитіи турокъ подъ Мачиномъ. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій. — Миръ съ Турціей. — Смерть гетмана князя Потемкина-Таврическаго.

Устань батьку, устань Грицьку!
Промовъ за насъ слово,
Проси у Цариці—все буде готово.
на годная пѣсня.

По распоряженію генералъ-маіора Рибаса, въ началѣ марта мѣсяца 1791 г. выкомандированъ былъ пятисотенный черноморскій полкъ на смѣну находившейся трехсотенной команды на островахъ между Килией и Сунни, Измаиломъ и Тульчею; со всею же остальною черноморскою конницею и обозомъ кошевой атаманъ Чепѣга двинулся подъ Галацъ, гдѣ былъ сосредоточенъ корпусъ генералъ-аншефа князя Репнина, назначенный для дѣйствія противъ турокъ на Дунаѣ. Туда, по назначенію Кутузова, была отправлена и гребная казачья флотилія, на соединеніе съ флотомъ Рибаса (1).

Въ томъ же мѣсяцѣ мачинскія укрѣпленія и оставленный турками редутъ на полуостровѣ Кунцефанѣ были заняты нашими войсками. Рибасъ перешелъ затѣмъ на островъ между Кунцефаномъ и Браиловымъ, на которомъ было сильное непріятельское укрѣпленіе, взятое штурмомъ. Въ этомъ дѣлѣ участвовали два полка черноморскихъ казаковъ (2).

Флотилія черноморцевъ, занимаясь перевозкою войскъ черезъ Дунай на островъ подъ Браиловъ, проходила подъ картечными выстрѣлами батареи турецкаго укрѣпленія, находившагося близъ города. Видя, что крѣпостной артилерійскій огонь не устрашаетъ отважныхъ черноморцевъ, турки рѣшились воспрепятствовать переправѣ нашихъ войскъ своими судами; но управлявшіе перевозными лодками, старшины войска, вступили въ бой съ непріателемъ и заставили турецкія суда удалиться.

(1) Предп. генерала Рибаса бригадиру Чепѣгѣ отъ 18-го марта 1791 года № 175. Донесеніе полковаго старшины Чернышева кошевому атаману Чепѣгѣ отъ 2-го апрѣля того же года, № 279. Изъ дѣлъ войск. архива.

(2) Свѣд. изъ дѣлъ войск. архива. Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова; соч. М. Богдановича.

ся. Этимъ удачнымъ дѣйствіемъ черноморцы открыли свободную переправу войскамъ нашимъ на островъ.

31-го марта 2,000 лодочныхъ черноморскихъ казаковъ, высадившись на берегъ къ войскамъ бригадира Леццано, полковника Рибаса и войсковыхъ полковниковъ Давида Бѣлаго и Кордовскаго, на разсвѣтѣ бросились штурмовать турецкое укрѣпленіе. Послѣ двухчасоваго упорнаго боя, поддержаннаго пушечнымъ огнемъ съ флотилии, укрѣпленіе было взято; находившіяся тамъ непріятельскія войска частію истреблены, частію потоплены, и только немногіе турки спаслись бѣгствомъ къ городу.

Черноморцы при штурмѣ взяли съ боя четыре непріятельскія знамени, которыя полковый старшина Чернышевъ представилъ генералу Рибасу.

Въ этомъ молоденкомъ дѣлѣ черноморцы потеряли 6 убитыми и 16 человекъ ранеными (1).

Считаю излишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу участія въ этой войнѣ черноморскихъ казаковъ.

Черноморское войско, въ продолженіе всей войны 1787—1791 гг., рѣдко находилось въ цѣломъ своемъ составѣ въ дѣлахъ противъ непріятеля, а больше дробилось на отдѣльныя части. По этой причинѣ услѣдить за всѣми передвиженіями и дѣйствіями малыхъ командъ, терявшихся въ цѣлой арміи какъ капля въ морѣ, невозможно, по неимѣнію на это достаточныхъ данныхъ. Хотя войско и состояло въ непосредственномъ подчиненіи своего гетмана, но кромѣ князя Григорія Александровича, черноморцами, въ продолженіе войны, какъ видимъ, распоряжались: Суворовъ, Кутузовъ, Потемкинъ, Рибасъ и другія лица.

Не имѣя, по этимъ причинамъ, возможности описывать въ послѣдовательномъ порядкѣ дѣйствія Черноморскаго войска, я старался не упустить изъ вида, по крайней мѣрѣ, тѣхъ случаевъ постепеннаго явленія казаковъ на театрѣ войны, гдѣ фактически выказывались дѣятельность ихъ и стараніе заслужить предъ трономъ монархини доброе имя—«вѣрныхъ и храбрыхъ черноморскихъ казаковъ».

Послѣ описанныхъ дѣйствій войска на островѣ Браилова, по распоряженію Голенищева-Кутузова, девять черноморскихъ лодокъ, съ орудіями и снарядами, были отправлены въ Галацы, десять отряжены для

(1) Донесеніе полк. старш. Чернышева кошев. черном. атаману отъ 9-го апрѣля 1791 г., № 279. Изъ дѣлъ войск. архива.

сторожевой службы въ килійскій рукавъ, двѣ лодки къ мысу Читалу; съ остальными шестью лодками полковой старшина Чернышевъ прибылъ тоже къ Галацамъ ⁽¹⁾. Какъ флотилія, такъ и черноморская конница была по частямъ раскомандирована въ разные мѣста; напримеръ, изъ 2.000 человекъ находилось на Дунайскомъ островѣ, съ войсковымъ полковникомъ Козымою Бѣлымъ. 500 человекъ: далѣе располагались команды ниже Галацъ на пикетахъ и разъѣздахъ, у перевоза въ устьѣ Прута, въ Галацахъ и при дежурствѣ корпуснаго штаба, въ препровожденіи по Пруту провіанта байдаками, для заготовленія дѣса и прочихъ войсковыхъ надобностей. Остальные стояли при обозѣ. Кромѣ того, были расположены лагеремъ противъ Тульчи, для наблюденія за непріателемъ, два черноморскихъ полка, Давида Бѣлаго и Кордовскаго ⁽²⁾.

При такихъ командировкахъ черноморскихъ казаковъ, 7-го мая случилось интересное происшествіе. Полковой старшина Василю Камянецкій на шести лодкахъ доставилъ изъ Киліи въ Галацы пороховой запасъ. Сваливши 8-го числа свой грузъ, Камянецкій приказалъ всѣмъ находившимся на лодкахъ собрать своихъ казаковъ къ обратному походу. Сотникъ Иванъ Строць, желая выказать свою исправность, первый отправился на кременчугской лодкѣ внизъ по Дунаю; онъ надѣялся, что и прочія лодки вслѣдъ за нимъ двинутся съ мѣста. Видя, что ночь приближается, а другія суда не идутъ, Строць присталъ къ берегу и приказалъ своей командѣ готовить горячій ужинъ; затѣмъ, поставивши возлѣ лодки часового, казаки, въ ожиданіи товарищей, улеглись спать. Въ полночь, караульный, услышавъ трескъ, далъ казацкій окликъ, но въ отвѣтъ посыпался градъ пуль на спавшихъ казаковъ. Подкравшіеся турецкіе запорожцы, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, бросились на оторопѣвшую малочисленную команду Строца. Въ этой схваткѣ «невѣрные» запорожскіе братья убили одного казака, трехъ ранили и девять захватили съ собою. Прочіе же казаки и самъ сотникъ Строць спаслись бѣгствомъ въ камышахъ. Непріатели, взявши

⁽¹⁾ Донесеніе полковаго старшины Чернышева кошевому Чепѣгѣ отъ 25-го апрѣля 1791 г., № 217. Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽²⁾ Свѣдѣнія собраны въ дѣлахъ войскового архива. Въ одномъ донесеніи кошевому Чепѣгѣ Кордовскаго полка полковаго старшины Лисенко встрѣчается, что изъ этого полка и полка Бѣлаго казаки-черноморцы, по приглашенію турецкихъ запорожцевъ, ѣздили къ нимъ черезъ Дунай въ гости и къ себѣ ихъ звали. Въ результатѣ же всѣхъ увеселеній вышло то, что нѣсколько нашихъ казаковъ не возвратились.

лодку съ пушкой и находившимся на ней казаками, отплыли на другой берегъ Дуная, къ сторонѣ Тульчи ⁽¹⁾.

Для избѣжанія подобныхъ столкновеній съ турецкими запорожцами, по одеждѣ ничѣмъ не отличавшихся отъ черноморскихъ казаковъ, генераль-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ приказалъ послѣднимъ носить на правой рукѣ, выше локтя, бѣлыя изъ платковъ перевязки ⁽²⁾.

Обратимся опять къ военнымъ дѣйствіямъ. Визирь, не смотря на неудачи турецкихъ войскъ, собиралъ армію на нижнемъ Дунаѣ. Князь Репнинъ, получивъ извѣстіе, что сильный корпусъ турокъ сосредоточивается у Бабадага, послалъ противъ него отрядъ генерала Кутузова, стоявшій у Измаила.

Кутузовъ, переправившись 3-го іюня черезъ Дунай къ Тульчѣ, двинулся противъ непріателя. На другой день, къ войскамъ Кутузова присоединились пѣшіе и конные черноморскіе казаки, съ кошевымъ своимъ атаманомъ, бригадиромъ Чепѣгою. Для открытія непріателя, Чепѣга послалъ въ авангардъ къ полковнику Рибасу 50 человекъ казаковъ. Черноморцы, служившіе проводниками войскамъ, замѣтили впереди небольшое число турокъ, вслѣдствіе чего Чепѣга послѣдно отправился въ авангардъ, со своими казаками, для личныхъ наблюденій за движеніями турецкихъ отрядовъ. Полковникъ Рибасъ, увидѣвъ кошеваго Черноморскаго войска, явился къ нему въ команду но Захарій Алексѣевичъ благородно отклонилъ отъ себя подчиненность Рибаса и предложилъ ему дѣйствовать вмѣстѣ. Въ скоромъ времени Чепѣга открылъ въ значительномъ числѣ непріятельскія войска. Полковникъ Рибасъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, приказалъ войскамъ, шедшимъ въ авангардъ, приготовиться къ бою; но турки, видя стройное и спокойное движеніе русскихъ войскъ, отступили.

На другой день, 5-го іюня, кошевой черноморскій атаманъ, наблюдая непріателя съ одного высокаго кургана, замѣтилъ приближавшуюся къ нашимъ войскамъ, съ правой стороны мачинской дороги, турецкую конницу въ пяти колоннахъ. По донесенію объ этомъ Кутузову, Чепѣга получилъ приказаніе атаковать непріателя. Бригадиръ Чепѣга, отрядивъ впередъ полковника Алексѣя Высочина съ 500 черноморскихъ казаковъ, послѣдовалъ за нимъ и самъ для атаки первой колонны турецкой кавалеріи. Въ подкрѣпленіе кошевому отправился,

⁽¹⁾ Донесеніе генералу Рибасу кошеваго Чепѣги отъ 23-го мая 1791 года, № 1,356. Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽²⁾ Приказъ генерала Кутузова въ кошѣ «вѣрныхъ» черн. казаковъ 1-го іюня 1791 г., № 86. Изъ дѣлъ войск. архива.

съ довольнымъ числомъ черноморцевъ, и войсковою писарь Тимофѣй Котляревскій. Чепѣга атаковалъ турокъ, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство; потомъ, оставивъ часть своихъ казаковъ на мѣстѣ разбитой колонны для дальнѣйшаго наблюденія за движеніями непріятеля, направился съ остальными черноморцами влѣво отъ мачинской дороги и завязалъ съ турками сильную перестрѣлку. Въ это время, черноморскій казакъ Павелъ Помело столкнулся съ своимъ братомъ, служившимъ въ рядахъ турецкихъ запорожцевъ. Дрогнуло сердце «невѣрнаго» запорожца, и рука его не поднялась на брата по крови, по вѣрѣ и по народности. Желая предохранить черноморцевъ отъ пролитія дорогой казацкой крови, «невѣрный» запорожецъ, при звукѣ оружія сражавшихся, сказалъ своему брату Помелу:—«Братецъ! не дуже вгоняйтесь: бо то куча, стоящая по праву сторону съ татарами и некрасовцами самого хана, а еще большая куча татаръ есть въ закрытій, въ глубокій балкѣ на заставѣ. Ханъ ожидаетъ приближенія вашего и хочетъ напасть на васъ съ тылу». Съ этимъ словомъ братья разстались.... Турецкій запорожецъ оказалъ нашимъ великую услугу.

Чепѣга, наступая на непріятеля, не выходилъ изъ предѣловъ возможности дальнѣйшаго натиска. Турки, отстрѣливаясь, отступали къ ханскимъ войскамъ, но, видя неудачу съ черноморцами, завязали перестрѣлку въ другомъ пунктѣ съ донцами, для того, чтобы завлечь ихъ въ засаду. Испытавъ и здѣсь неудачу, быстро собиравшіяся непріятельскія войска потянулись къ бабадагской дорогѣ, съ цѣлю ударить въ тылъ на нашу кавалерію. Присланный на помощь черноморцамъ полковникъ Рибасъ объявилъ Чепѣгѣ приказаніе Кутузова: примѣчать атаку донцовъ, а самому ударить на хана. Бригадиръ Чепѣга тотчасъ предписалъ премьеръ-маіору Бѣлухѣ, съ частію пѣхоты отъ бугскаго егерскаго корпуса, занять крутую гору надъ непріятелемъ и растянуться фронтомъ; самъ же, со всей черноморской конницей, пошелъ въ атаку на хана. Рибасъ подкрѣпилъ его каре своими егерями. Непріятель, не смотря на отчаянное сопротивление, не устоялъ предъ грознымъ ударомъ черноморцевъ. Храбрый Чепѣга гналъ разстроенныя ханскія войска до рѣчки, устилая поле битвы вражескими тѣлами. Только за рѣчкой ханъ спасся отъ дальнѣйшаго преслѣдованія черноморцевъ.

Въ этомъ дѣлѣ потеря черноморцевъ состояла въ четырехъ убитыхъ и 35 раненыхъ.

Атаковавшіе наши войска турки, видя поражение хана, поспѣшно отступали подъ покровительствомъ пушечныхъ выстрѣловъ; но въ это самое время кошевой атаманъ Черноморскаго войска получилъ, чрезъ

полковника Рибаса, приказаніе Кутузова непремѣнно гнаться за непріятелемъ. Тогда Чепѣга вновь повелъ своихъ «вѣрныхъ» казаковъ на турокъ. Напрасно османы употребляли всѣ усилія удержать направившихъ на нихъ черноморцевъ; напрасно дрались съ ожесточеннымъ отчаяніемъ: ничто не могло остановить храбрыхъ казаковъ. Послѣ жаркаго боя, Чепѣга разсѣялъ турецкія войска. Трофеями побѣды были три пушки и нѣсколько знаменныхъ древковъ, съ которыхъ уstraшенные турки сами сорвали знамена, потерявъ надежду спасти ихъ. Но кошевой Черноморскаго войска этимъ не удовольствовался: онъ погнался, со своими удалыми казаками, за бѣжавшимъ непріятелемъ, отбилъ турецкій тяжелый обозъ и шестерыхъ турокъ захватилъ въ плѣнъ.

6-го іюня, по приказанію генерала Кутузова, бригадиръ Чепѣга, съ Черноморскимъ войскомъ и прочими частями, бывшими въ авангардѣ подъ командою полковника Рибаса, занялъ бабадагскіе магазины съ провіантомъ, сжегъ и разорилъ оставленный непріятелемъ городъ Бабадагъ, истребилъ скрывавшихся тамъ турокъ и зажегъ сосѣднія бабадагскія селенія.

Во всѣхъ дѣлахъ бабадагскаго похода кошевой атаманъ, со своими «вѣрными» казаками, оказывалъ чудеса храбрости и разумной отваги. Скромный Чепѣга не приписывалъ себѣ всего успѣха выигранныхъ дѣлъ, но рекомендовалъ Кутузову полковника Рибаса и премьер-маіора Бѣлуху, усердно помогавшихъ ему во всѣхъ подвигахъ черноморцевъ (¹).

Кутузовъ возвратился въ Измаилъ, а кошевой Чепѣга, съ 800 черноморскихъ конныхъ казаковъ, при войсковомъ полковникѣ Письменномъ, отправился на рѣку Серетъ къ Сербештамъ, куда собирались войска князя Репнина противъ румелійскаго сераскира Мустафы-Валесы, сдвигавшаго 70-ти-тысячную армію у Мачина (²).

Въ послѣдній разъ кошевой атаманъ Черноморскаго войска участвовалъ, со своими «вѣрными» казаками, въ разбитіи турецкихъ войскъ подъ Мачиномъ. Въ дѣлѣ этомъ Чепѣга потерялъ убитыми семь и ранеными 17 человекъ (³).

До заключенія мира, Черноморское войско содержало кордоны (посты)

(¹) Донесеніе о бабадагскихъ дѣлахъ генералу Кутузову отъ кошеваго атамана черноморцевъ іюня 1791 г., № 1,513. Изъ дѣлъ войск. архива.

(²) Изъ дѣлъ войск. архива. Походы въ Турцію Румянцева, Потемкина и Суворова; соч. М. Богдановича.

(³) Свѣд. изъ дѣлъ войск. архива.

отъ устья рѣки Прута до галацкаго адмиралтейства и отъ Галацъ до нижняго Чуленца.

Въ ноябрѣ Черноморское войско было расположено на зимнія квартиры: войскою судья Головатый, съ пѣхотой, сталъ въ Фальчѣ и въ Галацѣ на лодкахъ; кошевой атаманъ Чепѣга, съ конными черноморцами, размѣстился въ селеніяхъ своего войска, на лѣвой сторонѣ Днѣстра, именно на Очаковской стени ⁽¹⁾.

Заключенный съ Турціей миръ положилъ предѣлъ славнымъ боевымъ подвигамъ Черноморскаго «вѣрнаго» войска. Черноморцы блистательно заявили свою любовь и свою преданность къ престолу и отечеству.

Но, рядомъ съ торжествомъ военной славы, черноморскіе казаки оплакивали смерть своего благодѣтеля, того, кто устроилъ ихъ быть — великаго гетмана князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, скончавшагося 5-го октября 1791 года ⁽²⁾. Заплакали черноморцы *співаячи*:

Устань батьку, устань Грицьку!
Великій гетмане!
Милостивій добродію!
Вельможний нашъ пане!...

Не всталъ Грицько на зовъ своего «вѣрнаго» и любимаго войска. Не всталъ онъ къ тѣмъ вѣщамъ, горю черноморцевъ, что, по смерти его, для нихъ вновь наступила пора невзгодъ, которую они пережили только благодаря духу единства, связывавшаго казаковъ....

Въ память своего великаго гетмана, «вѣрное» Черноморское войско изготовило бѣлое атласное знамя, которое и донынѣ хранится въ екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ. Этотъ дорогой знакъ памяти казаковъ *къ открившему* имъ широкій путь военной славы, окружаютъ два голубыя знамени, сооруженныя для Черноморскаго войска 21-го апрѣля и 26-го мая 1791 года доблестнымъ кошевымъ атаманомъ Захаріемъ Алексѣвичемъ Чепѣгою, водившимъ на славныя побѣды своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Извлеч. изъ росписанія зимнихъ квартиръ южной арміи, имѣющагося въ копіи въ дѣлахъ войскового архива.

⁽²⁾ См. прилож. XV.

⁽³⁾ Изъ дѣлъ войск. архива.

VII.

(1792).

Отправленіе войсковою депутаціи въ С.-Петербургъ. — Представитель Головатый. — Царскія награды войску. — Переселеніе черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань.

Харько ⁽¹⁾ листъ засилае,
На Кубань річку зазивае,
Дарує лісами, рибними плесами
И ще й вольними степами.

НАРОДНАЯ ПІСНЯ.

Великій гетанъ Потемкинъ, собирая изъ разрозненныхъ свѣдѣновъ Черноморское войско, дозволилъ принимать въ казачью семью кѣхъ служившихъ прежде въ войскѣ Запорожскомъ, исключая зачисленныхъ въ воинскіе поселяне и въ легкоконные полки. Но мѣстное начальство, препятствуя свободному переселенію казачьихъ семействъ, распорядилось отпускать изъ екатеринославскаго намѣстничества на казацкую землю тѣхъ только казаковъ, которые служили въ оконченную съ турками войну. Кромѣ того, мѣстныя власти признавали членами семействъ однихъ женъ и дѣтей; родители же, братья, сестры и прочіе близкіе родственники, принадлежавшіе къ одной семьѣ, должны были оставаться, по прежнему, въ намѣстничествѣ. Переселяющемуся казаку предстоялъ трудный выборъ: или раздроблять семейство, или, скрѣпя сердце, оставаться всѣмъ на мѣстѣ и платить тягостныя для казака денежныя повинности. Такія стѣснительныя мѣры порождали множество жалобъ какъ со стороны обывателей-казаковъ, такъ и со стороны черноморскаго правительства; но всѣ просьбы и ходатайства, за смертію Потемкина, болѣею частію оставались глазомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ переселилось однако на отведенную Потемкинымъ землю 1,759 черноморскихъ казачьихъ семействъ, въ кото-рыхъ считалось мужескаго пола 5,068 и женскаго 4,414 душъ ⁽²⁾.

Въ представленномъ исправлявшимъ должность войскового есаула, капитаномъ Неякимъ, въ февралѣ, въ черноморскій кошъ свѣдѣній, показаны между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ слѣдующія селенія Черноморскаго казачьяго войска:

⁽¹⁾ Захарій Чепѣга.

⁽²⁾ Прошеніе Черноморскаго войска Екатерины II отъ 29-го февраля 1792 г. Изъ дѣлъ войск. архива.

По рѣкѣ Днѣстру.

Незавертай . . . на Днѣстрѣ.
Головкивка . . . при урочищѣ Маяку.
Аджидарѣ . . . при урочищѣ Аджидары.
Яска . . . при устьѣ рѣки Кучургана.

По рѣкѣ Телигулу.

Котляровка . . . въ вершинѣ телигульского лимана.
Сасички . . . въ урочищѣ Сасичку.
Журавка . . . при устьѣ Журавки.

По рѣкѣ Березани.

Оники . . . при урочищѣ Оникахъ.

При очаковскомъ лиманѣ.

Аджидолѣ . . . при урочищѣ Аджидолѣ.

По рѣкѣ Бугу.

Солониha . . . при Бугѣ.
Троицкое . . . при Бугѣ.
Ковалевка . . . при урочищѣ Шостаковой.
Пѣщана . . . при урочищѣ Голенькой балки.
Чичаклей . . . при урочищѣ Чичаклей.

Парканы.
Терновка.
Суклій.
Карагашъ.
Слободзѣя (резиденція войска).
Собручи.
Гнила.
Короткая.
Николаевка.
Котляровка—вторая.
Петрова.

Кромѣ того, много было устроено хуторовъ и жилищъ при рыболовныхъ заводахъ по рѣчкамъ и лиманамъ.

Не успѣли черноморцы обжиться на отведенной гетманомъ землѣ, какъ получили повелѣніе готовиться къ новому переселенію на Высо-

чайше пожалованную войску землю на Тамани (Фанагорійскій полуостровъ).

Это извѣстіе какъ громомъ поразило черноморцевъ. Съ одной стороны, оказывался крайній недостатокъ пожалованной земли для удобнаго поселенія всего Черноморскаго войска; съ другой, казаковъ торопили переселеніемъ, слѣдовательно, лишали ихъ возможности сбыть что-либо съ выгодой изъ хозяйственнаго устройства за Бугомъ. А въ хозяйствѣ заключалось все достояніе черноморцевъ!... Но дѣлать было нечего.... Черноморцы мирно встрѣтили новое и неожиданное испытаніе ихъ въ покорности и вѣрности отечеству и престолу. Тогдашнее жалкое состояніе черноморцевъ отразилось въ пѣснѣ Головатаго, живущей и донынѣ въ памяти народной ⁽¹⁾. Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ!... Такъ порѣшили казаки на общей войсковой радѣ, и смѣло пошли на встрѣчу судьбѣ.

Первымъ дѣломъ черноморскаго коша была посылка войскового есаула Гулика для осмотра пожалованной земли и прилегающаго къ ней дикаго и пустыннаго Кубанскаго края, занятіе котораго черноморцами входило въ программу общихъ кошевыхъ предположеній.

Мокій Семеновичъ Гуликъ отправился съ приличною командою въ дальній путь и со всею подробностію, въ топографическомъ отношеніи, осмотрѣлъ Таманскій полуостровъ и Кубанскій край. Гуликъ пробрался до Георгіевска, гдѣ былъ ласково принятъ кавказскимъ корпуснымъ командиромъ, генераломъ графомъ Гудовичемъ. Возвратившись въ Слободзѣю, старшина этотъ представилъ кошевому атаману отчетъ о своей командировкѣ ⁽²⁾.

Въ то время какъ Гуликъ странствовалъ по дикимъ пустынямъ Черноморья, войсковой судья Головатый, съ разрѣшенія графа Михаила Каховскаго и по приговору войсковой рады, былъ посланъ въ столицу для испрошенія у государыни правъ на вѣчно-потомственное владѣніе той землей, на которую должно было переселиться Черноморское войско ⁽³⁾.

Незабвенный Антонъ Андреевичъ Головатый, отправившись въ С.-Петербургъ съ прошеніемъ отъ войска, усердно хлопоталъ объ охраненіи благосостоянія черноморцевъ на новомъ мѣстѣ жительства. Дружественныя связи съ значительными лицами въ государствѣ, личные

⁽¹⁾ См. прилож. XVI.

⁽²⁾ Отчетъ Гулика помѣщенъ въ XVII приложеніи къ этой статьѣ, въ особой вѣдомости. Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽³⁾ См. прил. XVIII и XIX. Изъ дѣлъ войск. архива.

ходатайства у царицы, ласково его принявшей, и умное исполненіе порученія увѣнчали труды Головатаго полнымъ успѣхомъ ⁽¹⁾.

Дипломатъ нашъ и поэтъ —
Знаменитый Головатый
Испросилъ намъ край богатый,
Гдѣ промчалось много лѣтъ:
Давшихъ славу намъ военну,
Милость Царску незабвенну,
Мирныхъ дней драгой покой,
Вѣкъ счастливый, золотой!

Испросивъ для войска двѣ Высочайшія грамоты, Головатый удостоился благодарить лично великую монархиню за оказанныя милости «вѣрнымъ» черноморцамъ ⁽²⁾.

Общую радость войска Антонъ Андреевичъ выразилъ въ пѣснѣ, сочиненной имъ на обратномъ пути изъ Петербурга въ Слободзѣю, съ драгоцѣнными залогами монаршей любви къ Черноморскому войску ⁽³⁾.

Высочайшими грамотами была дарована войску земля между Чернымъ и Азовскимъ морями, по рѣкѣ Ею и до Усть-Лабинскаго реду-та. Войсковому начальству предоставлено самому чинить внутренній судъ и расправу; черноморцы получили право заниматься торговлею и всякими промыслами; были ограждены вообще многими привилегіями и обязывались только охранять границы на Кубани отъ набѣговъ горскихъ народовъ.

Императрица Екатерина, награждая депутацію черноморскихъ казаковъ, благосклоннымъ приѣмомъ, милостивымъ вниманіемъ и денежными подарками, излила чрезъ этихъ представителей царскія щедроты и на все свое «вѣрное» войско Черноморское. Кромѣ Высочайшихъ грамотъ, опредѣлявшихъ права и вольности казаковъ, ея величество пожаловала войску, въ 30-й день іюня, большое бѣлое знамя, серебряныя трубы, печать съ надписью: «Е. И. В. печать коша Войска Вѣрнаго Черноморскаго», и подарила, чрезъ Головатаго, войску на новоселье хлѣбъ и соль на золотомъ блюдѣ, съ такою же солонкою ⁽⁴⁾. На этихъ царскихъ подаркахъ вычеканены были слѣдующія надписи—

⁽¹⁾ См. прилож. XX.

⁽²⁾ См. прилож. XXI, XXII и XXIII.

⁽³⁾ См. прилож. XXIV.

⁽⁴⁾ Изъ дѣлъ войск. архива. Рѣчь протоіерея Россинскаго, напечатанная въ 1820 году въ журналѣ «Соревнователь просвѣщенія и благотворительности». «Исторія Запорожской Сѣчи», Скальковскаго. «Черноморскіе казаки», И. Попки.

на блюдѣ: «даръ Екатерины Великой Войску Вѣрному Черноморскому. 1792 года, іюля 13-го. Въ Царскомъ Селѣ. Чрезъ войскового судью и кавалера Антона Головатаго»; на солонкѣ: «подарена съ хлѣбомъ Войску Черноморскому. 1792 года, іюля 13-го».

Со всей царской благостыней Головатый прибылъ въ войско благополучно. Кошевой атаманъ Чепѣга командировалъ для встрѣчи дорогаго гостя, за тридцать верстъ, пятисотенный полкъ, пригласилъ въ войсковую резиденцію всѣхъ старшинъ войска, херсонскаго архіепископа и прочее духовенство. На устроенномъ великолѣпномъ мѣстѣ, кошевой Чепѣга, при собраніи казаковъ и многочисленномъ стеченіи народа, окруженный свитой, выслушалъ привѣтствіе Головатаго и прінялъ съ честью Высочайше пожалованную ему, за доблестное управленіе войскомъ, саблю, алмазами украшенную. Препоясавшись дорогимъ подаркомъ, Чепѣга, съ чувствомъ глубокаго умиленія, взялъ отъ войскового судьи драгоцѣнные знаки Монаршаго благоволенія къ Черноморскому войску, объявилъ народу Высочайшія грамоты и съ подобающей церемоніей, возблагодаривъ Бога въ войсковой церкви, угостилъ войско царскимъ хлѣбомъ и солью на славу. Этотъ незабвенный для черноморцевъ день былъ, при громѣ пушекъ и мушкетеръ, отпразднованъ съ общимъ веселіемъ, по старому казацкому обычаю ⁽¹⁾, а чтобы сохранить навсегда память незабвеннаго дня, черноморцы соорудили такое же знамя, какое пожаловано Императрицей Екатериной II.

За всѣ излитыя на черноморскихъ казаковъ милости, Чепѣга, отъ имени войска, благодарилъ государыню всеподданнѣйшимъ письмомъ ⁽²⁾.

Готовясь къ дальнему походу, Черноморское войско снарядило при Фальчѣ 51 лодку и одну яхту. На этой флотиліи, до прибытія еще Головатаго, пѣшіе черноморскіе казаки, въ числѣ 3,847 человекъ, подъ командою войскового полковника Саввы Бѣлаго и въ сопровожденіи бригадира Пустошкина, отправились Чернымъ моремъ на Тамань, куда прибыли 25-го числа августа ⁽³⁾.

По прибытіи на мѣсто, Савва Бѣлый отрядилъ войскового полковника Чернышева съ частію войска, на 12 лодкахъ, къ устью Кубани, въ Кизилтажскій и Сукоровъ лиманы, для наблюденія за дѣйствіями закубанскихъ черкесовъ и для охраненія отъ нихъ войско-

⁽¹⁾ См. прилож. XXV.

⁽²⁾ См. прилож. XXVI.

⁽³⁾ Донесеніе полковника Бѣлаго кошевому Чепегѣ отъ 26-го августа 1792 года, за № 88. Изъ дѣлъ войск. архива.

выхъ рыбныхъ ловлей, а полковника Кордовскаго поставилъ съ командою при Старомъ Темрюкѣ.

Для облегченія же казачьихъ судовъ, находившіеся на лодкахъ пушки и артилерійскіе припасы, по Высочайшему повелѣнію, были сгружены въ Фанагорійскую крѣпость (¹).

Кошевой атаманъ Чепѣга, по окончаніи торжества войсковаго праздника, оставилъ за Бугомъ, съ Головатымъ, одинъ конный и одинъ пѣшій полкъ; 2-го и 5-го сентября выступилъ, со всѣмъ войсковымъ штабомъ, обозомъ и остальнымъ казачьимъ войскомъ, тремя конными и двумя пѣшими пятисотенными полками, въ походъ на ново пожалованную землю, сухимъ путемъ (²).

Въ концѣ октября Чепѣга прибылъ къ границамъ Черноморья на р. Ей, и, изнуренный дальнимъ путемъ, въ неблагопріятную осеннюю погоду, остановился зимовать при Ейской косѣ въ Ханскомъ городкѣ. Для наблюденія за дѣйствіями съ непріятельской стороны, отъ Кубани, въ степи, за 150 верстъ, была поставлена команда изъ 200 казаковъ при р. Челбасахъ. Въ слѣдующемъ 1793 году была занята Черноморскимъ войскомъ и вся кубанская граница. Въ этомъ году пришли изъ-за Буга на Кубань, съ Головатымъ, остальные полки съ семействами переселявшихся черноморцевъ.

Не привлекая, однако, безлюдный край заграничныхъ выходцевъ изъ Польши, изъ Молдавіи и Валахіи. Они всѣ остались на мѣстѣ. Напротивъ, черноморцы разсѣянаго Запорожья старались слотить на Кубани одну родную семью, въ главѣ которой находился ихъ батько-кошевой Харько Чепѣга. Ради пользы правительства черноморцы жертвовали своею собственностію: за неимѣніемъ покупщиковъ, они должны были оставить за Бугомъ непроданными всѣ свои хозяйственныя заведенія и неудобное къ перевозкѣ, по дальнему пути, движимое имущество (³). Такое плачевное состояніе за-бугскихъ черноморцевъ выразилось въ нѣсколькихъ словахъ сложенной тогда пѣсни:

Течуть річки изъ за-гори мутні,
Идутъ люди изъ городівъ смутні,
Покидають вжитки, пасіки любезни
И предорогіе ґрунти...

(¹) Ордеръ таврическаго губернатора Жегулина полковнику Саввѣ Бѣлому, 28-го декабря 1792 г. Изъ дѣлъ войск. архива.

(²) Донесеніе полковника Головатаго графу Каховскому въ сентябрѣ и письмо кошеваго Чепѣги 2-го числа того же мѣсяца 1792 г. Изъ дѣлъ войск. архива.

(³) Докладъ Императору Павлу I черноморскаго войсковаго атамана Котляревскаго, 1-го декабря 1797 года. Изъ дѣлъ войск. архива.

По переходѣ изъ-за Буга, черноморцы нашли кубанскую землю необитаемою, со многими заросшими камышомъ рѣчками и болотами. Пустынный край требовалъ для своего оживленія необыкновенной дѣятельности малочисленныхъ пришельцевъ. Черноморцы преодолѣли всѣ трудности первоначальной бездомной жизни, побѣдили, можно сказать, самую природу; мертвая кубанская сторона обратилась въ оживленную область, и тѣмъ оправдались и слова, сказанныя Головатымъ у монаршаго трона, и надежды Екатерины II, выраженные въ Высочайшей грамотѣ.

Новый край черноморцы заселяли хуторами и куренями (станциями), давая послѣднимъ названія, существовавшія въ Запорожскомъ войскѣ.

Я уже говорилъ, что помѣщики екатеринославскаго намѣстничества закрѣпостили, незаконными путями, въ свое владѣніе многихъ жителей бывшаго запорожскаго войска; теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ этого самоуправства.

Когда послѣдовало повелѣніе князя Потемкина-Таврическаго о составленіи изъ всѣхъ служившихъ въ Запорожскомъ войскѣ Черноморскаго войска, не малаго стоило труда способнымъ носить оружіе казакамъ избавиться отъ помѣщичьяго господства, чтобы стать въ ряды войскъ, дѣйствовавшихъ тогда противъ турокъ. Когда же дѣло дошло до переселенія семействъ казаковъ бывшаго Запорожья на землю между Бугомъ и Днѣстромъ и въ Кубанскій край, то помѣщики рѣшительно воспротивились распоряженіямъ начальства, насильно удерживали у себя казачьи семейства и только въ крайнихъ случаяхъ выпускали людей въ конецъ уже разоренныхъ. Нѣкоторые помѣщики и ихъ управители обнаружили еще болѣе возмутительное самоуправство: женъ и дѣтей казаковъ они ссылали во внутрь Россіи, а нѣкоторыхъ казачекъ отдавали въ замужество за крѣпостныхъ, чтобы черноморцы не могли отыскать ихъ; отбирали отъ казаковъ имущество; наказывали ихъ до полусмерти; остригали усы, чуприны отпигливали пилами или отрѣзывали.... Словомъ, все со стороны помѣщиковъ-самоуправцевъ было направлено къ тому, чтобы не допустить черноморцевъ воспользоваться дарованными войску Монаршими милостями (⁴).

При такихъ условіяхъ переселеніе въ Черноморье тянулось мед-

(⁴) Рапортъ войсковаго судьи Головатаго генералъ-фельдцейхмейстеру графу Зубову, отъ 17-го марта 1795 г. Изъ дѣлъ войск. архива.

ленно. Черноморское войсковое правительство не разъ жаловалось въ Петербургъ на бездѣйствіе власти екатеринославскаго намѣстническаго правленія и на потворство своеволію и самоуправству помѣщиковъ въ насильственномъ задержаніи семействъ казаковъ. Наконецъ послѣдовало распоряженіе генералъ-фельдцейхмейстера графа Зубова отпустить на Черноморье изъ екатеринославскаго намѣстничества тѣхъ только казаковъ и ихъ семейства, которые въ бывшемъ Запорожьѣ служили въ военномъ званіи и были въ строевомъ составѣ подъ знаменами Потемкина, въ минувшую войну, а остальныхъ запорожцевъ, не бывшихъ въ военной службѣ, велѣно оставить на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства ⁽¹⁾.

Не смотря на всѣ невзгоды, перешло изъ-за Буга на Кубань мужескаго пола до 17,000 душъ ⁽²⁾.

На новосельи, черноморцы, придвинувшись къ берегамъ Кубани, принесли Богу общую молитву, положили основаніе городу Екатеринодару, и новую свою жизнь начали подъ управленіемъ войскового правительства ⁽³⁾.

Съ этого времени начинается кровавая борьба черноморцевъ съ горскими народами на рубежѣ кубанской границы.

Болѣе семидесяти лѣтъ кавказская война не давала Черноморскому войску отдыха отъ боевыхъ трудовъ при защитѣ края, охрану котораго монархи ввѣрили храброму казачеству.

И всѣ эти тревоги безпокойной казачьей жизни прошли такъ, какъ будто ихъ и не бывало!.... Онѣ живутъ, и будутъ жить только въ воспоминаніяхъ казака....

Кубань! Кубань!... Сколько на рубежѣ твоёмъ проведено черноморцами безсонныхъ, сопряженныхъ съ величайшими опасностями ночей! сколько пролито казачьей крови на защиту края!.... Мужествомъ, самоотверженіемъ, неустанною борьбою и съ людьми, и съ природою, храбрые черноморцы засвидѣтельствовали предъ потомствомъ свою непоколебимую вѣрность престолу и любовь къ отечеству.

⁽¹⁾ Отзвъвъ графа Платона Зубова полковнику Антону Головатому, отъ 23-го августа 1794 г. № 551. Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽²⁾ Донесеніе полковника Головатаго графу Зубову, 16-го марта 1795 г. Изъ дѣлъ войск. архива.

⁽³⁾ См. прилож. XXVII.

II.

ЧЕРНОМОРЦЫ НА КУБАНИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Благословенъ Господь Россію укрѣпивый,
Довольствомъ, тишиной—ее благословивый;
И въ весѣхъ и градѣхъ, на сушѣ и моряхъ,
На отдаленнѣйшихъ Кубанскихъ берегахъ!
К. Россинскій.

I.

Кубань. — О древнихъ народахъ Кубанскаго края. — Тмуторакань и русскіе. — О татарахъ и ногайцахъ. — Таманскій островъ. — Кубанскій край.

Рѣка *Кубань*, берущая начало въ истокахъ эльборусскихъ снѣговъ, охватываетъ своимъ теченіемъ сѣверную сторону Кавказскаго горнаго хребта и вливается двумя рукавами, *Протокой* и *Переволокой*, въ *Азовское* море, а главной массой своихъ водъ, *Бугазскимъ* гирломъ, въ *Черное* море.

На Кубани былъ когда-то довольно значительный островъ — *Каракубанскій*. За двадцать верстъ выше Копыла—старога турецкаго укрѣпленія,—Кубань взяла направленіе влѣво, подъ названіемъ *Каракубанъ*, а направо пошла рѣчка *Кубанка*. Каракубанъ протекла десятки верстъ въ землѣ черкесовъ и соединялась съ Кубанкой верстахъ въ десяти ниже рѣчки *Курка*, впадающей въ *Курчанскій* лиманъ, который соединяется съ Азовскимъ моремъ около Темрюка. Каракубанскій островъ имѣлъ въ длину 76 и въ ширину 9 — 12 верстъ. Теперь Кубанка пересохла. Каракубанъ течетъ подъ общимъ именемъ Кубани и самый Каракубанскій островъ не существуетъ. Изъ названныхъ правыхъ рукавовъ Кубани, Протока впадаетъ въ море близъ Ачуева, знаменитаго богатымъ рыболовствомъ, а Переволока,

захватывая Ахтанизовскій лиманъ, вливается тоже въ море Темрюкскимъ гирломъ.

Относительно направленія въ древнее время истоковъ Кубани, г. Серафиновичъ указываетъ, что, по описанію Страбона, Кубань (*Гипанисъ*) текла сначала къ сѣверо-западу, вливаясь въ губу, заключенную между *Кимерійскимъ* островомъ (гдѣ нынѣ Темрюкъ) и Сандійскимъ мысомъ (на немъ станица Старотитаровская), потомъ измѣнила свое направленіе на юго-западъ, ниже Сандійскаго мыса, который переобразованъ въ островъ Таманскій ⁽¹⁾.

Кубань называется по черкески *Пишизъ*; въ нѣкоторыхъ русскихъ источникахъ эта рѣка имѣетъ древнее названіе *Ахардай*; г. Дебу придаетъ Кубани оба древнія наименованія, Ахардай и Гипанисъ. Последнее названіе, по изслѣдованію *Шафарика*, принадлежитъ р. Бугу.

Относительно названія г. Серафиновичемъ Таманскаго острова Кимерійскимъ, не будетъ лишнимъ добавить объясненіе г. Ригельмана, что въ сторонѣ отъ Дона до Чернаго и Азовскаго морей жило нѣкогда племя *Гемеры*, извѣстное подъ именемъ *Кимеры*, т. е. кимбровъ, отъ которыхъ и *Меотійскаго* озера (Азовское море) устье, впадающее въ *Понтъ Эвксинскій* (Черное море), называлось *Босфоръ Кимерискій*. Можно, слѣдовательно, полагать, что и самый Таманскій островъ назывался въ древности, по этой причинѣ, Кимерійскимъ ⁽²⁾.

Въ верховьяхъ своихъ, Кубань, извиваясь змѣей между дикими скалистыми берегами, быстро и шумно стремится по камнямъ до истоковъ въ нее горныхъ рѣчекъ. Принимая чужія воды, Кубань измѣняетъ каменное русло на песчаное и бѣлыя прозрачныя струи на желтобурыя волны, крутящіяся въ частыхъ водоворотахъ, на всемъ протяженіи рѣки. Чѣмъ далѣе внизъ по теченію, тѣмъ Кубань отъ притоковъ съ сѣверной покатости горнаго хребта дѣлается глубже и шире; дикіе и угрюмые берега исчезаютъ и вмѣсто мрачныхъ ущелій появляются роскошныя долины, — съ живописными ландшафтами обширныхъ луговъ, кустарниковъ и лѣсовъ, обрамленныхъ вдали исполинскими горами Западнаго Кавказа. Не рѣдко Кубань измѣняетъ направ-

⁽¹⁾ Интересное изслѣдованіе о р. Кубани г. Федорова напечатано въ №№ 40, 42 и 43 «Кубанскихъ Вѣдомостей» 1867 г.

⁽²⁾ «Куб. Вѣд.» 1868 г. № 23. Кратк. обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ, *Берже*. — Сочиненіе о Кавказской линіи и Черноморіи, *Дебу*. — Славянскія древности, *Шафарика*, перев. Бодянскаго. — Повѣствованіе о Малой Россіи, *Ригельмана*.

леніе своихъ водъ то въ одну, то въ другую сторону, образуя песчаныя отмели, выходящія потомъ островками, или вновь разливаемая прихотливою волною.

Правая сторона р. Кубани до Усть-лабинскаго редута, р. Еи, Чернаго и Азовскаго морей съ Таманскимъ островомъ являетъ, за малыми исключеніями, сплошную равнину, по исчисленіямъ землемѣровъ, въ 27,417½ квадр. верстъ. На этой-то землѣ, въ 1792 году, поселено *Черноморское казачье войско*, именуемое нынѣ, съ присоединеніемъ къ нему части линейныхъ казаковъ, *Кубанскимъ*.

Въ Черноморіи замѣчательнъ, въ историческомъ отношеніи, Таманскій островъ, называемый *Фанагорійскимъ*, гдѣ нѣкогда была столица *Воспорскаго Царства*; напротивъ, Кубанскій край не богатъ памятниками древней исторіи. Нельзя, впрочемъ, обойти молчаніемъ слѣдующій случай. Во время военныхъ дѣйствій Суворова на Кубани, генералъ *Поликарповъ* нашелъ, на мѣстѣ нынѣшняго г. Екатеринодара, камень, длиною въ девять англійскихъ футовъ и въ четыре фута въ окружности, съ знаками, которыхъ тогда никто не могъ разобрать. Камень этотъ былъ отправленъ къ Потемкину, и нынѣ находится въ Царствѣ Польскомъ, въ саду имѣн. *Радзивиловъ*.

Откуда и когда загадочный камень очутился на Кубанской землѣ, неизвѣстно; но Оленинъ говоритъ, что въ завоеванныхъ египетскимъ царемъ *Сезострисомъ* странахъ, простиравшихся до Танаиса (Дона), были поставлены столбы съ іероглифическими надписями, подобными іероглифамъ подъ сфинксами, украшающими въ Петербургѣ набережную Васильевскаго Острова. Надписи эти гласили: «*Сезострисъ, царь царей, государь государей, сіи земли оружіемъ своимъ завоевалъ*». Найденный Поликарповымъ камень — одинъ изъ такихъ столбовъ.

Не беру на себя задачи изслѣдовать какіе народы въ глубокой древности обитали на Кубанской землѣ и на островѣ Таманѣ; но полагаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ по немногимъ, имѣющимся у меня подъ рукой, печатнымъ источникамъ. Рѣшаюсь на эти отрывочныя свѣдѣнія единственно въ томъ убѣжденіи, чтобы хотя сколько нибудь ознакомиться съ краемъ, гдѣ пришлось вести историческую жизнь Черноморскому войску.

Шафарикъ, въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ», говоритъ, что мѣста, лежавшія по обѣимъ сторонамъ Дона, были заселены, въ разное время, разными переходными, занимавшимися грабежомъ народами, которые тѣснили другъ друга. Около четвертаго столѣтія, одно поклѣнне *болгаровъ*, подъ властію *Бадбая*, жило на сѣверѣ Азовскаго

моря и Кубани, между Дономъ и Волгой, но впоследствии, уклоняясь отъ нападенія козаровъ, перешло оттуда въ другія мѣста.

Въ этомъ же вѣкѣ, по разрушеніи скиѳами Готскаго царства, при Черномъ морѣ, одна часть *готовъ*, перешедши съ *скиѳами* въ Кубанскую землю, смѣшалась съ тамошними жителями. Потомки ихъ, подъ именемъ *готовъ-тетракситовъ*, держались на Босфорѣ, близъ устья Кубани, до шестаго столѣтія. Мѣсто ихъ заступили перешедшіе изъ Крыма *кабардинцы*, которые, въ шестомъ столѣтіи, занимали островъ, образуемый рукавами Кубани при впаденіи ея въ Черное море, въ названномъ татарами мѣстѣ: «*Кызыл-тамъ*», т. е. красный камень.

Кабардинцы, однако, жили здѣсь не долго; они передвинулись подъ начальствомъ *Инала*, родоначальника всѣхъ кабардинскихъ князей, далѣе на востокъ и расселились въ нынѣшней Кабардѣ.

За кабардинцами являются на Кубанской землѣ *сиракены майотскаго* племени, извѣстные потомъ подъ именемъ *мадъяровъ*. Народы эти въ VIII и IX столѣтіяхъ, вытѣснены были *печенѣгами*. Около того же времени *козары* распространили свое владычество отъ Волги за Донъ, до Чернаго и Азовскаго морей, господствуя въ этомъ краѣ надъ побѣжденными народами.

Въ IX столѣтіи, вышедшіе изъ-за Урала и Волги *половцы*, по мнѣнію *Соловьева*, татарскаго племени и языка, а по изслѣдованіямъ *Ригельмана* изъ готскаго народа, происходящаго отъ кимбровъ, соединясь съ печенѣгами, своими единоплеменниками, изгнали козаровъ по лѣвую сторону р. Дона, а потомъ, поселившись при Черномъ морѣ, вели постоянную съ ними войну, наконецъ истребили ихъ и завладѣли ихъ землями. Соловьевъ говоритъ, что и печенѣги были изгнаны изъ своихъ поселеній тѣми же половцами, распространившими свои владѣнія къ сѣверу до предѣловъ Россіи, а на югъ до черкесовъ и кавказскихъ народовъ ⁽¹⁾.

Всѣ эти племена, группируясь своими поселеніями въ мѣстности между Дономъ, Кубанью, Чернымъ и Азовскимъ морями, судя по историческимъ фактамъ, занимали тѣ самыя мѣста, на которыхъ впоследствии (1792 г.) поселено *Черноморское казачье войско*.

Остатки названныхъ народовъ, переходя одни за другими въ разныя страны, смѣшивались въ разноплеменный сбродъ и долго толпи-

⁽¹⁾ Славян. древн. *Шафарика*, перев. съ чешск. *Бодяцкаго*, Т. II, кн. I.—Кратк. обзоръ горск. плем. на Кавказѣ, *Берже*. — Исторія Россіи: *Соловьева*, Т. II и *Кирамзина*, Т. IV.

лись на *Фанагорійскомъ* островѣ (*Тматораканъ*), именно до времени владычества здѣсь русскихъ князей.

Прежде чѣмъ начнемъ рѣчь о внесеніи въ этотъ край русской власти, скажемъ нѣсколько словъ о Фанагорійскомъ островѣ, извѣстномъ нынѣ подъ названіемъ Таманскаго острова. Нѣкоторые полагаютъ, что древній городъ Фанагорія былъ на *Бугасѣ* (гирло, соединяющее Кубанскій лиманъ съ Чернымъ моремъ), или по близости его, къ востоку, между *Стеблѣвскимъ* селеніемъ и бывшимъ на Кубанской границѣ *Новогригорьевскимъ* постомъ; другіе говорятъ, что Фанагорія была на мѣстѣ нынѣшней *Стѣнной* почтовой станціи, съ портомъ у оконечности Таманскаго залива, и что остатки развалинъ древнихъ фанагорійскихъ сооружений находятся подъ землей и покрыты водой.

Оставивъ въ сторонѣ различныя мнѣнія о мѣстѣ древней Фанагоріи, сливающейся въ одно общее названіе съ цѣлымъ островомъ, нельзя не упомянуть, что здѣсь еще много неизслѣдованныхъ мѣстъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, въ развалинахъ крѣпостей и городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нихъ построены въ позднѣйшія времена турецко-татарскаго владычества въ этомъ краѣ, но нельзя также не отнести къ болѣе отдаленнѣйшимъ вѣкамъ сооруженій громаднхъ твердынь, подобныхъ и доннымъ уцѣлѣвшимъ сѣдамъ укрѣпленнаго мѣста на Темрюкской горѣ, къ сторонѣ Курчанскаго лимана и Азовскаго моря.

Какъ нѣкогда новгородскіе славяне, разъединенные внутренними несогласіями, призвали къ себѣ общаго владетеля, такъ и жители острова *Фанагоріи*: *козары*, *косогы*, *половцы* и другіе азійцы, терзаемые неурядицами, подчинились предприимчивымъ русскимъ князьямъ, искавшимъ счастья вдали отъ родины. Фанагорійскій островъ, съ появленіемъ на немъ русскихъ, сталъ извѣстенъ подъ названіемъ *Тматоракани*, испорченное древне-греческое слово — *Таматарха*, что значитъ: *рыбье звѣно*, *соленіе рыбъ*. Островъ этотъ, дѣйствительно, богатъ рыбными и соляными промыслами.

По смерти Владиміра I, въ 1015 году, Тматораканъ является однимъ изъ удѣльныхъ княжествъ русскаго царства. Самое же подчиненіе Тматоракани владычеству русскихъ князей относится ко времени Святослава I, ходившаго войною на яссовъ и когосовъ, жителей при-Кавказья.

По этому поводу Шафарикъ замѣчаетъ, что Святославъ въ 964—966 годахъ побѣдилъ яссовъ и когосовъ, предковъ черкесовъ, и въ то же время, *кажется* (подлинное выраженіе Шафарика), Святославъ поко-

рилъ *Таматарху* (Фанагорію) и всѣ Казарскія области на восточномъ берегу Азовскаго моря, извѣстныя послѣ подъ именемъ Тматораканскаго княжества.

Въ XI столѣтіи Тматоракань принадлежала Мстиславу, сыну Владиміра I. Онъ, дѣлая походы изъ Тматоракани на кочевъ, побѣдилъ ихъ князя Редедю въ единоборствѣ, и взялъ его землю, а на жителей наложилъ дань. Преданіе говоритъ, что Мстиславъ, борясь съ кочевскимъ княземъ и изнемогая въ этой борьбѣ, воскликнулъ: «Пречистая Богородица, помоги мнѣ! Если я его одолѣю, то построю церковь во имя твое!» Дѣйствительно, Мстиславъ, въ память своей побѣды, построилъ, по данному обѣту, въ Тматоракани церковь во имя Пресвятой Богородицы (¹).

Сохранившіеся памятники древности не указываютъ мѣста, гдѣ была эта церковь, но есть свидѣтельства о водвореніи христіанской вѣры въ Тматоракани во время владычества русскихъ князей. При заселеніи черноморцами, въ 1792 году, Таманскаго острова, найдены развалины древняго монастыря на горѣ, вдавшейся полукругомъ въ Ахтанизовскій лиманъ. Можно предполагать, что это былъ тотъ самый монастырь, который, по историческимъ изслѣдованіямъ, построенъ въ 1054 году инокомъ Никономъ, другомъ св. Феодосія Печерскаго (²). По мнѣнію Оленина, Никонъ былъ посланъ отъ тматораканцевъ къ черниговскому князю Святославу Ростиславовичу — «да пуститъ имъ сына своего Глѣба на престолъ тматораканскій». И между мѣстными жителями сохранилось преданіе, что монастырь основанъ во имя св. князей Бориса и Глѣба. Набожные черноморцы, изъ выбранныхъ въ развалинахъ монастыря камней, выстроили въ станицѣ Ахтанизовской церковь. Мѣсто, гдѣ былъ древній монастырь, и понынѣ извѣстно въ народѣ подъ названіемъ «*Борисова гора*», изъ которой, по словамъ мѣстныхъ жителей, лиманъ и теперь еще вымываетъ камни монастырскихъ построекъ.

Въ 1792 году черноморцы нашли камень, надпись на которомъ объясняла дѣянія князя Глѣба и опредѣляла разстояніе отъ одного берега пролива до другаго, въ виду пространства такъ называемаго Верблюжьяго брода, сѣвернѣе (Чушка и Ениколь) (³).

(¹) Славян. древн. *Шафарика*, Т. II кн. I.—Ист. Россіи Соловьева, Т. I.

(²) Кавказскій календарь 1868 г.

(³) Камень былъ найденъ на развалинахъ древняго города, близъ крѣпости Фанагоріи; онъ имѣетъ въ длину 1 аршинъ $9\frac{1}{2}$ вершковъ, въ ширину $5\frac{5}{8}$ верш-

Политическія обстоятельства заставили русскихъ князей бросить Тматоракань. Она осталась, по прежнему, въ рукахъ разноплеменнаго населенія, изъ котораго, какъ можно полагать, господствующимъ были половцы.

Въ XIII вѣкѣ, монголы подчинили себѣ всю землю Половецкую, Тавриду, черкесовъ и другихъ народовъ, въ окрестностяхъ Азовскихъ.

Со временъ князя Василія Темнаго сдѣлалась извѣстною *Крымская орда*, основанная *Эдигеемъ*. Сыновья его, по смерти отца, раздѣлились и погибли въ междоусобіи. Тогда монголы черноморскіе избрали себѣ въ ханы восемнадцати-лѣтняго юношу *Азы-Гирея*, который, покоривъ улусы въ окрестностяхъ Чернаго моря, основалъ независимую *Крымскую орду*. Но въ 1475 году, въ княженіе *Іоанна III*, ханъ *Менли-Гирей*, взятый въ плѣнъ турецкими войсками, принужденъ былъ признать надъ собою верховную власть султана (¹).

Татарскія орды, занявшія Крымъ, имѣли поселенія свои и на Фанагорійскомъ островѣ, гдѣ, кромѣ ихъ, жили *некрасовцы*. Время поселенія здѣсь этихъ казаковъ относится къ царствованію Петра Великаго, и было слѣдствіемъ возмущенія на Дону старшины Булавина. Главный сообщникъ Булавина, Игнатій Некрасовъ, ушелъ, съ набранною имъ шайкою, на Кубань и отдался подъ власть крымскаго хана (1708). За нимъ послѣдовали многіе казаки-раскольники изъ станицъ Голубинской, Чирской и разныя бѣглецы изъ другихъ мѣстъ. Первые

ковъ и въ вышину $10\frac{1}{2}$ вершковъ. На немъ изсѣчена, въ двѣ строки, надпись на славянскомъ языкѣ, буквами и цифрами того времени + $\frac{\Delta \Delta}{\Gamma \Gamma}$ Въ лѣто 6576 (1068) индикта 6, Глѣбъ князь мирилъ море по льду отъ Тматораканя до Кърчева (Керчи) 10,000 и 4,000 (т. е. 14,000 сажень).

По мнѣнію Оленина, надпись на камнѣ означаетъ разстояніе отъ Тамани до Керчи въ 21 версту, считая сажени того времени маховыми, а не нынѣшней мѣры. Въ 1793 году, присланный, по Высочайшему повелѣнію, инженеръ Самбуловъ, построилъ на деньги, данныя кошевымъ атаманомъ Черноморскаго войска, Чепѣгою, вокругъ камня ограду; но такъ какъ этотъ памятникъ глубокой древности находился отъ Тамани около версты, въ безлюдномъ мѣстѣ, то, по ходатайству войскаго судьи Черноморскаго войска Головатаго, съ разрѣшенія таврическаго губернатора Жегулина, тматораканскій камень, въ 1795 году перенесенъ въ Тамань, къ выстроенной коштомъ Головатаго первой въ Черноморіи каменной церкви, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и по сдѣланному Головатымъ плану, былъ положенъ на найденныхъ при берегѣ Ениколя столбахъ и фигурахъ изъ мрамора. Впослѣдствіи камень былъ взятъ въ Николаевъ, а потомъ перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ и нынѣ хранится въ муниц-кабинетѣ Императорскаго эрмитажа Зимняго дворца (Изъ дѣлъ Куб. войск. архива.—Примѣч. (3) къ II т. исторіи *Карамзина*).

(¹) Исторія Россіи *Карамзина*, Т. III, IV, V и VI.

пришельцы были поселены между татарскими городами Темрюкомъ и Таманью, между морями Чернымъ и Азовскимъ, близъ залива, и образовали три станицы: *Блудиловскую*, *Голубянскую* и *Чирскую*; вторые бѣгальцы водворились, между этими станицами, слободами. И тѣхъ, и другихъ ханъ подчинилъ «кубанскому сераскиру». Впрочемъ, не красовцы уже нашли своихъ земляковъ на Таманскомъ островѣ, бѣжавшихъ сюда съ Дона еще прежде, также по причинѣ гоненій на раскольниковъ.

Вмѣстѣ съ крымскими, кубанскими и горскими народами, не красовцы ходили войною на русскихъ и не щадили, при набѣгахъ, даже земляковъ своихъ на Дону. Въ 1777 году, при занятіи русскими войсками прикубанскаго края и острова Тамани, они бѣжали сначала къ черкесамъ, а въ слѣдующемъ году въ Турцію.

Эти историческія данныя, приводимыя Ригельманомъ, дополняются преданіями. Взятый, въ апрѣлѣ 1793 года, черноморскими казаками, на Кубани, въ плѣнъ *абазинскій не красовецъ* Андрей *Мазановъ*, рассказывалъ, что онъ родился на Фанагорійскомъ островѣ, гдѣ жили его отецъ и другіе не красовцы. Когда Россія овладѣла Тавридой, то переправившимся чрезъ Еникольскій проливъ, съ татарами, ханомъ *Шангиреемъ* (Шагинъ-Гирей) выгнаны были все не красовцы съ Фанагорійскаго острова и переселены въ Анатоцію. Тамъ Мазановъ жилъ до 1787 года, а въ томъ году отправился въ турецкій городъ Анапъ (Анапу), откуда перешелъ къ абазинцамъ, и занимаясь охотой и ловлей рыбы въ Кубани, съ другими не красовцами, бралъ въ плѣнъ черноморцевъ и продавалъ абазехамъ, откуда и самого его на Кубани поймали.

Скальковскій полагаетъ, что не красовцы изъ Тамани перешли прямо въ Болгарію и поселились близъ *Бабадага* и озера *Розельмъ*, гдѣ и жили до вызова ихъ въ Россію стараніями генералъ-лейтенанта Тучкова.

Не беру на себя согласовать различныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ о не красовцахъ, потому что исторія ихъ не входитъ въ мой рассказъ, скажу только, что они, дѣйствительно, въ указанное время жили на Таманскомъ островѣ и оставленные ими пустыя селенія были видны еще во время переселенія черноморцевъ на Кубань ⁽¹⁾.

Фанагорійскій островъ имѣетъ богатѣйшія рыбныя ловли, соляные

⁽¹⁾ Повѣствованіе о донцахъ *Ригельмана*.—Изъ дѣлъ Кубанск. архива. — Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края, *Скальковскаго*.

промыслы и нефтяные источники ⁽¹⁾. При своихъ естественныхъ богатствахъ и при выгодномъ топографическомъ положеніи отъ соединенія двухъ морей, островъ долженъ былъ обратить на себя особенное вниманіе Турціи. Возникли здѣсь крѣпости, города и ханскіе дворцы; все закипѣло жизнію; явились торговля, промышленность.

Фанагорія—по турецки *Таманъ*. Отъ этого имени, даннаго первому здѣсь городу, и самый островъ сталъ называться *Таманскимъ* ⁽²⁾.

Городъ Таманъ, или, какъ называютъ его нынѣ, *Таманъ*, съ огромною при немъ развалившеюся крѣпостію, съ бассейнами, съ фонтанами, съ роскошными садами и виноградниками, расположенъ надъ *Черченскимъ проливомъ* (прежде Босфорскій). При заселеніи черноморцами острова, Таманъ была еще городомъ, и 30-го января 1848 г. Высочайше утверждень для него *гербъ* ⁽³⁾, однако, и послѣ этого Таманъ, не имѣя городскихъ учреждений, осталась съ скромнымъ именемъ станицы.

Темрюкъ, другой городъ на Таманскомъ островѣ, получилъ свое названіе, вѣроятно, отъ *черкесскаго князя Темрюка*, на дочери котораго былъ женатъ Іоаннъ Грозный. Быть можетъ, этотъ самый князь жилъ на мѣстѣ расположенія самаго городка, съ тѣми черкесами, которые около 1502 года занимали весь восточный берегъ Азовскаго моря, отъ Дона до Босфора Кимерійскаго.

О мѣстоположеніи Темрюка войсковою есаулъ Черноморскаго войска *Гуликъ*, осматривавшій въ 1792 году здѣшній край, говоритъ:

«Попадъ *Атишскимъ* и *Ахтинискимъ* лиманами, за 25 верстъ песчаный ерикъ, идущій съ Ахтинискаго лимана и впадающій въ Азовское море. Напереді сего ерика городъ пустой, называемый *старый Темрюкъ*, гдѣ земляная крѣпость. Близъ сей крѣпости, верстъ за пять, надъ Ахтинискимъ лиманомъ и Азовскимъ моремъ, на косѣ ка-

⁽¹⁾ Красная рыба и икра изъ нея, приготовленная на рыбныхъ заводахъ Таманскаго острова, получили похвальный листъ на всемірной парижской выставкѣ, въ 1867 году.

⁽²⁾ Кромѣ города Тамани здѣсь былъ еще городъ Темрюкъ. Оба эти города были взяты въ 1557 году черкесскими князьями, союзниками царя Ивана Грознаго въ борьбѣ его съ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ; но потомъ оставлены ими.

⁽³⁾ Щитъ раздѣленъ крестообразно на четыре равныя части; въ первой, въ серебряномъ полѣ пурпуроваго цвѣта, украшенная золотомъ и драгоценными камнями, княжеская корона, на верху которой золотой крестъ; во второй, въ золотомъ полѣ, приморская крѣпость краснаго цвѣта, за нею огнедыщащая сопка; въ третьей, въ голубомъ полѣ, серебряная рыба, и въ четвертой, въ красномъ полѣ, три бугра соли. Щитъ окруженъ зеленою каймою, на которой 21 золотая звѣзда, по числу станицъ въ Таманскомъ округѣ.

менная пустая крѣпость, называемая *новый Темрюкъ*, и около оной на двухъ земляныхъ батареяхъ по двѣ чугунныхъ и по одной мѣдной, всего шесть пушекъ, изъ числа коихъ одна чугунная разбита».

Городовъ, видѣнныхъ Гуликомъ, теперь нѣтъ. Отъ стараго Темрюка уцѣлѣла только одна крѣпость съ землянымъ валомъ, довольно еще высокимъ, и кой-гдѣ остатки разбросанныхъ камней, изъ бывшихъ крѣпостныхъ построекъ. При ломкѣ камней изъ этой крѣпости, въ 1835 году, для колокольной, строившейся въ нынѣшнемъ Темрюкѣ, открытъ складъ артилерійскихъ припасовъ, именно ядеръ трехъ-фунтового калибра 450 штукъ, а въ 1837 году, выкопали также мѣдную трубу, вѣсомъ въ 2 пуда 8 фунт. Далѣе на востокъ около Темрюкскаго гирла замѣтны тоже небольшія земляныя укрѣпленія, и въ одномъ редутѣ и теперь еще торчатъ въ землѣ двѣ огромныя турецкія пушки. Не здѣсь ли былъ новый Темрюкъ, гдѣ проходитъ и упоминаемая Гуликомъ песчаная коса; или на противоположномъ берегу гирла, гдѣ была Темрюкская станица, а въ настоящее время, по горкѣ раскинулся городъ Темрюкъ, да еще и *портовый*.

Кромѣ городовъ Тамани и Темрюка, и многихъ крѣпостей, со временъ турецко-татарскаго владычества былъ сильно укрѣпленный городъ *Очуевъ* или *Ачуй* (Ачуевъ), гдѣ на батареяхъ найдено Гуликомъ, въ 1792 году, *девятнадцать* большихъ пушекъ. На Ейской косѣ, зашедшей въ Азовское море, тоже была крѣпость съ ханскимъ дворцомъ, который русскіе называли *Шамиреевскимъ ретраншментомъ*. Здѣсь также найдены Гуликомъ четыре чугунныя пушки. Какъ эти, такъ и прочія орудія, бывшія въ Темрюкѣ и Ачуевѣ, по распоряженію войсковаго судьи Головатаго, перевезены въ Екатеринодаръ. Ханскій ретраншментъ, по заселеніи края черноморцами, состоялъ въ вѣдѣніи таврической казенной палаты; но, по просьбѣ Головатаго, разобранъ для постройки церкви при ейскомъ окружномъ правленіи, во имя *Преображенія Господня* ⁽¹⁾. (Въ Старо-Щербиновской станицѣ).

Въ то время, когда обладатели Таманскаго округа, при осѣдлой жизни, развивали тамъ внутреннее благоустройство, на привольныхъ степяхъ Кубанскаго края, къ сторонѣ Дона, кочевали отдѣлившіеся отъ Золотой Орды *татары* племени *Ногайскаго*. Кубанскіе ногайцы, состоя въ зависимости отъ крымскаго хана, подраздѣлялись на двѣ

⁽¹⁾ Исторія Россіи Карамзина, Т. VIII.—Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ, *Берже*.—Изъ дѣлъ Куб. войск. архива.

главныя орды: *Чамбурлукскую* и *Едманскую*; по мнѣнію же *Скальковскаго*, Кубанская орда происходила отъ колѣна *киргизовъ*, и главная ставка ихъ сераскира была на р. *Аганлы* (Афганлы), близъ впаденія ея въ Кубань, а кочевья ихъ доходили до нынѣшняго *Копыла*.

Не знаю, на сколько вѣрно предположеніе Скальковскаго о происхожденіи кубанскихъ ордъ, кочевавшихъ нѣкогда на землѣ, заселенной Черноморскимъ войскомъ, но замѣчу, что г. Скальковскій издалъ свою книгу въ 1850 году, а въ это время, сколько мнѣ извѣстно, въ Черноморіи не было и нѣтъ р. Аганлы или Афганлы, впадающей въ Кубань; есть рѣчка *Ангели*, или, такъ называемый, Ангелинскій (на картѣ *Англійскій*) ерикъ, набирающій воду при половодіи Кубани ⁽¹⁾. Скальковскій говоритъ, что главная ставка сераскира кубанскихъ ордъ была при впаденіи р. Аганлы въ Кубань. Если принять, что эта рѣчка есть упомянутый мною ерикъ и что впаденіе ея Скальковскій разумѣетъ соединеніе съ Кубанью, не далеко отъ *Краснаго мѣса*, то и тутъ нѣтъ никакихъ признаковъ резиденціи главнаго начальника кубанскихъ народовъ, а такое мѣсто не могло бы остаться безслѣднымъ. Мѣстопробываніемъ сераскира *Дебу* полагаетъ Копыль, съ чѣмъ скорѣе можно согласиться, потому что здѣсь и, до сихъ поръ, видны развалины каменнаго укрѣпленія надъ самой Протокой съ лѣвой ея стороны.

Въ 1770 году, во время турецкой войны, русскія войска, вступивъ въ Крымъ, заняли Таманскій островъ и города *Тамань*, *Темрюкъ*, *Ахай* и *Алфону* (Гдѣ были послѣдніе два города—неизвѣстно). Болѣе 200,000 татаръ, населявшихъ островъ и *твердую землю*, (полагаю Кубанскій край), сдались русскимъ войскамъ, но по мирному трактату, заключенному въ *Кучукъ-Кайнарджѣ*, всѣ татарскіе народы, *крымскіе*, *кубанскіе* и проч., признаны были состоящими подъ властью хана чингискаго поколѣнія.

По этому же трактату, Россія предоставила татарамъ, кромѣ Керчи и Ениколя съ ихъ уѣздами и пристанями, всѣ города, крѣпости, селенія, земли и пристани, въ Крыму и на Кубани, оружіемъ ея приобрѣтенныя; Порты, съ своей стороны, отреклась отъ всякаго права на крѣпости, города и жилища въ Крыму, на Кубани и на островѣ Таманѣ лежащія, уступая все это татарамъ въ независимое ихъ вла-

⁽¹⁾ Въ этомъ ерикѣ, по словамъ *Дебу*, найденъ камень, съ высѣченной греческими буквами надписью: «*Αγγελινο τοοτολο νηδεοχιο*».

дѣніе. Кубань, какъ и прежде, осталась турецкою границею отъ татаръ.

Такимъ образомъ и Таманскій островъ и Кубанскій край, завоеванные русскими войсками, были очищены.

По кайнарджискому трактату, султанъ, имѣя въ Крыму одно только религіозное значеніе, какъ глава ислама, старался возвратитъ и прежнее политическое вліяніе на Крымъ, что, конечно, не могло соотвѣтствовать видамъ русскаго правительства. При такихъ враждебныхъ вліяніяхъ двухъ сосѣдственныхъ державъ, на Крымскомъ полуостровѣ образовались партіи русская и турецкая, которыя, защищая взаимные интересы, вліяли на шаткую власть крымскаго хана. Въ 1775 г., преданный Россіи ханъ *Сагитъ-Гирей* былъ свергнутъ съ престола, и на мѣсто его возведенъ угодникъ султана, *Девлетъ-Гирей*; но и онъ скоро принужденъ былъ уступить мѣсто хану *Шагинъ-Гирею*. Этотъ новый властелинъ татарскаго народа, началъ вводить въ Крыму различныя реформы, но вооружилъ противъ себя поборниковъ старины, и, очутившись въ затруднительномъ положеніи, искалъ покровительства Россіи. Принужденный въ 1782 году, вслѣдствіе открытаго мятежа родныхъ братьевъ, бѣжать въ Таганрогъ, онъ хотя и былъ, съ помощію русскихъ войскъ, вновь возведенъ на престолъ, но своими жестокостями уже въ слѣдующемъ 1783 году далъ недовольнымъ поводъ къ новому бунту.

Императрица Екатерина, съ цѣлію положить предѣлъ смутамъ, волновавшимъ Крымскій полуостровъ, поручила *Потемкину* вступить туда съ русскими войсками.

Крымъ остался лишь номинально независимымъ государствомъ: царство потомковъ грознаго Батыя видимо разрушалось. Чтобы отдалить, однако, отъ Крыма ногайцевъ, кочевавшихъ на кубанскихъ степяхъ, и тѣмъ разъединить силы татаръ, Екатерина ввѣрила исполненіе этого плана *Суворову*. Прибывъ на Кубанскую линію и обозрѣвъ мѣста отъ Азова до Тамани, онъ занялъ эту черту укрѣпленіями до морскихъ береговъ.

Въ 1783 году Шагинъ-Гирей отрекся отъ ханскаго престола. Крымъ, Таманскій островъ и вся правая Кубанская сторона вошли въ предѣлы Россіи. Договоромъ, заключеннымъ съ Оттоманской Портой въ Константинополѣ 28-го декабря 1783 года, рѣка Кубань была постановлена границей между обѣими имперіями. Граница эта еще разъ подтверждена Турціей трактатомъ 29-го декабря 1791 года.

Для торжественнаго объявленія отреченія крымскаго хана, Суворовъ собралъ ногайцевъ въ городокъ *Ейскъ*, на юго-восточномъ берегу Азовскаго моря (близъ ст. Старошербиновской), и предъявилъ

ордынцамъ условія, на которыхъ Шагинъ-Гирей, слагая съ себя званіе крымскаго хана, передавалъ русской государынѣ владычество надъ всѣми ордами татарскаго народа. При содѣйствіи приверженныхъ Россіи *Муса-Бей* и *Галиль Эфендія*, правителей *Чамбурлукской* и *Едманской* ордъ, подраздѣлявшихъ главную орду Ногайскую, онъ успѣлъ уговорить ногайцевъ мирно покориться необходимости, а нѣкоторыхъ султановъ убѣдилъ вовсе переселиться изъ Кубанской степи за Волгу. Часть же этихъ народовъ перешла въ Крымъ и водворилась въ окрестностяхъ Перекопа. 28-го іюня, ногайцы присягнули на подданство Россіи.

Водворенное спокойствіе было непродолжительно. Шагинъ-Гирей, подстрекаемый врагами Россіи, явился первымъ зачинщикомъ волненія между татарскимъ народомъ. Многіе ногайцы и Закубанская сторона черкесовъ возмутились открыто; бунтъ разлился по Ейской степи; шедшіе за Волгу на поселеніе ногайцы возвратились на прежнія кочевья. Суворовъ разбилъ ихъ на голову. Болѣе 500 татаръ легло на мѣстѣ; прочіе убѣжали за Кубань, оставивъ въ добычу русскимъ: женъ, дѣтей, огромныя стада и все свое имущество. До десяти тысячъ ногайцевъ, съ султаномъ *Тавомъ*, послѣ безуспѣшной осады Ейскаго городка, тоже ушли за Кубань.

Переправившись на лѣвый берегъ Кубани, Суворовъ разгромилъ притоны бунтовщиковъ.

Крымскій ханъ, жившій въ это время въ Таманѣ, былъ перевезенъ, по приказанію императрицы, въ Калугу.

Часть ногайцевъ князь Потемкинъ-Тавричскій переселилъ изъ Крыма на Уральскія степи; но около тысячи семействъ, стараніями едманскаго мурзы *Баязетъ-Бей*, воротились и водворились по р. Еѣ, на земляхъ прежнихъ владѣній ордъ кубанскихъ. Впослѣдствіи прибыло сюда еще до 2,000 ногайскихъ семействъ. Въ 1792 году, всѣ эти ногайцы переведены были въ Крымскія степи, на *Молочныя воды* (1).

Послѣ подчиненія Крыма Россіи и очищенія отъ ногайцевъ Кубанскихъ степей, богатый островъ Таманскій обезлюдѣлъ, и только опустѣвшіе города, крѣпости и селенія свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи здѣсь осѣдлыхъ народовъ.

Чтобы прикрыть границы отъ непріятельскихъ нападений и содержать въ страхѣ татаръ и другихъ хищныхъ сосѣдей, князь *Потем-*

(1) Исторія Суворова—*Полеваго*. — Полн. Собр. Зак. 1783 г. XXI (15708, 15901). Т. XXIII (17008).—Исторія паденія Польши—*Соловьева*.

кинъ протянулъ цѣпь войскъ по правому берегу Кубани и въ другихъ мѣстахъ очищеннаго края. Съ тѣхъ поръ, наши регулярныя войска, занявъ кубанскую границу, построили на Кordonной линіи укрѣпленія; въ оставшихся въ Таманѣ 150, старыхъ, турецкихъ домахъ, помѣстился баталіонъ егерей.

Такъ рушилось владычество татаръ въ краѣ между Чернымъ и Азовскимъ морями и р. Кубанью. Земли крымскихъ татаръ, собственно Крымъ, Таманскій островъ и Кубанскій край, окончательно вошли въ составъ государства русскаго.

Между прочими распоряженіями, касавшимися устройства вновь присоединеннаго края, по указу, данному сенату 2-го февраля 1784 года, островъ Таманскій присоединенъ къ новой Таврической области, а Кубанская земля причислена къ составу Кавказской губерніи ⁽¹⁾.

II.

Стремленіе черноморцевъ къ единству.—Выборъ кошеваго.—Кутузовъ и черноморцы.—Войсковая администрація за Бугомъ.

Ой летить бомба зъ Московскаго стана,
Та посередъ Січі впала.
Ой хоть пропали славні запорожці,
Та не пропала їх слава!
народная пѣсня.

Съ паденіемъ Запорожской Сѣчи, старинныя вольности запорожскихъ казаковъ рушились безвозвратно; населеніе войска разбѣлосъ во все стороны; многіе старшины поступили въ государственную службу, а простое казачество — «*хто до турка, хто до пана, а хто й въ губерніи приписавсь*». Такъ говорили стародавніе люди: «*а їмъ батьки казали: якъ січъ руйнували та пісню співали*»:

Чорна хмара наступає,
Либонь дощикъ буде,
Вжежъ нашого запорожца
До віку не буде.
Бо цариця, мати наша
Напустъ напустила,
Славне войско Запорожське
Та й занастила.

⁽¹⁾ Описаніе жизни князя Потемкина-Таврическаго, напечатано въ Москвѣ въ 1808 г.—Полн. Собр. Зак. 1784 г. Т. XXII (15920).

Однако казацкій духъ единства жилъ и въ богатой хатинѣ старшины, и въ убогой хижинѣ казака. Подавленная казацкая воля рвалась на просторъ выказать свою удалую отвагу. Оставшіеся въ Россіи запорожцы подчинились власти правительства и терпѣливо переносили испытаніе утраченной независимости. Въ самый безнадежный періодъ своей жизни, отъ разрушенія Сѣчи до новаго казацкаго коша за Бугомъ, они не утратили ни геройскаго духа предковъ, ни горячей любви къ сословнымъ интересамъ войска: общее желаніе запорожцевъ стремилось къ одному знаменателю — къ *казацкой вольности*.

Сильный духъ запорожцевъ выражался народнымъ представительствомъ въ лицѣ старшинъ. Эти-то почтенные довѣренностію войска ходатаи, начали искать удобнаго случая воскресить вольное казачество. Турецкая война 1787 года рѣшила судьбу запорожцевъ. Призванные княземъ Тавриды подъ знамена Россіи, сѣчевики взвились орлами на Черномъ морѣ и мощной казацкой грудью пробили дорогу къ милостямъ Великой Монархини. Возстановленіе за Бугомъ, изъ остатковъ Запорожья, коша «*вѣрнаго войска черноморскаго*», было наградой за доблестную службу запорожскихъ казаковъ въ войну противу враговъ отечества. Завѣтныя мечты войскового товарищества сбылись, правленіе войска было установлено, и въ главѣ бывшихъ сыновъ Днѣпра сталъ, по прежнему, въ за-Бугскомъ кошѣ, *батько-кошевой атаманъ*.

Служа подъ непосредственнымъ начальствомъ могущественнаго своего покровителя князя *Потемкина-Таврическаго*, казакамъ нужно было удержатъ за собою ту славу, которою гордился *гетманъ* войска Черноморскаго, великолѣпный князь Тавриды. Всякое случайное неудовольствіе этого своенравнаго вельможи могло поколебать шаткое еще устройство Черноморскаго войска.

Слѣдующій случай обрисовываетъ тревожное состояніе черноморцевъ въ роковое время ихъ возрожденія за Бугомъ. Въ концѣ января 1791 года пронесся въ арміи слухъ, что татары въ урочищѣ *Монастырище* (на Дунаѣ) захватили врасплохъ команду черноморскихъ казаковъ, состоявшую подъ начальствомъ войскового полковника *Чернышева*, изъ которыхъ 25 были взяты въ плѣнъ, а остальные 25 кое-какъ убрались въ лодки и тѣмъ спаслись. Кошевой атаманъ *Чептя* и войскового судья *Головатый* были, въ это время, въ *Яссахъ*, и когда получили печальное извѣстіе, то писали (2-го февраля 1791 г.) Чернышеву, что они «находятся у его свѣтлости (Потемкина) для всего Черноморскаго общества благополучія, которое и началось съ хорошимъ успѣхомъ, но означенное зло привело ихъ въ горестное сомнѣ-

ніе, такъ что и начатое дѣло пріостановилось.....» Для устраненія подобныхъ непріятныхъ случаевъ, правители войска поручали Чернышеву внушить казакамъ долгъ службы, повиновеніе властямъ, воинскую осторожность, и во всемъ этомъ наипаче убѣдить ихъ словами: «Собраться намъ было трудно, а расточать насъ чрезъ неповиновеніе—легко».

Хотя слухъ оказался ложнымъ, однако самый фактъ показываетъ, что черноморцы крѣпко тревожились за благосостояніе войска, если бы навлекли на себя гнѣвъ Потемкина.

Черноморцы, дорожа славой войска и заслуженными правами, не менѣе заботились и о сохраненіи среди войсковой семьи чистоты нравовъ и безупречнаго поведенія, чтобы и съ этой стороны не потерять у начальства добраго о себѣ мнѣнія. По поводу этому разскажу случай, характеризующій нравственную сторону черноморцевъ. Кошное начальство, извѣстившись, что полковой хорунжій, арміи прапорщикъ Андрей *Бѣлый*, занимается воровствомъ и другими дурными дѣлами, и тѣмъ наноситъ войску безчестіе, изгнало его изъ среды войскового общества *на собственное пропитаніе*, съ запрещеніемъ не только вновь принимать на службу въ войскъ, но даже не имѣть съ нимъ честнымъ людямъ никакого общенія, чтобы и другіе не могли совратиться съ истиннаго пути.

Черноморское войско, собравшись за Бугомъ, организовало у себя войсковой кошъ, по примѣру бывшаго въ войскѣ запорожскомъ. Первымъ кошевымъ атаманомъ за-Бугскаго коша былъ избранъ, по древнему обычаю казаковъ, старшина войска Сидоръ Игнатьевичъ *Бѣлый*. Не смотря на войсковой выборъ, Бѣлый, въ званіи кошеваго былъ утвержденъ еще и со стороны правительства, начальникомъ края и военныхъ силъ тамъ расположенныхъ, фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ.

Послѣ смерти кошеваго Сидора Бѣлого, между черноморскими казаками образовались двѣ партіи: одна желала поставить во главѣ войска *Головатаго*, другая *Чепыгу*. Оба эти старшины были уважаемы въ кругѣ войскового общества, какъ первые народные представители; оба отличались военными достоинствами, и оба пользовались общею любовью и привязанностію казаковъ. И по положенію въ войскѣ, оба были изъ числа первыхъ: Головатый, отличный администраторъ, былъ войсковымъ судьей, что давало ему, по службѣ въ войскѣ, первенство послѣ кошеваго атамана; Чепѣга, напротивъ, отличившійся въ послѣднюю войну особенною храбростію, былъ однимъ изъ пер-

выхъ военачальниковъ *вѣрныхъ* черноморскихъ казаковъ,—что, въ тогдашнее военное время, цѣнилось выше гражданскихъ заслугъ.

Послѣ долгихъ колебаній между мнѣніями *войскового товариства*, выборъ палъ на *Чепыгу*. Извѣстная во всемъ войскѣ личная храбрость, распорядительность въ бою и молодецкая отвага дали ему перевѣсъ надъ Головатымъ. Не смотря, однако, на соперничество Чепѣги съ Головатымъ изъ-за выборовъ въ кошевые, оба они остались друзьями.

Эта борьба двухъ сторонъ была только слабымъ отблескомъ того, что происходило нѣкогда въ Запорожьѣ, гдѣ выборы кошевыхъ отличались необузданнымъ разгуломъ и не рѣдко сопровождались кровопролитіемъ при разногласіи *рады* казаковъ. За Бугомъ ничего подобнаго не было. Воля начальства приковывала всѣхъ и каждого къ порядку и военной субординаціи. При такихъ гарантіяхъ тишины и спокойствія, само начальство не могло не принять на себя рѣшенія игры партій скорымъ назначеніемъ кошеваго атамана одного изъ двухъ выбиравшихся войсковыхъ старшинъ, тѣмъ болѣе, что, по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, нужно было безотлагательно поставить человека во главѣ молодаго войска, находившагося лицомъ къ лицу съ непріателемъ.

По переходѣ казаковъ на Кубань, высшее правительство одинъ только разъ требовало отъ войска выбора кошеваго атамана, на мѣсто Чепѣги, да и то утвержденіе избраннаго зависѣло отъ воли Императора; затѣмъ уже назначеніе войсковыхъ атамановъ постоянно зависѣло отъ Высочайшей власти.

Образовавшійся за Бугомъ кошъ Черноморскихъ казаковъ не имѣлъ, по военному времени, прочныхъ основаній; власть кошеваго атамана была на столько несамостоятельна, что, не смотря на покровительство князя Таврическаго, черноморцы часто находились въ зависимости отъ лицъ, мало уважавшихъ достоинство кошеваго атамана. Казацкое самолюбіе было задѣто заживое, и однажды дѣло дошло до взрыва. Это было по слѣдующему случаю.

Для отысканія путей препровожденія плѣнныхъ турокъ, взятыхъ на Дунаѣ 6-го іюня 1789 года, генералъ Голенищевъ-Кутузовъ написалъ кошевому атаману Чепѣгѣ слѣдовать съ конницею Черноморскаго войска, вмѣстѣ съ бригадою полковника *Исаева* и съ Бугскимъ казачьимъ полкомъ полковника *Скаржинскаго*, чрезъ Тилигулъ, Куяльники и далѣе къ открытію Бендеръ; для видимости же о всѣхъ распоряженіяхъ по этой экспедиціи Кутузовъ прислалъ въ копіи ордеръ, данный имъ по сему предмету полковнику Исаеву. По смыслу

ордера, Чепѣга и Скаржинскій должны были поступить подъ команду Исаева, отъ котораго Чепѣга получилъ, въ то же время, и отзывъ о выступленіи по назначенію.

Вотъ отъ слова до слова отвѣтъ Чепѣги Кутузову, отражавшій въ себѣ чувство оскорбленнаго достоинства кошевого атамана и всего войска Черноморскаго. Захарій Алексѣевичъ 8-го іюня 1789 года писалъ: «Нынѣ прибывши я въ кошъ какъ объявилъ старшинамъ и казакамъ, вашего превосходительства, — о походѣ и о бытіи мнѣ съ войскомъ подвѣдомственнымъ господину полковнику и кавалеру Исаеву — ордеръ, то старшины и знатные казаки, будучи о походѣ довольны, сказали мнѣ *громко*, что эта подвѣдомственность въ крайнѣйшую намъ обиду, разореніе и въ вѣчное безчестіе, — такъ какъ будто бы Черноморское войско ничего незначущее и само собою справиться не можетъ; а при томъ вѣдая прошлогоднюю отъ Донскихъ войскъ обиду — *приговорили*: объ увольненіи отъ вышенисанной подвѣдомственности и о бытіи подъ однимъ только вашего превосходительства начальствомъ, куда подлежитъ отнестись просьбою. О чемъ вашему превосходительству подъ высокое разсмотрѣніе за долгъ почитаю симъ поднести».

Такое представленіе Кутузову сильно не понравилось, и, онъ, того же дня, отвѣтилъ строгимъ предписаніемъ кошевому: «тотчасъ слѣдовать въ сказанный походъ и догнать на Тилигулѣ, 10-го числа, бригаду Исаева и Бугскій полкъ»; въ противномъ случаѣ, угрожая признать Чепѣгу ослушникомъ, Кутузовъ добавилъ, что если не будетъ исполнено предписаніе, то онъ донесетъ *фельдмаршалу*, къ которому и самъ кошевой атаманъ долженъ будетъ явиться съ главными зачинщиками неповиновенія, побудившими его къ такому *безразсудному поступку*. Кромѣ того Кутузовъ поставлялъ на видъ, что такъ какъ Чепѣгѣ предписывалось только дѣйствовать вмѣстѣ съ Исаевымъ и Скаржинскимъ, то отъ совокупныхъ дѣйствій *съ российскими войсками* онъ не могъ отказываться. На оборотѣ предписанія Кутузовъ приписалъ своеручно: «Совѣтую вамъ тотчасъ выступить и не подвергать себя и войско гнѣву его свѣтлости, а себя строгому суду». Получивъ грозное повелѣніе, кошевой атаманъ донесъ Кутузову, что хотя онъ и просилъ освободить его отъ подчиненности Исаеву, но отъ походу не отказывался, а соединившись съ донцами и бугцами выступилъ въ предписанный путь и находится на маршѣ, «чѣмъ долгъ воинской службы съ тщаніемъ исполняетъ».

Это донесеніе также не могло понравиться генералу Кутузову: въ немъ онъ видѣлъ свою ошибку въ поспѣшномъ заключеніи о винѣ

Чепѣги, въ неисполненіи «долга службы», чего вовсе не было. Тѣмъ болѣе это было непріятно Михаилу Илларионовичу, что онъ, не выждавъ послѣдняго донесенія Чепѣги, успѣлъ уже отрапортовать фельдмаршалу князю Потемкину о случившемся, не въ пользу черноморскаго коша. Не вѣрилъ ли Потемкинъ этому донесенію, или снисходилъ къ юному своему войску Черноморскому, только далеко не въ Кутузовскомъ тонѣ писалъ онъ Чепѣгѣ, 9-го іюня (№ 472), что «онъ (Чепѣга) иначе понялъ данное ему отъ Кутузова повелѣніе объ общемъ съ прочими войсками предпріятіи къ сторонѣ непріятельской», и что «его (Потемкина) есть приказаніе всѣмъ дѣйствовать согласно»; поэтому требовалъ, чтобы Чепѣга, съ войскомъ «вѣрныхъ казаковъ черноморскихъ какъ наискорѣе выступилъ въ предназначенный походъ». Но когда кошевой атаманъ, въ защиту своей чести и чести войска, въ тотъ же день донесъ Потемкину о точномъ исполненіи имъ служебныхъ требованій Кутузова, помимо просьбы о неподчиненіи Исаеву, то фельдмаршалъ замѣтилъ, вѣроятно, Кутузову о напрасно поднятой имъ тревогѣ, потому что послѣдній, переходя отъ угрозъ къ ласкамъ, 11-го іюня писалъ кошевому атаману черноморцевъ: «Я увѣдомленъ, что вы въ назначенное отъ меня время въ походъ, обще съ донскими и бугскими казаками, выступили. Похваляю ваше усердіе и исправность, и притомъ хочу изъяснить, что вы никакъ не должны почитать себя въ командѣ г. полковника и кавалера Исаева, а посланы вы только содѣйствовать ему, и споспѣшествовать общему дѣлу, — о чемъ объявить можете и войску Черноморскому. Я имѣю твердую надежду, что вы, съ войскомъ вамъ ввѣреннымъ, и впредь, когда потребуется отъ васъ Ея Императорскому Величеству служеніе обще съ другими российскими войсками, усердно и дружно долгъ свой исполнять будете».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о внутреннемъ управленіи войска.

По случаю военного времени, Черноморское войско формировалось за Бугомъ изъ однихъ служилыхъ людей; къ нимъ мало по малу присоединялись семейства, поселявшіяся на отведенной княземъ Тавриды землѣ, между Бугомъ и Днѣстромъ, по берегу Чернаго моря, въ пустыхъ селеніяхъ молдаванъ, переведенныхъ въ открывшуюся съ турками войну на лѣвую сторону Буга. Не успѣли черноморцы водвориться за Бугомъ, какъ уже послѣдовало переселеніе ихъ на Кубань.

При такомъ переходномъ состояніи, войсковой кошъ хотя и былъ основанъ за Бугомъ по примѣру запорожскаго войска, но не имѣлъ полного состава запорожскаго; кромѣ кошевого атамана, помощниками его по управленію войскомъ были войсковой *судья*, *писарь* и *еса-*

улъ; да и эти немногія должности замѣщены были только въ виду крайней необходимости, что видно изъ найденнаго въ дѣлахъ выборнаго листа на должность войскового есаула.

Избранные старшины утверждались въ своихъ должностяхъ за Бугомъ и на Кубанѣ правительствомъ.

Кромѣ войскового коша, за Бугомъ были учреждены *три* полковые паланки (окружныя правленія): *Березанская, Поднѣстрянская и Кинбурнская*. Онѣ управлялись назначавшимися отъ коша старшинами. Каждой паланкѣ были подвѣдомы нѣсколько казачьихъ поселеній.

Кошевой атаманъ, управляя внутреннею администраціей войска, соображался, на сколько было можно, съ порядками, существовавшими въ Запорожѣ. Всѣ распорядительныя дѣйствія коша, если не было повелѣній отъ высшаго начальства, основывались на народной волѣ, выражавшейся въ общественномъ представленіи. Это право само правительство признавало за обществомъ Черноморскаго войска, но только за Бугомъ, — что подтверждается многими официальными документами первыхъ государственныхъ лицъ, относившихся въ своей перепискѣ такъ: «*Кошевому атаману, старшинамъ войска и всему обществу*».

Для примѣра, на сколько общественное мнѣніе имѣло вліянія на дѣйствія коша, привожу случай, хотя и не законченный, но довольно характеристичный.

Кошевой атаманъ Чепѣга, 18-го августа 1789 года, писалъ войсковому судѣ Головатому, бывшему тогда съ пѣхотной командой на гребной флотиліи: «По извѣстіямъ, пѣхотная Черноморскаго войска команда служить по донскому не желаетъ и сотниковъ у себя избирать не хочетъ; конная же команда возымѣла едино намѣреніе просить его свѣтлость о Таврической землѣ, дабы до тѣхъ мѣстъ, которыя опредѣляются для сего войска ⁽¹⁾, прибавлено было на сию сторону Перекопа по Диѣпръ, зачавъ отъ лимана даже до Конской, а по оной до Азовскаго моря». Посылая къ Головатому пять атамановъ съ казаками, Чепѣга просилъ: — «приложить стараніе привести и пѣхотную команду о землѣ въ единогласіе, а также и о донской службѣ. При тѣхъ же нарочно посланныхъ, кому слѣдуетъ приказать учинить настоящую выправку: какого она (пѣхотная) мнѣнія, дабы и конная

⁽¹⁾ Вѣроятно рѣчь идетъ о Фанагорійскомъ островѣ, пожалованномъ Черноморскому войску по указу 14-го января 1788 года (Полн. Собр. Зак.).

команда съ пѣхотною могла быть въ единомъ согласіи». Чрезъ тѣхъ же нарочно посланныхъ атамановъ Чепѣга просилъ увѣдомленія *за подписаніемъ общихъ рукъ*.

По требованію этому, 19-го августа того же года, служившею подъ начальствомъ войскового судьи Головатого пѣхотною командою составленъ былъ на Березанѣ приговоръ, писанный вчернѣ рукою самого Головатого, слѣдующаго содержания:

«Въ дополненіе просимой уже нами, для поселенія войска вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ, впустѣ лежащей по способности и желанію нашему всей Кубанской стороны еще и на сей сторонѣ Азовскаго моря Перекопскую степь, зачавъ отъ устья Бердянска по Перекопскую линію, а отъ оной по Кинбурнѣ, а отъ Кинбурна берегъ лиманскій и отъ правой до устья Конской впадающей въ . . . и вверху по оной до вершины Бердянской, и тамъ въ низъ по Бердянкѣ. На первый случай переселить нашихъ женъ и дѣтей и движимое имѣніе съ владѣльческихъ и казенныхъ селеній, равно престарѣлыхъ, раненыхъ и малолѣтнихъ неспособныхъ уже въ службу. Просить, гдѣ подлежитъ, отводу оной. *Куренные атаманы согласны и завѣдомо куреннаго товариства старшихъ и меньшихъ подписуемся...*» (Слѣдуютъ подписи атамановъ).

Головатый, передавая этотъ приговоръ Чепѣгѣ, того же 19-го числа августа писалъ: «Приговоръ, всходственность желаній присланныхъ отъ васъ депутатовъ сего войска учиненнаго, копію для объявленія тамошнему обществу при семъ препровождаю и притомъ совѣтую учинить и также сходственно съ него копію пришить ко мнѣ, дабы сіе могло быть единственнымъ уже и твердымъ на вѣки.

«Штатъ о жалованьѣ и фуражѣ, противъ донскихъ войскъ, еще въ прошломъ годѣ, на майскую треть, его свѣтлостію опробованъ и подписанъ, по которому нижніе и *вышніе* чины, а при томъ и самыя жалованье и фуражъ на лошадей получаетъ, котораго подлинникъ хранится у васъ. Вы его разсмотрите и увидите, что оно все такъ какъ въ прошедшую войну получали старшины, — кромѣ рядовыхъ казаковъ. Все то нельзя и почитать, такъ какъ не по донскому положенію мы нынѣ есть. Послужимъ, только постарайтесь. Касательно до пѣхоты, то она въ своемъ существѣ, такъ какъ и была на военной ногѣ всегда готова проливать кровь *за вѣру, отечество и волюность*, которую заслужить положили съ помощію Бога ⁽¹⁾».

⁽¹⁾ Отрывокъ этой интересной переписки найденъ въ дѣлахъ Кубанскаго войскового архива. Что послѣдовало за приговоромъ о желанной землѣ, неиз-

Послѣднія слова Головатого вполне объясняютъ стремленія Черноморскаго войска—къ возстановленію «вольности» казаковъ, какъ было въ Запорожьѣ....

Желаніе черноморцевъ сбылось; они, дѣйствительно, «съ Божіей помощью», заслужили то, чего такъ долго ожидали отъ времени, обстоятельствъ, усердной своей службы и милости царицы. Они благородной стезей дошли до правъ и преимуществъ, дарованныхъ Черноморскому войску Высочайшей грамотой 30-го іюня 1792 года. Большихъ правъ войску, въ то время, нельзя было желать; такія независимыя общины въ государствѣ, какъ запорожскій кошъ, были уже немыслимы въ правительственной сферѣ.

Достигнувъ желанной цѣли, черноморцы на Кубани, какъ и за Бугомъ, крѣпко старались поддержать честь и славу своего войска и исполнить въ точности священный завѣтъ матери-царицы: «бдительно хранить пограничную линію отъ набѣговъ закубанскихъ горцевъ, соблюсти имя храбрыхъ воиновъ и заслужить званіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ.»

III.

Переселеніе черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань. — Частное и войсковое хозяйство. — Войсковая администрація. — Медицина, Гимназія и Духовенство. — Мысли Ланжерона. — Заключение.

Харько ⁽¹⁾ листи засилае,
На Кубань річку зазывае.
Дарує лісами, рібними плесами
І ще й вольними степами.
НАРОДНА ПІСНЯ.

Ни угрюмая пустыня необозримыхъ стеновъ кубанскихъ, ни убійственный климатъ при-кубанскихъ болотъ, ни опасное сосѣдство дикихъ за-кубанскихъ горцевъ, ничто не устранило вѣрныхъ и преданныхъ престолу черноморцевъ. Они, съ покорностію судьбѣ, стремились изъ-за Буга туда, куда призывала ихъ польза государства. Они спѣшили укрѣпиться живою изгородью на южной русской окраинѣ и

известно; но просьба, какъ видимъ изъ другихъ фактовъ, не состоялась. Въмѣсто означенной въ приговорѣ 19-го августа 1789 года земли, Потемкинъ позволилъ черноморцамъ поселиться на берегу Чернаго моря, между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ они и жили до 1792 года, т. е. до переселенія на Кубань.

⁽¹⁾ VII стр. 29..

мощною своею казацкою грудью заслонить свои новыя жилища отъ гибельныхъ набѣговъ за-кубанскихъ народовъ.

Черноморское войско, по волѣ Императрицы Екатерины II, въ 1792 и 1793 годахъ, перешло изъ-за Буга на Кубань, для заселенія пустынного края и занятія границы по р. Кубани противу черкесскихъ племенъ, обитавшихъ по лѣвую сторону этой рѣки, въ горахъ западнаго Кавказа ⁽¹⁾.

Первоначально, 25-го августа 1792 года, прибыли Чернымъ моремъ къ Тамани на гребной флотиліи (51 лодка и одна яхта) 3,847 человекъ строевыхъ черноморцевъ, подъ командою войскового полковника Саввы *Бѣлого*; за ними, въ октябрѣ того же года, перешелъ сухимъ путемъ на кубанскую землю кошевой атаманъ Чепѣга, съ войсковымъ штабомъ, обозомъ, тремя конными и двумя пѣшими пятисотенными полками. Для устройства дѣлъ по переселенію на Кубань семейныхъ черноморцевъ остался на время за Бугомъ войсковой судья Головатый.

Съ ранней весны 1793 года, Головатый объявилъ черноморцамъ чрезъ полковыя паланки (Березанскую, Поднѣстрянскую и Кинбурнскую) о предстоящемъ походѣ на вновь пожалованную землю; велѣлъ всѣмъ желающимъ на переселеніе запасти подводами и быть готовыми къ выступленію.

Разсчитывая на долгую жизнь за Бугомъ, черноморцы обстроились, завели хутора, мельницы, рыбныя ловли, хлѣбопашество, садоводство, пчеловодство, скотоводство и прочее хозяйство. Когда же было объявлено новое переселеніе на Кубань, то всѣ угодья и учрежденія, неудобныя, или и вовсе невозможныя къ передвиженію на Кубань, пришлось оставить на мѣстѣ. Жаль было разставаться казакамъ съ нажитымъ своимъ добромъ. Впрочемъ, имъ представлялось на волю—идти и не идти на Кубань. Но могли ли черноморцы разстаться съ единствомъ казачьей семьи? могли ли покинуть своего любимаго *батюшку кошового Харька Чепѣгу*, звавшаго ихъ съ собою на пустынные, но привольные берега Кубани,—гдѣ всѣ блага природы отдавались въ полное владѣніе казаковъ, на вѣчныя времена!... Нѣтъ! Они лучше согласились лишиться всего имущества, да быть вмѣстѣ тамъ, гдѣ душа

⁽¹⁾ При переселеніи изъ-за Буга на Кубань, Черноморское войско, по Высочайшему соизволенію, получило въ пособіе отъ казны 30,000 рублей, для вдовъ съ дѣтьми, потерявшихъ мужей на сраженіяхъ въ войнѣ за отечество и провіантъ для казаковъ (Собр. Закон. 1792 года Т. XXIII (17,058) и дѣла войск. архива).

казака, нестѣсенная условными требованіями, могла насладиться свободой и вольностью дарованныхъ войску правъ и привилегій....

Нѣкоторымъ черноморцамъ удалось за Бугомъ запродавать свои усадьбы, но прибывши обратно на эти мѣста молдаване, начали присвоивать себѣ все, что принадлежало черноморцамъ, подъ предлогомъ, что прежде это были ихъ поселенія; даже отнимали у казаковъ домашній скотъ, на пополненіе, будто бы, уворованнаго молдаванскаго скота. Поводомъ къ такому самоуправству и притѣсненію *бѣдныхъ казаковъ* послужило повелѣніе правителя екатеринославскаго намѣстничества, генерала Каховскаго, водворить молдаванъ въ селеніяхъ выходившихъ на Кубань черноморцевъ ⁽¹⁾.

Головатый оставилъ за Бугомъ, для огражденія правъ казаковъ на ихъ имущества, полковаго есаула *Черненко*, исходатайствовавъ ему у графа Суворова-Рымникскаго содѣйствіе со стороны правительства; а самъ, въ маѣ мѣсяцѣ, двинулся на Кубань со всѣми переселявшимися черноморцами *двадцатью* колоннами, чрезъ Бугъ, на Сокольскій перевозъ, потомъ чрезъ Днѣпръ на Бериславль.

Черненко защищалъ права черноморцевъ со всей ревностью казака; но что могъ сдѣлать полковой есаулъ собственною властью, тамъ гдѣ не было ни малѣйшаго сочувствія мѣстной власти къ его представительству? Вскорѣ Черненко былъ отозванъ отъ своего поста, оказавшагося мало полезнымъ для войска Черноморскаго.

Во время переселенія, многіе черноморцы, преимущественно бездомные *сіроми*, разбрелись по разнымъ сторонамъ на заработки и, находясь вѣкъ войскаго контроля, до поры до времени жили на своихъ мѣстахъ. Для сбора этихъ-то казаковъ, вице-адмиралъ *де-Рибасъ* назначилъ есаула Черненко, на призывъ котораго собралось сотъ до семи казаковъ. Всѣ они, съ согласія генералъ-фельдмаршала графа *Румянцева-Задунайскаго*, распоряженіемъ графа *Суворова-Рымникскаго*, были употреблены, за рабочую плату, на лодки въ *Гаджибей* (нынѣшней Одессѣ), гдѣ занимались вбиваніемъ въ гавани по льду свай и прочими работами, до отправления въ Черноморское войско, на Кубань.

Собравшись на вновь пожалованной землѣ, Черноморское войско основало въ Карасунскомъ кутѣ, при Кубани, городъ *Екатеринодаръ*, въ которомъ была учреждена войсковая резиденція и, по примѣру запорожскаго коша, построены крѣпость и, по сѣчевому уставу, курени

⁽¹⁾ Донесеніе полковнику Головатому, полковаго есаула Черненко, 21-го мая 1793 года, № 18 (Изъ дѣлъ войск. архива).

(казармы), для помѣщенія куренныхъ атамановъ и бездомнаго товариства; но среди крѣпости поставлена была Святотроицкая походная церковь, гдѣ нынѣ возвышается изящной архитектуры шести-главый Воскресенскій Соборъ ⁽¹⁾.

Въ то время, когда Челѣга, утомленный дальнымъ путемъ изъ-за Буга, перезимовавши при Ейской косѣ, отправился для занятія кубанской границы, пришли въ Черноморію, съ Головатымъ, семейные переселенцы. Они остановились таборами, подъ названіемъ войсковыхъ селеній: Андреевка, Константиновка, Стояновка, Алексѣевка, Захаровка, Онуфріевка, Тимофѣевка и Антоновка. Черноморцы, по врожденной домовитости, не смотря на временную стоянку, занялись устройствомъ хозяйства, покопали на зиму землянки, понапинали куреники, а нѣкоторые успѣли обзавестись хатами и другими службами, пріобрѣтая для этого нужный лѣсъ на правомъ берегу Кубани.

Весной 1794 года, войсковое правительство, съ совѣта войскаго общества, постановило: заселить землю Черноморскаго войска сорока куренями. Для этого кошевымъ атаманомъ были вызваны въ Екатеринодаръ изъ названныхъ временныхъ селеній депутаты, съ которыми Челѣга отправился для выбора мѣстъ подъ куренныя селенія, а гдѣ куреню селиться—былъ брошенъ жребій. Затѣмъ уже началось настоящее заселеніе Кубанскаго края и Таманскаго острова черноморскими казаками, въ куреняхъ слѣдующихъ названій: 1) Екатериновскій. 2) Кисляковскій. 3) Ивановскій. 4) Канеловскій. 5) Сергіевскій. 6) Динскій. 7) Криловскій. 8) Каневскій. 9) Батуринскій. 10) Поповичевскій. 11) Васюринскій. 12) Незаманевскій. 13) Прклевскій. 14) Щербининскій. 15) Тимошовскій. 16) Шкуринскій. 17) Кореновскій. 18) Рогинскій. 19) Корсунскій. 20) Калниболотскій. 21) Уманскій.

⁽¹⁾ Въ 1849 году, 13-го сентября, для г. Екатеринодара Высочайше утвержденъ *гербъ*. На немъ изображенъ щитъ, раздѣленный, крестообразно, на четыре равныя части: въ первой и четвертой, въ золотомъ полѣ, крѣпость червленнаго цвѣта, надъ ней черный двухглавый орелъ, имѣющій на груди московскій гербъ; во второй и въ третьей частяхъ, въ серебряномъ полѣ, по два на крестъ положенныя знамена лазуреваго цвѣта, съ вензелями Императрицы Екатерины II, Императоровъ Павла I, Александра I и Николая I. Между знаменъ атаманская булава и по сторонамъ ея два бунчука; посрединѣ малый червленый щитъ, на которомъ вензель Императрицы Екатерины II и 1794 годъ. Надъ щитомъ золотая городская корона; щитъ поддерживаютъ два черноморскихъ казака; изъ нихъ, съ правой стороны, одѣтъ въ прежнюю форму, а съ лѣвой въ форму тогдашняго времени. Гербъ окруженъ зеленою каймою, на ней 59 золотыхъ звѣздъ,—число казачьихъ станицъ въ Черноморскомъ войскѣ.

22) Дереванковскій. 23) Нижестеблѣевскій. 24) Вышестеблѣевскій. 25) Джерелѣевскій. 26) Переясловскій. 27) Полтавскій. 28) Мишастовскій. 29) Минскій. 30) Титаровскій. 31) Леушковскій. 32) Величковскій. 33) Пластуновскій. 34) Дядьковскій. 35) Брюховецкій. 36) Медведовскій. 37) Платнировскій. 38) Кушовскій. 39) Пашковскій. 40) Березанскій.

Тридцать восемь куреней были тѣхъ же самыхъ названій, какія существовали въ Запорожскомъ войскѣ, а два добавлены вновь, первый *Екатериновскій*—въ честь Императрицы Екатерины, а послѣдній *Березанскій*—въ воспоминаніе взятія черноморцами турецкой крѣпости Березани (¹).

Неопытность въ выборѣ мѣстъ, въ пустынной кубанской землѣ, подѣ поселеніе куреней, было причиною, что многія селенія переносились съ одного мѣста на другое. Сначала это дѣлалось съ разрѣшенія войскового правительства, впослѣдствіи, когда подобныя передвиженія встрѣчали препятствіе, испрошено Высочайшее соизволеніе, послѣдовавшее въ рескриптѣ Императора Павла войсковому атаману Котляревскому 3-го ноября 1799 года.

Для отмежеванія границъ пожалованной войску Черноморскому земли, таврическимъ губернаторомъ, въ 1793 году, былъ присланъ областной землемѣръ *Колчинъ*, съ тремя уѣздными землемѣрами; а въ сентябрѣ 1794 года, по данному тѣмъ же губернаторомъ плану, прапорщикомъ *Гетмановымъ* разбитъ г. Екатеринодаръ.

Очевидцы рассказываютъ, что мѣстность Екатеринодара, при заселеніи этого города, большею частью была покрыта лѣсомъ, съ водянистыми лужайками, которыя и теперь еще можно встрѣтить въ при-кубанскихъ лѣсахъ. Заселявшіе городъ рубили лѣсъ, и на очищенныхъ полянахъ строили себѣ хаты. Остатки первобытнаго лѣса и до сихъ поръ сохранились въ Екатеринодарѣ, во многихъ мѣстахъ.

Въ первое время поселенія черноморцевъ на Кубани, житье ихъ было незавидное. Пустынный край непривѣтливо встрѣтилъ забугскихъ переселенцевъ. Они терпѣли крайній недостатокъ во всемъ необходимомъ для первоначальнаго обзаведенія осѣдлой жизни въ степномъ и безлюдномъ краѣ; несли тяжелую, по малолѣтству войска, службу; страдали отъ болѣзней въ новомъ климатѣ и долго боролись со всякаго рода лишеніями. Къ довершенію бѣдственнаго положенія черноморцевъ, вкравшаяся изъ-за Кубани, въ мартѣ 1796 года, чум-

(¹) Впослѣдствіи, по увеличеніи народонаселенія въ Черноморіи, поселено еще нѣсколько станицъ.

ная зараза много истребила ихъ. Принятыми кошевымъ атаманомъ Чепѣгою, при содѣйствіи главнаго доктора пограничныхъ краевъ Очакова, таможеннаго директора фонъ-Матіяжа и главнаго начальника таврическихъ карантинъ Гофельдена, распространеніе заразы было остановлено; но она болѣе трехъ мѣсяцевъ свирѣпствовала въ Екатеринодарѣ, въ Таманѣ и въ другихъ селеніяхъ.

Чтобы представить болѣе наглядное положеніе черноморскихъ казаковъ въ первое время поселенія ихъ на Кубани, расскажу мою бесѣду съ очевидцемъ, столѣтнимъ казакомъ Шкуринскимъ. Ветеранъ екатериноскаго вѣка объяснилъ мнѣ, что отецъ его былъ запорожецъ Шкуринскаго куреня, по прозванію *Нижникъ*. По зазыву кошевого, Харька Чепѣги, въ числѣ прочихъ переселенцевъ пришелъ и онъ съ семействомъ въ Черноморію. Сказавъ еще нѣсколько словъ, старикъ замолчалъ; глубокая дума отразилась на его челѣ; мысли его витали, конечно, далеко за Бугомъ, или на берегахъ Днѣпра.... Но вотъ губы старика задрожали, столѣтнія, голубыя, какъ небо, очи заиграли огнемъ одушевленія и, не смотря на свою старческую немощь, столѣтокъ запѣлъ тихимъ, чистымъ голосомъ съ увлекательной украинской мелодіей:

Ой Боже нашъ, Боже милостивий.
Уродились ми въ свѣті нещасливі.
.....

Пропѣвъ нѣсколько куплетовъ этой извѣстной пѣсни, Шкуринскій вздохнулъ, и слезы заблестали алмазами на сѣдыхъ рѣсницахъ прекрасныхъ его глазъ. Какъ онъ былъ тогда хорошъ!... Успокоившись, дѣдушка продолжалъ рассказывать, что отецъ его, по приходѣ въ новый край, былъ, противу желанія, поселенъ, вмѣсто своего Шкуринскаго, въ Екатериновскомъ куренѣ, гдѣ, водворившись, онъ вмѣсто прежняго названія Нижника, усвоилъ себѣ прозваніе *Шкуринскаго*, въ память своего куреня въ Запорожьѣ. Самъ рассказчикъ, по словамъ его, имѣлъ тогда лѣтъ двадцать. «Мене вже тоді, говоривъ онъ, въ козаки записали, и Чепіга повівъ насъ грядицю займать на Кубані.»

— Щожъ ви тутъ бачили, розкажіте дідусю—будьте ласкові.

— «Давня річъ бачите,—може чого й не згадаю».

Помолчавъ немного, старикъ собрался съ мыслями и началъ рассказывать.

— «Якъ поприходили ми на сю землю, то пусто було скрізь; тільки кой-де по надъ Кубанью черкесы хлѣбъ пахали, та худобу

пасли. Вони й тутъ не довго мешкали, якъ заняли ми гряницю, то непрятель вбрався за Кубань. Черкесы тоді не воювались, и ми було ходимъ до їх у гості, а вони до насъ; а все таки брежъ вуха, а то по шкодять; сказано не віра... Трудно було сперва жить на Черноморіи. Люди прийшли зъ далекої сторони — пообдерались, знеможили и зо всімъ обідніли. Кругомъ убожество, болість прокинулася, а тутъ ще й до служби припинають, до всего докопуються: щобъ и кінь бувъ добрий, мушкетъ справний, шабля гарна, той списъ чистий. Всю ту сброю козаки на свій кошть справляли. А службі й кінця не було, служи поки й здужаєшъ....

Дѣйствительно, въ то время былъ такой порядокъ въ Черноморскомъ войскѣ, что всѣ казаки, способные носить оружіе, безъ различія возраста, по малой числительности войска должны были служить до истощенія послѣднихъ силъ, и тогда только, по свидѣтельствамъ ближайшаго начальства, за совершенною неспособностію обращались въ кругъ семейства, на домашнее жителство; или же израненные и недужные, по собственному желанію, поступали въ устроенную войскомъ, въ 1794 году, Екатеринолебежскую-Николаевскую пустынь, гдѣ находили мирную жизнь.

Черноморское войско, не смотря на всѣ невзгоды, съ примѣрнымъ терпѣніемъ переносили ихъ, въ надеждѣ на лучшее будущее. Многіе казаки, по словамъ столѣтка Шкуринскаго. *хотіли розбігаться*, но благоразумное управленіе кошевого атамана Чепѣги, любовь и довѣріе къ нему казаковъ, удерживали легкомысленныхъ.

Захарій Алексѣевичъ Чепѣга лично своею храбростію, увлекательнымъ примѣромъ простоты, скромною жизнію и неусыпными заботами о благосостояніи Черноморскаго войска, заслужилъ уваженіе правительства, привязанность старшинъ войска и любовь казаковъ. Живи же въ воспоминаніи потомковъ, добрый отецъ черноморской казачьей семьи, — незабвенный Чепѣга, и праху твоему, благородный *Харько*, да будетъ вѣчный миръ ⁽¹⁾!...

Войсковое правительство, заботясь объ улучшеніи быта черноморцевъ на новомъ ихъ поселеніи, усердно старалось извлекать источники къ упроченію ихъ благосостоянія. Прежде всѣхъ устроились черноморцы, занявшіе при-Кубанскій край и Таманскій островъ. Кубанскіе лѣса давали средства строить жилища, а таманскія рыбныя ловли, соляные

⁽¹⁾ Приводимъ документъ, найденный нами въ дѣлахъ войскового архива и характеризующій личность *Харько Чепѣги*. Приложение № 1.

промыслы и другіе дары природы, при мирныхъ сношеніяхъ съ горцами, поддерживали убогую жизнь казаковъ.

Высадившемся на Тамани, изъ гребной флотиліи, войсковому полковнику Саввѣ Бѣлому дано было отъ войскового судьи Головатаго слѣдующее наставленіе для *жизня-бытя* въ новомъ краѣ:

«1) Продажу соли, пріобрѣтенной въ собственныхъ своихъ предѣлахъ старшинами и казаками, черкесамъ Закубанскимъ и покупку въ нихъ хлѣбныхъ сѣмянъ и другихъ надобностей производить и заниматься купеческою комерціею съ ними, соблюдая отъ нашей стороны къ нимъ ласковое обхожденіе, и при случаѣ учрежденія отъ російской стороны, или отъ нихъ карантина, высылывать оный, въ отвращеніе заразной болѣзни, — бывъ всегда, на непредвидимый случай, вооруженнымъ.

2) Имѣющееся родючее садовое дерево не только стараться отъ опустошенія защищать, внушивъ каждому, что оное можетъ служить къ благу общему, но еще употреблять всѣ силы къ разводу онаго; также производить строеніе: хаты, торговыя лавки, заводить рыбныя ловли, пущать въ продажу въ разныя мѣста рыбу, безъ всякихъ отъ кого-либо препятствій».

Далѣе предписывались воинскія предосторожности при заготовленіи лѣса по Кубани и вообще при сношеніяхъ съ горцами; велѣно было снабжать провіантомъ только тѣхъ казаковъ, которые будутъ на службѣ, а свободные старались бы сами о своемъ пропитаніи; приказывалось вводить хлѣбопашество и, вообще, стараться объ устройствѣ хорошаго хозяйства у поселенцевъ новаго края ⁽¹⁾.

Съ теченіемъ времени, природныя богатства края постепенно улучшались бытъ казаковъ отъ Кубани до Еи, и пустынная Черноморія развивалась въ благоустроенную область. Необозримыя степи и многочисленные рѣчки въ землѣ Черноморскаго войска дали возможность жителямъ, кромѣ куреней, расселяться еще и хуторами, въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ заводили скотоводство, пчеловодство, хлѣбопашество и садоводство; устраивали мельницы, преимущественно водяныя; *вотряками* же окружились куренныя селенія. Все это было свободно, вольно, безъ всякихъ пошлинъ и надзоровъ. Живи да Бога хвали!

Не скоро, конечно, обѣднѣвшіе до крайности черноморцы достигли безбѣдной жизни. Вся здоровая рабочая сила поглощалась службою на кордонной линіи Кубани, дома же, въ большей части семействъ, оставались хозяйничать казачки, съ дѣтками малъ-мала меньше. Не менѣе были скудны и войсковыя средства черноморскаго правительства, при

⁽¹⁾ Предписаніе Головатаго Бѣлому, 18-го декабря 1792 года (Изъ дѣла войск. архива).

первоначальномъ поселеніи на Кубани. Еще за Бугомъ, за усердную и ревностную службу черноморцевъ, князь Потемкинъ-Таврическій дозволилъ имъ занять пріобрѣтенныя оружіемъ дунайскія рыбныя *гарды*, въ собственную войсковую пользу (¹). Гарды эти были войскомъ приняты и поручены въ завѣдываніе одному изъ офицеровъ войскового коша, который управлялъ ими и доходъ, выручаемый отъ продажи рыбы, представлялъ въ кошъ.

До переселенія черноморцевъ на Кубань, получено было съ дунайскихъ гардовъ дохода . . . 8,842 руб. 10 коп.
и червонцевъ . . . 15

За расходами осталось, при переходѣ войска, чистаго капитала . . . 4,625 руб. 63 коп.
и червонцевъ . . . 15

Къ этой суммѣ выручено еще за проданный на Березанѣ, неудобный къ перевозкѣ на Кубань, экономическій провіантъ, соль, смолу, войсковой неводъ на Аджидолѣ и три лодки . . . 1,715 руб. 54 коп.

Всего . . . 6,341 руб. 17 коп.
и червонцевъ . . . 15

Кромѣ этой суммы, было еще церковныхъ денегъ 1,025 рублей 50 копѣекъ, разный инструментъ: плотничій, столярный, кузнечный, шанцевый, желѣзо, такелажъ изъ разнообразныхъ лодокъ и прочее имущество (²).

Съ такими-то средствами Черноморское войско перешло изъ-за Буга на Кубань. Объ артилерійскихъ запасахъ и о флотиліи будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. За Бугомъ, впрочемъ, бралась еще съ постороннихъ лицъ, кочевавшихъ на отведенныхъ войску степяхъ, пошлина съ рогатаго скота отъ 50 штукъ по одной штукѣ и отъ ста овецъ по одной овцѣ. Пошлина эта, подъ названіемъ *десятина*, собиралась чрезъ особо наряженныхъ чиновниковъ; собранный скотъ доставлялся въ кошъ, а тамъ продавался съ аукціона; годныя же для работы быки и лошади употреблялись для войсковыхъ надобностей. Но доходъ этотъ былъ такъ невеликъ, что не составилъ особаго капитала для войска.

По переходѣ на Кубань, первое мѣсто доходныхъ статей занялъ подаренный войску княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ Ачуевскій ры-

(¹) Орд. кн. Потемкина Черноморскому войску 9-го февраля 1791 года, № 552 (Изъ дѣла войск. архива).

(²) Изъ дѣла войск. архива.

боловный заводъ надъ Азовскимъ моремъ, откуда долго, по распоряженію войскового правительства, отправлялись превосходнѣйшіе балыки и икра къ Высочайшему двору и государственнымъ сановникамъ (¹). Открылись и другія естественныя богатства, съ избыткомъ наполнившія пустыя закромы войсковой *скарбницы*. Войсковое правительство впослѣдствіи пыталось завести фабрики и заводы, но то и другое не удавалось. Причина та, во-первыхъ, что войсковое начальство, какъ извѣстно, составляютъ нѣсколько лицъ, а гдѣ много нянекъ, тамъ, говорятъ, «дитя будетъ безъ глазъ»; во-вторыхъ, фабрикой (суконной) и заводами (конскимъ и овчарнымъ) управляли, большею частію, лица *пришлыя*, а чужими руками *кажутъ добре жаръ загібатъ*.

Обратимся къ другому предмету внутренняго устройства войска. Выше было замѣчено, что, за Бугомъ, въ Черноморскомъ войскѣ образовалось кошевое управленіе по примѣру бывшаго коша въ войскѣ Запорожскомъ; съ переходомъ же на Кубань, по силѣ Высочайшей грамоты, пожалованной войску 1-го іюля 1792 года, нужно было разстаться съ древними запорожскими уставами демократическаго правленія и подчиниться кореннымъ законамъ государства.

При исключительномъ положеніи Черноморскаго войска, поселеннаго въ пустынномъ краѣ, требовалось такое управленіе, которое было бы примѣнимо къ мѣстнымъ условіямъ народнаго быта и согласовалось бы съ коренными правилами закона. Въ этихъ видахъ, на общемъ войсковомъ совѣтѣ, протоколомъ 1-го января 1794 года, установлено въ Екатеринодарѣ *войсковое правительство Черноморскаго казачьяго войска*, для управленія всѣхъ въ войскѣ дѣлъ, въ которомъ засѣдали: *кошевой атаманъ, войсковой судья и войсковой писарь*.

Войсковая земля первоначально раздѣлена была на пять округовъ: *Екатеринодарскій, Фанагорскій, Бейсулскій и Григорьевскій*. Въ каждомъ округѣ учреждено *окружное правленіе*, куда опредѣлено по одному полковнику (войсковому), писарю, есаулу и хорунжему. Правленіямъ даны были печати съ гербами, слѣдующихъ изобра-

(¹) Въ бытность Котляревскаго въ Петербургѣ, въ 1798 году, по его повелѣнію заготовлено въ Ачуевѣ «ради Высочайшаго дѣла: балыковъ 565 пары, висомъ 117 пуд. 2 ф. и икры въ 79 боченкахъ спесу 462 пуда». Все эти продукты отправлены атаману Котляревскому въ столицу съ нарочнымъ капитаномъ Гелдишемъ. Это одинъ случай только для примѣра, а такихъ посылокъ было много; много также разсылалось балыковъ и икры первостепеннымъ государственнымъ лицамъ и архіереямъ (Изъ дѣла войск. архива).

женій: *Екатеринодарскаго* — какъ на границѣ противу врага имени христіанскаго — казакъ, водрузившій *ратище* въ землю, приложивъ къ нему, вмѣсто присошекъ, ружье. Онъ держитъ лѣвою рукою ратище и ружье, а правою прикладъ, стрѣлая врага; *Фанагорійскаго* — по морю плавающая лодка, со всеѣмъ воинскимъ приборомъ; *Бейсу-скаго* — рыба; *Ейскаго* — казакъ, при границѣ единовѣрныхъ, съ ружьемъ на караулѣ стоящій, и *Григорьевскаго* — отъ пустаго степу, въ пикетѣ казакъ сидящій на конѣ, при всеѣмъ воинскомъ приборѣ.

На окружныя правленія, кромѣ полицейской и распорядительной части, возлагалось: «попеченіе о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, винограда, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ; имѣющіеся лѣса и родящее дерево сохранять отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ, въ цѣлости, къ общей войсковой пользѣ; встрѣчающіеся между людьми ссоры и драки голо-словно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедли-ваго удовольствія; свирѣпыхъ укрощать; злонравныхъ исправлять; си-ротъ и вдовъ заступать и во всеѣмъ имъ помогать; лѣнливыхъ по-буждать къ трудолюбію; для распространенія семейнаго житія, холо-стыхъ къ женитбѣ побуждать; не покоряющихся власти и не почи-тающихъ старѣйшихъ, по мѣрѣ преступленія штрафовать; а содѣяв-шихъ важное преступленіе къ законному сужденію присылать въ вой-сковое правленіе».... По встрѣтившимся внослѣдствіи недоразумѣніямъ, для окружныхъ правленій составлена была особая инструкция.

Наблюденіе за исправнымъ выполненіемъ окружными правленіями своихъ обязанностей, возложено было на войскаго есаула.

Въ каждомъ округѣ состояло нѣсколько куреней (станцій), въ каждомъ куренѣ учреждено *куренное управленіе*, въ которомъ на-чальствовали: *куренный атаманъ*, *сельскій атаманъ*, *сельскій смотритель* и *писарь*. Куренному атаману подчинились все нахо-дившіеся въ куренѣ старшины и казаки; онъ же завѣдывалъ дѣлами, до части воинской въ куренѣ относившимися. Куренные атаманы не жили въ куреняхъ, а находились постоянно въ Екатеринодарѣ, въ устроенныхъ въ крѣпости куренныхъ помѣщеніяхъ; принимали все распоряженія кошевого атамана и войскаго правительства и испол-няли ихъ чрезъ младшихъ сельскихъ управителей.

Въ 1802 г. одно окружное правленіе — Григорьевское, было упразд-нено, а прочія четыре переименованы въ *земскія начальства*. Въ этомъ же году куренные атаманы отосланы изъ Екатеринодара къ своимъ куренямъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, что они, живя въ городѣ,

отвлекаются отъ своихъ обязанностей смотрѣть за благоустройствомъ въ куренныхъ селеніяхъ.

Такъ было до 1827 года. Въ этомъ году, положеніемъ Высочайше утвержденнымъ 26-го апрѣля объ управленіи Черноморскаго войска, *войсковая канцелярія*, образованная изъ войскаго правительства, по Высочайшей грамотѣ Черноморскому войску 16-го февраля 1801 года, была вновь переформирована, и открыты въ войскѣ еще особыя адми-нистративныя учрежденія, дѣйствовавшія на основаніи указанныхъ правилъ до положенія о Черноморскомъ войскѣ, Высочайше утверж-деннаго 1-го іюля 1842 года (1).

Вмѣстѣ съ образованіемъ административнаго порядка, была устроена въ войскѣ и врачебная часть, подѣ управленіемъ войскаго медика. Открытыя въ разныхъ мѣстахъ войскаго территоріи лечебныя заведе-нія дали возможность заболѣвающимъ получать медицинское пособіе не только на кордонной линіи, но и внутри войска.

Войсковое Управленіе не забыло и учебной части, для образова-нія своего юношества, заброшеннаго судьбою, со своими родителями, въ безлюдный край, полный тревогъ и опасностей. Сначала учили въ домашнихъ школахъ кое-какъ и кое-чему, но въ 1803 году, по хо-датайству войскаго атамана Бурсака, были вызваны въ Екатерино-даръ изъ московскаго университета студентъ *Иванченко* и гимназистъ *Поляковъ*. Эти два учителя открыли первый шагъ къ основательному обученію молодаго поколѣнія черноморцевъ. 14-го декабря 1806 года учреждено было въ Екатеринодарѣ первоначальное училище, съ асигно-ваніемъ на содержаніе онаго по 1,500 руб. изъ войсковыхъ суммъ; но добрые черноморцы, сочувствуя благимъ намѣреніямъ начальства, пожертвовали въ пользу училища болѣе 4,000 рублей. Въ 1812 году были открыты новыя училища въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черномо-ріи, а въ 1820 году, по Высочайшему повелѣнію, учреждена въ гор. Екатеринодарѣ гимназія, при открытіи которой, 20-го мая, послѣ обычнаго молебствія, директоръ гимназіи, протоіерей Кирилъ Россин-скій, произнесъ рѣчь, замѣчательную по изложеннымъ въ ней исто-рическимъ фактамъ, относящимся къ Черноморскому войску (2).

Миръ праху твоему, добрый атаманъ черноморцевъ, незабвенный Федоръ Яковлевичъ Бурсакъ! Тебѣ принадлежитъ честь открытія въ Черноморіи учебныхъ заведеній, для блага народа, поселеннаго на

(1) Полн. Собр. Зак. 1827 года Т. II (1058); 1842 года Т. XIV (15809).

(2) Рѣчь, произнесенная 20-го мая 1820 года, протоіереемъ Россинскимъ, напечатана въ журналѣ «Соревнователь просвѣщенія и благотворительности».

безлюдной южной окраинѣ государства, въ сосѣдствѣ полудикихъ народовъ.

Усердное стараніе атамана Бурсака и черноморскаго общества о развитіи въ краѣ просвѣщенія было удостоено слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

«Войска Черноморскаго войсковому атану, господину полковнику Бурсаку.

«Видя изъ донесенія министерства народнаго просвѣщенія, съ какимъ усердіемъ и соревнованіемъ общество войска Черноморскаго печется въ устроеніи учебныхъ заведеній, для образованія своего юношества служить отечеству полезнѣйше, пріятно сердцу Моему изъяснить вамъ и всему войску Черноморскому Мое особенное благоволеніе, съ которымъ, пріемля начатое, принимать буду и вѣще растущіе успѣхи наукъ къ благу общему.

Пребываю Вамъ благосклонный

«Александръ».

Въ С.-Петербургѣ.
25-го августа 1806 года.

Остается сказать объ образованіи духовнаго сословія въ Черноморскомъ войскѣ. Съ разселеніемъ черноморцевъ на вновь пожалованной кубанской землѣ, въ духовенствѣ былъ крайній недостатокъ. Войско, находясь въ исключительномъ положеніи, не принадлежало ни къ какой епархіи, откуда можно было бы получать священниковъ. При глубокой преданности черноморцевъ къ догматамъ православной вѣры, которую они всѣ вообще исповѣдывали, неимѣніе духовныхъ пастырей много смущало духъ набожныхъ казаковъ.

Чтобы поддержать религіозное настроеніе черноморцевъ и не допустить между ними упадка духа православія въ ихъ бѣдственномъ, — въ первое время поселенія, — положеніи, незабвенный Антонъ Андреевичъ Головатый рѣшился послать семь человекъ казаковъ хорошаго поведенія и довольно грамотныхъ къ еодосійскому епископу Іову, для посвященія шести изъ нихъ въ священники, а одного въ діаконъ. Владыка, не имѣя разрѣшенія синода о подчиненіи ему Черноморіи, не принявъ посланныхъ, а посовѣтовавъ, на первый разъ, выбрать двухъ достойныхъ казаковъ, выдать имъ увольнительныя свидѣтельства на поступленіе въ духовное званіе и потомъ прислать къ нему. Такъ и было сдѣлано. Казаки, отправленные къ преосвященному Іову, были помѣщены имъ въ монастырѣ, рукоположены во іереи и, принявъ эту благодать духа святаго, возвратились въ Черноморію для пастырскаго служенія. Вскорѣ было неходатайствовано у епархіальнаго начальства

дозволеніе строить церкви въ Черноморіи и назначать въ нихъ священниковъ ⁽¹⁾. Съ тѣхъ поръ изъ среды черноморцевъ выдѣлилось духовное сословіе, подчиненное епархіальному вѣдомству.

Войсковое правительство, ходатайствуя о постройкѣ въ селеніяхъ храмовъ Божіихъ, испросило разрѣшеніе у Правительствующаго Синода основать на войсковыя суммы монашескую пустынь ⁽²⁾, для доставленія пріюта и покоя больнымъ и раненымъ воинамъ, желавшимъ провести на старости лѣтъ, или по калѣчеству, остатокъ жизни въ богоугодныхъ трудахъ, при святомъ домѣ Божіемъ.

Надъ лиманомъ, означеннымъ на старыхъ картахъ Черноморіи *Лебяжимъ* (по многому числу водящихся тамъ лебедей), въ честь св. угодника Николая Чудотворца и въ память милостей, оказанныхъ войску Императрицею Екатериною, основана черноморцами *Екатерино-Лебяжская Николаевская пустынь*. Первоначально монастырская братія состояла исключительно изъ казаковъ; но впоследствии казачья пустынь обратилась въ общій монастырь, доступный для монашества изъ всѣхъ сословій. Въ этотъ монастырь поступила большая часть ризницы изъ запорожской сѣчевой Покровской церкви и изъ содержавшагося на счетъ запорожцевъ Кіевского Мижигорскаго монастыря; она была передана въ Черноморское войско съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго на ходатайство войсковаго атамана Котляревскаго ⁽³⁾.

Черноморское войско, не смотря на многія препятствія, пошло быстрыми шагами на пути развитія гражданскаго своего быта. Менѣе чѣмъ въ полсотни лѣтъ отъ поселенія въ пустынномъ краѣ, онъ уже былъ благоустроеннымъ краемъ; но, среди общественныхъ и богоугодныхъ заведеній, не доставало того, что признавалось первой потребностію для боевой жизни казачьяго войска, именно пріюта для раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ.

По поводу этого генераль-отъ-инфантеріи графъ Ланжеронъ писалъ: «Никто болѣе не заслуживаетъ вниманія правительства, какъ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, при защитѣ отечества получившіе тяжелыя раны. Пожертвованіе, принесенное ими на общую пользу, превосходитъ всѣ пособія, какія только могутъ имъ воздаваться. Но не рѣдко сіи храбрые воины терпятъ величайшую край-

⁽¹⁾ Выс. указъ Св. Синоду, 2-го января 1794 года (Изъ дѣла войск. архива).

⁽²⁾ Выс. указъ Св. Синоду, 24-го іюля 1794 года (Полн. Собр. Зак. 1794 г., т. XXIII, № 17235).

⁽³⁾ Объ этой замѣчательной ризницѣ болѣе подробные свѣдѣнія можно найти въ статьѣ моей «Екатеринододерскій Соборъ», напечатанной въ Кубанскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ, №№ 9—10.

пость въ пропитаніи и одѣяніи. Я говорю объ ирегулярныхъ войскахъ, подобныхъ Черноморскому, кое не имѣетъ постановленія о пенсіяхъ и ротахъ инвалидовъ; на службѣ же состоятъ не всѣ тѣ, кои имѣютъ хозяйственное заведеніе. Получившій увѣчье, какое можетъ имѣть средство къ содержанію себя!... Онъ лишенъ силъ; проситъ милостыню—это служило бы вѣчнымъ стыдомъ тому сословію, которое бы до сего допустило. Однако, къ несчастію, сіе бываетъ; и нижніе чины, лишенные членовъ, израненные, дѣйствительно, просятъ милостыню! Отвратительное и ужасное зрѣлище въ нынѣшнее просвѣщенное время! Тогда какъ алчность къ сребролюбію не предпочитается уже достоинствамъ и заслугамъ. Безпечность, какъ вредный порокъ, всѣми вообще презирается; тѣмъ болѣе достойно удивленія, что при такой перемѣнѣ или усовершенствованіи нравственности, происходитъ еще безпорядокъ, довольно ощутительный для раненыхъ. Я увѣренъ, что правительство войска Черноморскаго сдѣлалось довольно извѣстнымъ Всемилостивѣйшему нашему Монарху, отличивъ себя какъ противу дерзкихъ черкесовъ, такъ противу турокъ и французовъ. Его Величество узнаетъ также и о полезныхъ въ войскѣ заведеніяхъ, кои не менѣе уважаются военныхъ доблестей».

Графъ Ланжеронъ полагалъ: для пріюта лишенныхъ куска хлѣба раненыхъ воиновъ-черноморцевъ открыть въ Екатерино-Лебяжской Николаевской пустынѣ богадѣльню—на двухъ штабъ-офицеровъ, пятирхъ оберъ-офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ (¹).

Къ сожалѣнію, благое предположеніе графа Ланжерона не осуществилось.

Изъ всего рассказаннаго можно видѣть, какими тяжкими испытаніями остатки войска Запорожскаго дошли до степени единства вновь образовавшагося войска Черноморскаго! Сколько бѣдствій и лишеній претерпѣли они, поселившись на Кубани! Сколько военныхъ трудовъ, крови и жизни принесли они въ жертву Царю и Отечеству! Все это тяжелое время пережито; все это полузабыто, и пройдутъ еще десятки лѣтъ, какъ о боевыхъ подвигахъ черноморцевъ на Кубани будутъ рассказывать молодому поколѣнію только старики-очевидцы, какъ волшебную сказку изъ тысячи одной ночи, и многое и многое въ жизни черноморца, выросшаго на отдаленной окраинѣ подъ вліяніемъ постоянныхъ тревогъ и опасностей, будетъ казаться невѣроятнымъ.

(¹) Предлож. гр. Ланжерона Черноморской войсковой канцеляріи 9-го августа 1816 года, № 2,521 (Изъ дѣлъ войск. архива.).

ЧЕРНОМОРЦЫ НА КУБАНИ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Токъ веселья раздавался
По Кубанскимъ берегамъ!...
народная пѣсня.

I.

Военныя силы Черноморскаго войска: флотилія, гвардія артилерія, кавалерія, пѣхота.—Порядокъ службы.

Широкое поле славы открылось войску Черноморскому на берегахъ Кубани. Болѣе полувѣка рѣка эта служила символомъ жизни и смерти для черноморца, заслонявшаго стальной казацкой грудью предѣлы русскаго края отъ хищныхъ горскихъ племенъ. Съ заселеніемъ пограничной линіи, Черноморское войско, подъ вліяніемъ постоянно тревожнаго времени и непрерывныхъ военныхъ дѣйствій, образовало у себя военныя силы, содержавшія кордонную стражу, ввѣренную черноморцамъ еще Императрицей Екатериной II.

Виспали Запорожці—
Лиманъ човни вкрили.
«Грай же море...» заспівали,
Запінились фллі.

Т. ШЕВЧЕНКО.

Флотилія гребная, состоявшая изъ лодокъ, дана была княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ Черноморскому войску еще во время турецкой войны 1787 года. Въ продолженіе этой войны, многія лодки пришли въ негодность; а тѣ, которыя остались годными къ морскому плаванію, недостаточны были для поднятія казацкой пѣхоты въ походъ на Тамань, и потому, съ разрѣшенія Потемкина, черноморцы построили, весною 1792 года, на р. Прутѣ, у селенія Фальчи, еще 24 лодки и одну яхту, да присоединили къ нимъ 26 старыхъ годныхъ къ плаванію лодокъ и, такимъ образомъ составили себѣ флотилію изъ одной яхты и 50 лодокъ.

На этой флотилии пѣшіе черноморцы строевого состава, до 4,000 человекъ, подъ командою войскового полковника Саввы Бѣлого, съ бригадиромъ Пустошкинымъ, приплыли къ берегамъ Тамани, для занятія границы противъ черкесскихъ народовъ. Прибывши къ острову, Савва Бѣлый отрядилъ 12 лодокъ къ устью Кубани, въ лиманы, для наблюденія за дѣйствіями горцевъ, двѣ лодки поставилъ у Тамани для сообщенія чрезъ Керченскій проливъ, а остальную флотилию размѣстилъ въ Таманскомъ заливѣ и въ Азовскомъ морѣ.

Въ 1793 году Черноморская гребная флотилія уменьшилась: нѣкоторыя лодки были повреждены бурной погодой, другія разбиты; ветхія суда, въ томъ числѣ и яхта, разобраны, и изъ годнаго лѣса были построены байдаки, для развѣдочнаго плаванія по Кубани. По освѣдѣтельствѣ флотилии присланными изъ Таганрогскаго порта чиновниками, оказалось годныхъ къ плаванію до 20 лодокъ.

Опытъ показалъ всю невыгоду держать флотилию въ открытыхъ мѣстахъ, и потому войсковою судья Головатый, по прибытіи изъ-за Буга на Тамань, избралъ для гребныхъ судовъ гавань при устьѣ Кизилташскаго лимана. Для устройства гавани, въ 1795 году, по соглашенію съ закубанскими владѣльцами, было доставлено изъ-за Кубани болѣе 5,000 деревьевъ, для палъ, заграждавшихъ проходъ льда изъ Кубани чрезъ лиманъ бугазскимъ гирломъ въ море. При гавани построены—пороховой погребъ, два цейхгауза, помѣщенія для артиллерійскихъ припасовъ, такелажа, для начальника и судовой команды, а при самомъ гирлѣ, на переправѣ съ турецкой стороны на Тамань, домъ для проѣзжающихъ, и, наконецъ, сооружена батарея, обстрѣливавшая Бугазскую переправу. Всѣ эти работы были исполнены въ продолженіе тринадцати дней, 50-ю старшинами и болѣе 700 казаковъ.

Въ одну бурную ночь слѣдующаго года, морскія волны разбили, что называется въ пухъ и прахъ, гавань Головатого, со всѣми при ней постройками и съ батареями. Этотъ случай подалъ войсковому атаману Котляревскому поводъ къ заключенію о неудобствахъ мѣста, избраннаго Головатымъ для гавани, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять вопросъ о негодности всей старой войсковой флотилии и о замѣнѣ ея новою.

По ходатайству Котляревскаго, послѣдовало Высочайшее повелѣніе вице-президенту артиллерійской коллегіи, Кушелеву, снести съ атаманомъ черноморцевъ объ устройствѣ для войска новой флотилии, а для гавани избрать другое, болѣе удобное мѣсто.

18-го октября 1799 г. состоялось повелѣніе о постройкѣ 50-ти

лодокъ, одной яхты и пяти барказовъ, и асигновано, на этотъ предметъ, отъ казны 620,103 руб. 40³/₄ коп. въ теченіе пяти лѣтъ; на содержаніе же флотилии опредѣлено, также отъ казны, по 31,621 руб. 40¹/₂ коп. въ годъ (¹).

Нужно замѣтить, что Котляревскій, во время своего атаманства, долго жилъ въ Петербургѣ, имѣлъ сношенія съ знатными лицами, пользовался ихъ содѣйствіемъ и заслужилъ благорасположеніе Императора Павла. Не смотря на такія благопріятныя обстоятельства, ни флотилія, ни гавань не строились, но по представленію новороссійскаго военнаго генералъ-губернатора, генерала-отъ-кавалеріи Михельсона, Черноморскому войску подарены были, въ 1802 году, выстроенныя при Николаевскомъ адмиралтействѣ десять новыхъ канонирскихъ лодокъ, вполне снаряженныхъ и вооруженныхъ 20 орудіями. Лодки эти, по распоряженію адмирала Черноморскаго флота Мордвинова, 18-го августа были доставлены въ Тамань капитанъ-лейтенантомъ Делегатомъ. Онѣ предназначались собственно для крейсерованія у береговъ, составлявшихъ границу войска отъ черкесскихъ народовъ. Въ 1804 году были назначены еще два судна (флашкотъ-барказы), для переправы чрезъ *Воспорскій* (Керченскій) проливъ, съ тѣмъ, чтобы одно изъ нихъ содержать отъ г. Еникали, на счетъ казны, а другое отъ Тамани, на счетъ войска (²).

Подаренныя лодки оказались непригодными: въ морѣ, при вѣтрѣ, онѣ ходу не имѣли, и всѣ движенія новой флотилии, въ теченіе семи лѣтъ, были только отъ Бугаза до Темрюка и обратно. Въ первомъ мѣстѣ, лодки, лѣтомъ, стояли и по временамъ крейсеровали у Кубанскихъ береговъ, а въ послѣднемъ—зимовали. Крейсерованіе ограничивалось временемъ высокой воды въ Кубани и по избраннымъ проходамъ; во всякое же другое время, и по берегамъ лимановъ, гдѣ особенно нужно было имѣть надзоръ за дѣйствіями непріятеля, войсковыя лодки, по мелководію, не употреблялись. А между тѣмъ, ежегодно назначался на флотилию цѣлый пѣшій полкъ, безъ всякой пользы для службы въ отношеніи обереженія границы, потому что Бугазъ, единственный важный пунктъ сообщенія съ непріятельскимъ берегомъ, могъ бы, вмѣсто флотилии, гораздо успѣшнѣе оберегаться береговымъ

(¹) Полн. Собр. Зак. 1799 года, Т. XXI (19160).—Предп. адмирала гр. Кушелева Черн. войск. атаману Котляревскому, 20-го октября того же года (Изъ дѣлъ Куб. войск. арх.).

(²) Предп. генер. Михельсона и Розенберга войсковому атаману Бурсаку 12-го іюля 1802 года, 18-го іюля 1804 года, №№ 554—1,372 (Изъ дѣлъ Куб. войск. арх.).

кордономъ съ пушками (1); и нужнѣе было разъѣзжать по пограничнымъ лиманамъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ Кубани, гдѣ хищники избирали себѣ притоны при набѣгахъ на предѣлы Черноморіи. Здѣсь крейсеровали старые войсковые байдаки.

Такое неудобство тяжелой флотиліи въ водахъ Черноморіи замѣтилъ осматривавшій, въ 1808 году, Черноморскую кордонную линію генераль-лейтенантъ Дюкъ де-Ришелье. По его требованію, войсковой атаманъ Бурсакъ представилъ соображеніе, чтобы, для разъѣздовъ въ пограничныхъ лиманахъ и по Кубани, начиная отъ Копала и до Бугаза, въ видахъ предупрежденія непріятельскихъ вторженій построить на первый разъ десять плоскодонныхъ байдаковъ (дубы), которые могли бы имѣть ходъ не только у береговъ лимановъ и на Кубани, но и по кубанскимъ гирламъ. Байдаки эти, Бурсакъ, предполагалъ вооружить небольшими пушками; онъ выразилъ мнѣніе, что расположенный на лодкахъ пѣшій полкъ можетъ служить подкрѣпленіемъ кордонной линіи и тѣмъ принести войску и государству болѣе пользы, чѣмъ бездѣйствуя на неподвижной флотиліи. Лѣсъ на постройку байдаковъ имѣлось въ виду заготовить въ окружающихъ границу лѣсахъ, а старую флотилію принять отъ войска въ казну.

Предположеніе Бурсака, основанное на знаніи мѣстности и военныхъ потребностей, было одобрено высшимъ начальствомъ. По сношенію военного министра съ министромъ морскихъ силъ и послѣдовавшему Высочайшему разрѣшенію, на первый разъ построено было десять байдаковъ мѣстными жителями, которые, какъ писалъ министръ морскихъ силъ, «опытнѣе въ этомъ искусствѣ ученыхъ судостроителей». Вслѣдъ затѣмъ, черноморцы приступили къ постройкѣ еще десяти байдаковъ. На всѣ эти *двадцать* судовъ адмиралтейство отпустило Черноморскому войску двадцать трехъ-фунтовыхъ орудій. Пренія лодки были сданы въ керченское адмиралтейство.

Войсковые байдаки долго ходили по Кубани и по лиманамъ, но, по мѣстному положенію кордонной линіи, даже эти легкія суда не приносили особенной пользы по надзору за дѣйствіями непріятелей и не могли препятствовать набѣгамъ хищниковъ.

Мало по малу, гребная флотилія Черноморскаго войска уничтожилась.

(1) Здѣсь разумѣется Бугазское гирло.

Було колись въ Україн
Ревіли гармати;
Було колись Запорожці
Вміли панувати.....

Т. ШЕВЧЕНКО.

Артилерія была дана Черноморскому войску княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ еще за Бугомъ, въ турецкую войну 1787 года. Она состояла изъ разнокалиберныхъ мѣдныхъ и чугуныхъ пушекъ, частью изъ отбитыхъ у турокъ, частью изъ бывшихъ еще въ кошѣ войска Запорожскаго. Изъ послѣднихъ, семь орудій замѣчательны по стариннымъ на нихъ надписямъ:

Первое орудіе въ 9 пудовъ 19 фунтовъ, съ обозначеніемъ 1706 года. На немъ изображены російскій гербъ и надпись:

«По указу Великаго Государя и приказу Адмиралтейца Θεодора Матвѣевича Опраксина, лита на Воропее въ Изюмскій полкъ 1706 году. Мастеръ Янъ Осиповъ».

Второе орудіе 1713 года, въ 11 пудовъ 32 фунта, съ изображеніемъ російскаго герба и съ надписью:

«Вылита сія армята вглуховѣ року 1713 мѣца Февруарія 31: со весу: вне: пудъ 11 Карпъ Баляшевичъ мастеръ».

Третье орудіе 1732 года, въ 15 пудовъ, съ изображеніемъ російскаго герба и знака Андреевской звѣзды, съ надписью посрединѣ:— «За вѣру и вѣрность».

Четвертое орудіе 1759 года, въ 18 пудовъ 2 фунта, съ изображеніемъ російскаго герба, подъ которымъ, какъ бы на лентѣ, вычеканены слова:—«Famam extendere factis» (*славу стяжатъ дѣлами*), а по сторонамъ герба запорожскихъ казаковъ, въ барельефѣ, слѣдующая надпись: «Ея Императорскаго Величества Малыя Россіи, обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ, дѣйствительный камергеръ, Санктъ-Петербургской академіи наукъ президентъ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и російскихъ орденовъ Св. Апостола Андрея и Святаго Александра Невскаго, такоужъ Польскаго Бѣлаго Орла и Голстинскаго Св. Анны кавалеръ, Російскія Имперіи графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій, и при немъ заправленія генеральною арти-

лерією обознаго войсковаго генеральнаго Семена Васильевича господина Кочубея».

Такія же надписи, съ изображеніемъ одного російскаго герба, вычеканены на:

пятьмъ орудіи въ 12 пудовъ 3 фунта.
шестомъ » » 16 » 12 »
сѣдьюмъ » » 15 » 18 »

На этихъ трехъ орудіяхъ означено: 1753 г. октября 1.

Вся войсковая артилерія состояла въ завѣдываніи войсковаго пуш-каря, до сформированія въ войскѣ штатныхъ артилерійскихъ частей.

Нѣсколько десятковъ пушекъ были перевезены изъ-за Буга на Кубань на войсковой гребной флотилии и, для облегченія войсковыхъ судовъ, въ декабрѣ 1792 года, сгружены въ Фанагорійскую крѣпость; нѣсколько пушекъ перевезено при полкахъ, перешедшихъ изъ-за Буга на Кубань съ кошевымъ Чепѣгою, въ 1792 году, и въ слѣдующемъ году съ войсковымъ судьей Головатымъ; остальная войсковая артилерія съ запасами, шанцовый инструментъ и другая войсковая экономія, при переселеніи войска изъ-за Буга, была перевезена изъ Слободзѣи въ Березанскую паланку, для отправленія транспортными судами на Тамань. Нѣкоторые предметы изъ войсковой экономіи были проданы на мѣстѣ въ Березанѣ, а пушки и другіе артилерійскіе припасы, въ апрѣлѣ 1794 года доставлены чрезъ Керчь на Тамань.

Кромѣ артилеріи, доставленной изъ-за Буга, даны были войску еще нѣсколько пушекъ отъ казны (1).

Вотъ свѣдѣнія о войсковой артилеріи, доставленное херсонскому военному губернатору черноморскимъ войсковымъ атаманомъ въ 1810 г.

	Пушекъ.									
	Мѣдныхъ.					Чугунныхъ.				
	12 ф.	8 ф.	3 ф.	2 ф.	1 1/2 ф.	12 ф.	6 ф.	3 ф.	2 ф.	1 1/2 ф.
Поступившихъ, по распоряженію князя Потемкина-Таврическаго, въ турецкую войну 1787 г.	2	5	28	8	4	6	8	23	2	4
Итого 90 пушекъ.										

(1) 20 пушекъ, пожалованныя было войску въ 1802 году, съ 10 лодками, возвращены въ казну въ 1809 году. Послѣ этого еще нѣсколько пушекъ и единороговъ доставлено войску отъ артилерійскаго вѣдомства, въ 1823, 1825 и 1828 годахъ.

Получено въ 1807 году,

по повелѣнію генералъ-лей-

тенанта Дюка - де - Ришелье,

изъ турецкаго города Анапа.

9 ф. 6 ф.

1 1 4 » » » » » » »

Итого 6 пушекъ.

Въ 1809 году, по его

же распоряженію, доставлено

изъ Терапольской крѣпости

Высочайше пожалованныхъ .

» » 20 » » » » » » »

Итого 20 пушекъ.

В с е г о

116 пушекъ.

Тяжелыми орудіями были укрѣплены Екатеринодарская крѣпость и посты съ батареями по кубанской границѣ, а двадцать трехъ-фунтовыхъ пушекъ состояли при полкахъ на кордонной линіи, въ подвижномъ составѣ; когда же послѣдовало Высочайшее повелѣніе, 13-го ноября 1802 года, о сформированіи въ Черноморскомъ войскѣ двадцати полковъ, то въ каждый полкъ было назначено по два орудія въ конномъ составѣ, съ нужнымъ числомъ канонировъ.

Херсонскій военный губернаторъ, Дюкъ-де-Ришелье, первый обратилъ вниманіе на плохое устройство въ Черноморскомъ войскѣ артилеріи. По его распоряженію, въ войскѣ были, въ 1814 году, сформированы: одна конная и одна пѣшая артилерійскія полуроты 6-ти-орудійнаго состава, на двѣ перемѣны, по положенію полевыхъ пѣшихъ ротъ. Въ 1817 году, по Высочайшему повелѣнію, вмѣсто конной полуроты сформирована конно-артилерійская рота, на томъ основаніи, какъ содержалась таковая въ войскѣ Донскомъ; пѣшая же полурота, по мѣстнымъ условіямъ, высшимъ начальствомъ была признана неудобною и тогда же упразднена.

Черноморской конно-артилерійской ротѣ, по Высочайшему повелѣнію, данному 4-го августа 1818 года, присвоенъ № 6, переименованный, въ 1829 году, въ № 4.

Изъ этой роты, въ первое время находились на кордонной линіи только четыре орудія, съ полнымъ числомъ артилерійской прислуги, очередовавшаяся службою ежегетртно. Съ 1820 года въ каждую очередь пазначалось по восьми орудій, съ другимъ комплектомъ людей, — которые, именуясь запасною ротою, въ 1829 году, по Высочайшему повелѣнію, обращены въ пѣшую роту 12-ти-орудійнаго состава.

Въ 1827 году, по случаю войны съ Персией, а потомъ съ Тур-

цією, порядокъ артилерійской службы въ Черноморскомъ войскѣ измѣнился. Обѣ артилерійскія роты были вызваны на службу въ разные мѣста и, не получая долгое время смѣны, пришли въ совершенное разстройство. Это обстоятельство вызвало, въ 1834 году, распоряженіе командира кавказскаго корпуса, генерала отъ инфантеріи барона Розена, удвоить въ обѣихъ ротахъ комплектъ артилеристовъ ⁽¹⁾.

Въ такомъ порядкѣ въ Черноморскомъ войскѣ состояла артилерія до положенія 1842 года, по которому въ войскѣ сформирована артилерійская бригада изъ трехъ конно-артилерійскихъ батарей и артилерійской пѣшей роты. Затѣмъ послѣдовали и другія измѣненія по артилерійской части.

Гвардія была первоначально сформирована, по Высочайшему повелѣнію, въ 1811 году, въ составѣ гвардейской сотни, на общихъ гвардейскихъ правахъ. Въ ноябрѣ 1811 года, черноморскіе гвардейцы были уже на службѣ въ С.-Петербургѣ.

Гвардейская черноморская сотня была въ 1816 году переформирована въ эскадронъ № 7 (послѣ шести донскихъ нумеровъ); къ нему для облегченія службы, въ 1826 году, добавленъ отъ войска еще одинъ полуэскадронъ ⁽²⁾.

По положенію о Черноморскомъ войскѣ 1-го іюля 1842 года, былъ сформированъ лейбъ-гвардіи Черноморскій казачій дивизионъ, — впоследствии получившій измѣненіе, какъ и другія строевыя части въ войскѣ.

Конница и пѣхота Черноморскаго войска, образовавшіяся еще за Бугомъ, во время турецкой войны 1787 года, неимѣли сначала штатнаго устройства строевыхъ частей. Старинные документы объясняютъ, что за Бугомъ формировались волонтерныя команды изъ войска *вѣрныхъ* казаковъ, потомъ, по устройствѣ войсковаго коша, изъ Черноморскаго войска образовались конная и пѣшая команды,

⁽¹⁾ Свѣдѣнія взяты изъ дѣлъ войск. архива и Полн. Собр. Зак.

⁽²⁾ Изъ дѣлъ Куб. войск. арх. и Полн. Собр. Зак.

изъ которыхъ послѣдняя служила на флотилии; далѣе являются пятисотенныя полки, безъ штатнаго, впрочемъ, состава. Въ такомъ видѣ конница и пѣхота Черноморскаго войска перешли изъ-за Буга на Кубань. Каждый пѣшій или конный полкъ, не имѣя нумера, именовался по прозванію своего командира.

Въ 1794 году, въ первый разъ, по Высочайшей волѣ, были скомплектованы, для отправленія въ Польшу, два пятисотенныя конные полка по штату, присланному изъ Петербурга генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Зубовымъ, а въ 1796 году, по тому же штату, сформированы два пѣшіе полка, посланные въ Персію.

По докладу военной коллегіи 13-го ноября 1802 года, Высочайше утвержденному, въ Черноморскомъ войскѣ были сформированы 20 штатныхъ полковъ, изъ нихъ 10 пѣшихъ и 10 конныхъ; еще одинъ конный полкъ скомплектованъ въ 1819 году. Такой строй полковъ существовалъ до положенія 1842 года.

Сначала все строевыя части формировались изъ нѣсколькихъ куреней, поселенныхъ одинъ отъ другаго въ ближайшемъ разстояніи; въ полки брали совершеннолѣтнихъ казаковъ, способныхъ къ военной службѣ; вербовали въ службу обыкновенно тѣхъ, кто былъ подъ рукою, ибо многіе черноморцы, скрываясь въ ватагахъ по рыбнымъ заводамъ, или въ степяхъ за отарами и табунами, вовсе не служили. Въ то время служба не ограничивалась опредѣленнымъ числомъ лѣтъ; каждый казакъ и офицеръ служили до тѣхъ поръ, пока за ранами, увѣчьями, или болѣзнями не могли владѣть оружіемъ. Только въ 1818 году опредѣлено было военной службы черноморцамъ 25 лѣтъ; по истеченіи этого срока, казаки, уволенные отъ военной службы, перечислялись въ службу внутреннюю, по войску, которую и несли до совершенной физической неспособности ⁽¹⁾.

Высочайше утвержденное положеніе 1-го іюля 1842 года дало новый порядокъ службы Черноморскому войску. По окончательномъ сформированіи, оно имѣло въ строю болѣе 18,000 человѣкъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Изъ дѣлъ Куб. войск. арх. и Полн. Собр. Зак.

⁽²⁾ Приложение II.

II.

(1794—1797).

Занятіе черноморцами Кубанской границы.—Закубанскіе горцы.—
Плѣнъ хорунжаго Безкровнаго.—Походъ въ Польшу и Персію.—
Кончина Екатерины II, кошеваго Чепѣги и судьи Головатого.—Де-
путація черноморцевъ при коронованіи Павла I.—Неудовольствія
казаковъ на Котляревскаго.

Ой встань Харьку, устань батьку,
Кличуть тебе люди.
Ой ходимо до Цариці,
По прежнему буде.....

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Въ первомъ отдѣлѣ статьи я упомянулъ, что кошевой атаманъ Черноморскаго войска Чепѣга, утомленный дальнымъ походомъ, остано-
вился, осенью 1792 года, близъ Ейскаго городка, въ предѣлахъ
пожалованной черноморцамъ земли. Въ слѣдующемъ году, съ откры-
тіемъ весны, Чепѣга, оставивъ въ лагерѣ на Ейской косѣ войсковыя
тяжести, при командѣ изъ двухъ сотъ казаковъ, съ полковымъ хо-
рунжимъ Зимой, передвинулся со всѣмъ войскомъ къ Кубани и сталъ
лагеремъ въ Карасунскомъ кутѣ, — куда, въ октябрѣ, пришелъ и Зима
съ войсковымъ скарбомъ. Стоя здѣсь, Чепѣга, по указанію командо-
вавшего войсками на Кавказѣ, генераль-аншефа графа Гудовича, за-
нялъ по р. Кубани черноморскую кордонную линію, начиная отъ Во-
ронезскаго редута, внизъ по теченію до Бугаза.

На этомъ пространствѣ, по порученію кошеваго атамана, войско-
вой полковникъ Козьма Бѣлый разставилъ первые посты, или такъ
называвшіеся кордоны: 1) Воронежскій, чрезъ 10 верстъ; 2) Черно-
морскій, чрезъ 10 верстъ; 3) Робленный, чрезъ 10 верстъ; 4) Кри-
вый, чрезъ 10 верстъ; 5) Главный-Орѣховатый, чрезъ 20 верстъ;
6) Видный, чрезъ 10 верстъ; 7) Черноморскій, чрезъ 10 верстъ;
8) Армейскій, чрезъ 10 верстъ; 9) Каракубанскій, чрезъ 12 верстъ;
10) Казаче-Ерковскій.

Эти посты образовали первую часть кордонной линіи. Изъ нихъ
въ Главномъ-Орѣховатомъ кордонѣ было семь старшинъ и 163 казака,
а въ прочихъ постахъ отъ 49 до 57 нижнихъ чиновъ, съ старши-
нами. Всѣхъ же было поставлено, въ этой части, старшинъ 25 и
казаковъ 628 человекъ.

Во второй части кордонной линіи шли посты, чрезъ одну версту

отъ Казаче-Ерковского: 11) Главный-Копыльскій, чрезъ 30 верстъ;
12) Калауской, чрезъ 30 верстъ; 13) Курчанскій, чрезъ 100 верстъ;
14) Некрасовскій (1), чрезъ 30 верстъ; 15) Сукоровъ, чрезъ 12
верстъ; 16) Бугазскій, чрезъ 25 верстъ до Тамани; 17) Корсунскій.

Здѣсь, въ каждомъ кордонѣ, было отъ 20 до 25 казаковъ, при
старшинахъ, а всѣхъ—10 старшинъ и 216 нижнихъ чиновъ. Всего
въ обѣихъ частяхъ кордонной линіи поступило первоначально на кор-
донную стражу 35 старшинъ и 840 казаковъ.

Части пограничной линіи были поручены особымъ войсковымъ
полковникамъ, которые имѣли пребываніе въ главныхъ кордонахъ и
строго смотрѣли за порядкомъ службы и за безопасностію границы.

Устроивъ, такимъ образомъ, кордонную линію на кубанской гра-
ницѣ, кошевой атаманъ Чепѣга обнародовалъ повелѣніе не пускать
изъ-за Кубани на нашу сторону горцевъ, а кто изъ нихъ перейдетъ
на войсковую землю безъ вѣдома кордонной стражи, того брать подъ
караулъ и представлять кошевому; если же кто изъ горцевъ имѣлъ
какую-либо особую надобность, то могъ переправиться на нашу сто-
рону на Бугазѣ, гдѣ былъ учрежденъ и карантинъ. Впослѣдствіи,
сообщеніе съ горцами происходило и въ другихъ мѣстахъ кордонной
линіи, на мѣновыхъ пунктахъ.

Въ 1794 году, при установленіи общаго порядка управленія въ
Черноморіи, основанъ былъ, на лагерномъ мѣстѣ въ Карасунскомъ
кутѣ, при Кубани, городъ Екатеринодаръ, гдѣ сосредоточивалась граж-
данская и военная власть войска. Тогда же по стратегическимъ сообра-
женіямъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны и въ отношеніи содержанія
пограничнаго караула. Въ каждую часть кордонной линіи назначены,
для начальствованія и исполненія служебныхъ порученій, по одному
полковнику, по одному полковому есаулу, по одному полковому хорун-
жему и по одному полковому писарю.

Нѣкоторые кордоны получили другія названія и къ нимъ было
добавлено, въ необходимыхъ мѣстахъ пограничной линіи, три поста.
Въ каждый постъ назначалось по одному кордонному старшинѣ, по 25
конныхъ и по 25 пѣшихъ казаковъ. Кромѣ того, на черноморскую
гребную флотилію 25 старшинъ и 375 казаковъ; для вспомошество-

(1) Такое далекое разстояніе между постами Курчанскимъ и Некрасовскимъ
можно объяснить неудобствомъ сообщенія въ той мѣстности, при существо-
вавшихъ тогда, да и нынѣ частью существующихъ, при-кубанскихъ болотахъ
и лиманахъ; впрочемъ, нельзя безусловно вѣрить въ непогрѣшимость тогдан-
няго исчисленія верстъ по кордонной линіи.

ванія, въ непредвидимыхъ случаяхъ, и для переправы чрезъ проливъ, въ Тамани, 228 казаковъ; на содержаніе карауловъ при войсковыхъ цейхгаузахъ 75 человекъ и въ 40 куреняхъ, для содержанія въ Екатеринодарѣ карауловъ, 240 нижнихъ чиновъ. Всего, по годовому наряду, состояло на службѣ въ Черноморскомъ войскѣ: полковниковъ и старшинъ 53, и казаковъ 1,918.

Для лучшаго порядка въ распоряженіяхъ по военной части, кордонная линія была, въ 1797 году, раздѣлена на пять частей, съ подчиненіемъ каждой части особому чиновнику. Нѣкоторые посты были упразднены, иные добавлены, и, съ послѣднимъ переобразованіемъ, состояли въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ первой части:

1) Кирпильскій, 2) Кочатинскій (съ восточной стороны отъ линейнаго войска до Кубани). По Кубани: 3) Редутскій, 4) Изрядный, 5) Воронежскій, 6) Подмогильный, 7) Константиновскій, 8) Малолагерный, 9) Александровскій, 10) Павловскій, 11) Главный, 12) Екатериновскій.

Во второй части:

13) Александровскій, 14) Елисаветинъ, 15) Елискій, 16) Марьянскій.

Въ третьей части:

17) Новоекатериновскій, 18) Ольгинскій, 19) Славянскій, 20) Велико-марьянскій.

Въ четвертой части:

21) Копыльскій, 22) Петровскій, 23) Староредутскій, 24) Андреевскій, 25) Смоляный.

Въ пятой части:

26) Новогригорьевскій постъ, съ Таманью и Бугазомъ.

Для наблюденія за движеніями горцевъ, между постами устроены были пикеты и батарейки, гдѣ постоянно находилось нѣсколько казаковъ при урядникахъ.

Посты, съ необходимыми помѣщеніями для людей и лошадей, обыкновенно окапывались глубокимъ рвомъ, съ бастіонами, и обгораживались кругомъ колючимъ терновникомъ. Въ такомъ видѣ посты, называвшіеся *кордонами*, походили на малые укрѣпленія ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Не стану входить въ подробныя объясненія устройства пограничной

При первоначальномъ занятіи кордонной линіи по Кубани, войсковое правительство, заботясь о сохраненіи пограничнаго края Черноморіи отъ набѣговъ горцевъ, 10-го декабря 1795 года сдѣлало распоряженіе о принятіи воинской предосторожности повсемѣстно въ войскѣ. Отъ всѣхъ куреней (селеній) были доставлены войсковому правительству круговыя подписки, подобныя слѣдующей:

«1796 года, января 5-го числа, мы, нижеподписавшіеся, дали сію подписку Екатеринодарскому окружному правленію въ томъ, что, по силѣ предписанія онаго правленія, послѣдовавшаго по указу войскаго черноморскаго правительства, обязываемся имѣть въ исправности всякій, какъ для себя самого, такъ и для семейства своего, годныя къ отправленію войсковой службы: ружье, пику со всемъ приборомъ и запасомъ, также, по возможности, верховыхъ лошадей, съ тѣмъ, что когда только востребованы будемъ на службу, въ то время выступать въ повелѣнное мѣсто имѣемъ. А для общей безопасности и къ сохраненію своего собственнаго имѣнія отъ хищниковъ закубанскихъ и отъ разнообразныхъ воровствъ, составить изъ себя около селенія вооруженные обходы; скотину же имѣть всякъ въ своихъ дворахъ, въ загонѣ или на привязи; бѣглыхъ же сумнительныхъ людей принимать въ свои дома никто не долженъ, а хотя какой бы то ни былъ человекъ (кромѣ сего войска казаковъ) явился, объявить своего селенія начальнику, и съ позволенія онаго принимать для ночлега или временнаго пребыванія: ежели же кому случится изъ насъ сѣдовать по своимъ надобностямъ около учрежденныхъ на землѣ сего войска и въ Кавказскомъ намѣстничествѣ кордоновъ, имѣемъ, для корму скота, а особливо для ночлега, останавливаться при самыхъ оныхъ кордонахъ. Въ случаѣ же кто окажется изъ насъ въ семъ неисполнителемъ, то, яко нарушителя общественнаго и своего блага, подвергается немилосердному наказанію. Въ чемъ и подписываемся съ поручительствомъ одинъ другому, въ селеніи *** живущіе. Куренный атаманъ ***, сельскій атаманъ ***, казаки ***, а за неграмотныхъ подписалъ того же селенія писарь ***».

Изъ этой подписки можно убѣдиться, на сколько тягостна была постоянно-тревожная жизнь черноморцевъ на Кубани. Вотъ что писалъ генералъ Дюкъ де-Ришелье военному министру: «Черноморцы, имѣя жительство на границѣ и защищая ее собою отъ набѣговъ, несутъ службу сколько для государства полезную, столько и претрудную. Полезную потому, что черкесы, встрѣчая на сей сторонѣ Ку-

дѣи и вообще кордонной жизни черноморцевъ: эти предметы описаны уже г. Попкой и другими писателями (*).

(*) См. «Черноморскіе казаки» г. Попки и статьи его и г. Скальковского въ №№ 12, 13, 25 и 72 «Русскаго Пивалида» за 1855 годъ.

бани черноморцевъ, не смѣютъ и не могутъ далѣе простирать своихъ набѣговъ; а трудную потому, что казаки, кордонную цѣпь содержащіе, должны день и ночь быть готовыми встрѣтиться съ непріятелемъ и сражаться съ нимъ» (1). Слѣдуетъ прибавить, что на всемъ протяженіи кордонной линіи были плавни и болота, покрытыя непроглядными камышами (тростникомъ) и другими болотными растеніями, заражавшими гнилью воздухъ и порождавшими неизбѣжныя болѣзни и смертность. Въ такой-то убійственной мѣстности, наполненной мириадами комаровъ и мошекъ, безошадно жалившихъ всякое живое существо, черноморцы проводили кордонную жизнь, испытывая всевозможныя лишенія и ежеминутныя опасенія за безопасность и спокойствіе цѣлаго края. Мало того: черноморскіе пластуны, открывая прокрадывавшихся сокровенными путями непріятелей, день и ночь рыскали по болотамъ и плавнямъ, въ сообществѣ дикихъ звѣрей, ежеминутно подвергая опасности жизнь свою. Не разъ безстрашные пластуны, застигнутые хищниками, употребляли невѣроятныя хитрости избавиться отъ враговъ. И до сихъ поръ сохранились преданія объ истинно-удивительныхъ подвигахъ этихъ оригинальныхъ воиновъ и о не менѣе удивительныхъ приключеніяхъ съ ними. Нерѣдко случалось, что храбрецы застрѣливали другъ друга въ густыхъ камышахъ, полагая, что стрѣляютъ въ дикихъ кабановъ.

Да, безотраднa была жизнь черноморцевъ на кордонной линіи. Здѣсь, казалось, сосредоточились всѣ невзгоды для бѣднаго казака. «Тутъ»—писалъ Ришелье—«черноморцы, люди съ климатомъ ознакомившіеся, ко всему трудному привыкшіе, могутъ только оберегать границы отъ злодѣевъ. Извѣстно, колькою потери въ людяхъ стоило расположеніе на сей землѣ регулярныхъ войскъ».

Прежде чѣмъ говорить о боевой жизни черноморскихъ казаковъ противу закубанскихъ горцевъ, скажу нѣсколько словъ о самыхъ сихъ азійцахъ.

На протяженіи всей черноморской кордонной линіи, съ лѣвой стороны Кубани жили горскіе черкескіе народы, раздѣлявшіеся на племена различныхъ наименованій (2). Не входя въ ученыя изслѣдованія о жизни этихъ азійцевъ и о ихъ разселеніи по племенамъ, что можно

(1) Донесеніе Ришелье графу Аракчеву 4-го ноября 1808 года, № 5,223.

(2) Наименованіе черкескихъ племенъ и въ частныхъ и въ официальныхъ бумагахъ, въ старое время поселенія черноморцевъ на Кубани, нѣсколько разъ измѣнялось въ выговорѣ,—это продолжалось, впрочемъ, и до позднѣйшихъ временъ.

видѣть изъ историческаго описанія горскихъ племенъ г. Берже, упомяну только, что съ безпокойнымъ закубанскимъ народомъ черноморцы прожили всю славную боевую жизнь свою на Кубани, до покоренія Западнаго Кавказа.

По окончаніи, въ 1791 году, турецкой войны, Оттоманская Порта трактатомъ, заключеннымъ съ Россіей въ Яссахъ 29-го декабря того года, обязалась употребить всю власть и способы къ обузданію закубанскихъ черкесскихъ народовъ, чтобы они не производили хищническихъ набѣговъ на предѣлы Россіи, не нарушали бы спокойствія русскихъ подданныхъ и не уводили ихъ въ плѣнъ; въ противномъ случаѣ, Турція обязывалась наказывать горцевъ и, по заявленіи русскихъ пограничныхъ властей, пополнять всѣ убытки, причиненные хищниками русскимъ подданнымъ и возвращать русскихъ плѣнныхъ (1).

По силѣ такого договора, наблюденіе за дѣйствіями закубанскихъ народовъ Оттоманская Порта поручила анапскому пашѣ. Тѣмъ не менѣе, во все продолженіе горской войны, не смотря на старанія Турціи подчинить черкесовъ своему верховному владычеству, послѣдніе не признавали надъ собою турецкаго господства и крѣпко сохраняли свою независимость. Они уважали турокъ не какъ властелиновъ, а какъ единовѣрцевъ, иногда помогавшихъ имъ въ войнѣ противу русскихъ.

Еще до поселенія въ при-кубанскомъ краѣ черноморцевъ, нѣкоторые черкескія племена пользовались особыми преимуществами у кавказскаго начальства. По просьбамъ князей горскихъ народовъ, командующій войсками на Кубани и на Кавказѣ, генералъ-аншефъ графъ Гудовичъ, выдавалъ открытые листы, которыми присвоивалось право подвластнымъ тѣхъ князей людямъ вѣзжать въ наши предѣлы, пахать по правой сторонѣ Кубани поля подъ хлѣбъ, пасти стада и имѣть временное жительство. Пользовавшіеся такимъ дозволеніемъ черкесы, съ прибытіемъ сюда черноморцевъ, собравъ съ полей свои хлѣба и другое хозяйство, перешли на лѣвую сторону Кубани, безъ всякихъ непріязненныхъ столкновеній.

Но широкое раздолье для пастбы скота и тучныя пажити на правой сторонѣ Кубани до того привлекли азійцевъ, что жители Базадипской орды, получивъ отъ черноморцевъ извѣщеніе убираться за Кубань, въ половинѣ 1793 года подали кошевому атаману Чепѣгѣ просьбу, отъ имени мурзъ своихъ Батырь-Гирей и Тогуръ Оглы-Хашу-

(1) Полн. Собр. Зак. т. XXIII, 1791 г. (17008).

хана, о дозволеніи имъ окончательно переселиться на нашу сторону, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы имъ было предоставлено право пользоваться угодьями нашей земли; они же обѣщали, въ случаѣ надобности, помогать русскимъ войскамъ противу горцевъ, и высказывали надежду, что и другія закубанскія племена послѣдуютъ ихъ примѣру. Войсковое правительство, зная лукавство своихъ сосѣдей, не довѣряло ихъ преданности русскому правительству; оно хорошо понимало, что только корыстные виды, именно: пользованіе богатыми угодьями нашей земли, побуждали ихъ переселиться на привольныя мѣста праваго берега Кубани. Таврическое начальство, соглашаясь съ мнѣніемъ черноморскаго войсковаго правительства, предписало объявить мурзамъ и жителямъ Базадинскимъ дружески, что если они желаютъ остаться навсегда вѣрноподданными Россіи, то могутъ водвориться внутри области Таврической, или за Перекопомъ въ киргизскихъ селеніяхъ, или же на Молочныхъ Водахъ, при ордахъ Едисанской, Едичкульской и Джамбулукской, гдѣ имъ будутъ отведены достаточныя земли для хлѣбопашества, сѣнокоса и скотоводства.

Тѣснимые горскими черкесами, ногайцы, въ 1794 году, въ числѣ до 500 человекъ, перешли изъ-за Кубани на нашу сторону; но, не имѣя возможности осенью слѣдовать на Молочныя Воды, остановились близъ Агданизовскаго лимана, и тамъ начали заниматься обработкой земли и обзаводиться хозяйствомъ. Эти закубанскіе выходцы, въ слѣдующемъ году, согласно ихъ просьбѣ, были, по Высочайшему разрѣшенію, данному генералу Розенбергу 24-го сентября 1794 года, поселены черноморскимъ войсковымъ правительствомъ на сѣверо-восточной косѣ Азовскаго моря, верстъ за сто отъ Кубани, и на вѣрность подданства Россіи приведены къ присягѣ.

Все было тихо и покойно на Кубанской границѣ; многіе черкескіе владѣльцы являлись иногда къ кошевому атаману на переговоры о сохраненіи съ обѣихъ сторонъ мирнаго сосѣдства. Доброе ихъ заявленіе принималось съ радушіемъ, и хотя черкесы вели себя вообще мирно, но нѣкоторые закубанскіе хищники, пробираясь тайкомъ на нашу сторону, изыскивали случай погулять на нашъ счетъ. Они не хотѣли разстаться съ наклонностію своею своровать у своихъ и нашихъ, что можно было, да и въ плѣнъ захватить кого-либо изъ русскихъ не считали преступленіемъ. Первымъ плѣнникомъ попался къ горцамъ хорунжій Безкровный; однако удалый черноморецъ скоро устыдилъ азіатцевъ, очутившись снова въ кругу своихъ земляковъ.

Вотъ какъ это случилось: полковой хорунжій, арміи прапорщикъ Семенъ Безкровный, по распоряженію войсковаго полковника Саввы

Бѣлого, отправился на звѣриную ловлю за Протоку, гдѣ встрѣтился съ поручикомъ Уманцовымъ, а потомъ оба они сошлись съ партіею черкесовъ. Одинъ изъ черкесовъ просилъ у Уманцова билета на свободную ловлю звѣрей на правой сторонѣ Кубани. Получивъ отказъ, азіатцы отправились далѣе. Послѣ того, Безкровный, увидѣвъ плывшихъ по Кубани дубомъ казаковъ, приблизился къ берегу указать имъ дорогу къ удобнѣйшему входу изъ Кубани въ Протоку. Въ эту минуту черкесы бросились изъ-за кустовъ, схватили Безкровнаго и тотчасъ же переправились съ нимъ за Кубань. По прибытіи въ аулъ, черкесы три дня держали Безкровнаго въ саклѣ и кормили его пшеничными коржами. На третій день плѣнникъ, соскучившись въ гостяхъ, вылѣзъ изъ сакли въ заднее окно, и былъ таковъ! На дорогѣ встрѣтился онъ съ русскимъ солдатомъ, который, накормивъ его, повелъ къ одному черкескому князю, увѣряя, что князь отошлетъ Безкровнаго домой. Но бѣглеца настигли черкесы, снова завладѣли своимъ плѣнникомъ, и окружили его строгимъ надзоромъ.

На другой день черкесы сказали Безкровному, что князь велѣлъ отпустить его; затѣмъ сняли съ него хорошую одежду и, нарядивъ въ лохмотья, посадили на коня и поѣхали, какъ они говорили, «на Русь». Но, вмѣсто «Руси» черкесы очутились въ другомъ аулѣ, изъ котораго повели Безкровнаго далѣе въ горы, къ абазинцамъ, на продажу. Три дня водили плѣнника въ горахъ, но покупать его никто изъ черкесовъ не хотѣлъ; каждый, видя у Безкровнаго на головѣ *чуприну*, узнавалъ въ немъ черноморца и говорилъ продавцамъ: «купить развѣ только для того, чтобы товаръ пропалъ». «Се баткалъ». Тогда азіатцы, посоветовавшись между собою, обрѣзали Безкровному чуприну, обрили ему голову и въ такомъ видѣ продали его за турчина одному черкесу, отъ котораго Безкровный, недѣли черезъ двѣ плѣна, бѣжалъ въ Черноморію.

Во время польскаго возстанія Императрица Екатерина II, рескриптомъ 22-го апрѣля 1794 года, дала повелѣніе графу Платону Зубову отрядить изъ войска Черноморскаго, къ войскамъ графа Салтыкова, два пятисотенныхъ конныхъ полка, подъ командою кошеваго атамана. Графъ Платонъ Александровичъ, передавая это Высочайшее повелѣніе Захарію Алексѣвичу Чепѣгѣ, приказалъ при слѣдованіи въ Польшу захватить въ Петербургъ ⁽¹⁾.

Труденъ былъ этотъ походъ для неустроившихся еще черномор-

(1) Орлера гр. Зубова кошевому Чепѣгѣ 25-го апрѣля, 4-го и 16-го мая 1794 г. Изъ дѣлъ Кубан. войск. арх.

цевъ, но воля Монархини была священна. Для дальняго пути полки были скомплектованы изъ отборныхъ казаковъ, на добрыхъ коняхъ, подъ начальствомъ опытныхъ войсковыхъ полковниковъ—Высочина и Малого. 14-го іюня черноморцы выступили въ походъ, подъ командою старшаго полковника Высочина; самъ же кошевой Чепѣга вслѣдъ за ними отправился въ Петербургъ. Графъ Зубовъ принялъ Чепѣгу весьма ласково и представилъ его къ Высочайшему двору. Императрица Екатерина, удостоивъ атамана черноморцевъ благосклоннымъ приѣмомъ, отпустила его воевать противъ враговъ отечества.

Вотъ что писалъ Чепѣга Федору Яковлевичу Бурсаку, 20-го іюля, изъ Царскаго Села:

«6-го числа іюля я былъ представленъ Ея Императорскому Величеству и допущенъ къ ручкѣ, а 9-го числа Его Высочеству Великому Князю Павлу Петровичу, супругѣ его Маріи Фёдоровнѣ и всей царской фамиліи, и, того числа, обѣдалъ у царскаго стола, гдѣ и Государыня изволила кушать. За обѣдомъ сперва графъ Платонъ Александровичъ, а послѣ Ея Величество присылали мнѣ въ бутылкѣ съ рюмкою вина; потомъ Всемило-стивѣйшая Государыня, оказывая мнѣ высокую Монаршую милость, соизволила пожаловать, при окончаніи стола, на тарелкѣ винограда и персиковъ.

«По соизволенію Монархини, я осматривалъ въ Царскомъ Селѣ и въ Петербургѣ: всѣ царскіе покои во внутренности, кунстъ-камеру, арсеналъ и прочія достопамятности. Показывающіе мнѣ оныя говорили: «очень рѣдко кому такъ позволяется всего во внутренности смотрѣть», и что «мнѣ, показываніемъ всего, великую честь Государыня дѣлаетъ».

«Въ Польшу отсель полагаю отправиться съ 28-го числа сего мѣсяца» (1).

Императрица Екатерина, отпуская кошевого атамана Чепѣгу на войну съ поляками, благословила его хлѣбомъ и солью, и пожаловала саблю, алмазами украшенную, сказавъ: «Бей, сынокъ, враговъ отечества» (2).

Еще передъ отъѣздомъ изъ Екатеринодара, Чепѣга получилъ предписание графа Суворова (6-го іюня, № 262) слѣдовать черноморскимъ полкамъ изъ Кременчуга на Ольвѣнополъ, а оттуда на Балту, въ Брацлавскую губернію, до Днѣстра; по прибытіи же туда, расположиться одному полку въ Могилевѣ, внизъ по Днѣстру, до Ягорлыкка. На маршѣ полковникъ Высочинъ получилъ новое повелѣніе отъ Суворова

(1) Это письмо хранится въ дѣлахъ Куб. войск. архива.

(2) Объ этихъ наградахъ Я. Г. Кухаренко упоминаетъ въ неизданномъ сочиненіи своемъ «Историческіе акты Черноморскаго войска».

о томъ, что, по Высочайшему повелѣнію, черноморскіе полки должны слѣдовать къ Литовскому-Бресту и тамъ отъ генерала-аншефа Репнина ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

10-го августа Репнинъ предписалъ Высочину поспѣшать къ Пинску, соединиться тамъ съ войсками бригадира Дивова и исполнять его приказанія. Высочинъ, достигнувъ, 25-го августа, мѣстечка Столина, далъ полкамъ отдохнуть, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Чепѣга прибылъ къ войскамъ 2-го іюля, явился къ графу Суворову въ мѣстечкѣ Варковичахъ и, получивъ приказанія, отправился въ Пинскъ. Отсюда, 25-го августа, онъ предписалъ Высочину оставить въ Столинѣ двѣсти казаковъ для прикрытія провіантскихъ магазиновъ, а съ остальными слѣдовать къ Пинску. Вслѣдъ затѣмъ, бригадиръ Дивовъ приказалъ Высочину откомандировать еще триста казаковъ для поиска остатковъ непріятеля изъ разбитаго корпуса Грабовскаго.

7-го сентября Репнинъ предписалъ Чепѣгѣ соединиться съ Украинскимъ легкоконнымъ полкомъ и слѣдовать въ Слонимъ, въ корпусъ генераль-поручика Дерфельдена, отъ котораго, 16-го числа, получено приказаніе направиться въ селеніе Езероницу. Приказаніе это не поспѣло во-время: Чепѣга былъ уже близъ Слонима. Тогда Дерфельденъ далъ повелѣніе прибыть въ м. Зельви на соединеніе съ корпусомъ. Здѣсь Высочинъ получилъ отъ корпуснаго своего командира предписание поступить подъ команду генераль-маіора графа Зубова и расположить въ авангардѣ на правой и лѣвой сторонѣ по сто казаковъ, отдѣляя отъ нихъ сторожевые патрули и увѣдомлять заблаговременно о всѣхъ непріятельскихъ движеніяхъ. Остальные черноморцы тѣмъ же порядкомъ занимали мѣста въ арьергардѣ.

Состоя въ корпусѣ Дерфельдена, черноморцы участвовали въ сраженіяхъ съ поляками, сентября 12-го при м. Берестовицахъ, 19-го и 20-го при м. Колотовщизнѣ; 21-го при м. Цопикахъ, 22-го при м. Соколкахъ; въ октябрѣ 7-го числа при м. Брокахъ, 14-го при м. Поповкѣ, 18-го при м. Остроленкѣ, а 24-го въ штурмѣ при взятіи Прагской батареи. Въ промежутки черноморскіе казаки употреблялись въ разъѣзды для открытія непріятеля и всегда отличались особенною храбростію и мужествомъ, нерѣдко захватывая въ плѣнъ поляковъ цѣлыми партіями.

Боевая служба черноморцевъ въ польскую войну удостоилась Высочайшихъ наградъ и похвалы частныхъ начальниковъ; кошевой Чепѣга, произведенный въ генералы, за особенное отличіе при штурмѣ

Праги, награжденъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени большаго креста. Достойные его сподвижники черноморцы, не получившіе, во время военныхъ дѣйствій, особыхъ наградъ, удостоились, по благоволенію Государыни, общей награды: офицеры получили золотые знаки, а нижніе чины серебряныя медали, съ надписью: «за трудъ и храбрость» (1).

Послѣ взятія Праги и покоренія Варшавы, черноморцы, въ ноябрѣ, перешли на зимнія квартиры въ Литвѣ, и расположились по селеніямъ Брежскаго воеводства; штабъ-квартира Чепѣги была въ мѣстечкѣ Шершовѣ. Изъ зимнихъ квартиръ, въ апрѣлѣ 1795 года, полки выступили въ лагерь, откуда отправились, для содержанія кордоновъ, вмѣстѣ съ Сѣверскимъ карабинернымъ, Украинскимъ легкоконнымъ и Фанагорійскимъ гренадерскимъ полками, между Бѣльскимъ и Наревомъ. Затѣмъ уже въ концѣ года они двинулись обратно въ Черноморію и прибыли съ своимъ кошевымъ атаманомъ въ предѣлы войска, въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Въ архивномъ складѣ найдено нами весьма интересное черное письмо Чепѣги къ одному его пріятелю. Въ письмѣ этомъ, въ короткихъ словахъ, очерчена цѣлая польская кампанія (2).

Не успѣло Черноморское войско отдохнуть отъ польскаго похода, какъ, въ началѣ 1796 года, получено было Высочайшее повелѣніе о нарядѣ двухъ пятисотенныхъ полковъ для дѣйствій противу персіянъ. Генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Зубовъ, сообщая объ этомъ, требовалъ: «чтобы казаки были наряжены въ походъ самые отличные въ пѣхотномъ строѣ, и съ такимъ выборомъ, чтобы они могли служить съ пользою на лодкахъ и при надобности—на лошадяхъ».

Сформированные два полка, подъ командою войсковыхъ полковниковъ Великаго и Чернышева, поступили подъ начальство войскаго судьи Головатого, назначеннаго въ походъ самимъ графомъ Зубовымъ (3).

26-го февраля 1796 года, полковникъ Головатый, отслуживъ напутственный молебенъ и принявъ икону св. Николая Чудотворца, выступилъ въ персидскій походъ, со своимъ тысячнымъ отрядомъ, по

(1) Имен. Высоч. ук. генералъ-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, 1-го января 1795 года. Въ Полн. Собр. Зак. т. XXIII (17287).

(2) Приложение I.

(3) Предлож. Таврическаго губернатора Жегулина полковнику Головатому, 6-го февраля 1796 г., № 94. Изъ дѣлъ Куб. войск. архива.

направленію къ Астрахани. Его сопровождали кошевой атаманъ и войсковое «товариство» (1).

Выпавшій въ Тавридѣ большой снѣгъ и сильныя мители воспрепятствовали таврическому губернатору Жегулину проводить изъ Екатеринодара любимыхъ имъ черноморцевъ. Вернувшись уже съ дороги въ Симферополь, Жегулинъ съ курьеромъ прислалъ черноморцамъ икону св. Спаса, 25 руб. на молебенъ и 200 руб. на 50 ведеръ «горилки». «Да сохранить Спасъ ихъ (черноморцевъ) здоровыми и невредимыми и содѣлаетъ страшными врагамъ!» писалъ Жегулинъ Чепегѣ, а водку просилъ выпить «по чарці»: за здоровье милостиваго *батъка* и за его.

Вниманіе главнаго начальника края было принято черноморцами съ чувствомъ искренней благодарности, которую Чепега, отъ лица войска, передалъ губернатору Жегулину. Письмо и подарки, не заставшіе Головатого въ Екатеринодарѣ, отправлены были вслѣдъ за нимъ съ курьеромъ, и получены Антономъ Андреевичемъ, 11-го марта, въ Прочно-Окопѣ.

Достигнувъ Астрахани, Головатый, со своими черноморцами, поступилъ на суда, подъ начальство генералъ-маіора Рахманова; 21-го іюня онъ прибылъ къ городу Баку, сданному русскимъ войскамъ ханомъ Сонгуломъ, гдѣ, въ числѣ прочихъ, обѣдалъ у хана, со всѣми своими офицерами. Предъ обѣдомъ, какъ писалъ Головатый Чепегѣ, играла ханская музыка, составленная изъ балалайки, рожка, да двухъ небольшихъ котликовъ, издававшихъ звуки, похожіе на литавры; потомъ персіяннинъ плясалъ на головѣ, держа руками къ глазамъ два кинжала и перекидываясь разными оборотами. За обѣдомъ ханъ былъ очень веселъ и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ. Послѣ обѣда сами черноморскіе казаки составили оркестръ изъ двухъ скрипокъ, баса и цымбалъ. Съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ханъ нашу казацкую музыку и благодарилъ Головатого за доставленное ему удовольствіе.

Головатый, выгрузившись въ Баку, сталъ лагеремъ близъ крѣпости. Генералъ Рахмановъ, по просьбѣ Головатого, приказалъ дать казакамъ налатки, для укрытія отъ сильной жары.

13-го іюня прибылъ въ Баку главнокомандующій, графъ Валеріанъ Зубовъ. Полковникъ Головатый встрѣтилъ его при ставкѣ, а черноморскіе полки, выстроенные подъ развернутыми знаменами, приветствовали главнокомандующаго троекратною ружейною пальбою. Весьма

(1) Приложение II.

довольный привѣтомъ черноморцевъ, графъ Валеріанъ Александровичъ благодарилъ ихъ, изъявилъ удовольствіе за успѣшный походъ; разспрашивалъ Головатого о здоровьи кошевого Чепеги, о дѣлахъ на кубанской границѣ и въ знакъ особеннаго расположенія приказалъ выдать черноморцамъ тройную винную порцію. Этимъ не ограничилось вниманіе главнокомандующаго: онъ записалъ себя въ Черноморское войско войсковымъ товарищемъ, а сына своего, Платона, полковымъ есауломъ. Затѣмъ и всѣ чиновники штаба главнокомандующаго записались въ Черноморское войско войсковыми товарищами.

20-го іюля, графъ Валеріанъ Зубовъ отправился къ арміи, а Головатый, на другой день, съ передовой частью своихъ полковъ, поплылъ на транспортныхъ судахъ и персидскихъ киржимахъ, мимо Сальянъ, у устья Куры, къ острову Сару, лежащему насупротивъ Талышинскихъ горъ, въ владѣніяхъ Мустафы-хана. Онъ прибылъ сюда 24-го числа; 28-го прибыли и другіе казаки; недоставало только команды, отправленной Каспіемъ съ полковникомъ Чернышевымъ.

Ступивъ на островъ, Головатый, главнымъ отрядомъ, до 500 человекъ, сталъ на южныхъ Талышинскихъ берегахъ; изъ остальныхъ, — 225 казаковъ, съ подпоручикомъ Смолою, занимались доставкою отъ Сальянъ, на персидскихъ судахъ, по р. Куръ провіанта въ главную армію.

4-го ноября прибыли на островъ Сару 15 казаковъ, съ есауломъ Гаркушею, изъ команды полковника Чернышева, и объявили, что Чернышевъ, съ офицерами своего полка и остальными казаками, съ значками полковымъ и двумя сотенными, съ перначемъ и благословенною отъ таврическаго губернатора иконою отправился впередъ; но гдѣ находится теперь, неизвѣстно. Это грустное извѣстіе поразило черноморцевъ: всѣ жалѣли Чернышева, его сподвижниковъ и казацкую святыню; за всѣмъ тѣмъ, надежда на благополучный исходъ путешествія Чернышева, по недружелюбному Каспію, не покидала черноморцевъ. Къ одному горю присоединилось другое, еще большее. 9-го ноября, другой командиръ полка черноморцевъ, войсковой полковникъ арміи секундъ-маіоръ Великій, отправляясь изъ Сары на островъ Колишеванъ, для устройства тамъ лагеря, былъ застигнутъ сильнымъ штормомъ и, опрокинутый съ шлюпкою, погибъ въ волнахъ Каспійскаго моря. Немногіе изъ бывшихъ съ нимъ спаслись, уцѣпившись за шлюпку, и были выброшены, полумертвые, на берегъ Ленкоранскій.

На мѣсто погибшаго полковника Великаго назначенъ былъ командиромъ Черноморскаго полка капитанъ Головатый. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія получено было извѣстіе, что полковникъ Черны-

шевъ потерялъ крушеніе и былъ прибитъ къ горамъ, верстахъ въ 80-ти отъ Дербента. Въ началѣ 1797 года онъ присоединился къ своимъ полкамъ.

Въ продолженіе персидскаго похода, черноморцы, служа на каспійской флотиліи, участвовали въ завладѣніи острововъ, тюленьихъ и рыбныхъ ловлей, а на южныхъ берегахъ во взятіи персидскихъ крѣпостей и покореніи областей до р. Куры и Аракса. Въ то же время они охраняли Талышинскую провинцію, до границъ Ардебильскихъ и Гилянскихъ, отъ набѣговъ войскъ Аги-Махмута-хана.

Храбрость и мужество черноморскихъ полковъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ съ персіянами обращали на себя вниманіе ихъ начальниковъ. Изъ военныхъ подвиговъ черноморцевъ въ эту войну разскажу замѣчательный случай, переданный Головатымъ въ донесеніи кошевому атаману Чепѣгѣ. Однажды, казаки, подъ командою капитана Головатого, отправились для поисковъ къ Занзилейскимъ берегамъ. Встрѣтивъ непріятелей, упорно защищавшихъ берегъ, казаки вступили съ ними въ жаркій бой. Долго не умолкалъ съ обѣихъ сторонъ огонь, но храбрость и отвага черноморцевъ заставила персіянъ отступить. Казакамъ удалось захватить нѣсколько киржимъ, пустыхъ и съ товарами; они освободили жившихъ тамъ, армянъ, и все доставили къ эскадрѣ. Въ это время, сильнымъ волненіемъ понесло одну киржиму, подъ командою лейтенанта Епанчина, къ Занзилейскому берегу. На суднѣ находилось десять вооруженныхъ черноморскихъ казаковъ и армяне съ ихъ имуществомъ. До полутораста вооруженныхъ персіянъ, замѣтивъ боровшееся съ волненіемъ судно, подошли къ нему на малыхъ киржимахъ. Лейтенантъ Епанчинъ, не видя спасенія отъ превосходнаго числа непріятелей, взялъ съ собою на лодку двухъ матросовъ и четырехъ армянъ и отплылъ, къ стоявшему верстахъ въ пяти русскому боту, а киржиму, съ грузомъ и казаками, оставилъ временно на произволъ судьбы. Испугавшіеся армяне скрылись подъ палубу; казаки не пали духомъ. Когда персіяне, приблизившись къ казацкому судну, выбросили красный флагъ, черноморцы выбрали изъ среды себя начальникомъ опытнаго казака, платнировскаго куреня, Игната Сову, по его приказанію взяли у пассажировъ красный поясъ и отвѣчали этимъ знакомъ персіянамъ. Персіяне пустили на нихъ градъ пуль; казаки, съ своей стороны, ударили изъ ружей, *съ уюсоромъ безъ промаху*, первыми же выстрѣлами уложили персидскихъ начальниковъ, а потомъ, какъ отличнѣйшіе стрѣлки, перебили *и підстаршихъ ганківъ*, по выраженію Головатого. Смущенные персіяне продолжали слабо отстрѣливаться изъ-за бортовъ,

пока вѣтромъ не отнесло ихъ на далекое разстояніе отъ казаковъ, которые не переставали провожать ихъ мѣткими выстрѣлами.

Конные и пѣшіе персіяне, находившіеся на берегу, пытались прикрыть ружейною пальбою возвращавшихся товарищей, но безъ успѣшно. Горсть молодцовъ черноморцевъ благополучно возвратилась на островъ Сару.

Антонъ Андреевичъ Головатый, описывая этотъ случай, говоритъ: «Ще бачу козацька слова не загинула, коли, исключая двухъ больныхъ изъ числа десяти человекъ, восьми могли дать персіянамъ почувствовать: що въ черноморцівъ за сила!»

Подвигъ восьми черноморскихъ казаковъ можетъ показаться невѣроятнымъ, но имъ оставалось одно изъ двухъ: или отбиться отъ непріятелей или погибнуть. Строгая дисциплина, мѣткость стрѣльбы, хладнокровіе и ничѣмъ непоколебимое мужество спасли ихъ.

Въ продолженіе персидскаго похода черноморскіе казаки лишились любимаго своего начальника, пожалованнаго въ бригадиры Антона Андреевича Головатого, и командовавшаго, послѣ смерти контръ-адмирала Федорова и графа Апраксина, Каспійскою флотиліей и десантными войсками. Головатый умеръ 29-го января 1797 года ⁽¹⁾. Потеря «всегда чувствительная, но никогда для войска невозвратимая!» говоря словами покойнаго Якова Герасимовича Кухаренко.

Такъ кончился для войска Черноморскаго персидскій походъ. За исключеніемъ 100 человекъ, оставшихся въ Персіи при русскомъ консулѣ и 97 человекъ по другимъ мѣстамъ, возвратилось въ Черноморію (изъ 1,011 человекъ) только 504 человека. Этотъ остатокъ черноморскихъ казаковъ, съ полковникомъ Чернышевымъ, прибылъ въ Усть-Лабу 22-го іюля 1797 года.

Нельзя не вспомнить отеческой заботливости бригадира Головатого о благѣ войска Черноморскаго. Находясь въ Персіи, и не взирая на военныя заботы, онъ находилъ время вести дѣятельную переписку съ кошевымъ *Харькомъ* Чепѣгою: объ улучшеніи быта войсковыхъ жителей и о другихъ интересахъ, касавшихся войска Черноморскаго.

Во время персидской войны, Черноморское войско оплакало, вмѣстѣ со всею Россіей, кончину своей благодѣтельницы, Императрицы Екатерины. Вскорѣ новая печаль поразила сердца казаковъ. 14-го января 1797 года, они лишились любимаго и уважаемаго своего кошевого атамана, генераль-маіора Захарія Алексѣевича Чепѣги. Этотъ

⁽¹⁾ Донес. полк. Чернышева. Изъ дѣлъ войск. архива.

братолюбивый отецъ черноморской семьи, и по достиженіи высокаго чина и почетнаго званія, сохранялъ до самой смерти своей простоту въ образѣ жизни, служившей примѣромъ черноморцамъ ⁽¹⁾. Миръ праху твоему, знаменитый батько-кошевой, основатель разсадника доблестныхъ черноморскихъ воиновъ, на негостепріимныхъ степяхъ Кубани!

При выборѣ новаго атамана, по общему желанію войскового общества, жребій палъ на отсутствовавшаго войскового судью Головатого, а за нимъ указаны были и другіе кандидаты. На представленіе о томъ, Императоръ Павелъ далъ генералу Бердяеву, 21-го марта 1797 года, слѣдующій рескриптъ: «По присланному отъ васъ донесенію, Николай Михайловичъ, нѣтъ сумнѣнія о выборѣ въ войсковые атаманы Головатого, чѣмъ его и утверждаю. О чемъ и указъ даю. Вамъ благосклонный Павелъ» ⁽²⁾.

Но этотъ почетный санъ не засталъ уже въ живыхъ Антона Андреевича: преждевременная смерть его открыла войсковому писарю Котляревскому путь къ атаманской власти въ войскѣ Черноморскомъ, не по выбору общества, а по Высочайшему назначенію ⁽³⁾.

Еще при жизни Чепѣги было получено повелѣніе о высылкѣ изъ войска депутаціи для присутствія, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, при коронованіи Императора Павла Петровича. Приготовлялся ѣхать самъ кошевой; но когда смерть сразила его, а войсковой судья былъ въ отсутствіи, то войсковой писарь Котляревскій, какъ старшій въ войскѣ, отправился въ Москву, съ старшинами войска: секундъ-маіорамъ—Бурсакомъ, Малымъ, капитанами—Сакомъ, Кухаренкомъ и полковымъ есауломъ Животовскимъ. Они прибыли туда къ 15-му числу марта 1797 года. Изъ Москвы Котляревскій возвратился войсковымъ атаманомъ; но 16-го августа того же года, онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, по случаю безпорядковъ, произведенныхъ въ Екатеринодарѣ возвратившимися изъ Персіи казаками, по неудовольствію ихъ на войсковое управленіе и на самого атамана.

Буйная толпа казаковъ, двинувшись изъ Екатеринодарской крѣпости на площадь, гдѣ въ то время была въ сборѣ ярмарка, ломала, на своемъ пути, все что не нравилось духу казацкой вольности. Во имя ся они желали ниспровергнуть начальство, по старымъ запорож-

⁽¹⁾ Прилож. III.

⁽²⁾ Высоч. указъ Прав. Сен. 21-го марта 1797 г. (Изъ дѣлъ Куб. войск. архива).

⁽³⁾ Высоч. приказъ 27-го іюня 1797 года.

скимъ порядкамъ, забывъ, что запорожская «регула» умерла еще на берегахъ Днѣпра.

Послѣ этого прискорбнаго происшествія, произведено было весьма много арестовъ. Казаковъ брали сотнями подъ караулъ, и многіе несчастные, какъ рассказывали очевидцы, томились въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ, изъ которыхъ одна была на берегу рѣчки Карасуна. Въ этой ямѣ, между прочими, сидѣлъ казакъ Носакъ. Сынъ его рассказывалъ, что мать неоднократно приводила его къ ямѣ и, указывая со слезами ему на эту тюрьму, говорила: «Онъ твой батко!...» — «А я було, говорилъ Носакъ, тулюсь до матери, та боюсь щобъ и мене въ яму не вкинули».

Томясь въ заточеніи, казаки подкопались въ Карасунъ и въ одну ночь человекъ до тридцати ушли чрезъ рѣчку и пропали безъ вѣсти.

Въ числѣ бѣглецовъ «накивавъ пятами» и отецъ Носака. Отчаянныя головы пробрались, вѣроятно, за Дунай къ своимъ землякамъ, турецкимъ запорожцамъ.

Все дѣло было не такъ важно, какъ донесъ Императору графъ Марковъ, — послѣ личнаго удостовѣренія (1); но по суду оно было приравнено къ бунту и главные зачинщики строго наказаны.

III.

(1795—1799).

Князь Батырь-Гирей. — Непріязненные дѣйствія черкесовъ. — Дипломатическія сношенія съ Турціей. — Дворянинъ Шостанъ-Али. — Котляревскій, атаманъ черноморцевъ. — Султанъ Али-Шеретлу-Оглы. — Измѣнникъ Явбукъ-Бей.

Еще въ отсутствіе Чепѣги изъ войска, въ польскомъ походѣ, жившіе при Кубани князья Бжедухскій Батырь-Гирей, Хатукайскій Магметъ-Калабитъ и другіе, въ концѣ 1794 и въ началѣ 1795 годовъ, открыли переговоры съ начальствовавшимъ Черноморскимъ войскомъ войсковымъ судьей Головатымъ о сближеніи ихъ съ Россіей. Князья эти говорили, что они, въ прежнее время, находились во владѣніи крымскихъ хановъ, но какъ Крымъ покоренъ Россіей, то и они считаютъ себя болѣе принадлежащими Россіи, нежели Турціи, вслѣдствіе чего горскіе владѣльцы желали поступить, съ своими землями и на-

(1) Приложение IV.

родами, подъ российскую державу. Всѣмъ подданнымъ Россіи, въ томъ числѣ и черноморцамъ, они обязывались обидъ не дѣлать; скопища абазинцевъ разгонять, а въ случаѣ упорства и истреблять; при разрывѣ Россіи съ Портой и открытіи войны, не только не вооружаться противъ Россіи, но помогать ей всѣми своими средствами. Князья просили принять ихъ конскіе табуны на черноморскую войсковую землю, для пастбы, съ платою казакамъ за сбереженіе. Въ вѣрномъ соблюденіи условій хатукайцы дали присягу; прочія племена также обѣщались присягнуть на вѣрность подданства Россіи, когда получатъ на предложенныя условія согласіе русскаго правительства. Хатукайцы просили еще позволенія перейти, со всѣмъ ихъ имуществомъ, на русскую землю, въ предѣлы Черноморіи, но владѣльцы ихъ на это не соглашались.

О переговорахъ съ черкесами полковникъ Головатый донесъ правительству, съ позволенія котораго преданные Россіи князья, для ходатайства о принятіи ихъ подъ русскую державу, отправили въ Петербургъ депутатомъ князя Батырь-Гирея. Для сопровожденія его былъ командированъ отъ войска Черноморскаго прапорщикъ Кравченко.

На докладъ графа Зубова о посольствѣ горцевъ Императрица Екатерина выразила волю свою въ слѣдующемъ рескриптѣ Платону Александровичу, 3-го мая 1795 года:

«Видя изъ представленія вашего изъявленное Хатукайскимъ и Бжедухскимъ князьями желаніе подвергнуться, со всѣми подвластными имъ мурзами и народами, за Кубанью обитающими, подъ державу Нашу, съ принесеніемъ присяги въ вѣрности, находимъ Мы, согласно съ мнѣніемъ вашимъ, что удовлетвореніе таковому желанію ихъ завело бы Насъ въ непріятныя объясненія и хлопоты съ Портою Оттоманскою, подавъ ей причину укорять Насъ въ нарушеніи заключеннаго съ нею трактата. А потому и нужно отклонить ихъ отъ сего шагу тѣмъ отвѣтомъ, какой предполагаете вы учинить чрезъ полковника Головатого, который почитаемъ Мы самымъ основательнымъ и положенію дѣлъ приличнымъ. Такимъ образомъ, содержа упомянутыхъ князей въ добромъ къ Намъ расположеніи и обнадеживая ихъ сохраненіемъ мирнаго сосѣдства и вспоможеніемъ при всякомъ случаѣ въ ихъ надобностяхъ, можно позволить конскимъ табунамъ ихъ ходить на пастбѣ на землѣ Войска Черноморскаго, на томъ основаніи, какъ изображено въ мнѣніи вашемъ, которое Мы, во всей его силѣ, апробуемъ, — предоставляя вамъ, по ввѣренному вамъ надъ тамошнимъ краемъ главному начальству, снабдить о томъ кого слѣдуетъ надлежащими предписаніями».

Освоываясь на этомъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Зубовъ, 3-го мая 1795 года, предписалъ начальствовавшему войскомъ Черно-

морскимъ, полковнику Головатому, объявить искавшимъ русскаго подданства черкесамъ, что русское правительство во внутреннїя дѣла ихъ мѣшаться не можетъ; что они властны между собою, по обычаямъ своимъ, дѣлать постановленія, какъ заблагоразсудятъ, и въ сохраненїи оныхъ обязываться присягою взаимною, которая однако же Россїей принята отъ нихъ быть не можетъ, потому что это было бы противно трактатамъ нашимъ, съ Оттоманской Портой заключеннымъ. Впрочемъ, обнадеживъ преданныхъ Россїи князей милостію Императрицы, внушить черкескимъ владѣльцамъ, что спокойное пребываніе ихъ въ своихъ мѣстахъ, сохраненіе на границѣ тишины и спокойствія, воздержаніе подвластныхъ имъ народовъ отъ хищничествъ на нашей сторонѣ и безпорядковъ будетъ столько же благоугодною Ея Величеству жертвою, какъ бы и принесеніе самой присяги на подданство. Оставаясь въ такомъ мирномъ сосѣдствѣ, черкесы могутъ твердо надѣяться на Высочайшее покровительство и вспоможеніе въ ихъ надобностяхъ, какъ бы и самыя Ея Величества подданные. Въ доказательство же Всемилостивѣйшаго къ нимъ благоволенія дозволить преданнымъ намъ горцамъ перегнать табуны ихъ на черноморскую войсковую землю, ради сбереженія отъ хищничествъ абазинцевъ, съ пастъбой тѣхъ лошадей войсковыми жителями по вольному найму, отчего народы сіи, какъ былъ увѣренъ Зубовъ, получая способы къ сохраненію имуществъ своихъ, и отдавая, такъ сказать, въ наши руки свои стада, а въ нихъ и главное свое имущество, будутъ спокойнѣе и для насъ вѣрнѣе. Зубовъ надѣялся также, что ближайшее обращеніе горцевъ съ русскими перемѣнитъ или смягчитъ свирѣпыя и хищныя нравы ихъ, войско же Черноморское оградится спокойствіемъ, получитъ прибыль и возможною мѣною умножитъ собственное скотоводство свое къ выгодѣ своей и къ пользѣ края.

Хотя, такимъ образомъ, Батырь-Гирей и не достигъ главной цѣли и даже не получилъ на руки разрѣшительныхъ бумагъ, но обласканный вниманіемъ Императрицы, съ удовольствіемъ жилъ въ столицѣ, и только 23-го октября выѣхалъ изъ Петербурга. Въ Екатеринодарѣ онъ былъ встрѣченъ полковникомъ Головатымъ, который проводилъ Батырь-Гирея до Кубани съ вооруженными старшинами и казаками и, въ знакъ искренней дружбы, надѣлилъ его русскимъ хлѣбомъ и солью.

Собравшіеся за Кубанью бжедухи ожидали Батырь-Гирея съ нетерпѣніемъ. При встрѣчѣ съ нимъ черкесы цѣловали у него руки, подстилали ему подъ ноги ткани и тѣмъ выказывали, по горскимъ обычаямъ, почтеніе и радость о благополучномъ возвращеніи посла. Выѣстъ съ Батырь-Ги-

реемъ переправился на лѣвую сторону р. Кубани и полковникъ Головатый. Они оба объявили бжедухамъ Царское рѣшеніе на просьбу о подданствѣ ихъ Россїи. Горцы остались весьма довольны объявленіемъ имъ Монаршаго благоволенія, и на радостяхъ за здоровье Государыни и ходатаевъ за нихъ, не смотря на запрещеніе корана, пили привезенную съ нашей стороны водку и закусывали даннымъ Батырь-Гирею отъ Головатого хлѣбомъ.

Послѣ этой торжественной встрѣчи, полковникъ Головатый возвратился въ Екатеринодаръ; а Батырь-Гирей поѣхалъ въ свои владѣнія, сопровождаемый подвластнымъ ему народомъ, съ тѣмъ, чтобы собрать всѣхъ князей, съ мурзами и дворянами, уполномочившихъ его на посольство, и отправиться съ ними въ Екатеринодаръ, для объявленія имъ, въ присутствіи правителя Черноморскаго войска, Высочайшихъ милостей.

Батырь-Гирей, дѣйствительно, прибылъ съ князьями, мурзами, дворянами и со множествомъ простыхъ бжедуховъ и хатукайцевъ, 4-го января 1796 года, къ Богоявленской пристани, близъ г. Екатеринодара. Получивъ объ этомъ извѣстіе чрезъ войскового переводчика, полковникъ Головатый, съ довольнымъ числомъ вооруженныхъ старшинъ и казаковъ, выѣхалъ, къ той же переправѣ, на встрѣчу своихъ гостей, и по просьбѣ черкесовъ, переправился къ нимъ на лѣвую сторону Кубани. Здѣсь князья и дворяне встрѣтили Головатого съ музыкою, состоявшею изъ четырехъ серебряныхъ и одной мѣдной сопѣлокъ и двухъ въ серебряной оправѣ трещотокъ и съ тремя черкесскими плясунами. По обычномъ привѣтствіи, Головатый былъ приглашенъ въ черкескій станъ, куда отправился въ сопровожденіи князей и дворянъ черкескаго народа и съ игравшей впереди процесїи азіатской музыкой. Черкесы, видя торжественный прїемъ правителя Черноморскаго войска, различными знаками выказывали свое удовольствіе и радость. Головатый, собравши вокругъ себя князей и дворянъ, торжественно объявилъ имъ рѣшеніе Императрицы относительно просьбы ихъ о принятїи въ число подданныхъ Россїи. Владѣльцы же черкескіе, въ свою очередь, растолковали значеніе рѣчи Головатого всему прибывшему съ ними бжедухскому и хатукайскому народу, который выразилъ Головатому чувства радости и удовольствія всѣми понятными способами и единогласно обѣщалъ сохранять на границѣ миръ и быть врагомъ—враговъ Россїи.

Но нѣкоторые горскіе владѣльцы остались недовольны исходомъ посольства Батырь-Гирея. Изъ нихъ султанъ Селимъ-Гирей и братья

его, Ахметъ-Гирей и Крымъ-Гирей, начали искать подданства Россіи помимо войсковаго начальства, прямо чрезъ таврическаго губернатора.

На докладъ объ этомъ Зубова Императору Павлу, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, 3-го декабря 1796 г., слѣдующаго содержанія:

«Князь Платонъ Александровичъ! Вслѣдствіе донесенія вашего и представленныхъ при ономъ разныхъ приложений, относительно князей за-кубанскихъ, просящихъ позволенія вступить имъ съ подвластными народами въ подданство Россіи, не можемъ Мы дать вамъ онаго предписанія какъ то самое, какое уже имѣете вы, въ указѣ отъ 3-го мая 1795 года, что удовлетвореніе подобныхъ желаній владѣльцевъ, зависящихъ отъ Порты Оттоманской, завело бы насъ въ неспріятныя съ нею объясненія и хлопоты, подавъ ей поводъ укорять насъ нарушеніемъ заключеннаго съ нею трактата. Наблюдая вышесказанное правило, яко нужное для сохраненія съ турками добраго согласія, повелѣваемъ: султану Селимъ-Гирею и братьямъ его, Ахметъ-Гирею и Крымъ-Гирею, отказать въ томъ предложеніи, какое они таврическому губернатору Жегулину сдѣлали. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что непріятіе въ подданство Россіи относилось только къ однимъ кореннымъ черкесамъ; о приглашеніи же въ Россію жившихъ за Кубанью татаръ и ногайцевъ было даже наставленіе со стороны правительства, какъ это видно изъ письма генерала Хорвата кошевому Чепѣгѣ 22-го сентября 1796 года, по поводу перехода на нашу сторону 74 душъ ногайцевъ, съ мурзой Смайлъ-Агой. Эти выходцы объявили, что они бѣжали отъ абазинцевъ, забравшихъ всѣхъ жителей изъ деревни Адады, близъ Анапы, въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ и они (ногайцы) находились.

Гдѣ были поселены выходцы, свѣдѣній не отыскано; но извѣстно, что вышедшіе изъ-за Кубани на черноморскую землю, въ 1800 году, 46 душъ ногайцевъ были приведены къ присягѣ и водворены въ Гривенскомъ черкескомъ аулѣ.

Мирная жизнь черноморцевъ не была по сердцу неспріязненному намъ абазинскому племени. Абазинцы начали враждовать на приверженныхъ намъ за-кубанцевъ, въ особенности начали мстить батырь-гирейцамъ, какъ пользовавшимся особннымъ благоволеніемъ русскихъ государей. 25-го іюня 1796 года абадзехи, собравшись въ числѣ 12 тысячъ, намѣревались сначала разорить аулы преданныхъ намъ бжедуховъ, и потомъ вторгнуться въ предѣлы Черноморскаго войска. Батырь-Гирей, узнавши о замыслахъ своихъ враговъ и общихъ враговъ Черноморіи, далъ объ этомъ знать кошевому атаману Чепѣгѣ и просилъ вооруженной помощи. Чепѣга отрядилъ къ нему десять старшинъ, сотню казаковъ и одно орудіе, подъ начальствомъ войсковаго

полковника Еремѣева. Отправившись за Кубань, Еремѣевъ присоединилъ къ своему отряду всѣхъ вооруженныхъ черкесовъ изъ владѣній Батырь-Гирея, принялъ надъ ними главное начальство и сталъ, со всѣми силами, лагеремъ между рѣками Супомъ и Псекупсомъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

29-го іюня, наши аванпосты дали знать, что абадзехи, показываясь толпами, готовятся къ нападенію. Тогда полковникъ Еремѣевъ, посовѣтывавшись съ Батырь-Гиреемъ, рѣшился предупредить абадзеховъ стремительнымъ на нихъ натискомъ. Болѣе четырехъ часовъ продолжался кровопролитный бой. Благоразумныя распоряженія Еремѣева, личная храбрость Батырь-Гирея и губительный картечный огонь нашего орудія, рѣшили сраженіе въ пользу нашу. Дравшіеся съ ожесточеніемъ абадзехи, не смотря на численное свое превосходство, не устояли, дрогнули и бѣжали. Разбитый на голову непріятель потерялъ до 1,000 человекъ убитыми и до 2,000 ранеными; 300 плѣнныхъ и 800 лошадей. Съ нашей стороны ранены были прапорщикъ Блоха и восемь казаковъ, изъ черкесовъ же Еремѣева убито и ранено до 200 человекъ. Съ ними палъ и храбрый ихъ предводитель князь Батырь-Гирей.

Пораженіе абадзеховъ и помощь, оказанная черноморцами преданнымъ намъ горскимъ племенамъ, возбудили зависть и неудовольствіе между немирными горцами. Они стали приготовляться къ общему нападенію на кордонную линію, съ цѣлію разгромить пограничныя поселенія Черноморіи. Анапскій паша, узнавъ о намѣреніи горцевъ, вызвалъ въ Анапу двухъ абазинскихъ султановъ—главныхъ возмутителей, и казнилъ ихъ. Братья этихъ султановъ поклялись отомстить пашѣ. Они взволновали всѣ горскія племена, собрали до 20,000 человекъ, разграбили сначала Пашинскій поселокъ, у Кизилташскаго лимана, забрали въ немъ всѣхъ жителей, а потомъ подступили и къ самой Анапѣ, чтобы разорить ее до основанія. Нѣсколько дней Анапа находилась въ блокадѣ; слабый гарнизонъ принужденъ былъ запереться въ крѣпости; турки уже терпѣли недостатокъ въ прѣсной водѣ; къ счастью ихъ, подоспѣли подкрѣпленія изъ Трапезонта и изъ другихъ турецкихъ крѣпостей. Скопище черкесовъ разбрелось по горамъ; но анапскій паша пошелъ по слѣдамъ ихъ и жестоко наказалъ въ самыхъ мѣстахъ ихъ жительства.

Съ этого времени черкесы начали постоянно тревожить черноморскую кордонную линію, и хотя казаки разбивали шайки, прогоняли хищниковъ за Кубань, однако не всегда можно было подстеречь замыслы коварныхъ непріятелей. Въ темныя ненастныя ночи, проби-

раясь между казацкими секретами въ наши предѣлы, черкесы воровали скотъ, уводили нашихъ въ плѣнъ или убивали и увѣчивали несчастныя жертвы. Бывали примѣры, что плѣнникамъ, которыхъ нельзя было перевезти за Кубань, черкесы подрѣзывали ножныя жилы и бросали ихъ въ кубанскихъ плавняхъ ⁽¹⁾. Если же кого уводили въ горы, то тамъ ожидали его всѣ ужасы плѣна у дикарей.

Войсковое начальство употребляло всѣ мѣры предосторожности на границѣ для охраненія нашихъ при-кубанскихъ поселенцевъ, которые, въ свою очередь, научились тщательнѣе оберегать свою селитбу и изъ среды себя составляли ночные вооруженные обходы вокругъ своихъ жилищъ. Принято было за правило, чтобы всѣ отправлявшіеся къ побережью Кубани останавливались на ночлеги только въ кордонахъ, и потому нерѣдко еще до заката солнца люди всѣхъ сословій, пола и возраста, приходили ночевать на посты. Всѣ жившіе вблизи границы, и на самой границѣ, были вооружены. Много помогали казакамъ преданные Россіи за-кубанскіе владѣльцы: они удерживали подвластныхъ имъ народовъ и другихъ горцевъ отъ участія въ грабежахъ, отбирая у разбойниковъ угнанный скотъ и награбленное имущество, отнимая плѣнныхъ и тѣмъ старались сохранить миръ и дружбу съ черноморцами. Однажды князь Ахметъ-Калеобатовъ, по извѣщенію кордоннаго старшины, поймалъ преступника изъ своихъ черкесовъ, воровавшаго на нашей сторонѣ скотъ. Закованнаго въ желѣза онъ представилъ его въ Ольгинскій постъ и требовалъ казни вора; но какъ начальникъ кордона на это не согласился, то князь Калеобатовъ велѣлъ своимъ черкесамъ снять съ разбойника желѣза, связать ему руки и бросить съ большаго обрыва въ Кубань, что и было исполнено на глазахъ кордоннаго начальника ⁽²⁾.

Непріязненные дѣйствія за-кубанцевъ вынудили кошеваго атамана Чепѣгу вступить въ сношенія съ анапскимъ пашой. Въ письмѣ отъ 21-го августа 1796 года, изложивъ всѣ преступныя дѣйствія черкесовъ противу русскихъ и сославшись на существовавшіе трактаты съ Турціей, просилъ пашу принять дѣятельныя мѣры къ обузданію подвластныхъ ему горцевъ. Паша обѣщалъ употребить всѣ средства къ удержанію горцевъ отъ набѣговъ въ наши предѣлы, самъ иногда извѣщалъ постовыхъ начальниковъ о намѣреніяхъ хищниковъ прорваться

⁽¹⁾ Донесеніе войск. правит. екатеринод. окр. правл. 6-го сентября 1795 г. № 417. (Изъ дѣлъ Куб. войск. архива).

⁽²⁾ Донесен. гр. Зубову полк. Головатого 28-го апрѣля 1795 г. № 556 (Изъ дѣлъ Куб. войск. архива).

чрезъ кордонную линію, и, если вѣрить его письмамъ, то и наказывалъ виновныхъ; но онъ, или не хотѣлъ, или не могъ водворить спокойствія на границѣ. Дошло до того, что однажды черноморцы рѣшились сами наказать за-кубанцевъ; взяли взводъ артилеріи, переправились за Кубань и, соединившись съ преданными намъ бжедухами, жестоко потрепали шапсуговъ.

Шапсуги обратились къ защитѣ анапскаго паши. Саидъ-Мустафа-паша, принявъ ихъ сторону, потребовалъ объясненія отъ кошеваго атамана Черноморскаго войска, поставляя на видъ, что переходъ казаковъ за границу, съ вооруженной силой, и сношенія ихъ съ подвластными Портѣ бжедухами, могутъ повлечь за собой разрывъ дружбы между обѣими державами. Генераль Чепѣга отвѣчалъ, что за-кубанская экспедиція была вынуждена преслѣдованіемъ за Кубань злодѣйствовавшихъ на нашей сторонѣ горцевъ, и что этотъ случай не можетъ относиться ко вреду всего черкесскаго народа; напротивъ, безпорядки, производимые азіятцами на границѣ и убытки, причиненные ими черноморцамъ, требуютъ безусловно прекращенія своеволия горцевъ. Чепѣга прибавилъ, что если и впредь будетъ продолжаться бездѣйствіе турецкой власти въ удержаніи горцевъ отъ набѣговъ на кубанскую границу, то это послужитъ явнымъ нарушеніемъ договоровъ между Турецкой и Россійской имперіями.

Смерть кошеваго Чепѣги прервала переписку съ анапскимъ пашой, и черкесы, въ наступившемъ 1797 году, еще болѣе стали тревожить кордонную линію. Въ особенности зимою цѣлыми сотнями нападали азіятцы на наши посты и пикеты, пробираясь по льду чрезъ Кубань въ скрытныхъ мѣстахъ. Бдительная кордонная стража отражала злодѣевъ, но все это стоило жертвъ со стороны казаковъ.

Возобновились жалобы нашего войска анапскому пашѣ о своеволии за-кубанскихъ горцевъ; требовалось возвращеніе нашихъ плѣнныхъ и награбленнаго у черноморцевъ имущества, но всѣ представленія войскаго начальства разрѣшались, въ большинствѣ случаевъ, пашою тѣмъ, что онъ созывалъ черкесскихъ старшинъ въ Анапу, объявлялъ имъ о претензіяхъ черноморцевъ и о требуемомъ удовлетвореніи. Черкесы отвергали обвиненія, или же возвращали какую-нибудь бездѣлицу изъ награбленной добычи.

Такое положеніе дѣлъ на Кубани было доведено до свѣдѣнія нашего посланника при Константинопольскомъ дворѣ, тайнаго совѣтника Виктора Кочубея. Онъ потребовалъ у блистательной Порты удовлетворенія за причиненные горцами убытки Черноморскому войску; Порта же предъявила донесеніе анапскаго паши, что живущими на разстоя-

ни 350 верстъ отъ Кизилташа казаками и кабардинцами захвачено плѣнныхъ черкесовъ и ихъ имущества вчетверо болѣе чѣмъ они взяли у русскихъ, и что кромѣ того какой-то начальникъ, съ казаками, захватилъ будто бы у горцевъ 5,000 барановъ ⁽¹⁾. Чтобы уличить анапскаго пашу въ несправедливыхъ показаніяхъ, Викторъ Павловичъ Кочубей потребовалъ объясненія отъ Черноморскаго войсковаго правительства и, получивъ донесеніе, что указываемая Османъ-пашою мѣстность захвата у черкесовъ барановъ принадлежитъ не Черноморскому войску, а Астраханской губерніи, и находится насупротивъ Усть-Лабинской крѣпости, гдѣ расположенъ Семейный Кубанскій полкъ, да и кабардинцы не сосѣди Черноморскому войску ⁽²⁾. Имѣя въ рукахъ такой документъ, тайный совѣтникъ Кочубей возобновилъ, предъ Константинопольскимъ диваномъ, требованіе объ удовлетвореніи претензіи Черноморскаго войска за убытки, нанесенные подвластными Портѣ за-кубанскими народами.

Между тѣмъ, тайный совѣтникъ Жегулинъ далъ Черноморскому войсковому правительству предложеніе отрядить въ г. Анапу, къ Осману-пашѣ, опытнаго чиновника, съ надлежащими уполномочіями, который вошелъ бы лично въ переговоры объ истребованіи отъ черкесовъ удовлетворенія за причиненныя войску убытки въ теченіе 1794, 1795 и 1796 годовъ, простиравшіеся, по исчисленію, на сумму 16,210 р. 30 коп. Посланный въ Анапу подпоручикъ Лозинскій прожилъ тамъ долго, но успѣлъ выхлопотать, вмѣсто тысячъ, десятки рублей, часть скота и оружія, да и то на незначительную сумму. И дальнѣйшія затѣмъ ходатайства, у анапскаго пашы, командовавшаго на Таврическомъ полуостровѣ войсками генерала-отъ-инфантеріи Каховскаго и новороссійскаго губернатора генералъ-лейтенанта Бердяева (преемника Жегулина) тоже не сопровождались успѣхомъ: чиновники, посылаемые въ Анапу, возвращались съ пустыми руками.

Черноморское войсковое правительство, не видя пользы въ сношеніяхъ съ анапскимъ пашою, въ слѣдующемъ 1798 году, вновь сдѣлало представленіе полномочному министру Кочубею, объ исходатайствованіи у Порты вознагражденія Черноморскому войску. На этотъ разъ,

⁽¹⁾ Сообщ. тайн. сов. Кочубея Черном. войск. Правит. 1-го іюля 1797 г. (Изъ дѣлъ Куб. войск. архива).

⁽²⁾ Впослѣдствіи открылось, что 18 казаковъ Кубанскаго полка, переправившись на лѣвую сторону Кубани, съ цѣлью захватить конскій табунъ азійцевъ, но вмѣсто лошадей, которыхъ не нашли, угнали у горцевъ 5,000 барановъ, изъ которыхъ часть продали, а остальные раздѣляли между собою (Куб. вѣдом. 1868 г., № 18).

Викторъ Павловичъ, деклараціей, данной Портѣ 10-го марта 1798 г., истребовалъ просимое войскомъ вознагражденіе, за 1792, 1793, 1794, 1795 и 1796 годы, въ количествѣ 11,027 руб. 86¹/₄ коп. Къ сожалѣнію, въ архивѣ не нашлось свѣдѣній, какое назначеніе получилъ этотъ капиталъ.

Горцы, между тѣмъ, продолжали тревожить кордонную линію и, при удобномъ случаѣ, злодѣйствовали на нашей сторонѣ. Порты посылала строгіе фирманы и особыхъ чиновниковъ къ анапскому пашѣ, съ приказаніемъ обуздывать своеволие черкесовъ, но паша, по прежнему, бездѣйствовалъ. Ободренные этимъ черкесы не только не слушались повелѣній высшаго турецкаго правительства, но даже позволяли себѣ дѣйствовать противъ него непріязненно. Доказательствомъ тому просьба одного турецкаго чиновника нашему начальству о защитѣ его противу злыхъ умысловъ абазинцевъ, хотѣвшихъ напасть на него при обратномъ слѣдованіи, съ командою турокъ, изъ черкесскихъ предѣловъ, куда онъ былъ командированъ Османъ-пашою, для взысканія съ за-кубанцевъ причиненныхъ ими черноморцамъ убытковъ. Просьба была исполнена: войсковою есауль Гуликъ проводилъ турецкаго чиновника до Анапы, подъ прикрытіемъ черноморскихъ казаковъ.

Преемникъ въ Анапѣ Мустафы-наши, трехъ-бунчужный Османъ-Азатъ-паша, вступивъ въ должность, прислалъ къ начальнику Черноморскаго войска своего чиновника Селимъ-Агу и абазинскаго князя Мурадина, для постановленія условій къ удержанію за-кубанскихъ хищниковъ. Съ этими лицами велъ переговоры, на Бугазѣ, войсковою полковникъ, арміи капитанъ Прокофій Уманецъ. Переговоры кончились въ маѣ мѣсяцѣ тѣмъ, что если горцы узнаютъ о хищническихъ замыслахъ своихъ родичей, то для извѣщенія нашихъ пограничныхъ карауловъ должны въ назначенномъ мѣстѣ на своей сторонѣ, разводить большіе костры; если же съ нашей стороны будетъ о томъ дознано скорѣе, то дѣлать такой же сигналъ огнемъ на большой Курчанской могилѣ.

Для свободнаго пропуска на нашу сторону, во всякое время, чиновника Селимъ-Аги и князя Мурадина дана была имъ печать, которую они обязывались предъявлять на переправахъ, и, сверхъ того, приближаясь къ нашему берегу, перевязывать правыя руки бѣлыми платками.

Договоръ былъ словесный, и потому не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Напротивъ; черкесы, не встрѣчая въ турецкой власти преградъ дикому своему своеволю, по прежнему грабили жителей Черноморіи, убивали и уводили въ плѣнъ. Казаки по прежнему защи-

щались отъ нападеній, сражались съ шайками на своей землѣ, прогоняли горцевъ за Кубань и жестоко наказывали разбойниковъ. Не разъ черкесы прорывались въ наши предѣлы большими партіями и быстрымъ налетомъ нападали на наши слабые пикеты. Въ такихъ случаяхъ, отчаянная храбрость горсти казаковъ не всегда могла торжествовать надъ превосходными силами непріятеля. Правда, сторожившіе кордонную линію казаки спѣшили на помощь своимъ братьямъ, но и горцы, замѣтивъ тревогу, тотчасъ же спѣшили убраться за Кубань, и скрывались въ дремучихъ лѣсахъ.

Не смотря на такое безотрадное положеніе дѣлъ, войсковой атаманъ Котляревскій жилъ, все это время, въ Петербургѣ, и хотя получалъ частыя донесенія о гибели людей своего войска и объ изнуренныхъ грабежами кубанскихъ жителей, однако не ѣхалъ въ Черноморію къ своему атаманскому посту. Не знаемъ, что удерживало его въ столицѣ; но есть свѣдѣнія, что онъ много ходатайствовалъ у Императора о пользахъ войска Черноморскаго ⁽¹⁾. Въ тоже время Котляревскій письменно громилъ изъ Петербурга управителей Черноморскаго войска за слабое содержаніе кордонной линіи и вообще за безпорядки въ войскѣ; наконецъ, 20-го іюня 1798 года, прислалъ куреннымъ атаманамъ и товариству увѣщаніе, въ которомъ, изливъ всѣ чувства преданности своей на пользу войска, указалъ на безпечность и нерадѣніе къ службѣ и пользамъ Черноморіи всѣхъ въ войскѣ служащихъ ⁽²⁾. «Панове отаманство», выслушавъ грозное посланіе своего войскового *властелина*, изъ чувства-ли почтенія къ нему, или изъ страха, 1-го августа того же года, прислало Котляревскому адресъ, въ которомъ, «со всеуниженіемъ» предавали себя навсегда его покровительству ⁽³⁾.

Живя въ столицѣ, черноморскій войсковой атаманъ успѣлъ заслужить особенное вниманіе Императора Павла и въ короткое время пожалованъ чинами полковника и генерала; 12-го декабря 1798 года, Котляревскій возвратился въ Екатеринодаръ.

По прибытіи въ войско, Котляревскій обратился, 18-го числа того же мѣсяца, съ письменной рѣчью или съ посланіемъ къ войсковымъ и полковымъ старшинамъ атаманамъ куреннымъ и ко всему войску. Документъ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что проливаетъ свѣтъ на тогдашнее внутреннее состояніе Черноморскаго войска.

⁽¹⁾ Прилож. V.

⁽²⁾ Прилож. VI.

⁽³⁾ Прилож. VII.

«Отъ сотворенія міра ненавидящій добра, начальникъ злобы сатана, всегда вооружающійся противу человѣческой добродѣтели, умиловляющей своего Творца и Бога, не удовольствуясь разрушеніемъ своими дѣвольскими козни храбраго богопочитаемаго страннопріимчиваго и братолюбиваго бытія войска Запорожскаго, началъ воевать и на нынѣшнее Черноморское войско, въ которомъ сначала заведенія его постѣявши сѣмя честолюбія, корыстолюбія, братоненавидѣнія, несогласія, злобы, неповиновенія и развратнаго своевольства, безпрестанно дѣлалъ на буйныхъ сердцахъ влагу, желая видѣть восходъ съ того сѣмени злыхъ дѣлъ, на истребленіе и сего войска. Но не успѣвши въ своемъ злоначинаніи, во время турецкой войны: видя его Богомъ хранимое и съ помощію Божіею заслужившее себѣ честь, славу, Монаршую милость и для поселенія по всегдашнему жительству землю позавидѣвъ; завидовавъ и начатому уже на новозаслуженной землѣ богоугодному сооруженію молитвенныхъ храмовъ, монашеской пустыни и для вящшаго благоденствія войска о устроеніи добраго порядка моему предпріятію. И не терпя такого благоначинанія для достиженія своей цѣли усугубилъ трудъ своимъ сатанинскимъ коварствомъ, которымъ: изневѣжествующей простоты, а наипаче изъ бродягъ не бывшихъ въ прежнемъ Запорожьи и нынѣшнемъ войскѣ прошедшую турецкую войну не служившихъ, не разумѣющихъ службы, страха Божія и праведнаго его суда и невѣдущихъ пользы душевной и тѣлесной, и пользы общаго блага, съ пріятнымъ покоемъ сопряженнаго, поводомъ нѣкоторыхъ старшинъ онымъ подобныхъ, отродилъ свое сѣмя въ плодъ неповиновенія власти и междоусобія Дикуневскимъ бунтомъ; которымъ кровію войска заслуженную честь и славу низвергнувъ во всегдашній порокъ и нареканіе, навлекъ войску нынѣшнее горестное безпокойствіе, отнялъ время отъ хозяйственнаго устроенія въ Екатеринодарѣ Божіихъ церквей, куреней, войсковыхъ домовъ и прочихъ нужностей, помѣшалъ во всемъ моемъ предпріятіи, касающемся до испрошенія у Государя Императора подтвержденія войска Высочайшею своею грамотою, облегченія его отъ несносныхъ тягостей и подкрѣпленія войсковыхъ силъ приближившихся до крайняго разоренія; затмилъ было наше войско отъ лучи Монаршаго милосердія, которымъ изобильно пользуются примѣрныя сему войска Донское и Уральское; и все войско ввергнувъ въ ровъ междоусобія, вражды, несогласія, разномыслія, унынія и отчаянія. О чемъ я безпрестанно сожалею духомъ сокрушался, а сердцемъ собогѣзновалъ. И не щадя своего слабаго здоровья, будучи въ столичномъ градѣ въ С.-Петербургѣ предъ Монаршимъ трономъ во всеподданнѣйшемъ моемъ донесеніи закрывая тотъ грѣхъ, съ желаніемъ войску благоденствія объяснилъ разныя причины; и ходатайствуя войску за показанный бунтъ прощенія по долгу моему предствительствовалъ ему того о чемъ отпавленнаго мною въ войсковое правительствовало копіею изъ донесенія уже войско увѣдомлено; а увѣдомилъ я для того, чтобъ благомыслящее общество, которое о семъ несчастномъ случаѣ

соучаствуя моему соболѣзнованію жезаетъ мира, тишины и общаго благоденственнаго покоя хотя мало обрадовалось; и воздало Богу жертвы въ теплыхъ своихъ молитвахъ о ниспосланіи свыше на сіе войско своея благодости въ помощь извѣстному моему предпріятію о общемъ благѣ! да и совратившіеся съ истиннаго пути, разженные сатанинскою яростію казаки, обратились бы на благопристойный путь къ единодушному согласію и благомысленному всего войска повиновенію своему начальству, дабы таковымъ обращеніемъ и сердечнымъ раскаяніемъ о содѣянномъ согрѣшеніи возмогло войско постыдить злбнаго духа сатану и далече его отъ себя прогнать; и съ Божіею помощію, ревностію и усердіемъ къ службѣ, хорошимъ поведеніемъ, дружественнымъ и любовнымъ союзомъ и паки своего Всеавгустѣйшаго Монарха Высочайшую милость къ себѣ обратить. Но видно я потомъ обманулся, какъ меня начальство увѣдомило, что по прочтеніи копій моего донесенія войску, хотя нѣкоторая часть войска и изъявила свое наружное удовольствіе, однакъ многіе казаки и нѣкоторые старшины, затвердѣвъ въ своей закоснѣлости, пребывая въ прежней буйности, сочли оное за несправедливое, съ насмѣшкою явно наругались, и не отставая отъ богопротивнаго и всему общему вреднаго заговора, своимъ куренымъ атаманамъ въ нарядахъ на службу не повиновались; укоряя ихъ съ досажденіемъ присяжными панамъ, усиливались часто перемѣнять другими, единственно чрезъ то, что сіи на вѣрность службы законно приведены къ присягѣ, а къ тому, вымысливши какіе-то доносы, затруднили здѣшнюю военнаго суда комисію, только въ одинъ порокъ и безчестіе всему войску. Чего-жъ было тутъ ожидать, и какого добра надѣяться? Я созидаю общее благоденствіе, а вы разоряете сами себя и общій покой. Я ходатайствую всему войску за бунтъ прощеніе, а вы и по сіе время пребываете въ своей грубости, противъ благоначинанія бунтуете. Я въ столицѣ, своими всеподданнѣйшими донесеніями о войскѣ, Всеавгустѣйшаго Монарха умоливаю; а вы тутъ непрестанными своими волненіями и противностію начальству Его раздражаете. Я о семъ несчастномъ случаѣ соболѣзную сердцемъ; о возстановленіи въ войскѣ мира, тишины и общаго покоя, безпрестанно имѣлъ попеченіе, а вы о томъ торжествуя всячески стараетесь развращать благомыслящихъ сердца и привлечь къ своему буйству на разореніе не только покоя, но и всего войска. Я хочу войско, съ Божіею помощію, хорошимъ порядкомъ и добрыми дѣлами возстановить и прославить, а вы, будучи научаемы злымъ духомъ, сатаною, усиливаетесь своими безпутными затѣями болѣе обезславить и имя его истребить. Я васъ всѣхъ воскрешаю, а вы меня умерщвляете. Видите, какая разница между вами и мною! Чему-жъ было тутъ должно быть, или какого добра ожидать? Хотя-жъ и слѣдовало мнѣ кому надлежитъ о томъ представить, но я не почему другому, но, по единому человѣколюбію своему, причитая все оное невѣжеству, въ ожиданіи вашего покаянія пребывая незлобивымъ и прошу отъ великаго Государя Императора всему войску великія и бога-

тыя милости; о которой вы уже извѣстны, но покуда по тому возсіяетъ на насъ Божая и Монаршая милость, посмотрите на примѣрныя войска Донское и Уральское, которыя, со дня восшествія Его Императорскаго Величества на всероссійскій престолъ, премного Его Высочайшихъ милостей удостоились и нынѣ оными изобильно наслаждаются. А сіе войско и нынѣ не только того лишается, но и навлекло на себя, сверхъ службы, многія отягощенія такія, которыя принадлежатъ только казеннымъ поселянамъ и помѣщичьимъ крестьянамъ: т. е. продовольствіемъ полковыхъ лошадей; вспоможеніемъ 16-му Егерскому полку на разныя полковыя надобности деньгами, доставленіемъ ему дровъ и, за неимѣніемъ оныхъ, камышомъ съ великою трудностію, и полученіемъ отъѣзжающими изъ войска по необходимымъ надобностямъ съ ростовскаго суда покормежныхъ; отчего всѣ прочія таковыя же войска свободны. Вотъ до какой крайности вами войско уже доведено! Сколько оно прежде славилось, столько нынѣ себя опорочило, и сколько было уважаемо, столько нынѣ терпитъ отъ всѣхъ поруганіе и угнетеніе, почти наравнѣ съ не военно-служащими обывателями и даже самыми крестьянами, касательно покормежныхъ. Сіе-жъ послѣдовало не отъ чего другаго, а единственно чрезъ напрасное сопротивленіе власти отъ Бога и Монарха устроенной, ибо я, зная совершенно ко-лико, за жизни покойныхъ начальниковъ, войско претерпѣло угнетѣнія и разоренія разными образы, по умертвіи оныхъ, для облегченія войска на-прягаясь съ желаніемъ доставить ему справедливое удовлетвореніе, всѣ бывшія угнетѣнія перемѣнилъ въ пользу войска, а именно: переселеніе казаковъ съ мѣста на мѣсто приостановилъ, раздѣленіе земель и лѣсовъ уничтожилъ, рубить порядкомъ лѣсъ каждому позволилъ; казаковъ употреблять въ партикулярныя работы запретилъ, винной откупъ упразднилъ и далъ свободу кому угодно промыслять виномъ и состоящихъ на пограничной службѣ казаковъ вымѣниваемымъ у закубанцевъ за соль хлѣбомъ и покупаемымъ за войсковыя деньги, приказалъ продовольствовать и уже всѣмъ тѣмъ изобильно войско пользуется, что прежде не было. Да и по бытности моей въ столичномъ градѣ С.-Петербурга, желая войску благоденствія и существованія, при его правахъ утвержденіемъ о бывшемъ ему угнетѣніи и отъ того изнеможеніи его силъ мною, какъ выше прописано, и Его Императорскому Величеству въ подробности во всеподданнѣйшемъ моемъ донесеніи изъяснено для того, чтобы сей премудрый Монархъ, узнавши ко-лико сіе войско претерпѣло угнетѣнія и разоренія за содѣянное войскамъ противу власти сопротивленіе, облегчилъ его отъ праведнаго своего Монаршаго взыскація и не обратилъ бы по прежнему въ казенные поселяне. Его-жъ Императорскаго Высочества Наслѣдника Государя Цесаревича и Великаго Князя Александра Павловича, предсѣдательствующаго въ Государственной военной коллегіи, также просилъ о освобожденіи сего войска отъ извѣстныхъ полковыхъ тягостей и уѣздныхъ покормежныхъ, о принятіи его подъ защиту Государственной военной коллегіи примѣрно войску Дон-

скому, и о позволеніи войску давать пашпорты отъ войскового начальства, о чемъ изъ приложенной при семъ моего донесенія копіи подробно услышать можете. По каковымъ моимъ донесеніямъ Его Императорское Высочество, Наслѣдникъ Государь, въ пользу войска все просимое сдѣлать обѣщался; а Его Императорское Величество, Всеавгустѣйшій Монархъ, Всемиловитѣйшій Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, Самодержецъ Всероссийскій, яко чадолюбивый Отецъ ожидая отъ сего войска покаянія, въ знакъ своего Монаршаго къ войску Черноморскому благоволенія, Всемиловитѣйше соизволилъ повелѣть бывшего войска Запорожскаго войсковою церкви ризницу для сего войска и за поворованный у войска же черкесами скотъ съ 1792 по 1797 годъ, полученныя отъ Порты Оттоманской 11,027 рублей 86 копѣекъ деньги, на удовольствіе обиженныхъ мнѣ отдать, и Высочайше пожаловать меня генералъ-маіоромъ и отправить въ сіе войско къ моей должности, съ тѣмъ, чтобъ я, по прибытіи моемъ сюда, въ какомъ порядкѣ найду войско, Его Императорскому Величеству сдѣлалъ донесеніе, да и впредь, командуя войскомъ обо всемъ касающемся къ пользѣ отечества и пользы сего войска доносилъ бы прямо Его Императорскому Величеству, въ ожиданіи на донесенія мои Всемиловитѣйшей резолюціи. Я исполняю Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, получа отысканную часть церковной ризницы Запорожской и оныя деньги, прибывши въ городъ Екатеринодаръ, ризницу отдалъ въ войсковую церковь, а деньги, до времени, хранятся у меня, и для полученія оныхъ о явкѣ ко мнѣ обиженныхъ будетъ дано знать. На поднесенныя-жъ мною Его Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству всеподданнѣйшія мои донесенія, безъ сумнѣнія ожидаете Всемиловитѣйшія въ пользу войска резолюціи, а сей часъ за толикія Его Императорскаго Величества войску Черноморскому Монаршее благоволеніе и Высочайшую милость, съ которою васъ поздравляю, благодарить Бога и о многолѣтнемъ Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей Его Фамиліи здравіи, воздайте Богове теплыя свои молитвы съ колѣнопреклоненіемъ. При чемъ молитесь Богу о ниспосланіи свыше на все Черноморское войско великія и богатая милости; а при первомъ моемъ вступленіи въ командованіе Высочайше ввѣреннымъ мнѣ симъ войскомъ въ пользу Отечества и всему войску въ заведеніи мною въ войскѣ хорошаго порядка и благоустройства, просите со мною Божіей помощи, пребывайте вѣрными своему Государю и поставленнымъ отъ него начальникамъ послушными, такъ какъ вы уже и присягу учинили; а я буду имѣть неусыпное попеченіе о доставленіи вамъ справедливости въ удовлетвореніе каждого. Да исчезнетъ отъ сего войска мракъ невѣжества, междоусобія, вражды и горестнаго сѣтованія! и постыдится сатанинской духъ, бывший при возмущеніи войска инструментомъ! и возсіяетъ тутъ Божая благодать и Монаршая милость къ благоденственному каждому житію, предстательствомъ моимъ у Монаршаго трона! Для заведенія-жъ съ новаго года должнаго порядка, для всего войска по-

лезнаго, всѣ господа старшины и казаки соберитесь къ своимъ куренямъ или въ куренныя селенія и изберите изъ себя въ куренныя атаманы самыхъ достойнѣйшихъ людей изъ старшинъ и знаменитыхъ казаковъ, таковыхъ, кои разумѣютъ страхъ Божій, службу и хозяйственное распоряженіе, съ каковыми бы я возмогъ въ войскѣ устроить совершенный порядокъ, оградить Высочайше ввѣренную войску границу и утвердить ее непоколебимо противу всякаго врага и супостата и тѣмъ, загладивъ войсковою пороку, показать войска предъ Монаршимъ трономъ достойнымъ Его Императорскаго Величества Высочайшаго вниманія и Всемиловитѣйшаго благоволенія».

Посланіе это атаманъ Котляревскій передалъ войсковому протоіерею Порохнѣ для прочтенія во всѣхъ церквяхъ и часовняхъ войска съ колѣнопреклоненіемъ и молебствіемъ о здравіи Государя Императора и всей Царской фамиліи.

Въ 1799 году Котляревскій возобновилъ энергическую переписку съ анапскимъ комендантомъ Османъ-пашою о безпорядкахъ, производимыхъ на черноморской кордонной линіи подвластными Портѣ закубанскими народами. Паша оправдывался и жаловался, съ своей стороны, на черноморцевъ, нападавшихъ будто бы на черкесовъ и отнимавшихъ у нихъ имущество. Обмѣнявшись нѣсколькими письмами, не имѣвшими никакого результата, Котляревскій 15-го февраля писалъ, между прочимъ, пашѣ:

«И такъ, пріятель мой, знаменитый Османъ-паша, объяснивъ вамъ сіе дѣло въ самой его тонкости, предаю всѣ вышеизображенныя черкесъ злодѣянія правосудію вашему, яко прозорливому начальству, съ тѣмъ, что вы по кратчайшемъ къ дѣлу вниманіи и сами предвидѣть можете: koliko каждого собственность, трудолюбіемъ пріобрѣтенная, есть чувствительна и особливо остающимся послѣ убитыхъ и захваченныхъ черкесами въ плѣнъ казаковъ, а ихъ женамъ и родственникамъ на всю жизнь сожалѣнія и горести, коихъ гласомъ къ вамъ, знаменитый паша, отзывается, покориѣйше прошу силою данной вамъ отъ Его Султанскаго Величества надъ закубанскими народами власти, подобныя непріятельскія отъ черкесъ на войско Черноморское нападенія и грабительства строжайше запретить, какъ и похищенныхъ у казаковъ рогатый скотъ и лошадей повелѣть возвратить, а за убитыхъ казаковъ родственникамъ доставить справедливое удовольствіе».

Послѣ подобныхъ наставаній и угрозъ разрывомъ дружественныхъ сношеній на границѣ, Котляревскій добился, что черкесы перестали дѣлать хищническіе набѣги, и на границѣ водворилось давно желанное спокойствіе, исключая, впрочемъ, воровства, безъ котораго горы никогда не обходились.

Анапскій паша много способствовалъ умиротворенію пограничныхъ дѣлъ на Кубани. Онъ посылалъ довѣренныхъ отъ себя лицъ къ горскимъ народамъ, узнавалъ ихъ намѣренія, и едва замѣчалъ преступныя замыслы черкесовъ противу черноморцевъ, спѣшилъ уничтожить зло въ самомъ его зародышѣ отчасти мирнымъ путемъ, отчасти силою оружія, или же заблаговременно извѣщалъ пограничныхъ нашихъ начальниковъ о принятіи на извѣстныхъ пунктахъ кордонной линіи воинской осторожности. И Котляревскій старался не давать повода пашѣ и горцамъ жаловаться на черноморцевъ; въ особенности послѣ полученія отъ Императора, 4-го апрѣля, рескрипта — не дѣлать на черкесовъ нападеній, безъ особаго Высочайшаго повелѣнія. Затѣмъ, со стороны нашей, никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противу закубанцевъ не предпринималось.

Давно уже царствовали за Кубанью вражда и несогласіе между горскими племенами и отдѣльно между владѣльцами. Главнымъ предметомъ раздоровъ служили отношенія ихъ къ русскимъ. Были между горцами личности, которыя, по своему мирному расположенію, но болѣе изъ-за матеріальныхъ интересовъ сохраняли преданность къ русскимъ. Такихъ людей было мало, и на нихъ смотрѣли прочіе горцы, какъ на своихъ враговъ; тѣнимые со всѣхъ сторонъ, они, волею и неволею, должны были искать убожища въ предѣлахъ Россіи. Одинъ изъ подобныхъ владѣльцевъ, султанъ Шеретлу-Оглы, отправился, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1798 году, въ Петербургъ, просить о принятіи его въ подданство Россіи, съ подвластнымъ ему народомъ, и о дозволеніи поселиться въ землѣ войска Черноморскаго. Императоръ Павелъ изъяснилъ согласіе и поручилъ своего новаго подданнаго особенной благосклонности атамана Котляревскаго, который отозвался, что не только не встрѣтится никакого препятствія на принятіе султана Али въ среду черноморцевъ, напротивъ, казаки охотно примутъ его къ себѣ въ сотоварищество. Въ поданномъ же дѣйствительному статскому совѣтнику Лашкареву мѣтніи Котляревскій предполагалъ поселить закубанскихъ выходцевъ на землѣ къ Манычу и Егорлыку, подчинивъ ихъ во всемъ Черноморскому войску.

Представленіе Котляревскаго не имѣло успѣха. Императоръ Павелъ, снисходя на просьбу султана Али, въ рескриптахъ 17-го и 29-го ноября 1798 года, новороссійскому губернатору графу Каховскому повелѣлъ принять Али, съ его семействомъ и подданными въ покровительство и подданство Россіи и, по его желанію и указанію, отвести въ незаселенныхъ мѣстахъ Черноморіи нужное пространство земли съ

угодьями, для жительства его и всѣхъ тѣхъ, которые съ нимъ изъ за Кубани переселиться пожелаютъ.

Перешедшіе къ намъ шапсуги были поселены, на избранномъ ими мѣстѣ отъ Копыла по казачьему ерику, за 60 верстъ, при р. Ангели (Ангелинскій ерикъ).

Султанъ Шеретлу-Оглы прибылъ изъ Петербурга въ Екатеринодаръ въ началѣ 1799 года, и тогда же явился къ возвратившемуся въ войско Котляревскому. Тимофѣй Терентьевичъ принялъ султана ласково, познакомилъ съ обществомъ, и для переправы его, съ подданными азіятцами, на нашу сторону, вблизи Воронежскаго кордона, командировалъ поручика Харченка съ командою казаковъ, при одномъ орудіи. Подъ этимъ прикрытіемъ султанъ Али перешелъ на правый берегъ Кубани, переведя съ собою до ста душъ шапсуговъ.

Котляревскій, зная исконную страсть закубанскихъ народовъ къ хищничеству и вѣроломству, не вѣрилъ въ неизмѣнную преданность новаго подданнаго русскаго Государя; но, исполняя желаніе султана и волю Императора, полагалъ дать подъ поселеніе шапсугскихъ выходцевъ—землю на общемъ правѣ съ войсковыми жителями, далѣе отъ р. Кубани къ Азовскому морю или къ р. Еѣ, и тѣмъ отклонить горцевъ отъ частныхъ сношеній на Кубанской границѣ съ своими родичами, жившими хищничествомъ.

Соображенія свои атаманъ Котляревскій представлялъ графу Каховскому; но послѣдній, имѣя въ виду данныя ему Государемъ повелѣнія поселить закубанскихъ выходцевъ на избранномъ по желанію ихъ мѣстѣ, не считалъ себя въ правѣ измѣнить Высочайшую волю. Султанъ Али поселился, какъ сказано, при р. Ангели, верстъ за 60 отъ Кубани. Котляревскій распорядился дать поселенцамъ всѣ пособія къ домашнему ихъ обзаведенію; предоставленныя же имъ выгоды свободной ловли рыбы и хлѣбопашества обезпечивали ихъ безбѣднымъ продовольствіемъ.

Примѣру султана Али послѣдовали и другіе выходцы изъ-за Кубани.

Въ 1796 году, бжедухскій князь Батырь-Гирей былъ, за преданность Россіи, убитъ абазинцами. Когда власть его перешла къ его брату, князю Явбукъ-Гирею, абазинское племя, питая непримиримую къ нему вражду, за дружественныя сношенія съ русскими, начало его тѣснить и разорять подвластное ему племя бжедуховъ. Это побудило Явбукъ-Гирея искать у русскихъ убожища отъ гоненія враговъ: 7-го марта 1799 года онъ прибылъ въ Екатеринодаръ къ войсковому атаману Котляревскому, для переговоровъ о принятіи его, съ подвластнымъ

ему народомъ. въ подданство Россіи. Явбукъ-бей, какъ его обыкновенно называли, объявилъ атаману: что если русское правительство не позволитъ ему переправиться изъ-за Кубани, то онъ, въ своемъ отчаянномъ положеніи, переправится на землю Черноморскаго войска, не смотря ни на какія запрещенія, даже еслибы было употреблено противу него и самое оружіе. «Буде суждено», говорилъ Явбукъ, «погибнуть мнѣ съ моимъ народомъ, то лучше пасть, не защищаясь отъ оружія русскихъ, чѣмъ отъ злодѣевъ—абазинцевъ».

Императоръ Павелъ согласился принять въ подданство Россіи этого князя, вмѣстѣ съ родственникомъ его, Селиметъ-Гиреемъ, и подданными ихъ въ числѣ 1493 душъ, и водворить ихъ, для совмѣстнаго жительства съ султаномъ Али Шеретлу-Оглы. 15-го мая, бжедухи были уже на нашей сторонѣ и на вѣрноподданство русскому Императору принесли присягу.

Въ это же время султанъ Шеретлу-Оглы заявилъ войсковому атаману, что избранная имъ безлѣсная мѣстность неудобна для поселенія закубанскихъ выходцевъ, по крайней ихъ бѣдности, и что онъ желаетъ поселиться близъ Кубани, гдѣ имѣются лѣса, хотя на первый разъ, покуда черкесы приобыкнутъ къ жизни съ русскими. Али представлялъ, что удовлетвореніемъ этой просьбы можно расположить Котляревскій, имѣя въ виду Высочайшую волю селить вышедшихъ изъ-за Кубани черкесовъ въ мѣстностяхъ, избранныхъ по собственному ихъ желанію, не могъ отказать въ просьбѣ султана, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, донесъ обо всемъ Императору. Рескриптомъ, отъ 27-го іюля 1799 года, дано было разрѣшеніе водворить султана Али, съ его подданными, надъ Кубанью при лѣсныхъ черноморскихъ селеніяхъ, позволено переходить, для поселенія, на нашу сторону Кубани и прочимъ закубанскимъ владѣльцамъ, искавшимъ подданства Россіи (1).

Не успѣли закубанскіе выходцы-черкесы обжиться на нашей землѣ, какъ анапскій Османъ-паша возбудилъ переписку съ войсковымъ атаманомъ, спрашивая: по какому случаю переселены на русскую землю закубанцы, въ противность трактатовъ между Россіей и Турціей, въ силу которыхъ горцы считались подвластными Портѣ Отоманской. Паша прямо требовалъ возврата черкесовъ на закубанскую сторону,

(1) Султанъ Али не перешелъ къ Кубани, а остался на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ съ послѣдующими выходцами образовался, такъ называемый, *Гривенскій Черкесскій аулъ*.

просилъ разъясненія, по этому дѣлу, у графа Каховскаго и донесъ Высокой Портѣ.

Напрасно анапскій паша поднялъ тревогу о закубанскихъ выходцахъ: правильно-устроенная жизнь и безъ этого не понравилась Явбукъ-бею. Дикая природа роднаго края манила его въ вѣковые лѣса и въ недоступныя ущелья горъ Кавказа; тоска по родинѣ не давала ему покоя. Не занимаясь хозяйствомъ, онъ довольствовался провіантомъ, который давали сострадательные черноморцы ему и его подвластнымъ, находившимся въ крайней нищетѣ.

Но за всѣ попеченія начальства и за казачью хлѣбъ-соль коварные азіатцы заплатили измѣной: въ ночь на 30-е сентября, Явбукъ-бей, взявъ съ собою 102 черкесовъ, пробрался съ ними лѣсными мѣстами къ Кубани, и пользуясь темнотою, успѣлъ переправиться на закубанскую сторону. Хитрый измѣнникъ, боясь мести горцевъ, за переходъ къ русскимъ, и не желая испытать на себѣ гнѣвъ анапскаго паши и познакомиться съ турецкою петлею, не поколебался оклеветать тѣхъ, кто окружалъ его отеческими заботами и кормилъ своимъ хлѣбомъ. Прибывъ въ Анапу, онъ объявилъ пашѣ, что черноморскіе казаки, переправившись за Кубань съ артилеріею, насильно переселили его на свою землю, просилъ у него защиты и ходатайства о возвратѣ на закубанскую сторону и остальныхъ бжедуховъ.

Паша, повѣривъ обману бѣглеца, усиленно требовалъ переселенія на лѣвый берегъ Кубани остальныхъ черкесовъ, перешедшихъ въ Черноморію съ Явбукъ-беемъ. Въ одномъ письмѣ къ атаману Котляревскому, Османъ-паша, требуя ихъ возврата, объяснилъ, что насильственнымъ поступкомъ черноморцевъ надъ Явбукъ-беемъ горскія племена озлоблены и просятъ его защиты отъ русскихъ; въ противномъ случаѣ угрожаютъ раздѣлаться съ нашими казаками сами. Войсковой атаманъ, отвѣчая правдою, какъ было, опровергнувъ клевету измѣнника двухъ государствъ и высказавъ пашѣ, что Явбукъ-бей, добиваясь усиленной просьбой подданства Россіи, добровольно перешелъ на нашу сторону отъ притѣсненій абазинцевъ, что русское правительство изъ состраданія дало ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, и, сверхъ того, еще продовольствовало отъ казаковъ, какъ владѣльца, такъ и подвластный ему нищій народъ. Во всемъ этомъ, прибавлялъ Котляревскій, паша, если желаетъ, можетъ удостовѣриться, и, вмѣсто неосновательныхъ претензій, ему скорѣе слѣдовало бы обратить вниманіе, въ силу существующихъ трактатовъ, на хищничество черкесовъ въ предѣлахъ нашихъ. Котляревскій просилъ пашу прислать 3,818 руб. за причиненные въ тотъ годъ черкесами убытки Черно-

морскому войску, о которых наша хорошо знала. Требованіе атамана не было удовлетворено.

Донося о такихъ событіяхъ на Кубанской границѣ, генераль-маіоръ Котляревскій, между прочимъ, писалъ, что онъ не могъ уберечься отъ обмана коварнаго Явбукъ-бея, и просилъ прощенія у Государя за оплошность свою и кордонной стражи, пропустившихъ измѣнниковъ за Кубань. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испрашивалъ разрѣшенія селить на будущее время закубанскихъ выходцевъ на черноморской землѣ верстъ за 60 отъ Кубани, гдѣ нельзя ожидать со стороны горскихъ выходцевъ обмана. На это представленіе Императоръ Павелъ, въ рескриптѣ Котляревскому, отъ 3-го ноября 1799 года, изъяснилъ, что «за уходъ бжедужскаго народа Бея Явбука Его Величество никакого неудовольствія не имѣетъ, будучи увѣреннымъ, что со стороны его, Котляревскаго, никакого упущенія не было, а произошло отъ того, что Явбукъ-бей поселенъ былъ на самомъ берегу Кубани, чрезъ что легко ему было перебраться на ту сторону». Для отвращенія впредь подобнаго повелѣвалось: «поселять желающихъ перейти на нашу сторону въ подданство, согласно съ представленіемъ Котляревскаго, не ближе 60 верстъ отъ Кубани. Оставшимся же у насъ подданнымъ Явбукъ-бея, которые пожелаютъ съ нимъ соединиться, не дѣлать никакого препятствія».

Не долго заставилъ себя ждать «новымъ гостемъ» коварный Явбукъ-Гирей: собравъ до 6,000 своихъ единомышленниковъ, онъ, 8-го января 1800 года, нагрянулъ къ Кубани, и, не смотря на сопротивление кордонной стражи, пользуясь своимъ многочисленствомъ, переправился по льду на правый берегъ рѣки за остальными бжедужами, и увелъ ихъ съ собою за Кубань.

Такъ окончилось подданство бжедужевъ. Кромѣ заботъ со стороны войска Черноморскаго при переселеніи этихъ азіатцевъ изъ-за Кубани и тѣхъ затраченныхъ безвозвратно средствъ, которыя доставляли черноморцами для упроченія ихъ домашняго быта, войско употребило чистаго капитала, для покупки черкесамъ продовольствія—7,473 руб. 75 коп. И не однѣ матеріальныя жертвы были принесены добродушными черноморцами: печальное событіе стоило жизни и свободы вѣрныхъ долгу службы казаковъ—изъ нихъ, при послѣдней переправѣ Явбукъ-бея на нашу сторону, черкесы убили одного офицера и девять казаковъ, ранили одного офицера и шесть казаковъ, захватили въ плѣнъ двухъ казаковъ.

По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Государя, Императоръ Павелъ Петровичъ, 6-го февраля 1800 года, далъ войсковому атаману Бурсаку

(преемнику Котляревскаго) слѣдующій рескриптъ: «Имѣвъ уже много примѣровъ, что переходящіе народы съ той стороны Кубани на нашу, дѣлаютъ сіе въ томъ только намѣреніи, чтобы опять возвратиться къ себѣ, какъ только перемѣнятся обстоятельства, которыя заставили ихъ къ намъ перейти, то, въ отвращеніе сего ихъ обману и въ избереженіе ввѣренному вамъ войску напрасныхъ издержекъ на ихъ прокормленіе, повелѣваю вамъ: отказывать имъ, когда будутъ предлагать перейти поселиться на нашу сторону, войдя къ намъ въ подданство». На этомъ же рескриптѣ добавлено Царскою рукою: «и *впредь не впускать*».

IV.

(1800—1808).

Черноморскій атаманъ Бурсакъ.—Военныя дѣйствія за Кубанью.—Разбитіе Явбукъ-бея.—Переговоры съ абадзехами.—Царскія награды Черноморскому войску.—Разбитіе горцами черноморскаго байдака.—Экспедиція за Кубань.—Храбрая казачка.—Покорность натухайцевъ.—Награды черноморцамъ.—Экспедиція въ землю шапсуговъ.—Тревожныя слухи изъ-за Кубани.—Походъ противъ турокъ.—Турецкіе запорожцы.—Закубанскія дѣла.

Генераль-маіоръ Котляревскій, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію, просилъ увольненія отъ должности атамана Черноморскаго казачьяго войска. Императоръ, уволивъ его рескриптомъ 15-го ноября 1799 года, предоставилъ ему самому выбрать себѣ преемника. Выборъ Котляревскаго палъ на подполковника Бурсака, который и былъ утвержденъ въ званіи атамана Высочайшимъ рескриптомъ 22-го декабря 1799 года.

Вступивъ въ управленіе войскомъ, Бурсакъ обратилъ главное вниманіе на состояніе Черноморской кордонной линіи. Не надѣясь на мирное сосѣдство за-кубанцевъ, онъ сформировалъ для усиленія линіи особый пятисотенный полкъ, оставивъ его въ своемъ непосредственномъ распоряженіи.

Вскорѣ сборища за Кубанью абазинцевъ, съ намѣреніемъ напасть на наши предѣлы, встревожили всю кордонную линію; даже анапскій паша предупредилъ о принятіи мѣръ осторожности со стороны кордонной стражи. 21-го марта, около 5,000 черкесовъ, переправясь чрезъ Кубань, по льду, напали на Копыльскій кордонъ и на тамошнія поселенія. Жители, соединясь съ кордонными казаками, заперлись въ

старой Копыльской крѣпости и мужественно отразили непріятелей. Но въ тоже самое время другая толпа, переправившись ниже Копыла за двѣ версты, захватила на отводныхъ пикетахъ казаковъ, изъ которыхъ двухъ убила, а четырехъ взяла въ плѣнъ.

Преемникъ графа Каховскаго, генералъ-отъ-кавалеріи Михельсонъ, не видя конца черкескимъ набѣгамъ, вошелъ въ сношеніе съ анапскимъ пашою и велѣлъ атаману Бурсаку послать въ Анапу опытнаго чиновника для веденія переговоровъ. Назначенный для этого полковой есаулъ Гаджановъ, явившись, 12-го апрѣля, къ Осману-пашѣ, вручилъ ему депеши отъ Михельсона. Въ тотъ же день паша послалъ своего чиновника для сбора черкесскихъ князей въ Анапу, а Гаджанову совѣтовалъ объявить горскимъ представителямъ, когда они пріѣдутъ, что генералъ Михельсонъ въ послѣдній разъ предлагаетъ имъ прекратить непріязненные дѣйствія противу Черноморіи, возвратитъ нашихъ плѣнныхъ и заграбленное имущество; въ противномъ случаѣ они будутъ жестоко наказаны нашими войсками.

15-го апрѣля это и было объявлено собравшимся въ Анапѣ горскимъ князьямъ. На другой день они попросили у пашы отсрочки до 28-го апрѣля, ссылаясь на то, что будутъ отыскивать заграбленное у черноморцевъ имущество, и пригласятъ еще и другихъ князей для переговоровъ; но по вторичномъ пріѣздѣ въ Анапу объявили, что вступятъ въ окончательные переговоры съ черноморцами тогда, когда соберутъ разныя вещи казаковъ, находившіяся у черкесовъ.

Видя явную уклончивость горскихъ старшинъ, паша командировалъ 30-го апрѣля своего Кигъя-бея, съ тремя помощниками, и Гаджановымъ, въ горы, для отобранія уведеннаго скота, забраннаго имущества и плѣнныхъ казаковъ. 1-го марта Кигъя-бей прибылъ въ селеніе Балкепислъ. Черкесы отвѣчали, что такъ какъ русскія войска собраны въ Куркахъ и намѣрены двинуться въ за-кубанскіе предѣлы, то, по случаю происходившихъ мирныхъ переговоровъ, необходимо пріостановить движеніе русскихъ. Платя за хитрость хитростію, Кигъя-бей послалъ своего чиновника и Гаджанова къ Варениковской пристани подъ предлогомъ остановить предпріятіе русскихъ противъ горцевъ, а на самомъ дѣлѣ, поручилъ Гаджанову сообщить начальнику пристани, чтобы во многихъ мѣстахъ на границѣ со стороны нашей были выставлены войска, готовые по первому знаку вторгнуться въ за-кубанскіе предѣлы. Самъ Кигъя-бей, съ черкесскими князьями и абазинцами, имѣлъ 6-го числа того же мѣсяца переговоры съ начальникомъ третьей части Черноморской кордонной линіи поручикомъ Легою, вслѣдствіе

чего была возвращена часть нашего скота изъ-за Кубани и выражено обѣщаніе возвратитъ и остальное имущество черноморцевъ. Паша тоже далъ слово употребитъ свое вліяніе относительно волновавшихся абазинцевъ. Но не все обѣщанное было выполнено. Даже Кигъя-бей закончилъ свои дѣйствія тѣмъ только, что привелъ абазинцевъ къ присягѣ на сохраненіе мира съ русскими, что, однако, не мѣшало черкесамъ, подстрекаемымъ главнымъ бунтовщикомъ въ горахъ, заклятымъ врагомъ русскихъ, измѣнникомъ Явбукъ-беемъ, продолжать свои набѣги на землю Черноморскаго войска.

Казаки отражали хищниковъ на границѣ; но наказывать ихъ въ самыхъ мѣстахъ жительства, за Кубанью, не смѣли, чтобы не нарушить существовавшихъ съ Оттоманской Портой договоровъ, въ силу которыхъ турки обязывались сами удерживать черкесовъ отъ вторженій въ наши предѣлы. Между тѣмъ, анапскій паша или хитрилъ, бездѣйствовалъ, или просто не могъ принудить горцевъ повиноваться турецкой власти.

При такихъ обстоятельствахъ атаманъ Бурсакъ просилъ разрѣшенія сдѣлать экспедицію за Кубань для наказанія коварныхъ сосѣдей въ самыхъ жилищахъ ихъ. На представленіе это, 17-го апрѣля 1800 года, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Господинъ подполковникъ Бурсакъ! По случаю покушеній, дѣлаемыхъ черкесами и абазинцами на селенія ввѣреннаго вамъ Черноморскаго войска, далъ я повелѣніе генералу-отъ-кавалеріи Михельсону 1-му откомандировать находившіеся въ его вѣдѣніи егерскіе полки Драшкевича и Лейхнера съ орудіями, препоручаю оныя генералъ-маіору Драшкевичу, для учиненія онымъ горскимъ народамъ репрессалій, въ наказаніе ихъ дерзости; а по окончаніи сей экспедиціи предписалъ, чтобы вышеупомянутые егерскіе полки для безопасности впродъ войска, вамъ ввѣреннаго, расположились по Кубанской границѣ, правымъ флангомъ отъ Тамани до Усть-Лабинской крѣпости, содержа въ всей оной дистанціи кордонъ въ перемѣнѣ съ черноморскими казаками и заняты детаашаментами селенія: Курки, Копыль, г. Екатеринодаръ, Петровскій ретрашаментъ, Воронежскій редутъ, и все сіе будетъ въ особомъ мѣнѣи генерала-отъ-кавалеріи Михельсона 1-го. О чемъ для свѣдѣнія вашего васъ увѣдомляю. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ I-й».

Съ этого времени начинается кровавая борьба черноморцевъ съ черкесскими племенами на берегахъ Кубани и въ горахъ Кавказа. Это былъ рядъ обоюдныхъ набѣговъ: горцы вторгались для добычи, черноморцы наказывали ихъ за то за Кубанью въ собственныхъ ихъ аулахъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи Михельсонъ немедленно распорядился по-

слать войска въ экспедицію за Кубань. Для этого были назначены находившіеся въ Черноморіи 14-й и 15-й Егерскіе полки и собрано болѣе 2,000 черноморскихъ казаковъ, съ войсковымъ атаманомъ Бурсакомъ. Войска наши двинулись за Кубань тремя отрядами: Драшкевичъ отираился съ своимъ полкомъ егерей, Бурсакъ съ полками черноморцевъ, а черноморскій подполковникъ Еремѣевъ, съ однимъ полкомъ и съ полкомъ егерей Лейхнера.

Бурсакъ, переправившись 2-го іюня со своимъ отрядомъ за Кубань, при Екатерининскомъ постѣ, двинулся для преслѣдованія показавшихся партій черкесовъ. Не далеко отъ Кубани казаки захватили нѣсколькихъ всадниковъ, рекогносцировавшихъ нашъ отрядъ. Черкесы оборонялись отчаянно и нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей оставили на мѣстѣ убитыми; съ нашей стороны было ранено два человѣка. Достигнувъ черкесскихъ ауловъ Арсланъ-Гирей и брата его Девлетъ-Гирей, верстъ за двадцать отъ Кубани, Бурсакъ встрѣтилъ болѣе 300 горцевъ и завязалъ съ ними жаркую перестрѣлку. Горцы упорно защищали свои жилища, но принуждены были уступить стремительному напору казаковъ, вытѣснившихъ ихъ изъ ауловъ. Черноморцы нашли здѣсь рогатаго скота 1,211 головъ, до 4,000 овецъ и нѣсколько лошадей, и захватили въ плѣнъ восемь горцевъ.

На другой день, горцы, собравшись въ числѣ до 500 человѣкъ, старались заманить казаковъ въ лѣсъ; но Бурсакъ не поддавался на эту хитрость, а прогнавъ въ горы Арсланъ-Гирей и пройдя съ отрядомъ еще верстъ тридцать пять отъ Кубани, воротился на пограничный рубежъ, 4-го числа, съ богатою добычею.

Подполковникъ Еремѣевъ, переправившись со вторымъ отрядомъ за Кубань при Марьянскомъ постѣ, доходилъ до трехъ черкесскихъ ауловъ, но не заставъ тамъ никого изъ жителей, захватилъ болѣе 1,000 головъ баранты и воротился на свою сторону (1).

Императоръ, въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 4-го іюля генералу Михельсону, объявляя Монаршее благоволеніе войскамъ, участвовавшимъ въ за-кубанской экспедиціи, повелѣлъ добычу раздѣлить между казаками и другими войсками. На долю черноморцевъ досталось рогатаго скота 660 головъ и овецъ 2,684 штуки.

Чтобы отмстить за свои неудачи, горцы выжидали только удобнаго случая ворваться въ наши предѣлы. 4-го іюля, они, узнавъ, что черноморцы производятъ рубку лѣса, въ такъ называемомъ Головатого

(1) О третьемъ отрядѣ Драшкевича свѣдѣній нѣтъ.

кутѣ, близъ Кубани, напали, подъ предводительствомъ Явбукъ-бея, партіей сотъ въ пять человѣкъ на безоружныхъ рабочихъ, но успѣли захватить только пять человѣкъ, и боясь преслѣдованій кордонной стражи поспѣшили убраться за Кубань. Начальникъ первой части пограничнаго караула, капитанъ Кобинякъ, съ двумястами казаковъ погнался по слѣдамъ ихъ, настигъ горцевъ у селенія султана Магметъ-Паки, и не смотря на численное ихъ превосходство смѣло вступилъ въ бой и съ перваго же удара отбилъ плѣнныхъ черноморцевъ. Тогда черкесы, увлекаемые примѣромъ отважнаго Явбукъ-бея, яростно бросились на слабый отрядъ Кобиняка, но неустрашимый Кобинякъ, поддерживаемый однимъ 3-хъ-фунтовыхъ орудіемъ, дружно ударилъ съ казаками, смялъ нестройныя толпы черкесовъ и едва не захватилъ въ плѣнъ самого Явбукъ-бея, подъ которымъ убилъ лошадь.

Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ много убитыхъ и раненыхъ, особенно отъ картечныхъ выстрѣловъ нашего орудія; у насъ же было ранено только два казака.

Недовольствуясь разбитіемъ партіи Явбукъ-бея, Кобинякъ бросился на аулъ его единомышленника, султана Магметъ-Паки, и такъ какъ жители этого аула разбѣжались въ горы, то удалый Кобинякъ захватилъ 500 головъ рогатаго скота, трехъ лошадей, до 2,000 овецъ и много разнаго имущества. Но казаки не могли воспользоваться этою богатою добычею: они должны были переправиться чрезъ разлившуюся Кубань, вплавъ, на своихъ привычныхъ къ тому лошадяхъ, и въ виду собиравшихся со всѣхъ сторонъ горцевъ, благополучно удалились на свою сторону.

Всѣ эти враждебныя столкновенія съ горцами не помѣшали, однако, вести переговоры въ Анапѣ о сохраненіи мира на границѣ. Тревоги за Кубанью черкесы относили къ предѣлкамъ перешедшаго къ намъ султана Али-Шеретлу-Оглы, который будто бы извѣщалъ ихъ, что черноморская граница бѣдна войскомъ и не можетъ защищаться. Тенерь черкесы клялись на коранѣ: на будущее время отказаться отъ вторженій въ наши предѣлы.

Между тѣмъ, Кигъя-бей и Гаджановъ перешли во владѣнія шансуговъ. Племя это также готово было дать присягу, и уже собрана была часть скота и прочаго имущества, для возвращенія черноморцамъ. Но турецкій повѣренный потребовалъ возвращенія и хатукайцамъ забранной у нихъ казаками скотъ въ прѣжнія экспедиціи. Эти новыя условія разстроили общій планъ мирныхъ соглашеній за Кубанью. Кигъя-бей, вѣроятно, не предвидя успѣха въ своихъ дѣлахъ, уѣхалъ

подъ предлогомъ болѣзни въ Анапу; назначенный же на мѣсто его чиновникъ, Гаджи-Магметъ-Мурадинъ-бей, хотя и дѣйствовалъ съ преемникомъ Гаджанова, подпоручикомъ Лозинскимъ, но не подвинулъ ни на шагъ впередъ мирныхъ соглашеній.

Переписка войскового атамана съ анапскимъ пашою о вознагражденіи казаковъ за убытки также не привела ни къ чему, и генералъ Михельсонъ, 16-го сентября, предписалъ Бурсаку, прекративъ переговоры съ черкесами, вызвать изъ-за Кубани нашего офицера.

Возвратившійся 22-го октября подпоручикъ Лозинскій донесъ атаману, что Мурадинъ-бей скрывалъ нашихъ плѣнныхъ и подъ разными предлогами препятствовалъ выдачѣ ихъ.

Въ 1801 году открытыхъ военныхъ дѣйствій съ черкесами не было; но этотъ годъ былъ памятенъ черноморцамъ въ другомъ отношеніи. Императоръ Павелъ I пожаловалъ черноморцамъ, 16-го февраля 1801 года, Высочайшую грамоту, знамя и четырнадцать прапоровъ (малыхъ знаменъ) съ приборами ⁽¹⁾. Царскія награды были присланы съ черноморскимъ капитаномъ Животовскимъ.

Для принесенія Богу благодаренія за новыя дарованныя милости войску, къ 5-му апрѣля были собраны въ Екатеринодаръ съ пограничной стражи и со всего войска: чиновники, куренные атаманы и отъ каждаго куреня по пятидесяти человекъ исправныхъ и добраго поведенія конныхъ казаковъ, и «войсковому кругу» объявлена Царская грамота, а знамя и прапоры были освящены.

Назначенный для присутствія во вновь организованной, вмѣсто войскового правительства, войсковой канцеляріи, генералъ-лейтенантъ Кираевъ, желая навсегда оставить въ памяти черноморцевъ время подтвержденія Императоромъ Павломъ Петровичемъ войсковыхъ правъ и привилегій, сдѣлалъ чрезъ войсковую канцелярію распоряженіе, чтобы куренные атаманы избрали, каждый въ своемъ куренѣ, по одной парѣ честнаго поведенія казака и дѣвицу, преимущественно изъ бѣдныхъ и сиротъ, для обвиненія по обоюдному согласію. Каждой такой парѣ выдавалось изъ войсковыхъ суммъ по 100 руб. вознагражденія.

Императоръ Александръ I вступилъ на престолъ Россійской Имперіи, и войско Черноморское дало присягу Его Императорскому Величеству на вѣрность службы.

1802 годъ открылся печальнымъ для Черноморскаго войска случаемъ. 28-го февраля, состоявшій при войсковой артилеріи хорунжій

⁽¹⁾ Приложение XII.

Венгеръ, нагрузивъ, на Бугазской пристани, на байдакъ 200 пудовъ пороха и 200 пудовъ свинца изъ войсковыхъ запасовъ, отправился вверхъ по Кубани для доставки этого груза въ Екатеринодаръ. На томъ мѣстѣ, гдѣ раздѣлялась Кубань и Каракубанъ, судно должно было остановиться, такъ какъ Кубань была мелководна, а Каракубанъ, не представлявшая этого неудобства, протекала въ черкесскихъ предѣлахъ. Хорунжій Венгеръ, не желая имѣть остановки, избралъ послѣдній путь; но 4-го марта онъ былъ атакованъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, сильными партіями горцевъ. Скрывавшіеся въ плавняхъ черкесы встрѣтили байдакъ ружейнымъ огнемъ, сначала съ одной стороны. Начальникъ судна; прапорщикъ Жвачка, далъ направленіе транспорту къ другому берегу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выстрѣлилъ по непріятелю изъ 3-хъ-фунтовой пушки. Глубокій противоположный край Каракубани позволилъ байдаку плыть около самаго берега, и здѣсь-то случилась бѣда. Едва байдакъ проплылъ нѣсколько сажень, какъ выскочившіе изъ камышей горцы, давъ залпъ по транспорту, съ пронзительнымъ гикомъ бросились въ воду и достигли судна. Первой жертвой казацкой отваги пали оба офицера, Жвачка и Венгеръ; за ними два канонира и девять казаковъ; остальная команда была тяжело переранена.

Овладевъ байдакомъ съ порохомъ, свинцомъ и пушкою, горцы взяли въ плѣнъ, изъ раненыхъ, одного канонира и десять казаковъ, а двухъ казаковъ и канонира, особенно тяжело раненыхъ, и всѣхъ убитыхъ бросили на берегу Каракубанскаго острова.

Тяжело-раненые канониръ и одинъ казакъ, собравъ послѣднія силы, кое-какъ добрались до Кубани и сообщили объ этомъ печальномъ происшествіи.

Оказалось, что войсковой байдакъ былъ разбитъ Нартхачскаго владѣнія княземъ Калабатъ-Оглы съ родственникомъ его Базенко-Смаилъ и бывшими при нихъ черкесами въ числѣ до 300. человекъ.

Первоприсутствовавшій въ черноморской войсковой канцеляріи, генералъ Дашковъ ⁽¹⁾, донося о томъ инспектору крымской инспекціи, Михельсону, объяснялъ, что подобныя нападенія, убійства и грабежи происходятъ единственно отъ запрещенія черноморцамъ не только отмщать горцамъ, преслѣдуя ихъ за Кубань, но даже приближаться къ черкесскимъ берегамъ, подъ опасеніемъ заразной болѣзни, и чтобы не раздражать черкесовъ, которые безнаказанно и безчин-

⁽¹⁾ Назначенный на мѣсто Кираева.

ствуют на кордонной линіи. «Они тогда только сколько-нибудь были сносными сосѣдами,—писалъ Дашковъ,—когда за обиды ими черноморцамъ наносимыя, по разрѣшенію Государя Императора, въ 1800 году, былъ сдѣланъ горцамъ репресаль. Послѣ чего черкесы на границѣ и показываться не смѣли цѣлый годъ, а затѣмъ вошли по прежнему въ колею разбойнической жизни».

Дашковъ просилъ Михельсона исходатайствовать Высочайшее соизволеніе войску Черноморскому отнѣщать вооруженною рукою.

Императоръ Александръ, рескриптомъ 10-го апрѣля 1802 года, поручилъ генералу Дашкову потребовать у анапскаго паша «полной *самисфакції*» (возвратить взятыхъ въ плѣнъ людей и строго наказать виновныхъ въ вѣроломствѣ) и объявить, что если требованіе останется безъ удовлетворенія, то «учиненъ будетъ *репресаль*».

На запросъ Дашкова анапскій Али-паша отвѣтилъ, что онъ въ первый разъ слышитъ о разбитіи черкесами войскового байдака съ артилерійскими запасами. «Если бы я и зналъ», писалъ паша, «то и въ такомъ случаѣ обнаруживъ виновнаго былъ бы и самъ я много виноватъ».

О такомъ отвѣтѣ анапскаго паша, генералъ Дашковъ донесъ прямо Императору и сообщилъ Михельсону, для приведенія въ исполненіе Высочайшей воли о наказаніи горцевъ.

До открытія еще военныхъ дѣйствій за Кубанью, атаманъ Бурсакъ, 1-го мая, сдѣлалъ въ Каракубанскомъ островѣ поискъ; но, встрѣтивъ топкія болотистыя мѣста, принужденъ былъ воротиться. Набѣгавшіе на отрядъ черкескіе наѣзники объясняли, что они надъ собою ничьей власти не признаютъ и будутъ бить русскихъ и турокъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Генералъ-отъ-кавалеріи Михельсонъ, послѣ безполезной переписки съ анапскимъ пашою, приказалъ командиру 14-го Егерскаго полка, подполковнику Штету, двинуться въ непріятельскую землю съ своимъ и съ 15-мъ Егерскимъ полками и съ частью войска Черноморскаго. По распоряженію атамана Бурсака, собрано было въ экспедицію 336 офицеровъ, 2,275 пѣшихъ и 3,858 конныхъ казаковъ. 29-го мая, съ этимъ отрядомъ Бурсакъ переправился за Кубань при ольгинскомъ кордонѣ, гдѣ соединилъ свои силы съ Егерскими полками.

Черноморскимъ казакамъ и доступнѣе были за-кубанскія болота и ближе къ сердцу самая цѣль наказанія злодѣевъ. По этому атаманъ Бурсакъ, взявъ въ проводники преданнаго намъ султана Шеретлу-Оглы, въ ту же ночь, т. е. 29-го мая, повелъ своихъ удалыхъ чер-

номорцевъ съ егерями къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ пострадали ихъ товарищи съ войсковымъ байдакомъ.

Отойдя отъ переправы верстъ за двадцать пять, Бурсакъ оставилъ егерскіе полки, артилерію, съ частью пѣшихъ и конныхъ казаковъ ⁽¹⁾, а самъ съ остальными черноморцами двинулся далѣе по топкимъ мѣстамъ, гдѣ одинъ только казакъ, съ обычной ловкостью кавказца, могъ пробираться безнаказанно. Солнечный восходъ, 30-го мая, встрѣтилъ Бурсака у первыхъ черкесскихъ селеній князя Буджука, въ восьми верстахъ отъ Каракубани, и отъ мѣста гдѣ взять войсковой байдакъ. Скрытно пробравшись къ ауламъ, Бурсакъ повелъ конницу на маршъ-маршъ, приказавъ слѣшить за собой и пѣхотѣ. У самыхъ ауловъ завязалась ружейная пальба. Вскорѣ на выручку горцевъ появилась еще партія до 500 человекъ, и бой закипѣлъ. Непріятель дрался съ ожесточеніемъ и густыми массами прикрывалъ убѣжавшихъ изъ ауловъ за рѣку Пшицъ жителей съ имуществомъ, а наши войска, тѣсняя черкесовъ, пробивались въ аулы.

Черкесы долго не подавались; наконецъ часть казаковъ скрытно зашла въ тылъ, отрѣзала ихъ отъ лѣса, бывшаго за рѣкой, и преградила имъ переправу за Пшицъ. Окруживъ такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ, аулы, казаки бросились на ура!— и смяли черкескія скопища. Разбитый на голову, непріятель разсѣялся по окрестностямъ.

Это дѣло стоило черкесамъ до 200 убитыхъ и до 300 раненыхъ; съ нашей же стороны было убито 4 казака, ранены два старшины и 13 казаковъ.

Немногіе успѣли скрыться изъ разбитыхъ партій горцевъ; атакованные со всѣхъ сторонъ, жители ауловъ и захваченные въ бою атаманомъ Бурсакомъ черкесы взяты въ плѣнъ. Всѣхъ плѣнныхъ было 532 души, въ томъ числѣ и самъ князь Буджукъ съ семействомъ.

Въ четырехъ разоренныхъ горскихъ аулахъ черноморцы забрали рогатаго скота 1,158, овецъ 1,396 и козъ 2,432 штуки. Кромѣ этого найдено было изъ разбитаго на Каракубани нашего транспорта до 30 пудовъ пороха, до 40 пудовъ свинца и часть такеджа.

31-го мая атаманъ, съ своими казаками, переправился на правую сторону Кубани ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Оставлено было конныхъ 200 и пѣшихъ 1000 чел.

⁽²⁾ Донесеніе атамана Бурсака генералу Михельсону въ іюнь 1802 г. № 895 (Изъ дѣлъ войсков. архива).

Изъ добычи часть отдана была Егерскимъ полкамъ, часть чиновникамъ, часть поступила въ войска участвовавшимъ въ бою. Остальной скотъ былъ назначенъ для продовольствія плѣнныхъ черкесовъ.

За это молодецкое дѣло атаманъ Бурсакъ произведенъ въ полковники, а сотрудникъ черноморцевъ, Шеретлу-Оглы въ подполковники, съ награжденіемъ медалью «за усердіе». Другіе также не остались безъ награды.

Взятыхъ въ плѣнъ черкесовъ Государь повелѣлъ не отпускать до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены изъ-за Кубани всѣ наши плѣнные. Волей-неволей горцы начали собирать русскихъ по своей землѣ, и вскорѣ начался размѣнъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ. Много, однако, осталось въ горахъ Кавказскихъ русскихъ страдальцевъ, много и горцевъ осталось на русской сторонѣ, но они содержались на всемъ войсковомъ продовольствіи и жили безбѣдно. Оставшіеся неразмѣненными плѣнные черкесы разобраны были казаками на свое содержаніе, и въ 1809 году, окончательно причислены къ Черноморскому войску.

Экспедиція не успокоила, однако, кордонную линію: горцы продолжали тревожить ее своими вторженіями.

До 1800 года, кромѣ обороны отъ набѣговъ азійцевъ и преслѣдованія ихъ, открытыхъ военныхъ дѣйствій за Кубанью не было. Затѣмъ, хотя и предпринимались экспедиціи за Кубань, но нужно было всякій разъ испрашивать на это Высочайшихъ разрѣшеній.

По возбужденному вопросу объ отмѣнѣ такихъ отношеній нашихъ къ горцамъ, послѣдовалъ 31-го декабря 1802 года, на имя генерала-отъ-кавалеріи Михельсона, слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

«....Признавая справедливымъ мнѣніе ваше: что народъ необузданной, привыкшій къ хищничеству и дѣлая изъ оного единственное свое упражненіе, не иначе можетъ быть воздержанъ и принужденъ жить въ добромъ сосѣдствѣ, какъ страхомъ наказанія за всякое ихъ хищничество, ибо по невѣжеству своему могутъ приписать къ немогуществу снисхожденіе имъ оказываемое изъ человеколюбія; но также, если позволить нашимъ дѣлать имъ репрессаліи и входить къ нимъ въ предѣлы, не ограничивая сіе позволеніе, то весьма вѣроятно, что изъ сего произойдутъ злоупотребленія, ими дѣлаемые—противу ихъ, столько же несправедливы, какъ они теперь противу насъ; въ предупрежденіе сего, и чтобы утвердить спокойствіе границы нашей, заставляя ихъ опасаться дѣлать покушенія, предписываю симъ: 1) Наистрожайше подтвердить всѣмъ командующимъ дистанціями по границѣ, отнюдь никакой несправедливости сосѣдственнымъ народамъ не дѣлать, а имѣть съ ними дружественное обращеніе и всячески стараться пріобрѣсти ихъ довѣренность; всякой же противной сему поступокъ наистрожайше наказанъ будетъ, за исполненіемъ чего бдительно наблюдать

главнымъ командирамъ, за что и сами отвѣчать будутъ. 2) Если, не взирая на сіе доброе обращеніе, сосѣдственные народы будутъ беспокоить границу нашу, тогда немедленно сдѣлать имъ для наказанія репрессаліи и преслѣдовать ихъ, если нужда того востребуетъ, въ предѣлы къ нимъ; но не участвующихъ въ учиненномъ злодѣяннѣ не трогать и отнюдь оставлять въ покоѣ, и тѣмъ доказать имъ, что наказаніе единственно на виновныхъ всегда простирается. О всякомъ такомъ происшествіи и репрессаліи Мнѣ доносить,—обстоятельно означивъ именно за что оно учинено и подъ опасеніемъ заслуживаемаго наказанія начальника, который отвѣчаетъ, чтобы сіе не было употреблено во зло. 3) Предоставить командиру тамошняго кордона расположить по границѣ разѣзды къ лучшей удобности и безонасности кордону,—увѣдомя Меня какія противу теперешняго сдѣланы будутъ перемѣны».

1803 годъ горцы начали рядомъ нападеній на пограничную линію. Морозный январь давалъ возможность хищникамъ удобно пробираться на нашу сторону по льду. Черкесы жгли казачіе пикеты, кордонное сѣно, проникали даже въ при-кубанскія селенія, захватывали скотъ и уводили людей.

Въ ночь на 12-е января, двѣнадцать хищниковъ, переправившись чрезъ Кубань въ Чернолѣской слободѣ, напали на домъ казака Семена Дзюбы, бывшаго въ отсутствіи, разбили двери, вскочили въ хату, схватили жену Дзюбы въ одной рубашкѣ и босую потащили за волосы, по снѣгу, къ Кубани. Когда казачка закричала, одинъ горецъ ударилъ ее шашкой по боку. Дзюбина, собравъ послѣднія силы, рванулась, ускользнула изъ рукъ своихъ мучителей, окоченѣвшихъ отъ сильнаго холода, и хотя истекала кровью, но добралась до сосѣда казака Кравченки. Казакъ этотъ, выбѣжавъ, выстрѣлилъ по горцамъ, на его выстрѣлъ откликнулись выстрѣлы другихъ проснувшихся казаковъ, а вслѣдъ за ними поднялась тревога на кордонной линіи; но черкесы, пользуясь темнотой, скрылись.

19-го января, многочисленная толпа горцевъ бросилась на Александровскій кордонъ, окружила его со всѣхъ сторонъ, одолѣла слабый гарнизонъ и ворвалась въ кордонъ. Черкесы убили постоваго начальника, хорунжаго Коротняка, и двухъ казаковъ; но, поражаемые на каждомъ шагѣ мѣткими выстрѣлами черноморцевъ, принуждены были удалиться, успѣвъ, однако, захватить въ плѣнъ жену Коротняка и восемь казаковъ.

Въ ту же ночь, конные горцы, партіей до 3,000 человекъ, напали на Копыльскій постъ, имѣя въ резервѣ за Кубанью много пѣхоты. Казаки и егеря, здѣсь находившіеся, встрѣтили ихъ пушечными выстрѣлами и ружейною пальбою. Нѣсколько разъ черкесы съ

ожесточеніемъ бросались на кордонъ, но всегда были отбиваемы съ урономъ. Подоспѣвшая на помощь, съ Протоцкаго поста, команда рѣшила трехъ-часовой бой: черкесы отступили.

Въ этомъ дѣлѣ Копыль далъ по непріятелю 52 пушечныхъ выстрѣла и 3,515 ружейныхъ. Берега Кубани были устланы трупами горцевъ; разлитая повсюду кровь свидѣтельствовала о чувствительномъ пораженіи хищниковъ.

Главными распорядителями въ кордонѣ были 14-го Егерскаго полка подполковникъ Блюдовъ и ревизоръ пограничныхъ карауловъ капитанъ Ерько (¹). Этимъ храбрымъ начальникамъ Копыль былъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Отступивъ отъ Копыла, черкесы бросились на Протоцкій постъ, но подоспѣвшій изъ Копыла капитанъ Ерько, съ командой, помогъ и здѣсь отразить непріятелей съ урономъ.

Затѣмъ горцы всей массой ввалились на второй пикетъ отъ Славянскаго поста, и взяли здѣсь трехъ казаковъ.

16-го февраля, черкесы собрались до 4,000 человекъ, напали на Петровскій постъ, но послѣ упорнаго боя, не смотря на свою многочисленность, отступили, потерявъ 23 человекъ убитыми и много ранеными. При отступленіи они сожгли находившійся у поста почтовый дворъ, увели почтовыхъ лошадей, ограбили хуторъ казачки, которую съ семействомъ взяли въ плѣнъ, и угнали ее скотъ. Лишь часть его была отбита у хищниковъ капитаномъ Мазономъ.

Прибрежные камыши и непроходимыя кубанскія плавни, благоприятствовали набѣгамъ горцевъ, особенно въ темныя ночи, такъ что не было никакой возможности уберечься отъ нихъ. Носились слухи, что черкесы часто дрались подъ Анапою съ турками, вовсе не признавая своей зависимости отъ блистательной Порты.

Въ томъ же году, нѣсколько ногайскихъ мурзъ, съ подвластными имъ татарами, вышли изъ-за Кубани въ Россію. Они должны были слѣдовать въ Крымъ, на Молочныя Воды; но, по осеннему времени, остановились близъ Ахтанизовскаго лимана, гдѣ обзавелись хозяйствомъ, стали обрабатывать землю и, бывъ поселены на сѣверо-восточной косѣ Азовскаго моря, на вѣрность подданства приведены къ присягѣ, въ маѣ 1805 года (²).

(¹) Должность пограничныхъ ревизоровъ была установлена атаманомъ Бурсакомъ, для наблюденія за исправностію кордоновъ.

(²) Высоч. рескр. генер.-отъ-инф. Розенбергу 24-го сентября 1804 г. (Изъ дѣлъ войск. архива).

Отчасти неоднократныя неудачи при набѣгахъ на русскіе предѣлы, отчасти притѣсненія отъ турокъ поселили несогласія между горскими племенами. Одни требовали рѣшительныхъ дѣйствій противъ русскихъ, другіе искали съ ними сближенія. Въ числѣ послѣднихъ были закубанскіе владѣльцы племенъ натухайскаго—Магметъ-Калабатъ-Оглы и Темиргоевскаго—Бейджукъ. Открывъ переговоры съ атаманомъ Черноморскаго войска, владѣльцы дали присягу не предпринимать непріязненныхъ дѣйствій противъ Черноморіи; даже обязывались, въ чертѣ своихъ владѣній, охранять кубанскую границу отъ нападений враждебныхъ племенъ и вознаградить казаковъ за понесенные убытки. Одинъ горскій владѣлецъ, Алкасъ, далъ слово, со всѣми своими подданными, перейти на русскую сторону. За это былъ щедро награжденъ: онъ получилъ, въ подарокъ отъ Государя, саблю съ золотымъ ефесомъ и ножами въ серебряной оправѣ, лисью шубу и шапку черкесскаго образца съ золотымъ галуномъ и собольею опушкою (¹).

Можно было ожидать, что Алкасъ своимъ вліяніемъ въ горахъ побудитъ и другихъ закубанскихъ владѣльцевъ признать надъ собою власть русскаго Государя и перейти въ наши предѣлы, но ни Алкасъ не перешелъ, ни другіе мирные владѣльцы особенной пользы для кубанской границы не сдѣлали. Только одна причина могла побуждать ихъ вступать по временамъ въ дружественныя сношенія съ нашимъ начальствомъ, именно, чтобы уклоняться отъ наказанія за разбои.

Съ такими-то сосѣдями провожали черноморцы жизнь свою на кубанской границѣ, несли тяжелую кордонную службу и стойкой грудью обороняли пограничную линію.

Въ награду за столь доблестную службу казаковъ Императоръ Александръ пожаловалъ Черноморскому войску, 31-го мая 1803 года, *грамоту*, съ милостивымъ словомъ, и *шесть знаменъ* для черноморскихъ полковъ (²).

3-го января 1804 года, при торжественномъ богослуженіи и при освященіи знаменъ, войсковой протоіерей Кирилъ Россинскій произнесъ въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ рѣчь, глубоко тронувшую слушателей (³).

(¹) Эти подарки Алкасу присланы войсковому атаману при предписаніи генерала Беклешова, № 556 (Изъ дѣлъ войск. архива).

(²) Прилож. XIII.

(³) Прилож. XIV и XV.

Зима 1804 года прошла покойно. Одно только шапсугское племя было раздражено противъ черноморцевъ; но враждебные замыслы его предупреждались пріятелемъ нашимъ Калеобатъ-Оглы и мѣрами осторожности на кордонной линіи. Шапсуги успѣли однако, ночью 27-го марта, въ дистанціи Копыльскаго поста захватить въ плѣнъ пятерыхъ разъѣздныхъ казаковъ. Но съ наступленіемъ глубокой осени, они выдумали попытать бѣльшаго счастья.

16-го сентября, собравшись до 2,000 человекъ, шапсуги бросились на нашу сторону въ дистанціи Елинекаго поста. Переправившись въ половинномъ числѣ чрезъ Кубань, они направились къ Тимошовской станицѣ. Бывшій въ то время на кордонной линіи войсковой атаманъ стянулъ къ мѣсту переправы горцевъ до 300 казаковъ, вступилъ въ бой, три раза опрокидывалъ горцевъ, но, подавляемый превосходными силами, долженъ былъ отойти. Между тѣмъ, прибылъ изъ Екатеринодара взводъ артилеріи и рѣшилъ дѣло въ нашу пользу. Загудѣли ядра и картечи, повалились тѣла шапсуговъ, обагрились берега Кубани вражеской кровью. Разбитыя на голову полчища убралась на свою сторону. По показаніямъ лазутчиковъ, горцы потеряли до ста человекъ убитыми; раненыхъ же гораздо болѣе. У насъ былъ раненъ оберъ-офицеръ, убиты 4 и ранены 10 казаковъ.

Чтобы остановить безпрестанныя покушенія горцевъ на нашу границу, послѣдовало Высочайшее повелѣніе строго наказывать хищниковъ, о чемъ инспекторъ крымской инспекціи, генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ, сообщая, 11-го сентября 1804 года, атаману Черноморскаго войска, предписалъ приготовиться къ походу за Кубань. Для одновременнаго же дѣйствія за Кубанью сообщено было инспектору кавказской инспекціи, генералу Глазенапу, которому, по предмету сему, 1-го сентября того года, данъ особо Высочайшій рескриптъ.

Розенбергъ полагалъ, что «репресаль» шапсугамъ послужить урокомъ и другимъ горскимъ племенамъ: всѣ же мирные закубанскіе владѣльцы должны были, для доказанія своей преданности Россіи, соединиться за Кубанью съ отрядомъ Бурсака и дѣйствовать съ нами заодно. Они изъявили согласіе; но когда войска собрались и Бурсакъ объявилъ имъ изготавиться къ походу, мирные закубанскіе владѣльцы отозвались, что русскіе должны сначала сами наказывать шапсуговъ, а потомъ уже они, владѣльцы, будутъ разорять ихъ, шапсуговъ, землю.

Дѣлать было нечего: нужно было щадить коварныхъ пріятелей,

вслѣдствіе полученнаго Розенбергомъ Высочайшаго повелѣнія—«сохранять дружбу съ закубанцами, въ добромъ сосѣдствѣ пребывающими».

Для уясненія отношеній мирныхъ горцевъ къ черноморцамъ атаманъ Бурсакъ писалъ, 11-го ноября, закубанскимъ владѣльцамъ, Шулако Харзенъ и Куюзунъ, напоминая имъ договоры и присягу, какъ ихъ самихъ, такъ и прочихъ владѣльцевъ быть мирными сосѣдами Черноморіи. Кромѣ того, Бурсакъ требовалъ захваченныхъ на нашей сторонѣ русскихъ плѣнныхъ и заграбленнаго имущества казаковъ. На это письмо не было получено отвѣта.

Войсковой атаманъ сдвинулъ къ Кубани восемь конныхъ и пять пѣшихъ черноморскихъ полковъ, баталіонъ 12-го Егерскаго полка и шесть орудій войсковой артилеріи, и 30-го ноября и 1-го декабря переправился за Кубань. Онъ направился тремя колоннами по рѣчкамъ Шебже и Афипису, въ землю шапсугскаго племени. На разсвѣтъ 4-го числа, Бурсакъ раздѣлилъ свой отрядъ на четыре части и со всѣхъ сторонъ вломился въ шапсугскія владѣнія. Шапсуги начали разсѣваться по лѣсамъ и подаваться въ горы; но, встрѣчая вездѣ казаковъ, стали сбиваться въ партіи сотъ по пяти человекъ. Выходя изъ лѣса, они хотя и открывали жестокий ружейный огонь, но не выдерживали натисковъ нашей кавалеріи и спасались бѣгствомъ въ свои лѣса; однако, и тамъ наша пѣхота не давала имъ покоя.

Потерявъ до 150 человекъ убитыми и много ранеными, шапсуги начали смыкать свои партіи до 1,000 человекъ; съ отчаяніемъ бросались на наши колонны, но поражаемые артилерійскимъ и непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ, обращались въ бѣгство.

Съ разсвѣта до пяти часовъ пополудни длился бой на всѣхъ пунктахъ. Горцы, какъ и всегда, дрались ожесточенно; но потерявъ много убитыми (до 250 человекъ, какъ говорили лазутчики), а еще болѣе ранеными, разсѣялись по горнымъ трощамъ. Казаки, преслѣдуя бѣжавшихъ, довершили ихъ пораженіе.

Бурсакъ разорилъ попутные аулы со всякаго рода запасами и имуществомъ, забралъ рогатаго скота 1,300 головъ и до 6,000 овецъ; затѣмъ стянулъ весь свой отрядъ и сталъ на ночь при р. Шебжѣ.

5-го декабря отрядъ простоялъ на мѣстѣ. Въ этотъ день Бурсакъ посылалъ часть войска осматривать мѣстность на р. Обунъ, гдѣ шапсуги еще не были наказаны. Прибылъ въ горныхъ рѣчкахъ воды не позволила отряду двигаться далѣе, и потому атаманъ, забравъ добычу, пошелъ обратно къ Кубани, чтобы выждать удобнаго времени вновь двинуться въ землю непріятелей.

12-го декабря, сильный морозъ сковалъ горныя рѣчки. Бурсакъ,

воспользовавшись этимъ случаемъ, двинулся съ своимъ отрядомъ къ шапсугамъ за р. Обунъ. Вечеромъ этого дня отрядъ дошелъ до р. Кочубасъ, и, не смотря на усталость, тотчасъ же началъ переправу. По причинѣ стужи, съ большимъ снѣгомъ, и весьма крутыхъ береговъ рѣчки, войска едва къ разсвѣту перешли Кочубасъ; къ счастію ихъ, лѣса и камыши, окружавшіе мѣсто переправы, позволили отряду укрыться отъ наблюденій непріятеля, и отдохнуть здѣсь цѣлый день. Наутро поднявшаяся вьюга и снѣгъ выпавшій на поларшина, хотя и затрудняли движеніе отряда, и проводники сбивались съ дороги, однако, войска шли безостановочно впередъ. Въ восемь часовъ утра открыты были первыя селенія шапсуговъ. Черкесы начали поспѣшно уходить въ лѣса, а собиравшіяся партіи открыли ружейный огонь. Наши войска сбили горцевъ и заставили ихъ удалиться въ лѣсъ. Преслѣдуемые кавалеріей, шапсуги въ этотъ день потеряли убитыми до 50 человекъ, много ранеными и четырехъ плѣнныхъ.

Бурсакъ разорилъ затѣмъ шапсугскія жилища, выжегъ запасы хлѣба и сѣна, и захватилъ до 500 головъ рогатаго скота и до 2,000 овецъ.

Между тѣмъ, шапсуги собрали въ скрытномъ мѣстѣ партію въ тысячу человекъ и бросились, съ дикимъ гикомъ, на нашъ авангардъ.

Не давая разыгратъ отчаянному нападенію горцевъ, Бурсакъ пустилъ въ ходъ кавалерію, которая быстрымъ натискомъ сбита непріятеля съ позиціи и обратила въ бѣгство. Казаки, во время преслѣдованія, положили на мѣстѣ до 100 черкесовъ, но черкесы, разсыпавшись по высотамъ съ обѣихъ сторонъ отряда, неустанно нападали на нашу пѣхоту, находившуюся въ арьергардѣ, и только выставленные въ цѣнь стрѣлки принудили враговъ скрыться въ горы.

Бой этого дня длился до четырехъ часовъ вечера. Непріятель понесъ чувствительныя потери и болѣе не тревожилъ наши войска.

Искрестивъ, во всѣхъ направленіяхъ, страну враговъ Черноморіи, Бурсакъ приказалъ отряду готовиться къ обратному походу. Пѣхота заняла высоты; конница открывала дорогу; въ арьергардѣ оставался одинъ пѣший полкъ, съ частью кавалеріи. Въ такомъ порядкѣ отрядъ двинулся къ Кубани. Непріятель, болѣе десяти верстъ забѣгая впередъ, старался вредить нашимъ войскамъ, но, открываемый стрѣлками и летучими отрядами, всякій разъ обращался въ бѣгство.

15-го декабря отрядъ переправился на правый берегъ Кубани.

Въ обѣ экспедиціи съ нашей стороны убито: оберъ-офицеръ 1, казакъ 57; ранено: оберъ-офицеръ 1, милиціонеровъ изъ черкесовъ 2 и казакъ 40 человекъ.

Взятые у горцевъ рогатый скотъ и овцы были раздѣлены между участвовавшими войсками; награждены казаки, лишившіеся въ походѣ строевыхъ лошадей, и тѣ семейства, которыя лишились своихъ членовъ, павшихъ отъ рукъ горцевъ. Остальной скотъ отданъ на госпиталь, лазаретъ и продовольствіе арестантовъ.

Во всемъ двукратномъ походѣ въ землю шапсуговъ много помогъ, знаніемъ мѣстности и опытностію въ горной войнѣ, подполковникъ султанъ Али-Шерету-Оглы и бывшіе съ нимъ дворяне (').

Непріязненные покушенія горцевъ на предѣлы Черноморіи, вслѣдствіе этого разгрома и усиленія въ опасныхъ мѣстахъ кордонной линіи, были на время прекращены.

За храбрость и распорядительность атаманъ Бурсакъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, алмазами украшеннымъ; прочіе храбрые его сподвижники также были достойно награждены.

Зимой, 1805 года, черкесы пробовали прорвать черноморскую кордонную линію, но встрѣчали вездѣ мужественный отпоръ казаковъ.

Даже злѣйшіе враги наши, шапсуги, и тѣ искали мирныхъ соглашеній съ черноморцами, при посредствѣ анапскаго паша.

Въ началѣ 1806 года, генералъ-лейтенантъ Дюкъ де-Ришелье, посѣтивъ Черноморію, осматривалъ всю кордонную линію по кубанской границѣ. Найдя все въ должной исправности, онъ донесъ Государю объ особенной дѣятельности и усердіи войскового атамана Бурсака къ пользамъ края.

21-го мая 1806 года, состоялся слѣдующій рескриптъ на имя Бурсака:

«Господинъ полковникъ, войска Черноморскаго атамана. Получа донесеніе генералъ-лейтенанта Дюкъ де-Ришелье о той исправности Черноморскаго войска и благоустройственномъ повсюду въ ономъ порядкѣ, который видѣлъ онъ, при осмотрѣ его, Я не только отдаю совершенную справедливость вашему о томъ попеченію, но особливѣе Себѣ удовольствіемъ ставлю симъ изъяснить вамъ за оное Всемилоостивѣйшее Мое благоволеніе. Пребывая благосклоннымъ Александръ».

Въ октябрѣ того же года, распространились слухи, будто абадзехи собираются, въ большомъ числѣ, подъ предводительствомъ натухайскихъ владѣльцевъ Смаила Калабата и Мурадина, которые подговорили жившихъ по ту сторону Анапы черкесовъ *Хачена*, и на пятнад-

(') Донес. атам. Бурсака генералу Розенбергу 15-го декабря 1804 г. № 2271 (Изъ дѣлъ войск. архива.).

пяти или болѣе мореходныхъ лодкахъ, въ числѣ 2,000 человекъ, замышляютъ вторгнуться конными и пѣшими къ Темрюку, Копылу и далѣе, а на лодкахъ подойти къ селенію при Бугазѣ и на самый Бугазъ.

По поводу такихъ извѣстій возникла переписка съ высшимъ начальствомъ. Положено было; съ Высочайшаго соизволенія, если черкесы сдѣлаютъ враждебное покушеніе, войскомъ черноморскимъ и бывшими въ Черноморіи регулярными частями, сдѣлать имъ за Кубанью «репресаль»; а для большей предосторожности, кордонная линія подкрѣплена резервами изъ льготныхъ частей. Были ли это слухи ложные, или черкесы отчаялись въ своемъ успѣхѣ, но никакихъ враждебныхъ дѣйствій на предѣлы Черноморіи не случилось.

По выступленіи части войскъ изъ Крыма противу французовъ, генералъ-лейтенантъ Дюкъ де-Ришелье, 13-го декабря, предписалъ атаману Бурсаку отрядить въ Карасубазаръ одинъ конный Черноморскій казачій полкъ, для разъѣздовъ по берегамъ Чернаго моря. Въ январѣ 1807 года командированъ былъ 7-й конный полкъ, подъ командою войскового полковника Ляха. Переправившись изъ Тамани въ Керчь, 21—31-го января, Ляхъ прибылъ въ Карасубазаръ 6-го февраля и занялъ тамъ караулы; въ мартѣ онъ перешелъ въ крѣпость Судакъ, а въ іюнѣ прибылъ въ Старый Крымъ. Въ ноябрѣ полкъ возвратился въ Черноморію.

Въ томъ же году, повелѣно было: командировать одинъ пѣшій полкъ черноморскихъ казаковъ въ Крымъ, въ команду адмирала де-Траверсе, — выбравъ для этого людей, способныхъ къ мореходству и дѣйствию на судахъ пушками.

Атаманъ Бурсакъ, получивъ предписаніе министра военно-сухопутныхъ силъ, отъ 2-го февраля 1807 года, сформировалъ экстренно 9-й пѣшій полкъ, подъ командою подполковника Паливоды. Полкъ этотъ, переправившись чрезъ Керченскій проливъ въ Еникаль, двинулся, по приказанію адмирала де-Траверсе, 10-го марта, форсированнымъ маршемъ въ Херсонъ. Отсюда Паливода отправился съ полкомъ, на судахъ, моремъ къ Дунаю для службы на 23 канонирскихъ и трехъ разъѣздныхъ барказахъ, подъ наименованіемъ 3-го морского полка (¹).

Во время военныхъ дѣйствій съ турками, подполковнику Паливодѣ поручено было подойти къ береговымъ турецкимъ батареямъ и

(¹) Свѣдѣніе изъ дѣлъ войскового архива.

уничтожить ихъ внезапнымъ нападеніемъ. Неустрашимый Паливода, выбравъ, на 12-е мая, бурную ночь, пустился подъ разыгравшуюся съ вечера погоду по Дунаю, къ турецкимъ берегамъ; но буря разстроила барказы казаковъ; самъ Паливода былъ отнесенъ теченіемъ подъ турецкія батареи. На разсвѣтѣ, турки, увидя казачій барказъ, бросились къ нему. Не смотря на отчаянное сопротивленіе черноморцевъ, борьба оказалась слишкомъ неравною: Паливода и съ нимъ многіе казаки были убиты, другіе ранены, а уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ (¹).

На мѣсто Паливоды, по требованію Дюка де-Ришелье, былъ отправленъ войсковой старшина Матвѣевъ.

9-й пѣшій полкъ, участвовавшій во многихъ дѣлахъ подъ стѣнами турецкихъ крѣпостей и на водахъ Дуная, постоянно отличался храбростію и отвагой. Достойный предводитель черноморцевъ, Матвѣевъ, былъ награжденъ за свои подвиги: чиномъ подполковника и орденами св. Георгія 4-го, св. Анны 2-го и св. Владиміра 4-го классовъ. По заключеніи съ турками мира и по сдачѣ полка сыну атамана, войсковому полковнику Бурсаку, онъ возвратился въ войско въ 1812 г.

Бурсакъ, принявъ отъ Матвѣева 9-й пѣшій полкъ, поступилъ съ нимъ въ дунайскую армію адмирала Чичагова. По соединеніи этой арміи съ арміей Тормасова, онъ былъ откомандированъ генераломъ Лидерсомъ, въ числѣ прочихъ войскъ изъ Молдавіи, для прикрытія транспортовъ, двигавшихся изъ Волыни, Подоліи и Украйны; но Кутузовъ, узнавъ о понесенныхъ полкомъ большихъ потеряхъ, въ 1813 году, возвратилъ его въ войско (²).

Во время турецкой войны, Усть-Дунайскаго-Буджакскаго войска хорунжій Иванъ Губа находился подъ г. Измаиломъ; желая оказать свое усердіе Россіи, онъ явился къ генералу Михельсону съ бывшими при немъ казаками и съ четырьмя собственными судами. За отличную службу въ русской арміи, за мужество и храбрость, онъ, по ходатайству барона Мейендорфа, былъ награжденъ чиномъ полкового хорунжаго, а въ концѣ 1808 года, по повелѣнію Дюка де-Ришелье, Губа,

(¹) Случай безстрашнаго подвига Паливоды и его смерти, частью взятъ мною изъ бумагъ войскового архива, частью изъ неизданнаго обзорѣнія актовъ о Черноморскомъ войскѣ, составленнаго Я. Г. Кухаренко. Но ни въ томъ, ни въ другомъ источникѣ не сказано, въ какомъ именно мѣстѣ Паливода былъ убитъ. Читая исторію тогдашней Турецкой войны, можно предположить, что Паливода погибъ или подъ Тульчей, впереди которой были турецкія батареи, или подъ турецкими батареями на островѣ Четалъ.

(²) Изъ дѣлъ войск. архива.—Примѣч. къ XXXI гл. истор. Богдановича «Война съ Франціей 1812 г.» т. II.

съ буджакскими старшинами и казаками, въ числѣ 400 человекъ, прибыли въ Черноморское войско, принявъ присягу на вѣрность службы и включенъ, со всѣми выходцами, въ число казаковъ.

Кромѣ Губы, въ 1807 году, по распоряженію Ришелье доставлено въ Черноморію еще до 50 турецкихъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Кишин. Они также были зачислены въ Черноморское войско.

Въ продолженіе блокады Браилова и по покореніи сей крѣпости, нѣкоторые изъ находившихся тамъ турецкихъ запорожцевъ, не желая, по капитуляціи, заключенной о сдачѣ Браилова, послѣдовать за турками, явились къ нашимъ военачальникамъ добровольно, съ просьбой принять ихъ, какъ и другихъ, въ Черноморское войско. Михельсонъ принялъ ихъ, и, кромѣ того, вызывалъ и остальныхъ турецкихъ запорожцевъ въ подданство Россіи. Онъ даже ходатайствовалъ о возобновленіи на Дунаѣ Запорожской Сѣчи, но ходатайство его, конечно, не могло быть уважено. Вообще, въ продолженіе этой войны, много переходило къ намъ турецко-подданныхъ запорожцевъ, заблудшихся сыновъ Днѣпра (¹).

Недовольные запорожцы, уходя нѣкогда изъ Россіи, пѣли:

Пришли до Турса,
Та й вклонились низько:
«О й дай же намъ землю
Та й коло грانیці близько».

«Якъ будете, хлопці,
Міні вірно служити,
То дамъ я вамъ землю
Та по прежнему жити.

«Дарую вамъ землю,
Ще й обидва лиманы,
Ловите, хлопці, рибу,
Та справляйте жупани!»

Опытъ многихъ лѣтъ доказалъ, что жизнь въ Турціи полюбилась не всѣмъ. Мы видѣли уже, что во время турецкой войны 1787 — 1791 года, турецкіе запорожцы переходили къ намъ цѣлыми партіями; и теперь, не смотря на прожитыя внѣ отечества десятки лѣтъ, родина вновь тянула днѣпровскихъ сыновъ съ береговъ Дуная, и только самые упорные остались подъ властію султана. Но и эти за-

(¹) Изъ дѣлъ Кубанск. войск. архива.—Описаніе турецкой войны Михайловскаго-Данилевскаго.

черствѣлыя сердца, увидя въ турецкую войну 1828 года русскія войска, востосковались по родинѣ. Невѣрные запорожцы тогда уже не десятками—какъ въ первую, и не сотнями—какъ во вторую войну, а цѣлымъ «войскомъ», съ своимъ атаманомъ Гладкимъ, перешли въ родную землю, святую Русь! Часть запорожцевъ осталась, правда, въ Турціи; но придетъ время, когда и послѣдніе скитальцы въ чужой странѣ воротятся туда, гдѣ протекла ихъ славная историческая жизнь. Не далѣе какъ года два—три назадъ, я встрѣтилъ турецкаго запорожца, который, оставивъ въ Турціи своихъ дѣтей, отправился вмѣстѣ съ женою, въ Россію, на богомолье въ Кіевъ, и уже не воротился въ предѣлы Отоманской Имперіи. А онъ говорилъ, что тамъ было жить хорошо.... Но, видно, отечество дороже всѣхъ чужеземныхъ благъ.

Обратимся теперь къ военнымъ дѣйствіямъ на кубанской границѣ.

Отоманская Порта, начиная войну, въ виду развлеченія нашихъ военныхъ силъ, посредствомъ агентовъ изъ Анапы, взбунтовала за-кубанскія горскія племена. Они стали открыто нападать на кордонную линію, грабили казачьи хутора и селенія, жгли запасы сѣна, и хотя несли чувствительный уронъ, но набѣговъ своихъ не прекращали. 20-го марта, горцы, пользуясь слабыми силами въ четвертой части кордонной линіи, разграбили Курчанскіе хутора, многихъ жителей побили, а другихъ взяли въ плѣнъ; 22-го числа, приблизившись, ночью, на лодкахъ къ Кизилъташскому лиману, напали на Стеблѣевское селеніе, откуда увели до двадцати жителей; 24-го марта, прокравшись черезъ Кубань, зажгли и разграбили Титаровское селеніе (¹).

Даже считавшіеся преданными намъ черкескіе владѣльцы сдѣлались нашими врагами, и только весьма немногіе изъ нихъ остались спокойными; но и ихъ дружба была крайне сомнительна.

Такое положеніе дѣлъ на границѣ заставило атамана Бурсака выдвинуть на кордонную линію изъ внутри Черноморіи всѣ льготныя строевыя части казаковъ; старикамъ же и малолѣткамъ приказалъ оберегать селенія при Кубани, что было весьма тягостно для Черноморіи, и безъ того имѣвшей мало свободныхъ и способныхъ рукъ для поддержанія своего благосостоянія.

Поставивъ на границѣ крѣпкую преграду покушеніямъ горцевъ,

(¹) Государь Императоръ, соболѣзнуя о разореніи черкесами черноморцевъ, Высочайше повелѣлъ: пожертвованныя черноморцами, въ 1807 году, на внутреннюю милицію 11,000 руб., обратить на вспоможеніе жителей, наиболѣе пострадавшихъ отъ закубанскихъ горцевъ. Таковыми были признаны жители разоренныхъ селеній Стеблѣевскаго и Титаровскаго.

Бурсакъ хотѣлъ доказать имъ, что черноморцы, не смотря на разглашенія турокъ о слабости казачьихъ силъ на кордонной линіи, по прежнему найдутъ дорогу въ неприступныя жилища черкесовъ. Съ этой цѣлю Бурсакъ вошелъ въ сношеніе съ адмираломъ маркизомъ де-Траверсе, убѣждая его въ необходимости двинуться съ отрядомъ въ горы; де-Траверсе приказалъ сдѣлать за-кубанцамъ «репресаль». Начальникомъ отряда былъ назначенъ генераль-маіоръ Гангебловъ; изъ Керчи и Ениколя собрались въ Тамани десять ротъ 12-го Егерскаго полка и два гарнизонные баталіона, съ шестью орудіями легкой артилеріи. Къ этимъ частямъ предполагалось присоединить такое число черноморскихъ казаковъ, какое, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, будетъ возможно собрать, не ослабляя кордонной линіи. Для крейсерованія же у береговъ Анапы, чтобы воспрепятствовать туркамъ давать помощь черкесамъ, назначенъ былъ фрегатъ «Златоустъ».

Нѣкоторые изъ этихъ распоряженій Бурсакъ считалъ несоотвѣтствующими положенію дѣла на кубанской границѣ. Назначеніе въ отрядъ регулярныхъ войскъ, съ начальникомъ тоже изъ регулярныхъ генераловъ, могло внушить горцамъ мысль о слабости Черноморскаго войска и подвинуть ихъ еще на большія дерзости. Вотъ почему Бурсакъ, отклонивъ помощь регулярныхъ войскъ, испросилъ у маркиза де-Траверсе позволеніе предпринять экспедицію за Кубань съ однимъ войскомъ Черноморскимъ.

Едва черкесы увидѣли, что черноморскій войсковой атаманъ сдвигаетъ силы Черноморіи на Кубань, какъ убѣдились въ ложности увѣреній турокъ о безсиліи казаковъ. Мятежные владѣльцы за-кубанскаго края явились, 15-го апрѣля, съ повинной головой, къ Бурсаку въ Александровскій постъ. Бурсакъ приказалъ имъ явиться въ Екатеринодаръ. Переговоры окончились тѣмъ, что нѣкоторые за-кубанскіе владѣльцы дали присягу къ покорности русскому правительству, и порукой за спокойствіе кубанской границы оставили у насъ заложниками князей Алкаса и Ахмета. Но это далеко не было выраженіемъ мирнаго расположенія *всего* горскаго населенія, и въ особенности свирѣпыхъ шапсуговъ, не имѣвшихъ у себя народныхъ представителей. Да и тѣ немногіе владѣльцы, которые условливались о сохраненіи мира, дѣйствовали такъ единственно отъ страха вторженія русскихъ войскъ въ за-Кубанскій край.

При предначертанномъ походѣ за Кубань, положено было не разорять владѣній присягнувшихъ Россіи горскихъ князей. Генераль-маіоръ Гангебловъ, оставляя черноморцевъ дѣйствовать отдѣльно, 2-го мая переправился съ отрядомъ регулярныхъ войскъ за Кубань. Бур-

сакъ, собравъ, у Староредутскаго поста, шесть конныхъ и четыре пѣшихъ полка, при восьми орудіяхъ, 4-го мая двинулся туда же на встрѣчу Гангеблову. Пройдя по топкимъ болотистымъ мѣстамъ въ землю шапсуговъ, онъ нашелъ аулы ихъ пустыми; далъ насупротивъ Копыла утомленнымъ войскамъ своимъ отдыхъ, и на другой день соединился съ отрядомъ Гангеблова противу Курокъ. Здѣсь оба начальника, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшились дѣйствовать одновременно обоими отрядами, надъ которыми главное начальство принялъ, по старшинству чина, Гангебловъ.

Неизвѣстно, что побудило Бурсака, настаивавшаго дѣйствовать отдѣльно, соединиться съ регулярными войсками. Не вслѣдствіе ли воли высшаго начальства, отказался атаманъ отъ прежняго плана?

Утромъ, 7-го мая, Гангебловъ, поставивъ свои войска на правомъ, а казачьи на лѣвомъ флангахъ, выступилъ по направленію къ Анапѣ, а на другой день приказалъ идти обратно къ Екатеринодару. Въ этотъ день войска тронулись двумя колоннами: впереди Гангебловъ, за нимъ въ пяти верстахъ Бурсакъ. Дошедши до р. Псебетъ, войска первой колонны переправились на правую сторону; полкъ Кухаренки, бывшій въ первой колоннѣ, по приказанію Гангеблова, завязалъ на лѣвой сторонѣ перестрѣлку съ горцами у аула между горъ, въ тѣсной и лѣсной мѣстности. Соображая крайнее неудобство имѣть въ такомъ мѣстѣ конному полку дѣло съ горцами, Бурсакъ откомандировалъ въ помощь Кухаренкѣ особый отрядъ казаковъ, приказавъ имъ ударить въ тылъ непріятелю, а самъ поскакалъ на мѣсто боя, принимавшаго серьезный характеръ. Черкесы, пользуясь пересѣченной мѣстностью, дрались съ Кухаренко ожесточенно; но увидя у себя въ тылу казаковъ, а съ другой стороны приближавшихся егерей, обратились въ бѣгство и скрылись за высокой горой, — потерявъ убитыми и ранеными до семидесяти человекъ. Съ нашей стороны были ранены войсковой полковникъ Кухаренко саблею въ лицо, а сотникъ Варапай въ голову и бокъ; пять казаковъ убито, восемь ранено.

Гангебловъ, тронувшись послѣ этого дѣла отъ р. Псебетъ, приказалъ Бурсаку слѣдовать позади первой колонны. Весь отрядъ ночевалъ на р. Псифѣ. 9-го числа колонна Бурсака выступила впередъ; за ней послѣдовалъ Гангебловъ. Достигнувъ рр. Кудакъ, Агилтъхъ и Гайтухъ, войска приблизились къ ауламъ, и хотя были встрѣчены горцами, но скоро разсѣяли ихъ, прогнали въ лѣса, сожгли и разорили аулы. Въ этотъ же день высланные изъ колоннъ казаки и егеря выжгли аулы на рр. Гичитинъ и Зимесъ. Расположившіеся по

горамъ черкесы неоднократно нападали на нашъ отрядъ, но всегда были отражаемы съ большимъ урономъ. При р. Корванди отрядъ сталъ на ночлегъ.

На другой день, по утру, черкесы показались на противоположной сторонѣ рѣчки, въ большой массѣ и, гарцуя на быстрыхъ своихъ коняхъ, въ щегольскомъ оружїи, вызывали охотниковъ помѣряться съ ними. Видя многочисленность горцевъ, Гангебловъ не рѣшался вступить съ ними въ бой, но намѣревался идти прямо къ Ольгинскому посту, для переправы на нашу сторону. Напротивъ того, войсковой атаманъ, зная, что горцы, оставленные безъ наказанія, непременно ринутся вслѣдъ за нашими войсками безпокоить аріергардъ, уговорилъ Гангеблова смѣло ударить на непріятеля. Немедленно посланы къ черкескимъ селеніямъ за рѣчкой три пѣшіе, два конные Черноморскіе полка и егерскія роты. Черкесы одной толпой встрѣтили этотъ отрядъ, а другой ударили на колонны. Завязалось жаркое дѣло. Опрокинутые и на-голову разбитые, горцы потеряли до 70 убитыми и до 80 ранеными; аулы ихъ были истреблены. У насъ былъ убитъ сотенный есаулъ и девять казаковъ, да ранено 23 казака. Бурсакъ желалъ продолжать наступленіе, но Гангебловъ не согласился. Обѣ колонны тронулись къ Ольгинску, и 10-го мая были уже на правой сторонѣ Кубани.

За эту экспедицію многіе офицеры получили чины и ордена, а горскимъ князьямъ, бывшимъ при отрядѣ милиціонерами, пожалованы золотыя и серебряныя медали, съ надписью «за усердіе». Особенно же отличившемуся князю Асланъ-Гирею, была дана золотая медаль, съ надписью «за храбрость».

Вскорѣ послѣ экспедиціи, преданные намъ горскіе владѣльцы, князья Бейзрукъ, Ахметукъ, Ханукъ и Алкасъ, жившіе между Усть-Лабою и Екатеринодаромъ, сообщили войсковому атаману, что бывший анапскій паша, живя въ горахъ, волнуешь умы горцевъ шапсугскаго, натухайскаго и абадзехскаго племенъ, и приглашаетъ ихъ всѣми силами содѣйствовать ему въ нападеніяхъ на земли войска Черноморскаго. Паша собралъ уже до 15,000 черкесовъ, и посылалъ своихъ агентовъ къ мирнымъ князьямъ съ приглашеніемъ присоединиться къ нему, угрожая, въ противномъ случаѣ, разореніемъ ихъ владѣній. Князья просили себѣ вооруженной помощи черноморцевъ. По ходатайству атамана Бурсака на это послѣдовало разрѣшеніе, и подполковникъ Еремѣевъ, съ частью казаковъ и съ тремя орудіями, былъ посланъ на помощь мирнымъ князьямъ.

Въ началѣ октября, Еремѣевъ, собравъ отрядъ въ 1,150 человекъ, переправился за Кубань 12-го числа. Прибывъ въ селеніе Бейзрука, отстоявшее отъ границы верстахъ въ десяти, онъ расположился лагеремъ. Бейзрукъ и Ахметукъ собрали къ 15-му октября до 10,000 мирныхъ черкесовъ; 16-го, предполагено было напасть на непріязненныхъ горцевъ; но во время сборовъ прибыли въ станъ Еремѣева, жившіе за р. Бѣлой, ногайцы, съ изъявленіемъ покорности русскому правительству, и въ удостовѣреніе своей преданности ногайскій владѣлецъ Батерша привелъ до 1,000 ногайцевъ для совместныхъ дѣйствій. 17-го, получено было извѣстіе, что аулы враждебныхъ абадзеховъ оставлены жителями, вслѣдствіе чего рѣшено направиться къ владѣнію бывшего прежде въ мирѣ съ нами Батьмурзы. 19-го, войска выстроились такъ: черкеская конница стала въ центрѣ, пѣхота ихъ расположилась по флангамъ, а черноморцы стали за ними, во вторую линію. Конницей азіатской командовалъ князь Асланъ-Гирей, пѣхотой Бейзрукъ и Ахметукъ; начальникомъ же черноморцевъ и всего отряда былъ подполковникъ Еремѣевъ. Въ такомъ порядкѣ отрядъ въ тотъ же день двинулся за р. Бѣлую. Авангардъ завязалъ перестрѣлку съ абадзехами, стоявшими на передовыхъ пикетахъ, но скоро бейзруковцами были прогнаны въ лѣсъ, чрезъ который предстояло идти отряду. Едва черноморскіе полки вышли изъ лѣсной чащи на поляну, какъ увидѣли, что абадзехи, выступивъ въ большихъ силахъ изъ опушки лѣса, стремительно напали на Бейзрукову партію. Войсковой полковникъ Порывай, взявъ, по приказанію Еремѣева, одно орудіе и 100 человекъ конныхъ казаковъ, понесся вихремъ на помощь бейзруковцамъ, ударилъ на непріятелей и, съ помощію Бейзрука и удачныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, удержалъ натискъ абадзеховъ. И самъ Еремѣевъ подоспѣлъ на мѣсто боя, но непріятельскія толпы, уstraшенные дѣйствіемъ артилерійскаго огня, уже отступили. Наши азіатцы преслѣдовали ихъ верстъ пять, къ ближнимъ лѣсамъ, саблями. Бейзрукъ былъ, въ это время, въ колоннѣ Еремѣева; во весь опоръ понесся онъ къ своимъ горцамъ, чтобы лично натишиться местию надъ пораженными врагами, увлекся въ лѣсъ за бѣжавшими абадзехами, но тутъ встрѣтили его густыя толпы и градъ пуль посыпался на отважныхъ преслѣдователей. Первымъ палъ самъ князь Бейзрукъ, пораженный пулей въ лобъ; многіе изъ его сподвижниковъ тоже заплатили жизнью за свою отвагу. Убитого вынесли на буркѣ изъ лѣса, подъ тучей пуль.

Смертью Бейзрука разстроился планъ похода. Упавшіе духомъ

Бейзруковцы, потерявъ вѣру въ успѣхъ предпріятія, начали расходиться. Тогда Еремѣевъ отступилъ къ р. Бѣлой, и верстахъ въ семи, ниже переправы, расположился на ночлегъ. Непріятель болѣе не показывался.

На другой день, Еремѣевъ, съ колонною черноморцевъ, переправясь обратно черезъ Бѣлую, 21-го числа, прибылъ къ аулу ахметуковъ, верстахъ въ трехъ отъ Кубани, но, простоявъ тутъ нѣскольکو дней и не видя впереди дѣла съ горцами, 27-го октября переправился въ Черноморію, около Редутскаго поста.

Знатнѣйшіе князья и дворяне пріѣзжали въ Екатеринодаръ благодарить атамана Бурсака за поддержку, обѣщаясь и впредь быть вѣрными Россіи, въ чемъ тутъ же дали клятву на коранѣ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, непріятель потерялъ десять знатныхъ дворянъ и до 150 черкесовъ убитыми и до 200 ранеными, большею частью отъ нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ. У насъ, кромѣ Бейзрука, были убиты два горскихъ дворянина, десять простыхъ черкесовъ и нѣсколько человѣкъ ранены. Особенно отличавшіеся въ этомъ походѣ войсковой полковникъ Камянченко и полковой есаулъ Тиховскій были награждены: первый бриліантовымъ перстнемъ, послѣдній золотыми часами.

Заключенное съ Турціей перемиріе прекратило на время военныя дѣйствія за Кубанью. Анапскій паша, Сеитъ-Ахметъ, письмомъ, отъ 18-го декабря 1807 года, просилъ таврическаго губернатора, чтобы черноморцы не ходили за Кубань, обѣщаясь удерживать и горцевъ отъ набѣговъ.

И, однакожь, во весь 1808 годъ горцы не могли удержаться отъ воровства на нашей сторонѣ и мелкихъ нападеній на разъѣзды и пикеты по кордонной линіи.

Въ этомъ году генералъ Дюкъ де-Ришелье осматривалъ Черноморскую кордонную линію. Не найдя никакой искусственной защиты казачьихъ постовъ, кромѣ простой огорожи, Ришелье приказалъ всѣ кордоны (посты) окопать рвомъ, устроить бастіоны и обратить ихъ въ нѣкотораго рода укрѣпленія. Кромѣ того, Ришелье обратилъ особенное вниманіе на заготовленія пособій ожидавшимся изъ Малороссіи переселенцамъ, которыми было назначено подкрѣпить Черноморское казачье войско.

V.

(1809—1820).

Потеря Новогригорьевскаго поста.—Наказаніе горцевъ.—Прокламація маркиза де-Траверсе.—Разбитіе Кривошеи.—Бой Тиховскаго съ горцами.—Походы атамана Бурсака за Кубань.—Прекращеніе военныхъ дѣйствій.—Вражда между горцами.—Время французской войны и мира съ Турціей.—Дѣйствія анапскаго паши за Кубанью.—Отставка атамана Бурсака.—Атаманъ Матвѣевъ.—Открытіе торговли съ горцами.—Непріязненные дѣйствія черкесовъ противъ Черноморіи.—Подчиненіе Черноморскаго войска Кавказскому начальству.

Послѣ прекращенія перемирія съ турками, три турецкія военныя судна приходили къ Анапѣ съ подарками и съ фирманомъ султана къ черкескимъ народамъ о возстаніи ихъ противъ русскихъ. Вслѣдствіе этихъ извѣстій, двадцать комплектныхъ и одинъ особо сформированный черноморскіе полки, поставленные на военную ногу, готовы были во всякое время встрѣтить врага на рубежѣ предѣловъ своей земли. Но, какъ и прежде, не смотря на бдительность кордонной стражи, горцы, скрываясь въ камышахъ и болотистыхъ плавняхъ, прорывались на нашу сторону и жгли прикубанскія селенія, или пикеты по кордонной линіи, убивали и уводили въ плѣнъ казаковъ.

Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ: 11-го мая 1809 года, «вышковый» Новогригорьевскаго поста, замѣтивъ необыкновенное движеніе черкесовъ за Кубанью и услыхавъ въ плавнѣ большой шумъ, далъ знать о томъ постовому начальнику за-урядъ-сотнику Похитонову. Тотчасъ былъ посланъ нарочный казакъ Чорный воротить въ постъ конный разъѣздъ, высланный въ тотъ день для осмотра береговъ Кубани. На возвратномъ пути, разъѣздъ, съ нарочнымъ, былъ встрѣченъ ружейными пулями переправившихся уже на нашу сторону горцевъ. Казакъ Чорный, не видя возможности добраться до кордона, послалъ товарища въ Титаровское селеніе дать знать о появленіи черкесовъ, а самъ воротился къ Широкобалковской батарейкѣ, гдѣ, оставивъ бывшихъ съ нимъ казаковъ, пустился какъ можно поспѣшнѣе въ Вышестеблѣевское селеніе извѣстить о вторженіи непріятелей.

За-урядъ-сотникъ Похитоновъ не имѣлъ достаточно силъ воспрепятствовать переправѣ многочисленной партіи горцевъ, но, рѣшившись защищать свой постъ до послѣдней крайности, поставилъ на стѣнки кордона часть казаковъ и солдатъ команды Азовскаго гарни-

зоннаго баталіона, а самъ, съ остальными казаками и солдатами, при штабс-капитанѣ Федоровѣ, съ однимъ орудіемъ выступилъ за кордонъ на встрѣчу враговъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, Похитоновъ далъ по непріятелю четыре пушечныхъ выстрѣла, велѣлъ и остальному постовому гарнизону выйти за кордонъ и ударить на горцевъ двумя залпами. Пушечной и ружейной пальбой Похитоновъ желалъ вызвать помощь изъ ближайшихъ кордоновъ и задать страху непріятелю, который, въ числѣ тысячъ до двухъ человекъ, наступалъ на Григорьевскій кордонъ; но, узнавъ отъ «вышкового» о силѣ горцевъ, заперся съ казаками и солдатами въ кордонѣ. Окруживъ постъ со всѣхъ сторонъ, черкесы осыпали гарнизонъ градомъ пуль. Похитоновъ отвѣчалъ пушечными и ружейными выстрѣлами. Хотя нашъ картечный огонь и вырывалъ цѣлые ряды непріятелей, однако, горцы держались у поста около получаса времени, а потомъ, потерявъ болѣе ста человекъ убитыми и много раненыхъ, отошли версты за полторы отъ поста и скрылись въ лощинѣ широкой балки. Похитоновъ, ободренный успѣхомъ, и по совѣту своихъ приближенныхъ, выступилъ изъ кордона, со слабымъ гарнизономъ, прогнать черкесовъ, и открылъ пушечный и ружейный огонь. Горцы начали отступать къ Кубани; но, увидя подходившую партію своихъ единоплеменниковъ, остановились и, въ свою очередь, кинулись на нашихъ. Похитонову не оставалось ничего болѣе, какъ ретироваться къ посту; но, при отступленіи, онъ и многіе другіе были ранены, а нѣсколько казаковъ и большая часть артилерійской прислуги убиты. Наконецъ, отъ мѣткого огня горцевъ ряды команды такъ уменьшились, что изъ артилеристовъ осталось только двое, да и изъ нихъ у одного канонира ружейнымъ выстрѣломъ горца зажжены были въ сумкѣ снаряды, отъ взрыва которыхъ онъ палъ мертвымъ, а обожженный его товарищъ лишился чувствъ. Лишь только дѣйствіе пушечнаго огня прекратилось, черкесы, заскакавъ съ обоихъ фланговъ, съ гикомъ бросились на уцѣлѣвшую горсть храбрецовъ. Нѣсколько безцѣльныхъ выстрѣловъ изъ орудія, сдѣланныхъ неопытными казаками, не могли, конечно, остановить непріятеля; азіатцы врубились шашками въ ряды команды, вступили съ казаками въ рукопашный бой, отбили нашу пушку, начали рубить и брать въ плѣнъ сподвижниковъ Похитонова. Это было уже предъ самымъ кордономъ, гдѣ оставалось только шесть человекъ. Правда, болѣе двухъ сотъ горцевъ было заколото штыками и дротиками казаковъ, но и нашихъ уцѣлѣло немного. Раненый Похитоновъ, не вида спасенія съ остальными большею частью также перераненными товарищами, ухватился за орудійный ящикъ и

бросился бѣжать къ кордону; но только человекъ двадцать пять, съ офицеромъ Фетисовымъ, успѣли укрыться въ посту; остальные были взяты въ плѣнъ или убиты. Въ числѣ послѣднихъ, подъ стѣнами кордона, палъ и Похитоновъ.

Положеніе Фетисова было безнадежное. Уцѣлѣвшіе казаки и солдаты не могли занять даже стѣнокъ кордона; въ отчаяніи они засѣли, съ ружьями, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, и, на сколько доставало силъ, поражали азіатцевъ.

Все было напрасно. Черкесы зажгли бывшія подлѣ кордона, надъ обрывистымъ берегомъ Кубани, кучи навоза; перебросили огонь во внутрь поста, на конюшню и на офицерскій домъ, отчего распространился пожаръ по всему кордону. Тогда Фетисовъ, собравши вокругъ себя свою команду, сказалъ: «Братцы! Теперь уже не только отъ непріятелей, но и отъ огня можемъ лишиться жизни. Не спасется ли кто бѣгствомъ, кто куда потрафитъ». Растворены были всѣ калитки; казаки и солдаты бросились изъ кордона; но лишь тремъ казакамъ и двумъ солдатамъ удалось въ густомъ дыму проскочить къ обрыву Кубани и броситься въ рѣку; остальные всѣ погибли. Новогригорьевскій постъ былъ сожженъ и разграбленъ.

Начальникъ поста, Похитоновъ, 17 казаковъ и 3 солдата были убиты; штабс-капитанъ Фетисовъ, 42 казака, 35 солдатъ взяты въ плѣнъ. «Теперь тѣло, якъ казавъ покойникъ Тарасъ Шевченко

«Надъ річкою, въ чистімъ полі
Могила чорніе,
Де кровъ текла казацькая
Трава зеленіе».

Съ паденіемъ Новогригорьевскаго кордона пошли тревоги и безпокойства по кордонной линіи; лазутчики то и дѣло сновали изъ-за Кубани съ тревожными вѣстями о сборищахъ горцевъ. Упоенные успѣхомъ, черкесы разносили вѣсть по горамъ о взятіи Черноморскаго кордона, съ пушкою и артилерійскими запасами, и уже мечтали разорить всю Черноморію. Нужно было умѣрить спѣсъ кичливыхъ горцевъ.

Назначенный для обороны Крыма и Тамани командиръ Черноморскаго флота, маркизъ де-Траверсе, подкрѣпивъ гарнизонъ Таманскаго острова двумя баталіонами регулярной пѣхоты, отправилъ нѣсколько военныхъ судовъ къ Анапѣ и Сунджукъ-Кале; другой отрядъ, въ которомъ находилось триста черноморцевъ, подъ командою генерал-маіора Павчулидзева, послалъ къ Анапѣ сухимъ путемъ. Кромѣ этого,

де-Траверсе приказалъ собрать особый отрядъ изъ Черноморскаго войска для движенія за Кубань.

По порученію атамана черноморцевъ, подполковникъ Бурносъ стянулъ подъ свою команду бывшіе въ резервѣ, на кордонной линіи, четыре казачьи полка и роту изъ баталіона Дмитріевскаго гарнизоннаго полка. Со всѣми этими войсками онъ расположился на пристани при Елинскомъ посту, передвигая, въ виду горцевъ, колоннами свой отрядъ съ одного мѣста на другое, чтобы такимъ маневрированіемъ представить какъ бы постоянно подходившія войска къ переправѣ. Въ это же время, дѣйствительно, подошли къ отряду Бурноса еще нѣсколько командъ изъ войскъ, расположенныхъ на кордонной линіи.

Прибывшій атаманъ Бурсакъ раздѣлилъ отрядъ на двѣ колонны: первую изъ конныхъ полковъ войсковыхъ полковниковъ Камяиченка, Вербця, изъ пѣшихъ Лисенка и Барабаша и роты Дмитріевскаго гарнизоннаго баталіона, при трехъ артилерійскихъ орудіяхъ; вторую изъ конныхъ полковъ войсковыхъ полковниковъ Кобиняка, Бурноса, Кухаренки, пѣшихъ — Варава, Чумакова и баталіона 22-го Егерскаго полка, тоже при трехъ орудіяхъ. Весь отрядъ, исключая регулярныхъ войскъ, состоялъ изъ 122 офицеровъ, 110 сотенныхъ есауловъ (урядниковъ) и 4,500 казаковъ. Первую колонну атаманъ оставилъ подъ своею командою, а вторую поручилъ командиру 22-го Егерскаго полка подполковнику Черкасову.

Получивъ извѣстіе о взятіи нашими войсками Анапы, Бурсакъ отрядилъ полковника Кобиняка съ 400 казаковъ для осмотра лѣваго берега Кубани. Переправившись чрезъ Кубань въ дистанціи Александровскаго поста, Кобинякъ нашелъ верстахъ въ восьми отъ рѣки черкесскій аулъ, изъ котораго жители, встревоженные появленіемъ русскихъ, начали убираться. Штурмовать аулъ у Кобиняка не было достаточныхъ силъ, и потому онъ, видя собиравшихся горцевъ, повернулъ къ Кубани, провожаемый выстрѣлами черкесовъ. У берега Кубани черкесы были встрѣчены пушечными выстрѣлами изъ казачьихъ байдаковъ.

18-го іюня атаманъ Бурсакъ двинулся, со своимъ отрядомъ, за Кубань у Александровскаго поста; ночью дошелъ до р. Псекупса, чрезъ которую переправился на привезенныхъ дубахъ и каюкахъ, и 19-го числа взялъ направленіе къ рѣчкамъ Шедукъ и Матте. На пути Бурсакъ сжегъ нѣсколько ауловъ, принадлежавшихъ Бать-мурзѣ, неоднократно клявшемуся въ преданности Россіи и постоянно измѣнявшему. Жители ауловъ удалились въ горы и лѣса. Сначала черкесы не показывались; но потомъ начали появляться партіями до

500 человекъ. Пользуясь лѣсистою мѣстностію, горцы сильно нападали на нашъ отрядъ; но Бурсакъ прокладывалъ себѣ пушечными выстрѣлами дорогу, шелъ все далѣе и далѣе и безъ пощады разорялъ и жегъ притоны хищниковъ. Непроходимые лѣса принудили атамана повернуть отрядъ въ сторону и стать въ урочищѣ Шедукъ на ночлегъ. Утромъ 20-го числа, приблизившись къ владѣніямъ преданнаго закубанскаго владѣльца, Алкаса, онъ далъ войскамъ отдыхъ; однако, непріязненные горцы, въ числѣ до двухъ тысячъ, тревожили нашъ отрядъ, и только вечеромъ выстрѣлами изъ двухъ орудій были разогнаны, понеся большой уронъ. На другой день Бурсакъ, отправивъ въ Черноморію колонну съ больными и ранеными, вступилъ опять во владѣнія вѣроломнаго Бать-мурзы и продолжалъ жечь аулы, отбиваясь, въ то же время, отъ яростныхъ нападеній горцевъ, съ отчаяніемъ защищавшихъ свою родину отъ русскаго оружія. Всего въ эту экспедицію атаманъ разорилъ восемнадцать ауловъ, многіе хутора, пасѣки и другія заведенія, истребилъ запасы хлѣба, сѣна и другихъ предметовъ; словомъ, разорилъ весь край, потерявъ убитыми 12 человекъ, ранеными 56 человекъ и выбывшими изъ строя нѣсколько лошадей. У черкесовъ же, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, было убитыхъ болѣе 300 и ранено 520 человекъ, большею частію отъ дѣйствія нашей артилеріи.

Во время дѣйствій отряда за Кубанью, Таманскій сыскной начальникъ Борзиковъ, по распоряженію маркиза де-Траверсе, собравъ небольшую казацкую флотилію, крейсеровалъ у береговъ Кизилташскаго лимана и также разорилъ нѣсколько черкесскихъ селеній близъ Бугаза.

Со взятіемъ крѣпости Анапы, войска наши, проникая въ средину непріятельской земли, вносили туда оружіемъ смерть и опустошеніе. Полагая, что, послѣ такого наказанія, горцы одумаются, маркизь де-Траверсе приказалъ пріостановить военныя дѣйствія и обратился къ горскимъ народамъ съ слѣдующею прокламаціей:

«Отъ главнокомандующаго всѣми морскими и сухопутными силами, на Черномъ морѣ, въ Крыму, на Таманѣ, по берегамъ Кубанскимъ и проч., адмирала, Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора и разныхъ орденовъ кавалера маркиза де-Траверсе.

«Къ народамъ Закубанскимъ!

«Я строго васъ наказываю за то, что вы, какъ хищники, дѣлали вторженія въ предѣлы моего Государя. Теперь вы видите ужасъ, огонь и истребленіе на земляхъ вашихъ. Вы сами навлекли на себя сіе несчастіе, и оно еще будетъ повторяемо, если вы вновь будете нарушать спокой-

ствіе мирныхъ нашихъ обитателей. Теперь отъ васъ зависитъ жить съ нами, какъ слѣдуетъ добрымъ сосѣдямъ и подданнымъ одного Императора. Если вы имѣете твердое къ тому намѣреніе, то будьте спокойны и пришлите къ намъ полномочныхъ вашихъ, для изъясненія вашей преданности; тогда, удостовѣривъ въ искренности вашей, я буду ходатайствовать о великодушномъ благодѣяніи, воздаяніи и наградѣ вамъ отъ Его Величества Государя Императора, моего Августѣйшаго Монарха. Сіе утвердитъ ваше счастье и счастье потомства вашего. Впрочемъ, вы должны быть предупреждены, что всякій хищникъ, который будетъ встрѣченъ по сую сторону Кубани, будетъ наказанъ по строгости законовъ Россійскихъ. Я завладѣлъ Анапою именемъ Всемилоствѣйшаго моего Государя; тамъ будете вы приняты какъ друзья,—если хотите; въ противномъ случаѣ раздадутся оттуда громы для пораженія васъ. Избирайте. Дана въ Анапѣ. Іюня 22-го 1809 года. Маркизь де-Траверсе».

Воззваніе это, разосланное во все стороны за-Кубанскаго края, на русскомъ и турецкомъ языкахъ, не произвело никакого дѣйствія. Черкесы молчали; анапскій паша, удалившійся въ горы, убѣждалъ ихъ не поддаваться русскимъ.

Адмиралу де-Траверсе хотѣлось привлечь горцевъ на нашу сторону мирнымъ путемъ. Съ этой же цѣлью прибылъ въ Екатеринодаръ генералъ Дюкъ де-Ришелье. Онъ вызвалъ къ себѣ знаменитѣйшихъ за-кубанскихъ владѣльцевъ, лично уговаривалъ ихъ быть мирными сосѣдями черноморцевъ; не скупился на угощенія азіатцевъ, дарилъ ихъ деньгами и вещами. Черкескіе старшины на все соглашались и ни отчего не отказывались; но наѣвшись и напившись до-сыта и взявъ подарки, удалялись за Кубань съ тѣмъ, чтобы ничего не исполнять. Мало того: узнавъ о времени выѣзда Ришелье изъ Екатеринодара, горскіе князья, собравъ сотъ до трехъ отчаянныхъ головорѣзовъ, уговорились захватить въ плѣнъ знатнаго и богатаго генерала, и съ этимъ намѣреніемъ, прокрались на нашу сторону, въ дистанцію Петровскаго поста, гдѣ и засѣли въ топкихъ болотистыхъ мѣстахъ. Къ счастью, начальникъ этого поста, есаулъ Иваненко, провѣдалъ о злодѣйскомъ умыслѣ, и въ день проѣзда Ришелье, подкравшись съ командою отборныхъ казаковъ и однимъ артилерійскимъ орудіемъ къ мѣсту засады горцевъ, бросился на нихъ съ крикомъ «ура», сопровождаемымъ картечными и ружейными выстрѣлами. Черкесы дрогнули и дали тылъ. О отважный Иваненко прогналъ хищниковъ изъ предѣловъ войска, захватилъ четырехъ набѣдниковъ и такимъ образомъ спасъ отъ плѣна генерала де-Ришелье.

Поблагодаривъ лично храбраго есаула, Ришелье донесъ объ этомъ Государю. Иваненко былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й сте-

пени, а бывшіе съ нимъ 60 казаковъ получили по одному рублю серебромъ. Въ память же счастливаго спасенія Дюка де-Ришелье отъ плѣна, на Черноморской кордонной линіи, въ угрожавшемъ ему мѣстѣ, разрѣшено было устроить батарею, съ названіемъ его именемъ—*Емануиловскою* (1).

Вскорѣ послѣ того, черкесы подкараулили полковаго есаула Кривошею, слѣдовавшаго съ командою казаковъ въ Анапу. 18-го августа, замѣтивъ шедшую изъ Анапы для прикрытія Кривошеи роту егерей, горцы вступили съ ними въ бой, и, въ то же время, отдѣлившаяся партія бросилась на приближавшагося Кривошею, котораго атаковала со всехъ сторонъ. Офицеръ этотъ, не имѣя возможности, по малочисленности своей команды, удерживать непріятеля, слѣшилъ казаковъ, сталъ при обозѣ на отбой, и выдерживалъ нападенія до тѣхъ поръ, покуда подоспѣлъ къ нему на выручку шедшій изъ Анапы майоръ Витязь съ егерями. Но и по соединеніи Витязя съ Кривошею, густыя толпы окружили обоихъ. Часа два команды отбивались отъ многочисленнаго непріятеля преимущественно выстрѣлами изъ бывшей при нихъ пушки. Наконецъ все пушечные заряды были выпущены, горцы болѣе и болѣе стали тѣснить нашихъ.... Къ счастью, подоспѣлъ сикурсъ изъ Анапы: Кривошея съ Витяземъ были спасены. Въ бою этомъ Кривошея раненъ стрѣлою въ ногу; одинъ сотникъ въ ногу пулею; казаковъ убито 13, ранено 26; безъ вѣсти пропало 8 человекъ; убито лошадей 36, ранено 6, отбито 6 паръ артельныхъ быковъ и одна фура со всемъ казачьимъ имуществомъ, Изъ пропавшихъ казаковъ одинъ раненый пробрался на Бугазъ, а четверо были найдены убитыми.

Не довольствуясь безпрестанными мелкими набѣгами, черкесы, подстрекаемые турками, въ началѣ 1810 года, открыли наступательныя дѣйствія.

На 12-е января черкесы, въ числѣ ста человекъ, появились на лѣвомъ берегу Кубани, верстахъ въ семи ниже Ольгинскаго поста. По сдѣланной залогою тревогѣ, войсковой полковникъ Тиховскій, выскочивъ съ Ольгинскаго поста съ 50 казаками, встрѣтилъ черкесовъ переправлявшихся уже по льду черезъ Кубань. Завязалась ружейная перестрѣлка. Въ это время, прискакавшій нарочный извѣстилъ Тиховскаго, что черкесы, сотъ до пяти человекъ, повыше того же кордона, переправляются уже на правый берегъ Кубани, оставляя на лѣ-

(1) Изъ дѣлъ Куб. войск. архива.—Неизданное описаніе фактовъ Черноморск. войска, Я. Г. Кухаренко.

вой стороной въ резервъ до 2,000 человекъ. Противу этой партіи выступилъ, съ командою, остававшійся на посту сотникъ Выташевскій; но едва онъ показался въ виду непріятеля, какъ былъ атакованъ съ фронта и съ фланговъ. Тиховскій подкрѣпилъ Выташевскаго бывшими въ залогъ казаками, самъ поспѣшилъ на помощь атакованымъ, отославъ лошадей въ кордонъ, и пѣшимъ строемъ продолжалъ бой. Черкесы, между тѣмъ, оставивъ противу Тиховскаго сотъ до четырехъ, двинулись всей массой къ станицѣ Ивановской, съ намѣреніемъ разграбить это селеніе; но бывший тамъ, съ частью регулярнаго войска, маіоръ Бахмановъ, предупрежденный о томъ, ударилъ тревогу. Горцы, услышавъ барабанный бой и звуки рожковъ и не имѣя свѣдѣнія о числѣ нашихъ силъ въ станицѣ, поворотили на хутора, гдѣ захватили многихъ жителей, скотъ и имущество. Тиховскій встрѣтилъ ихъ возлѣ Кубани пушечными выстрѣлами, завязалъ жаркое дѣло, но усилія его отбить плѣнныхъ и скотъ не удались.

Въ дѣлѣ этомъ, длившемся часовъ пять, наши не понесли урону; черкесы же потеряли много отъ пушечныхъ выстрѣловъ.

18-го января, болѣе 4,000 горцевъ, подъ предводительствомъ именитѣйшихъ князей, при четырехъ значкахъ, двухъ красныхъ и двухъ бѣлыхъ, вторгнулись въ предѣлы Черноморіи вблизи того же Ольгинскаго поста. Они раздѣлились на четыре партіи: пѣшіе заняли всѣ сообщенія Ольгинскаго поста съ другими кордонами, конные понеслись грабить ближайшія станицы. Войсковой полковникъ Тиховскій, получивъ о томъ свѣдѣніе, разослалъ гонцовъ въ смежныя кордоны и селенія, а войсковому атаману отпировалъ донесеніе о томъ, что у него нѣтъ достаточно силъ къ отраженію скопища. Только этотъ послѣдній гонецъ успѣлъ добраться до цѣли, а прочіе встрѣтили уже горцевъ на всѣхъ дорогахъ.

Поднятая Тиховскимъ тревога не осталась безплодною. Маіоръ Бахмановъ успѣлъ замѣтить во-время приближеніе непріятеля и собралъ Ивановскихъ жителей для защиты станицы; но горцы все-таки бросились въ селеніе, сожгли нѣсколько домовъ, разграбили имущество и захватили нѣсколько жителей въ плѣнъ. Въ ту минуту, когда разбойники разстроились при разореніи крайнихъ дворовъ, Бахмановъ, примѣромъ своей неустрашимости, воодушевилъ команду, состоявшую изъ трехъ офицеровъ и 80 нижнихъ чиновъ, повелъ егерей и Ивановскихъ вооруженныхъ жителей рѣшительной атакой на непріятеля, и дружнымъ ударомъ въ штыки опрокинулъ его за станицу и жаркой перестрѣлкой преслѣдовалъ горцевъ на обратномъ пути къ Кубани.

Оставшемуся на Кубани Тиховскому ждать помощи было некогда и не откуда; онъ это зналъ, но видѣлъ, что толпы черкесовъ, какъ волны моря, двигаются для разоренія земли черноморцевъ, защищать которую онъ ставилъ себѣ священнымъ долгомъ. Сначала Тиховскій выслалъ съ кордона сотню казаковъ, при офицерѣ, а потомъ рѣшился дѣйствовать всѣми бывшими своими силами. Присоединивъ къ казакамъ успѣвшую пробиться изъ Ново-Екатериновскаго поста конную команду, при полковомъ есаулѣ Гаджановѣ, и забравъ изъ Ольгинска пѣшихъ казаковъ, онъ, съ одной 3-хъ-фунтовой пушкой, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 200 человекъ. Съ этой-то горстью Тиховскій двинулся на скопище, въ двадцать разъ сильнѣйшее. Черкесы тотчасъ же атаковали Тиховскаго, который, отославъ всѣхъ лошадей въ кордонъ, выстроился въ порядокъ пѣшимъ строемъ. Азіатцы подались назадъ; тогда Тиховскій пустилъ въ нихъ три пушечныхъ выстрѣла картечью, и тѣмъ положилъ цѣлые ряды въ густой толпѣ. Оторопѣвшіе хищники стали подбирать своихъ убитыхъ и раненыхъ и поспѣшили выйти изъ-подъ картечныхъ выстрѣловъ, но въ это самое время подоспѣли къ нимъ на помощь бывшіе на лѣвой сторонѣ пѣшіе черкесы и вся масса вновь хлынула на Тиховскаго. Закипѣлъ ожесточенный бой между тысячами непріятелей и горстью казаковъ. Четыре часа бился Тиховскій, поражалъ врага мѣткими ружейными и пушечными выстрѣлами, и бралъ уже верхъ надъ нестройными толпами, какъ вдругъ грабившіе Ивановское селеніе конные черкесы, услышавъ пушечные выстрѣлы и тѣснимые Бахмановымъ, прискакали на мѣсто сраженія. Дружно ударили всѣ горцы на Тиховскаго, и притомъ въ тотъ самый критическій моментъ, когда были израсходованы артиллерійскіе снаряды; боевыхъ патроновъ то же оставалось мало, и въ людяхъ была уже убыль убитыми и ранеными. Самъ Тиховскій, истекая кровью, употреблялъ, при содѣйствіи сподвижника своего Гаджанова, послѣднія усилія: онъ ударилъ на непріятеля въ «ратища», но черкесы выдержали отчаянный напоръ казаковъ и приняли ихъ въ шашки. Тогда Тиховскій, окруженный со всѣхъ сторонъ, весь израненный, собравъ остатки своей команды, съ отчаяніемъ бросился на проломъ, но, разрубленный горцами на части, палъ со славою на полѣ чести. Съ нимъ погибли и остатки храброй дружины его.

Наступившая ночь осѣнила мрачнымъ своимъ покровомъ разбросанные по полю тѣла черноморскихъ казаковъ....

Кромѣ Тиховскаго были убиты: хорунжій Кривошея, заурядъ-хорунжій Жировый, сотенныхъ есауловъ четыре, казаковъ 140. Полковой есаулъ Гаджановъ, одинъ сотенный есаулъ и 16 казаковъ, боль-

шею частью израненные, спаслись, пользуясь темнотою; но изъ нихъ многіе тогда же и умерли, а всѣ прочіе, съ пушкою, уведены черкесами. При разграбленіи селеній Ивановскаго и Стеблѣвскаго погибло и взято въ плѣнъ болѣе пятидесяти жителей, сожжено нѣсколько домовъ въ обѣихъ станицахъ, захвачено рогатаго скота до 2,000 головъ, до 1,500 овецъ и до 100 лошадей. Но и горцамъ этотъ успѣхъ стоилъ дорого: кромѣ убитыхъ и раненыхъ, ими подобранныхъ, болѣе 500 тѣлъ найдено на мѣстѣ боя.

Стоявшій у Мышастовской станицы полковой есаулъ Голубъ поскакалъ по тревогѣ къ Ивановкѣ, но, не заставъ тамъ непріятеля, направился къ мѣсту боя Тиховскаго. И тутъ уже было все кончено: горцы уже убрались за Кубань.

Кровопролитное дѣло это имѣло то важное послѣдствіе, что Тиховскій, своимъ упорнымъ сопротивленіемъ, отвлекъ непріятелей отъ движенія ихъ всѣми силами на пограничныя селенія; такъ что станицы Ивановская и Стеблѣвская могли приготовиться къ оборонѣ и отразить хищниковъ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полулѣтъ; затихла гроза войны на берегахъ Кубани; заросло травой поле, облитое казацкою кровью — усѣянное костями казаковъ, и только скромный памятникъ, поставленный усердіемъ признательныхъ черноморцевъ, указываетъ могилу падшаго съ товарищами — за Царя и родину — *героя Тиховскаго* (1)... Миръ праху твоему, славный воинъ-черноморецъ, ратовавшій противу враговъ отечества, съ береговъ Дибіра и за Бугомъ, на Черномъ морѣ! Ты, спасая тысячи людей, самъ легъ костями на берегахъ Кубани! Слава памяти твоей, доблестный сынъ отечества!

26-го января, горцы вновь ворвались въ наши предѣлы скопищемъ до 4,000 человекъ, съ цѣлю разграбить Мышастовское селеніе. Но этотъ разъ они не были такъ счастливы, какъ семь дней назадъ. Бывшій въ Мышастовѣ подполковникъ Бурносъ, съ 250 казаками, съ ротою 22-го Егерскаго полка и съ вооруженными жителями, смѣло вступилъ въ бой; но, получивъ рану пулею въ щеку, сдалъ команду капитану егерей Трубицыну. Послѣ четырехчасоваго дѣла Трубицынъ успѣлъ отразить непріятеля, нанеся ему чувствительный уронъ. Потеря горцевъ была тѣмъ замѣтнѣе, что торопливо

(1) Первая мысль о сооруженіи памятника Тиховскому принадлежит покойному подполковнику Кубанскаго войска Мартыну Баринъ-Тищенко; остальное dokonчено стараніями того же войска войскового старшины Василія Вареника.

подбирая убитыхъ своихъ товарищей, не успѣли захватить семи мертвыхъ тѣлъ; кромѣ того, отбито казаками восемь лошадей и много разнаго оружія. Съ нашей же стороны, четверо были ранены, разграблено нѣсколько домовъ, бывшихъ на краю селенія, сожжено сорокъ четыре стога отряднаго сѣна и угнано 693 головы скота съ 15 лошадьми.

Атаманъ Бурсакъ давно уже желалъ перенести театръ военныхъ дѣйствій въ землю хищниковъ; но, связываемый распоряженіями начальства, не могъ исполнить своего плана. Правда, Дюкъ де-Ришелье лично убѣдился, что съ черкесами мирнымъ путемъ ничего не сдѣлаешь, и потому исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе наказатъ грабителей; однако, онъ велѣлъ Бурсаку дѣйствовать за Кубанью не иначе, какъ одновременно съ движеніемъ отряда изъ Анапы. Зимнее время и страхъ свирѣпствовавшей за Кубанью чумы препятствовали движеніямъ нашихъ войскъ въ за-Кубанскомъ краѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ письменные документы того времени; но можно думать и иначе. Если наши опасались соприкосновенія съ чумными черкесами за Кубанью, то все равно они имѣли съ ними сношенія въ предѣлахъ своихъ границъ, при набѣгахъ горцевъ на Черноморію. Зима также не могла служить препятствіемъ дѣйствію нашихъ войскъ, въ чемъ мы сейчасъ же убѣдимся; скорѣе можно полагать, что пылкій Бурсакъ былъ недоволенъ осторожностію высшаго начальства.

Мы уже видѣли, до чего дошла тяготѣвшая надъ Черноморскимъ войскомъ опека таврическаго начальства: нельзя было переходить въ землю непріятельскую, для наказанія злодѣевъ, безъ разрѣшенія правительственной власти. Только послѣ январскихъ происшествій на кубанской границѣ, Ришелье, наконецъ, согласился предоставить Бурсаку распоряжаться обороной Черноморской кордонной линіи и наказывать черкесовъ. 2-го февраля, Ришелье, между прочимъ, писалъ атаману, чтобы онъ, карая безъ пощады враговъ, старался уничтожать ихъ селенія и забирать ихъ имущество; регулярнымъ же войскамъ, расположеннымъ въ Черноморіи, по Кубани, онъ приказалъ быть въ полномъ распоряженіи Бурсака. Кромѣ того, полковникъ Рудзевичъ, командовавшій анапскимъ гарнизономъ, имѣлъ предписаніе дѣлать по сообщеніямъ Бурсака изъ Анапы диверсіи для развлеченія вниманія непріятелей. Этого только и желалъ атаманъ Черноморскаго войска. 17-го февраля онъ былъ уже за Кубанью. Двинувшись въ землю черченейцевъ и абадзеховъ, Бурсакъ, на разсвѣтѣ, достигнулъ р. Супъ, занялъ оба берега этой рѣчки и подошелъ къ непріятельскимъ ауламъ.

Отсюда онъ командировалъ подполковника Султана-Али и войскового полковника Кобиняка со ввѣренною ему колонною, состоявшею изъ полковъ: его же, Кобиняка, Варавы, Бурноса 2-го, Курочки и Семанова, при трехъ орудіяхъ, въ правую сторону, по расположенію жилищъ азійцевъ, а самъ, съ войсками второй колонны, съ четырьмя орудіями, направился влѣво. Дѣйствія обѣихъ колоннъ начались въ шестомъ часу утра. Застигнутые врасплохъ горцы защищались отчаянно, а тѣ изъ нихъ, которые не успѣли вооружиться, спасались въ бродъ чрезъ рѣчку и разлившійся версты на четыре лиманъ. Ожесточенные казаки рубили враговъ не смотря ни на полъ, ни на возрастъ. Въ пылавшихъ аулахъ Бурсаку едва удалось спасти четырнадцать мужчинъ и двадцать четыре женщины. Все имущество непріятелей, уцѣлѣвшее отъ огня, и состоявшее, болѣею частью, въ мѣдной посудѣ, турецкихъ тканяхъ, бумажномъ холстѣ и т. п., было забрано нашими войсками; рогатаго скота они захватили до 3,000 головъ, овецъ болѣе 3,000 и до сотни лошадей, и много разнаго оружія. Такъ какъ бѣжавшіе горцы укрылись въ густомъ лѣсѣ, а рѣчка отъ половодья разлилась, то и нельзя было преслѣдовать черкесовъ. Въ первомъ часу по-полудни обѣ колонны прекратили свои дѣйствія; аулы, запасы сѣна и хлѣба въ скирдахъ пылали; казаки выючили богатую добычу и сгоняли стада рогатаго скота и овецъ. При обратномъ пути нашего отряда горцы хотя и нападали, но вездѣ были отражаемы съ урономъ. Наша потеря въ эту экспедицію была самая незначительная. Вся добыча роздана была войскамъ, а изъ оружія богатый лукъ, со стрѣлами въ колчанѣ, и отличное ружье Бурсакъ отослалъ въ Одессу, въ подарокъ Дюкъ де-Ришелье.

Въ то время, когда Бурсакъ дѣйствовалъ за Кубанью, полковникъ Рудзевичъ, производя диверсію изъ Анапы съ частью войскъ (два баталіона егерей, 80 казаковъ и четыре орудія), 21-го февраля, двинулся за Кизилташскую косу къ бывшему тамъ редуту, и въ семь часовъ вечера, послѣ отдыха, повернулъ влѣво къ горамъ. На разсвѣтѣ Рудзевичъ достигъ черкесскаго аула на р. Напчугѣ, изъ котораго жители бѣжали; причемъ войска наши захватили до 600 овецъ, 33 головы рогатаго скота и 46 лошадей. При обратномъ слѣдованіи отряда, верстахъ въ пятнадцати отъ Анапы, собравшіеся въ значительномъ числѣ горцы атаковали Рудзевича со всѣхъ сторонъ, зажигая впереди степь, какъ дѣлали когда-то татары во времена гетмана Самойловича; но пожаръ, по времени года, не имѣлъ послѣдствій. Горцы были отбиты пушечными выстрѣлами.

10-го марта, атаманъ Бурсакъ, составивъ отрядъ изъ 12 конныхъ и пѣшихъ Черноморскихъ полковъ, Дмитріевскаго гарнизоннаго баталіона, двухъ ротъ 22-го Егерскаго полка и шести артилерійскихъ орудій, переправился за Кубань въ дистанціи Елисаветинскаго поста. Къ сожалѣнію, въ это самое время онъ внезапно заболѣлъ; но, не желая останавливать войска на походѣ, поручилъ отрядъ войсковому полковнику Кобиняку и войсковому старшинѣ Дубоносу, которые должны были дѣйствовать по данной диспозиціи каждый особою колонною. Въ три часа по-полудни отрядъ двинулся въ землю черсовъ и отойдя верстъ за пятьдесятъ отъ Кубани, въ пять часовъ утра другаго дня, раздѣлился на двѣ колонны. Кобинякъ направился къ р. Иль, а Дубоносъ по р. Зерки. Колонны слѣдовали одна отъ другой на разстояніи около трехъ верстъ, чтобы имѣть постоянное между собою сообщеніе. Путь лежалъ ущельями, среди высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ и чигарникомъ; по ущельямъ извивались рѣчки; на косогорахъ были расположены аулы. Не успѣли азійцы опомниться, какъ сакли ихъ запылали и все имущество ихъ предано разоренію. Громъ нашихъ пушекъ, свистъ пуль съ обѣихъ сторонъ, дикіе крики черкесовъ, наше «ура»! стоны раненыхъ и величайшая суматоха—привѣтствовали восходящее солнце 11-го марта. Скоро все было кончено: нѣсколько ауловъ истреблено; 45 черкесовъ взято въ плѣнъ; забрано 40 лошадей, 80 головъ рогатаго скота, много оружія и другихъ вещей. Убитыхъ черкесовъ (болѣею частію пушечными выстрѣлами) обоюго пола и разнаго возраста насчитывали до 500 душъ. Когда не осталось въ виду ни одного жилища горца, обѣ колонны соединились въ одинъ отрядъ и тронулись обратно на Кубань, тревожимые горцами. 12-го марта, войска переправились на правую сторону Кубани; нѣкоторые полки были поставлены здѣсь на границѣ, остальные распушены по домамъ.

Возмездіе, поразившее горцевъ за ихъ безпрестанныя нападенія на землю черноморскихъ казаковъ, довело хищниковъ до отчаяннаго унынія. Они лишились и жилищъ, и имущества, остались зимою безъ крова и хлѣба, и потому рѣшились избрать изъ среды своей почетнѣйшихъ старшинъ для переговоровъ съ черноморцами: о прекращеніи обоюдныхъ военныхъ дѣйствій. Избранные князья и дворяне, прибывъ, 28-го марта, въ Екатеринодаръ, предложили атаману Черноморскаго войска принести чрезъ посредство преданнаго намъ князя Алкаса покорность горскихъ племенъ. Бурсакъ, зная азійцевъ, неохотно велъ переговоры; послы же черкесскаго народа настаивали

на своемъ предложеніи, обѣщаясь хранить миръ и препятствовать всѣмъ несогласнымъ съ ними горцамъ нарушать спокойствіе Черноморскаго войска. Условія эти Бурсакъ представилъ таврическому начальству. По утвержденіи ихъ Дюкомъ де-Ришелье, повѣренные горскихъ племенъ присягнули на коранѣ; войсковою атаманъ, съ своей стороны, обѣщалъ имъ покровительство Россіи.

Отоманская Порта съ неудовольствіемъ узнала о примиреніи горцевъ съ черноморцами. Посредствомъ своихъ агентовъ турки постарались увѣрить черкесовъ, что султанъ готовъ оказать имъ всякое содѣйствіе въ войнѣ съ черноморцами. Дѣйствительно, въ исходѣ августа турки доставили черкесамъ въ Сунджукъ-Кале нѣсколько пушекъ и артилерійскихъ снарядовъ. Черкесы забыли о недавней клятвѣ. Пошелъ военный кличъ въ горахъ; нѣсколько тысячъ горцевъ приготовились вторгнуться въ предѣлы Черноморіи, и прежде всего, хотѣли разорить владѣнія вѣрныхъ Россіи князей Ахметука и Алкаса.

Дюкъ де-Ришелье предложилъ войсковому атаману составить отрядъ и идти въ землю непріязненныхъ горцевъ. Бурсакъ собралъ три баталіона 22-го Егерскаго полка; полки Таганрогскій и Дмитріевскій, двѣнадцать конныхъ и пѣшихъ черноморскихъ полковъ, при десяти орудіяхъ. 12-го сентября онъ двинулся за Кубань. Всю ночь шелъ отрядъ къ ауламъ абазинцевъ, намѣревавшихся разорить владѣнія Алкаса. Не смотря на упорную защиту, Бурсакъ успѣлъ разорить нѣсколько ауловъ по р. Супу и только ночь прекратила кровопролитный бой. Въ этотъ день, съ нашей стороны убиты: казаковъ 2, егеря 1; ранены: сотенный есаулъ 1, казаковъ 43, егерей и изъ баталіоновъ 21. О непріятельской потерѣ положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, но она должна была быть гораздо значительнѣе. Вечеромъ черкесы на всѣхъ пунктахъ были отбиты. На другой день отрядъ, двинувшись далѣе, въ полдень сталъ на границѣ земли абазинцевъ съ шапсугами, куда примыкали владѣнія Алкаса. Расположивъ здѣсь войска на ночлегъ, Бурсакъ отправилъ всѣхъ раненыхъ въ Екатеринодаръ; затѣмъ отрядъ перешелъ на рѣчку Чуба, тоже въ абазинскія владѣнія, гдѣ, разоривъ еще три непріятельскихъ селенія, повернулъ обратно къ Кубани, тревожимый, по обыкновенію, горцами. 17-го числа отрядъ простоялъ на рѣчкѣ Чуба съ черкесами Алкаса, а 18-го перешелъ на р. Псекупсъ и имѣлъ тутъ ночлегъ. Горцы болѣе не показывались; ихъ хлѣбъ и сѣно были уничтожены нашими войсками. 20-го числа Бурсакъ переправился на русскую сторону.

Въ декабрѣ, Дюкъ де-Ришелье, отрядивъ полковника Рудзевича

для взятія Сунджукъ-Кале, предписалъ войсковому атаману занять вниманіе непріятелей со стороны Черноморской кордонной линіи. Чтобы не ослабить въ зимнее время кордонной стражи, Бурсакъ стянулъ на границу не только свободныя войска, но даже отставныхъ казаковъ, способныхъ владѣть оружіемъ и, составивъ отрядъ изъ частей регулярныхъ и войсковыхъ, 16-го декабря направился отъ Копыла прямо по дорогѣ на Сунджукъ-Кале. Достигнувъ р. Адакума, атаманъ расположился тамъ лагеремъ и простоялъ до 26-го декабря. Въ этотъ день, первая колонна, подъ командою подполковника Малаго, тронувшись далѣе по лѣсистой мѣстности, понесла довольно значительный уронъ отъ сильнаго нападенія непріятеля: у насъ былъ убитъ штабъ-офицеръ и восемь нижнихъ чиновъ; ранены четыре оберъ-офицера, до пятидесяти нижнихъ чиновъ и пять уведены въ плѣнъ. Во второй колоннѣ, подполковника Еремѣева, никакого урона не было. На другой день знатнѣйшіе владѣльцы натухайскаго племени явились къ Бурсаку съ мирными предложеніями, принесли присягу на вѣрность подданства Россіи и просили не разорять ихъ владѣній, соглашаясь довольствоваться нашихъ лошадей въ отрядѣ фуражомъ.

По полученію отъ Ришелье приказанію, отрядъ долженъ былъ воротиться на Кубань. Причиною тому было крушеніе близъ Анапы нашего судна съ хлѣбомъ, назначеннымъ въ Сунджукъ-Кале, отчего отрядъ Рудзевича вернулся въ Анапу.

12-го января 1811 года, Рудзевичъ, извѣщая Бурсака о движеніи своего отряда въ землю шапсуговъ, приглашалъ содѣйствовать ему. Вслѣдъ за этимъ было получено извѣстіе, что отрядъ его перешелъ р. Адакумъ, и что шапсуги присылали къ нему трехъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности. Отъ нихъ требовали возврата русскихъ плѣнныхъ и орудій, взятаго горцами при Ольгинскомъ посту; кромѣ того, одиннадцати аманатовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій. Чтобы поддержать такія требованія, Рудзевичъ просилъ Бурсака о совмѣстномъ дѣйствіи. 16-го числа, онъ вновь извѣстилъ атамана Черноморскаго войска, что часть шапсуговъ, по р. Анхырѣ, уже покорилась Россіи, и до выполненія условій, имъ предложенныхъ, дали четырехъ аманатовъ, и потому имущество покорныхъ шапсуговъ не должно быть разоряемо.

Въ это время Бурсакъ стоялъ близъ Кубани и только 12-го января двинулся въ горы. На другой день, казаки захватили до ста головъ рогатаго скота, тогда же розданнаго въ отрядѣ на порціоны. 14-го числа казаки соединились съ отрядомъ Рудзевича на р. Шипсѣ. Здѣсь оба отряда расположились лагеремъ.

Черезъ два дня явились знатнѣйшіе шансуги съ прежними мирными предложеніями, но кромѣ голословныхъ обѣщаній Рудзевичъ не получилъ ничего. 17-го—отряды двинулись, подѣ его начальствомъ, черезъ шансугскія владѣнія обратно къ Кубани, не тревожимые черкесами; но едва войска прошли покорившуюся страну, до р. Антхырѣ, какъ непріязненные горцы стали сильно тѣснить ихъ. Войска успѣли разорить нѣсколько ауловъ, но дѣло не обошлось безъ потери убитыми и ранеными. По приходѣ на Черноморскую кордонную линію, 24-го того же мѣсяца, Рудзевичъ, запасшись провіантомъ, отправился къ своему посту, а черноморскія войска отряда Бурсака остались частію на границѣ, частію распущены по домамъ.

За труды и отличія въ дѣйствіяхъ за Кубанью, генераль-лейтенантъ Дюкъ де-Ришелье, въ приказѣ 15-го февраля, изъявилъ благодарность Бурсаку и всѣмъ прочимъ войскамъ.

Удачныя экспедиціи за Кубанью Бурсака подѣйствовали на черкесовъ: они присмирѣли, и одно имя атамана Бурсака наводило на нихъ страхъ. Но это было лишь временнымъ затишьемъ.

Въ ноябрѣ 1811 года собралось за Кубанью шансуговъ, абадзеховъ и натухайцевъ до 10,000 человекъ. Начальствовавшій ими бывшій анапскій паша пріѣзжалъ къ преданному намъ князю Алкасу, приглашая его присоединиться къ поголовному ополченію. Алкасъ поступилъ иначе: и другіе мирные князья Ханукъ, Мишеостъ и Ахметукъ сообщили обо всемъ происходившемъ за Кубанью Бурсаку, и просили помощи противъ угрожавшихъ имъ горцевъ. Атаманъ командировалъ за Кубань подполковника Дубоноса съ 1,000 конныхъ казаковъ и тремя орудіями; къ нимъ присоединились до 8,000 мирныхъ черкесовъ тѣхъ же владѣльцевъ. Тогда между двумя станами, — паша и Дубоноса, завязались переговоры, тянувшіеся до 7-го декабря. Кончилось тѣмъ, что непріязненные горцы разошлись по домамъ.

Оставимъ на время дѣйствія на Кубанской границѣ и обратимся къ знаменательнымъ событіямъ внѣ предѣловъ Черноморіи.

Черноморское войско не отставало отъ другихъ областей государства въ пожертвованіяхъ въ войну 1812 года. 100,000 руб. изъ войсковой казны и болѣе 14,000 руб. собранныхъ по добровольной подпискѣ принесены были Черноморіей на пользу отечества (1).

Не одними матеріальными средствами, но и военными силами Черноморское войско участвовало въ войнѣ съ Франціей. Въ концѣ

(1) Ист. войны съ Франціей 1812 г. соч. Богдановича.

1811 года выступила въ походъ изъ Черноморіи въ С.-Петербургъ, сформированная по Высочайшему повелѣнію, гвардейская сотня. По росписанію 1-й западной арміи, Черноморскіе гвардейцы поступили: 3-го пѣхотнаго корпуса, въ 3-ю пѣхотную дивизію генераль-лейтенанта Коновницына. Кромѣ гвардейской сотни, на мѣсто 9-го пѣшаго полка, возвращеннаго въ Черноморію изъ арміи адмирала Чичагова, по требованію Кутузова, былъ высланъ въ Брестъ-Литовскъ 4-й сводный Черноморскій конный полкъ, подѣ командою полковаго есаула Плохова.

Какъ гвардейская сотня, такъ и конный полкъ участвовали во многихъ сраженіяхъ отечественной войны и исполняли различныя порученія. Между прочимъ, подполковникъ Безкровный былъ отряженъ, съ Черноморскою гвардейскою сотнею, для открытія пути къ Юрбургъ. Онъ нашелъ городъ занятымъ сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ, но, не теряя времени, атаковалъ его, разбилъ, взялъ въ плѣнъ двухъ штабъ и трехъ оберъ-офицеровъ и 270 человекъ нижнихъ чиновъ, и овладѣлъ на Нѣманѣ французскими барками съ хлѣбомъ и овсомъ. 4-го декабря, Безкровный былъ посланъ открыть движеніе корпуса маршала Макдональда. Встрѣтивъ передовыя войска, онъ, съ храбрыми своими гвардейцами, разбилъ непріятеля и взялъ въ плѣнъ двухъ оберъ-офицеровъ, 106 нижнихъ чиновъ и захватилъ провіантскій магазинъ.

По переходѣ нашихъ войскъ за-границу, Черноморская гвардейская сотня состояла при особѣ Государя Императора и постоянно отличалась въ военныхъ дѣйствіяхъ храбростію и мужествомъ, за что была награждена двумя серебряными трубами (1).

Не менѣе отличался и 4-й конный полкъ. Прибывъ, 18-го іюня 1813 года, въ Брестъ, онъ, на другой же день, по предписанію генераль-адъютанта князя Волконскаго, выступилъ въ дѣйствующую армію, съ которою 6-го сентября соединился въ Богеміи, при мѣстечкѣ Бѣлинѣ. Здѣсь, по повелѣнію Барклая де-Толли, полкъ остался при главной квартирѣ; затѣмъ поступилъ въ летучій отрядъ князя Кудашева и оказалъ особенное отличіе, заслужившее историческую извѣстность. «Послѣ сраженія при Кульмѣ, по предложенію Толя, союзниками было принято дѣйствовать противу непріятеля партизанскими отрядами. Графъ Платовъ, прибывъ въ Пеннгъ, условился—съ стоявшими вблизи генераль-лейтенантомъ барономъ Телемакомъ и пол-

(1) Высоч. приказъ 15-го іюня 1813 г.

ковникомъ графомъ Мейндорфомъ—преслѣдовать непріятельскаго генерала Лефевра-Денуэтта, который, достигнувъ г. Цейца, занялъ впереди лежащія высоты двумя батареями. Бывшій подъ командою Платова, съ особымъ отрядомъ изъ одного Донскаго и одного *Черноморскаго* казачьихъ полковъ, князь Кудашевъ, дѣйствіемъ артилеріи заставилъ непріятеля сняться съ позиціи. Едва французы тронулись съ мѣста, какъ кавалерія союзныхъ партизановъ помчалась въ атаку; несшійся впереди *Черноморскій* казачій полкъ первый ворвался въ городъ, а когда непріятель, засѣвшій въ фабричныхъ строеніяхъ, началъ стрѣлять, то кавалерія наша спѣшила и штурмовала фабрику; казаки и гусары, подъ начальствомъ принца Бирона Курляндскаго, выбили непріятеля изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, взяли въ плѣнъ 36 офицеровъ, 1,380 нижнихъ чиновъ, отбили три знамени и пять орудій. Изъ черноморцевъ, при этомъ дѣлѣ, убитъ поковой квартирмейстеръ Величковскій.

По возвращеніи изъ Силезіи, Черноморскій казачій полкъ, распоряженіемъ князя Волконскаго 30-го іюля 1814 года, изъ Владиміра на Волынѣ возвратился въ Черноморію ⁽¹⁾.

Послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, атаманъ Бурсакъ получилъ изъ Вѣны, чрезъ управляющаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова, отъ Императора Александра I, 9-го марта 1815 года, слѣдующій рескриптъ:

«По предстоящей надобности въ Иррегулярныхъ войскахъ для арміи, къ дѣйствию противу непріятеля назначенной, повелѣваю вамъ снарядить немедленно пять исправныхъ и доброконыхъ полковъ Черноморскаго войска и отправить ихъ на границу Нашу къ Радзивиллову, а Миѣ довести, когда они на сей пунктъ придутъ, дабы можно было встрѣтить ихъ въ свое время предписаніемъ о дальнѣйшемъ слѣдованіи. Не зная, можетъ-ли войско Черноморское, при содержаніи своихъ кордоновъ, отдѣлить въ армію назначаемые пять полковъ, Я оставляю на вашъ произволъ выслать ихъ столько, сколько мѣстныя обстоятельства позволятъ вамъ,—надѣясь, что по усердію къ службѣ и общему долгу, сами вы не удержите излишнихъ людей въ домахъ, а доставите случай храбрымъ черноморцамъ отличить себя на томъ поприщѣ, гдѣ сотоварищи ихъ столь отлично служили уже въ прошлую кампанію».

Атаманъ Бурсакъ приказалъ изготовить четыре сборныхъ конныхъ полка; болѣе онъ не могъ выслать безъ ослабленія Кубанской

⁽¹⁾ Ист. войны съ Франціей 1812—1813 гг. Т. I и II, соч. Богдановича.—Полн. Собр. Зак. 1813 г. Т. XXXII (25401).—Свѣд. изъ дѣлъ Куб. войск. архива.

границы отъ нападенія горцевъ,—о чемъ, для доклада Государю, Бурсакъ 11-го апрѣля донесъ князю Горчакову.

Собранные полки 10-го мая выступили въ походъ, подъ командою подполковника Дубоноса, направляя путь къ мѣстечку Радзивиллову Волынской губерніи; но на маршѣ, изъ мѣстечка Холма, Варшавскаго герцогства, по Высочайшему повелѣнію, переданному Дубоносу генераль-маіоромъ Родіоновымъ, возвращены на родину, такъ какъ надобность въ движеніи войскъ за-границу миновала.

Въ 1813 году, по окончаніи турецкой войны, крѣпость Анапа была возвращена Турціи; съ ней вмѣстѣ поступили подъ турецкую опеку и горскіе народы. Назначенный въ Анапу комендантомъ Гуссейнъ-паша получилъ строгое приказаніе не допускать черкесовъ до враждебныхъ дѣйствій противу Россіи. Но въ 1815 году, Сеидъ Ахметъ-паша, назначенный на мѣсто Гуссейна-паши, не былъ расположенъ поддерживать спокойствіе на Кубанской границы. Натухайцы первые не понравились ему за мирныя сношенія съ русскими. Онъ намѣревался поселить между ними до 10,000 ногайцевъ, а когда это не удалось, предложилъ шапсугамъ вовсе лишить натухайцевъ земли. Эта угроза тоже не состоялась; тѣмъ не менѣе паша не переставалъ изыскивать способы поднять горскіе народы на борьбу съ русскими.

О поступкахъ паши было сообщено нашему посланнику при Константинопольскомъ дворѣ. Тайный совѣтникъ Италинскій узналъ, что анапскій паша имѣлъ отъ Порты секретное порученіе возмущать горскіе народы, о чемъ, 22-го октября 1815 года, генералъ Бухгольцъ сообщилъ Черноморскому войсковому атаману для взятія предосторожности на кордонной линіи. Въ тоже время, тайный совѣтникъ Италинскій, не открывая дивану полученныхъ имъ свѣдѣній о закубанскихъ дѣлахъ, настоялъ, въ силу существовавшихъ договоровъ, о возвращеніи черноморцамъ заграбленнаго горцами, въ разное время, скота и другаго имущества, также возвращенія нашихъ плѣнныхъ и дезертировъ. Султанъ далъ объ этомъ фирманъ анапскому пашѣ, и часть скота черноморцами изъ-за Кубани получена; плѣнные же и дезертиры подъ разными предлогами не были возвращены.

Изъ внутреннихъ событій 1815 года, касавшихся непосредственно Черноморіи, слѣдуетъ отмѣтить назначеніе херсонскимъ военнымъ губернаторомъ генерала-отъ-инфантеріи графа Ланжерона, которому, какъ и прежнимъ начальникамъ края, подчинялась земля Черноморскаго войска, и выходъ въ отставку атамана Бурсака. Удрученный лѣтами и трудами долголѣтней службы, Бурсакъ самъ просилъ объ увольненіи, и въ слѣдующемъ году получилъ на свою просьбу Вы-

сочайшее разрѣшеніе. Въ шестнадцать лѣтъ своего атаманства, онъ много принесъ пользы Черноморіи въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Своими походами за Кубань онъ принудилъ горскіе народы просить мира, и хотя миръ съ ними не былъ проченъ, однако въ промежутки его не одна сотня казачьихъ семействъ перестала оплакивать потерю мужей, отцовъ, сыновей и братьевъ, слагавшихъ головы свои при защитѣ роднаго края.

По представленію графа Ланжерона, на мѣсто генералъ-маіора Бурсака, по Высочайшему указу, 23-го марта 1816 года, назначенъ войсковымъ атаманомъ непремѣнный членъ войсковой канцеляріи подполковникъ Матвѣевъ.

Мирное время на границѣ начало сближать горцевъ съ черноморцами. Для большаго распространенія сношеній русскихъ съ азіятцами, по Высочайшему повелѣнію присланъ былъ въ Черноморію вѣдомства государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворный советникъ де-Скасси, въ качествѣ посредника между горцами и казаками. Чиновникъ этотъ, прибывши въ войско 5-го декабря, заявилъ войсковому атаману слѣдующія свои соображенія: зная характеръ, нравы, обычаи и духъ черкесскаго народа, онъ предложилъ правительству возобновить съ горцами пріязненныя сношенія посредствомъ торговли, и преимущественно солью, а въ замѣнъ ея получать отъ нихъ лѣсъ. Для этого надлежало открыть по Кубани мѣновыя дворы. Скасси совѣтовалъ также допустить черкесовъ жить на нашей сторонѣ хуторами и селиться аулами при самой Кубани, съ лѣвой стороны, для лучшаго сближенія съ русскими. Войсковое начальство открыло съ горцами свободную торговлю на мѣновыхъ дворахъ, устроенныхъ по пристанямъ на Кубани. Мѣра эта оказалась полезною для края: черкесы, получая запросъ на свои товары, охотно пускались въ мѣновую торговлю. Изъ-за Кубани шель преимущественно лѣсъ и сырые продукты и матеріалы, а изъ Черноморіи, соль и мануфактурные товары. Предложеніе же Скасси селить горцевъ по обѣ стороны Кубани, войсковое начальство не приняло изъ опасенія грабежей и разбоевъ азіятцевъ; но нѣкоторые владѣльцы сами начали просить о водвореніи по границѣ, обѣщая не допускать вторженій горскихъ разбойниковъ. Просьба ихъ была представлена войсковымъ атаманомъ, чрезъ графа Ланжерона, на Высочайшее усмотрѣніе. По запискѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, комитетъ министровъ, журналомъ 10-го апрѣля 1817 года, постановилъ: дозволить закубанскимъ владѣльцамъ селиться на ихъ сторонѣ при Ку-

бани, съ строгимъ наблюденіемъ предосторожностей. Императоръ Александръ, утверждая это положеніе, добавилъ: «Особенно наблюдать, чтобы тѣ владѣльцы не имѣли отъ мѣстнаго начальства никакихъ притѣсненій, и чтобы не было съ нихъ сбора денегъ ни на какія земскія повинности или расходы».

Близкія къ Кубани поселенія не принесли, однако, особенныхъ выгодъ. Селившіеся горцы, считаясь мирными, имѣли свободный доступъ на нашу сторону и, высмотрѣвъ положеніе кордонной стражи, скорѣе могли пробираться къ нимъ, или указывать путь своимъ родичамъ. Воровства и разбои, какъ и прежде, не прекращались.

Старанія де-Скасси сближить горцевъ съ русскими не достигали желанныхъ результатовъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи большія суммы, онъ угощалъ горцевъ, дарилъ ихъ, ласкалъ и уговаривалъ быть мирными. Черкесы по нѣскольку дней жили у насъ цѣлыми десятками, пили и ѣли вдоволь, брали подарки, внимательно выслушивали совѣты попечителя и изъявляли мирныя расположенія свои и за другихъ. Все это происходило на правой сторонѣ Кубани, а на лѣвой горцы думали иначе: видя довѣрчивость дипломата Скасси, хитрые азіятцы обманывали его, обирали нашу казну, и по прежнему оставались врагами русскихъ. Бывали нерѣдко случаи, что того самаго горца, котораго сегодня дарили и угощали, какъ лучшаго изъ нашихъ пріятелей, завтра находили убитымъ или захватывали на хищничествѣ и разбояхъ въ нашихъ предѣлахъ. По поводу такихъ двуличностей «мирныхъ», между казаками сложилась поговорка: «Въ день мирній, а въ ночи дурній».

Спокойный для Черноморіи 1817-й годъ былъ ознаменованъ проездомъ въ Крымъ Великаго Князя Михаила Павловича. Его Высочество, 14-го сентября прибывъ въ Екатеринодаръ, посѣтилъ войсковой соборъ и мѣстныя войсковыя учрежденія. Найдя, какъ по военной, такъ и по гражданской частямъ, отличный порядокъ, Великій Князь отдалъ благодарность войску.

Но долгое спокойствіе на Кубанской границѣ наскучило горцамъ. Подготовленные тайными врагами Россіи, они неожиданно, въ 1818 году, открыли враждебныя дѣйствія. На первый разъ удалось имъ, 4-го января, разграбить Капанскую постовую станцію, но послѣ подкрѣпленія кордонной линіи, по 50 человекъ на каждый постъ, дальнѣйшія нападенія горцевъ не имѣли успѣха.

На письмо войсковаго атамана къ анапскому пашѣ объ усмирении хищниковъ, Сеидъ-Ахметъ-паша отвѣчалъ, что закубанцы безъ вѣдома его тревожатъ Черноморію, и что такихъ разбойниковъ слѣ-

дуетъ ловить, привязывать имъ кошель на шею и бросать въ воду. Въ послѣдующей перепискѣ онъ высказался Матвѣву, что черкесы его не слушаютъ, что онъ не въ силахъ удерживать ихъ отъ нападений на Черноморію, что атаманъ самъ долженъ принимать мѣры предосторожности на границѣ, но обѣщалъ извѣщать о замыслахъ горцевъ.

Въ концѣ 1819 года войсковому атаману Матвѣву лазутчики передали изъ-за Кубани свѣдѣніе, что черкесы условились между собою вторгнуться въ Черноморію, какъ только Кубань покроется льдомъ.

По увѣренію лазутчиковъ, къ этому набѣгу побуждалъ горцевъ, угрозами, подарками, ласками и другими мѣрами, самъ анапскій паша.

Матвѣвъ выдвинулъ на границу всѣ льготныя строевыя части войска. 30-го января 1820 года онъ донесъ объ этомъ графу Ланжерону, который, зная малочисленность Черноморскаго войска, потребовалъ съ Дону два конныхъ полка. Подкрѣпленіе это подоспѣло тогда, когда въ немъ не было уже надобности.

Въ январѣ горцы открыли военныя дѣйствія. Первое покушеніе ихъ разграбить Васюринское селеніе не удалось. Встрѣтивъ сильныя пограничныя команды есауловъ Косовича, Заборы и войскового старшины Гавриша, горцы убралась за Кубань, но не разошлись, а, напротивъ, усилившись до 7,000, 24-го числа двинулись всей массой на нашу сторону, въ дистанціи Елисаветинскаго поста, грабить хутора, разселенные верстахъ въ пятнадцати отъ Кубани. Подполковникъ Ляшенко, войсковой старшина Порохня, съ 800 казаковъ, стали на перерѣзъ скопищу непріятелей. Въ то время, какъ казаки смѣло стали на отбой, черкесы однимъ натискомъ семитысячной массы прорвали ряды казаковъ, двинулись далѣе, разграбили и разорили жилища хуторянъ, нѣсколько человѣкъ убили и до тридцати душъ взяли въ плѣнъ, захватили 700 головъ рогатаго скота и до сотни лошадей. 1-го февраля вторженіе повторилось: восьмитысячное скопище двинулось къ Полтавской станицѣ. Сирмаха и хорунжій Синьговскій, послѣдившіе съ кордонныхъ постовъ, имѣли не болѣе двухъ сотъ казаковъ, и потому не въ силахъ были удержать многочисленнаго непріятеля. Уже горцы вторгнулись въ станицу; запылали жилища казаковъ на окраинѣ селенія; упорный бой кипѣлъ въ улицахъ станицы; Сирмаха и Синьговскій, соединившись съ жителями, отстоявали Полтавскую; священникъ съ крестомъ въ рукахъ явился среди защитниковъ... Къ счастью полтавцевъ, прибывшіе съ командами войсковой полковникъ Стороженко и есаулъ Животовскій смѣ-

лымъ и дружнымъ ударомъ свѣжихъ силъ принудили грабителей отступить. Тогда Стороженко, пользуясь замѣшательствомъ черкесовъ, сединивъ подъ свою команду всѣ оборонительныя силы, погналъ горцевъ къ Кубани, отбилъ у нихъ часть захваченнаго у насъ скота и два непріятельскихъ значка. При преслѣдованіи этомъ, много черкесовъ было убито и ранено; но и казаки, кромѣ разграбленныхъ домовъ, потеряли уведенными въ плѣнъ пятнадцать душъ полтавскихъ жителей, убитыми: хорунжаго Синьговскаго, пять нижнихъ чиновъ и шесть ранеными.

Черезъ нѣсколько дней, собравшись вновь до 2,000 человѣкъ, черкесы переправились на правую сторону Кубани, въ дистанціи Петровскаго поста. Напрасно есаулъ Кумпанъ, съ отрядомъ своимъ, старался заградить дорогу горцамъ; отбросивъ горсть казаковъ, они направились къ казачьимъ хуторамъ. Прискакавшій съ Копыльскаго поста, съ полутора сотенною командою, войсковой старшина Головинскій также не могъ остановить непріятеля. Горцы разграбили казачьи поселенія, сожгли дома, забрали скотъ, имущество и людей, и ушли за Кубань. Головинскій и Кумпанъ хотя и нападали на непріятеля, но съ малымъ числомъ казаковъ, конечно, не спасли хуторянъ.

Наступившая оттепель разбила на Кубани ледъ; переправа чрезъ рѣку стала затруднительна, и вторженія хищниковъ прекратились.

Хозяиничанье черкесовъ въ нашемъ краѣ сильно поколебало довѣріе черноморцевъ къ своему начальству. Общее мнѣніе говорило особенно не въ пользу войскового атамана Матвѣва, допускавшаго горцевъ безнаказанно разорять казачьи станицы; даже поговаривали еще и другое, на примѣръ:

Матвѣвъ промѣнявъ осички ⁽¹⁾
На сребрані жучки ⁽²⁾.

Конечно, такому слишкомъ смѣлому предположенію вѣрить нельзя; да и примѣровъ не бывало, чтобы въ Черноморіи не только атаманская, но простая начальствующая личность измѣняла долгу службы и присягѣ. Но такъ или иначе, а репутація Матвѣва въ дѣлѣ военной обороны ввѣреннаго ему края много пострадала. Втянувшись въ бесполезную переписку съ анапскимъ пашой, онъ не обращалъ должнаго вниманія на тревожныя извѣстія изъ-за Кубани; правда, онъ выставилъ подкрѣпленія изъ льготныхъ частей, но, зная недостаточ-

⁽¹⁾ «Осичками» назывались разграбленные горцами въ первый разъ хутора.
⁽²⁾ «Жучки» наборъ для пояса.

ность военных силъ на кордонной линіи, могъ бы вызвать изъ войска, для защиты границы, всѣхъ способныхъ носить оружіе, подобно тому, какъ прибѣгалъ къ этой крайней мѣрѣ предшественникъ его, Бурсакъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Чтобы не допустить горцевъ свободно разгуливать на войсковой территоріи, Матвѣевъ имѣлъ возможность самъ ходить за Кубань, что всегда и дѣлалъ Бурсакъ. Справедливо, что существовало повелѣніе Ланжерона не переходить за Кубань, но такое запрещеніе было и прежде, однако Бурсакъ добился позволенія наказывать хищниковъ въ ихъ же землѣ.

Бѣдственный годъ принесъ, однако, Черноморіи и радостную вѣсточку. Давно уже чувствовался недостатокъ въ населеніи войска, давно внутреннее благоустройство черноморцевъ требовало улучшенія. Безпрерывная служба на кубанской границѣ, отвлекая рабочія силы, или, лучше сказать, *ослѣз* способныхъ носить оружіе отъ домашнихъ трудовъ, повергло край въ бѣдность, что и было доведено графомъ Ланжерономъ до Высочайшаго свѣдѣнія. По проекту генералъ-маіора Киселева, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей поднесъ Государю докладъ о переселеніи въ Черноморію до 25,000 душъ малороссійскихъ казаковъ. Представленіе это, въ 19-й день апрѣля 1820 года, удостоилось Высочайшаго утвержденія ⁽¹⁾. Столь значительное число переселенцевъ, прибывшихъ въ войско, окончательно, въ слѣдующемъ году, оживило край, ободрило упавшій духъ истощенныхъ до крайности казаковъ.

Какъ ни бѣдны были черноморцы, но все же въ сравненіи съ пришедшими къ нимъ изъ Малороссіи собратами могли похвалиться нѣкоторымъ довольствомъ: по крайней мѣрѣ, у нихъ былъ свой кровъ и насущный, хотя и скудный, кусокъ хлѣба; у переселенцевъ же не было ни того, ни другаго. Чтобы помочь этимъ бѣднякамъ, атаманъ Матвѣевъ, 21-го ноября 1821 года, обратился къ черноморцамъ съ воззваніемъ: онъ приглашалъ ихъ къ благотворительности—и не напрасно. Едва прошелъ мѣсяцъ, какъ уже было собрано 10,000 рублей ассигнаціями, до 64 четвертей хлѣба, 317 головъ рогатаго скота, 16 лошадей и 1,044 овецъ ⁽²⁾. Пожертвованія не прекращались и въ послѣдующее время. Учрежденный въ Екатеринодарѣ комитетъ для водворенія переселенцевъ, благоразумно распоряжался приношеніями черноморцевъ, которые, послѣ рѣчи, пронесен-

⁽¹⁾ Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII (28241).

⁽²⁾ Приказъ по Отд. Кавк. корпусу 4-го мая 1822 г., № 18.

ной атаманомъ въ собраніи дворянства, усугубили свою благотворительность ⁽¹⁾.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 11-го апрѣля 1820 г., Черноморское войско подчинено было начальнику отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, переименованнаго въ слѣдующемъ году въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, а войсковая земля причислена къ Кавказской губерніи ⁽²⁾.

Бывшій главный начальникъ войска, графъ Ланжеронъ, желая сохранить память о себѣ, прислалъ Матвѣеву изъ С.-Петербурга двадцать пять своихъ портретовъ для раздачи достойнымъ представителямъ черноморскаго казачества, и, увѣдомляя атамана о подчиненіи войска кавказскому начальству, писалъ:

«Разлучаясь нынѣ съ симъ храбрымъ и неустрашимымъ воинствомъ, для котораго я, во всѣхъ отношеніяхъ, старался быть полезнымъ и которое во все время начальства моего надъ онымъ было предметомъ моихъ искреннихъ попеченій, приглашаю ваше высокоблагородіе оповѣстить по области Черноморской о Высочайшемъ соизволеніи вмѣстѣ съ подчиненными вамъ полками сохранять меня въ памяти своей. Я же не премину воспоминать о тѣхъ отличительныхъ качествахъ командуемыхъ вами воиновъ и вашихъ, которыя всегда сопровождаемы были моею признательностію и уваженіемъ».

VI.

(1821—1829).

Взглядъ Ермолова на Черноморію.—Прибытіе въ Черноморское войско генерала Власова.—Калаусская битва.—Походъ Власова за Кубань.—Пріѣздъ анапскаго паши къ Екатеринодару.—Военныя дѣйствія за Кубанью.—Пособія турокъ горцамъ.—Разореніе владѣній Натухайскаго князя Калабатъ-Оглы.—Удаленіе Власова на Донъ и прибытіе въ Черноморію генерала Сысоева.—Походъ черноморцевъ въ Персію.—Смерть Матвѣева и назначеніе атаманомъ Безкровнаго.—Дѣла на Кубани въ войну съ турками.—Участіе черноморцевъ въ турецкой войнѣ.—Дѣйствія Безкровнаго за Кубанью.

До сихъ поръ военныя дѣйствія на Кубанской границѣ ограничивались прямыми отношеніями Черноморскаго войска къ горскимъ народамъ. Черноморскіе казаки были предоставлены самимъ себѣ въ

⁽¹⁾ Приложение XVI.

⁽²⁾ Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII (28225 и 28436).

оборонѣ края отъ за-кубанскихъ хищниковъ, и рѣдко-рѣдко какая-нибудь регулярная часть присылалась на помощь казакамъ. Большою частью, сами казаки расплачивались со своими безпокойными сосѣдями. Турецкое правительство, принявъ на себя обязанность удерживать горскихъ народовъ отъ нападений на Черноморію, не всегда исполняло этотъ договоръ съ Россіей; въ послѣднее же время анапскій паша не только не удерживалъ хищниковъ, но самъ, съ согласія Порты, подстрекалъ ихъ, какъ писалъ русскій посолъ въ Константинополѣ. Съ подчиненіемъ Черноморскаго войска кавказскому начальству, отношенія черноморцевъ къ горцамъ измѣнились. Корпусный командиръ, генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ, не вѣрилъ въ пріязненныя отношенія за-кубанскихъ горцевъ къ Россіи, — хотя нѣкоторые владѣльцы черкесскихъ племенъ считались давно уже мирными черкесами; онъ считалъ всѣхъ горцевъ врагами русскихъ. Мнѣніе Ермолова о горцахъ выражено въ донесеніи его управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде, 7-го іюля 1820 года, по поводу проекта графа Ланжерона о занятіи черноморцами Каракубанскаго острова. Между прочимъ онъ писалъ:

«Народы Закубанскіе явно непослушны правительству турецкому, и паша, начальствующій въ Анапѣ, во всегдашнемъ отъ нихъ опасеніи. Онъ рѣдко выѣзжаетъ изъ крѣпости; никогда команды войскъ не выходятъ въ маломъ числѣ. Онъ не въ состояніи укротить ихъ самовольство, воздержать отъ разбоевъ. Напротивъ, сближеніемъ и ободреніемъ втайнѣ думаетъ онъ снискать ихъ привязанность, или, всеконечно, удовлетворять ихъ корыстолюбію.

«Закубанцы знаютъ и права наши, и возможность наказывать за ихъ злодѣянія, и что же служить имъ защитою? Иногда бывающая между ними зараза, но болѣе еще подозрѣніе о всегдашнемъ ея существованіи. Войско Черноморское ограничиваетъ себя невыгодною отъ набѣговъ обороною. Хищники въ селеніяхъ, на самомъ берегу Кубани лежащихъ, имѣютъ вѣрное убѣжище между сообщниками въ злодѣяніяхъ, не боясь преслѣдованія, ибо знаютъ, что запрещено оное. Пашѣ Анапскому приписывая, со стороны нашей, жалобы удовлетворяемы однимъ отзывомъ, что ему не повинуются.

«Не вижу я никакой необходимости такъ далеко простирать заботливость о успокоеніи горцевъ, и относить къ одному невѣжеству тѣ наглости, которыя дѣлаютъ они обдуманномъ образомъ, или ободренные чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ.... Не здѣсь надобно бояться раздражить: народы здѣшніе издавна дѣлаютъ намъ вредъ какой только могутъ, и кто только близко видитъ ихъ, знаетъ, что дѣлать болѣе онаго они не въ состояніи. Вѣчныя между ними вражды за то рвутся, и кто не коснется до жилищъ ихъ въ срединѣ

самыхъ горъ, которыя почитаютъ они оградою свободы, тотъ не соединить противъ себя ихъ усилій.

«Господинъ генералъ графъ Ланжеронъ, коего постоянное попеченіе о благоустройствѣ чувствуетъ войско Черноморское, отвлекаясь будучи важнѣйшими должностями, не могъ часто посѣщать здѣшной страны, и закубанцы всегда замѣчаютъ отсутствіе начальника; меня же обстоятельства понуждаютъ къ жизни болѣе подвижной, занимаясь дѣлами съ народами во всемъ имъ подобными, и сіе замѣтятъ новые мои сосѣди.

«Итакъ, если занятіе острова Каракубани предоставитъ выгоды, то, по мнѣнію моему, не заботясь о томъ, какъ покажется закубанцамъ, занять его, какъ принадлежность, и приступить къ построенію на немъ укрѣпленій. На немъ учредить карантинъ собственно для очищенія войскъ. Не терпѣть впродъ наглыхъ и оскорбительныхъ вторженій закубанцевъ, держащихъ дѣлать оныя, преслѣдовать и наказывать ближайшія селенія, участвующія въ злодѣяніяхъ; иначе не будетъ безопасности и всегда потери со стороны нашей....»

Ермоловъ, принявъ въ вѣдѣніе свое Черноморское войско, и зная безпорядки, происходившіе на Кубанской границѣ, назначилъ начальникомъ Черноморской кордонной линіи генералъ-маіора Власова, которому приказалъ обратить все вниманіе на огражденіе этого края отъ набѣговъ хищниковъ. Власову дана была полная воля карать злодѣевъ на всякомъ мѣстѣ ихъ преступленія, и имя Власова скоро пронеслось грозою по всѣмъ горамъ западнаго Кавказа.

Прибывши въ войско, генералъ Власовъ составилъ себѣ о немъ весьма невыгодное заключеніе, вслѣдствіе чего Ермоловъ писалъ:

«Войска Черноморскаго атаману, господину полковнику и кавалеру Матвѣеву.

«Войска Донскаго господинъ генералъ-маіоръ Власовъ 3-й прислалъ мнѣ донесеніе объ осмотрѣ полковъ, содержащихъ кордонную по р. Кубани стражу. Сколько ни старался онъ смягчить выраженія при описаніи неисправностей сихъ полковъ, не могу я однако же не видѣть до какой степени достигли оныя.

«Начну съ того, что въ нихъ не комплектъ; но вы, господинъ атаманъ, должны вспомнить, что есть мой приказъ о собраніи отлученныхъ отъ полковъ людей, и чтобы оныя не были развлекаемы.

«Оружія на людяхъ многого не состоитъ и находящееся на лицѣ въ неопозволительномъ состояніи. Не у храбраго воина оружіе въ небреженіи, а у казаковъ Черноморскихъ съѣдаетъ его ржавчина!

«Лошадей въ полкахъ много неспособныхъ, большаго числа вовсе не достаесть. Въ пяти полкахъ казаковъ, съ лошадьми надежными, до 1,598 человекъ. Разочтите, господинъ атаманъ, сколько негодныхъ остается?

«Въ разборѣ людей не пріемлется въ разсужденіе родъ службы. Ка-

закъ ловкій на коню—служить пѣшій; не умѣющій управлять взлѣзъ на коня, и самъ не радъ, и конь непослушливъ подъ сѣдокомъ боязливымъ.

«Судя по стрѣльбѣ казаковъ въ цѣль, можно заключить, что многіе изъ казаковъ пороха съ макомъ не распознаютъ.

«Обращеніе офицеровъ съ казаками не внушаетъ въ сихъ послѣднихъ къ себѣ должнаго почтенія. Не слабостію и потворствомъ пріобрѣтается любовь подчиненнаго. Начальникъ, давая собою примѣръ исполненія должности съ тщаніемъ и честью, научаетъ почитать себя. Большая часть офицеровъ Черноморскаго войска сего не понимаетъ; но начальники ихъ того не видятъ, и развратъ, ими посянннй, не пренятствуетъ имъ получать повышеніе въ чинахъ и равняться въ преимуществахъ съ офицерами достойными. Казаки, послабленіемъ допущенные до состоянія уничижающаго высокое званіе воиновъ, заставляють краснѣть начальниковъ, надъ ними поставленныхъ, и одни офицеры войска Черноморскаго того не чувствуютъ. Вы, господинъ атаманъ, отдаете приказанія и не смотрите за исполненіемъ; пріучаете подчиненныхъ къ неуваженію въ особѣ вашей начальника, разрушаете чинопочитаніе и мнѣ, новому сотруднику вашему, едва остается право признавать Васъ болѣе не за начальника войскъ, а за пристава надъ мужиками. Хочу еще видѣть какія употребите вы усилія исправить вкоренившіеся безпорядки отъ нерадѣнія вашихъ предмѣстниковъ и собственной вашей слабости.

«Нужно вамъ мое содѣйствіе—я готовъ употребить власть мою и строгость, ибо столько же непріятно мнѣ видѣть въ васъ начальника, не вселяющаго къ себѣ почтенія, которымъ должны бы быть почтены и лѣта ваши и заслуги, такъ равно имѣть подъ начальствомъ моимъ сбродъ людей, похищающихъ именованіе военныхъ.

«Есть время все поправить, и мнѣ пріятно будетъ щадить стараго служиваго».

«Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ».

№ 2.

10-го января 1821.

Георіевскъ.

Что могло быть прискорбнѣе для Черноморскаго войска, какъ такой отзывъ о немъ главнаго начальства! Ермоловъ, еще однимъ подобнымъ громоноснымъ словомъ, поразилъ черноморцевъ: онъ угрожалъ офицерамъ вызовомъ на службу въ Грузію и за-кавказскія крѣпости.

Не могу судить, на сколько было справедливо негодованіе генерала Ермолова, основанное на донесеніи Власова. Считаю, однако, не лишнимъ сказать, по этому поводу, нѣсколько словъ. Ермоловъ винить атамана въ некомплектѣ полковъ. Но вспомнимъ, что войско Черноморское именно въ это самое время доведено было до полного

истощенія въ числительности людей, и что правительство нашлось вынужденнымъ пополнить его переселенцами изъ Малороссіи. Генераль-маіоръ Киселевъ не безъ основанія объяснялъ въ запискѣ о переселеніи малороссійскихъ казаковъ на Кубань, что «Черноморская земля, при великомъ своемъ пространствѣ, не имѣетъ довольнаго населенія....» Значитъ, въ Черноморіи въ людяхъ чувствовался крайній недостатокъ; а при такомъ положеніи войска нельзя было удерживать полки въ полномъ составѣ. Ермоловъ упоминаетъ о недостаточности и о небрежности оружія у казаковъ. Но оружіе пріобрѣтали черноморцы на свой счетъ, а иной бѣднякъ не только не имѣлъ достатка снарядить себѣ полное и доброе вооруженіе, но нуждался въ самомъ необходимомъ, да и заработать, при постоянной въ то время службѣ, не имѣлъ возможности. О чистотѣ оружія нельзя было и думать. Тогдашняя кордонная на Кубани служба была такова, что казакъ, ежечасно сторожившій хищниковъ, сегодня былъ въ разтѣздѣ, завтра въ караулѣ, послѣ завтра въ залогѣ. Отъ дождя, росы и грязи, конечно, являлась на оружіи ржавчина и все другое, недопускаемое въ регулярныхъ войскахъ, расположенныхъ по квартирамъ или въ гарнизонахъ. Ермоловъ указывалъ на недостатокъ и негодность нѣкоторыхъ лошадей въ конныхъ полкахъ; но можно ли было требовать отъ бѣдняковъ-черноморцевъ отборныхъ лошадей. Иной казакъ послѣднее сбылъ да коня добылъ, но на бѣду его конь палъ, или убитъ горцами, а другаго исправить не начто. Надобно еще вспомнить, что въ то время въ Черноморіи не только коневодство, но и вообще все скотоводство было въ большемъ упадкѣ. Генераль Киселевъ, въ упомянутой выше запискѣ, писалъ Государю, «что главные доходы войска состоятъ въ скотоводствѣ и рыбныхъ ловляхъ, но и оныхъ казаки, по непрерывному своему оборонительному состоянію, распространить не имѣютъ возможности». Ермоловъ видитъ несообразность въ сортировкѣ казаковъ для конницы и пѣхоты. Это правда. Но не только тогда, а и въ позднѣйшее время, въ Черноморіи, при обязательной для всѣхъ и каждаго службѣ, принималось за первое основаніе—назначать въ конницу людей, имѣющихъ достаточныя средства на исправленіе коня и другихъ принадлежностей, не требующихся въ пѣшемъ строѣ. Иначе и быть не могло. Положимъ, казакъ легкій и ловкій, только бы служить на конѣ; да гдѣ взять коня, когда у казака ни гроша въ карманѣ! По неволѣ долженъ пѣшимъ служить. Относительно незнація стрѣльбы черноморскими казаками, не могшими различить, по словамъ Ермолова, «пороха съ макомъ», могу только предложить вопросъ: возможно ли, чтобы черноморцы, выросшіе съ дѣт-

ства съ оружіемъ въ рукахъ, не умѣли стрѣлять? Откуда же, какъ не изъ черноморскихъ казаковъ образовались знаменитые *пластуны*, которые и до Ермолова, при немъ и послѣ его, несли едва-ли другимъ доступную службу.» Кромѣ пластуновъ, въ Черноморіи не только всѣ казаки, но и казачки умѣли стрѣлять, и не то чтобы, какъ говорится, въ бѣлый свѣтъ, какъ въ денежку, а въ цѣль, въ которую мѣтили. Последнее замѣчаніе Ермолова о слабости начальниковъ въ обхожденіи съ подчиненными, дѣйствительно, можно было встрѣтить незнакому съ бытомъ войска; но причины тому нужно искать не въ винѣ начальниковъ и не въ непониманіи ими своего положенія, а въ исторически сложившемся характерѣ черноморцевъ. Простое и вольное обращеніе *пановъ* съ казаками, — какъ говорится у насъ *за панібрата*, — занесено изъ Запорожья, вмѣстѣ съ другими національными особенностями. Такое обращеніе не мѣшало, однако, каждому исполнять свои обязанности по службѣ съ должной исправностію, доказательствомъ чему вся прошлая служба Черноморскаго войска, за р. Бугомъ и на Кубани, Царскія награды, дарованныя казакамъ за «вѣрную, храбрую и полезную службу». Не мудрено, что Власовъ не нашелъ въ Черноморскомъ войскѣ регулярной дисциплины и не услышалъ обычныхъ фразъ: «*слушаю*», «*что прикажете*»? — Ничего подобнаго казаки не знали. Но странно, что, съ точки зрѣнія Власова, отнесся, какъ въ этомъ, такъ и въ прочемъ, — къ войску Черноморскому, столь просвѣщенный и образованный генералъ, какъ Ермоловъ. Объ атаманѣ Матвѣевѣ ничего сказать не могу: скудные матеріалы не позволяютъ разобрать вполне дѣйствій его по управленію войскомъ; но не могу скрыть сложившейся про него между черноморцами пословицы: «Матюха развѣшивъ уха, А. Г. стогне, та въ карманъ горне».

Корпусный командиръ велѣлъ Власову научить казаковъ службѣ и употребить всѣ мѣры къ обезпеченію Черноморіи отъ вторженія горцевъ; а атаману Матвѣеву приказалъ содѣйствовать Власову, и стараться развѣдывать расположеніе умовъ за Кубанью у черкесскихъ народовъ. По требованію Матвѣева, преданный за-кубанскій дворянинъ Хатуузукъ сообщилъ, что турецкій султанъ еще въ 1820 г. прислалъ анапскому пашѣ судно съ товаромъ и деньгами для черкесовъ, которыхъ велѣлъ обласкать, одарить и пригласить къ вторженію общими силами въ Черноморію. Повелѣніе это паша поручилъ исполнить за-кубанскимъ князьямъ Алкасу и Ногаю, которые и отправились по горамъ до Лабы звать горцевъ на войну съ русскими. Командиръ Навагинскаго полка сообщилъ между тѣмъ, что названные князья и

присоединившіеся къ нимъ товарищи, Сефиръ-бей и кабардинскій князь Магометъ Адажуковъ, пробрались съ двумя турками уже на р. Урупъ къ темиргоевскому владѣльцу Мисеусту Айтекову, обѣщая ему отъ султана всякія милости, но Айтековъ, жившій въ мирѣ съ русскими, не согласился поднять противъ нихъ оружіе. Развѣзжая по горамъ, названные князья разглашали, что у нихъ есть султанскій фирманъ, повелѣвающий всѣмъ мусульманамъ быть вооруженнымъ для войны съ невѣрными; что русскій посланникъ выѣхалъ уже изъ Константинополя; что въ Анапу назначенъ новый паша съ войсками; а нынѣшнему приказано находиться съ за-кубанцами, которымъ султанъ пришлетъ вспомогательное войско.

Много нашлось за Кубанью буйныхъ головъ, охотно взявшихся за оружіе. Огромное скопище придвинулось къ Кубани. 2-го октября передовые наши караулы, посланные къ рѣкѣ Давыдовкѣ (теперь высохшей), дали знать начальнику четвертой части кордонной линіи Журавлю, въ Петровскій постъ, что многочисленная толпа непріятелей подошла уже къ самой Давыдовкѣ. Въ это время былъ въ посту развѣзжавшій по кордонной линіи, съ летучимъ отрядомъ, генералъ Власовъ. Узнавъ о приближеніи непріятеля, онъ послалъ патрули для наблюденія за дѣйствіями горцевъ и усилилъ, гдѣ нужно, кордонную цѣпь. Въ половинѣ девятого часа вечера выступилъ изъ поста нашъ отрядъ, состоявшій изъ 611 конныхъ и 65 пѣшихъ казаковъ, при двухъ орудіяхъ, по дорогѣ къ цѣпи нашей у Давыдовки; но когда стало извѣстнымъ, что непріятель намѣренъ разграбить черноморскіе хутора, отъ Петровской станицы въ пятнадцати и тридцати верстахъ, Власовъ приказалъ отряду двинуться впередъ и, ставъ съ правой стороны, пропустить непріятеля черезъ цѣпь, дабы удобнѣе зайти ему въ тылъ. Горцы, дѣйствительно, прошли верстахъ въ двухъ отъ Петровскаго поста и съ версту отъ отряда. Тогда Власовъ приказалъ Журавлю отрядить сначала небольшую команду казаковъ, при есаулѣ Залѣскомъ, для наблюденія непріятеля, а вслѣдъ затѣмъ была послана другая команда, больше первой, чтобы, соединясь, дать себя замѣтить горцамъ и, по мѣрѣ преслѣдованія, наводить ихъ на нашъ отрядъ. Команды выполнили въ точности приказаніе Власова: онѣ заняли непріятеля ружейнымъ огнемъ и мало по малу привлекали на себя всѣ силы черкесовъ. Власовъ, сообразивъ, по ружейному огню и по извѣстіямъ нарочныхъ, что непріятель остановленъ отъ цѣпи нашей примѣрно верстахъ въ шести, послалъ, для усиленія нашихъ командъ, сотню казаковъ при одномъ орудіи, подоспѣвшемъ изъ Славянскаго поста, а для острастки горцевъ сдѣланы были по цѣпи пушечные

выстрѣлы и зажжены вездѣ маяки. Горцы, въ числѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, озадаченные неожиданностію, повернули назадъ прежнею дорогою. Власовъ, съ остальнымъ отрядомъ, расположеннымъ при самой цѣпи, сталъ, по мѣрѣ отступленія горцевъ, маневрировать взадъ и впередъ, чтобы встрѣтить непріятеля на цѣпи съ лѣваго фланга его; при дорогѣ же, составлявшей границу нашей цѣпи, поставилъ орудіе изъ Петровскаго поста. Выстрѣлами изъ этого орудія непріятельское скопище было отброшено на главный нашъ отрядъ, откуда вдругъ грянули картечные выстрѣлы изъ двухъ пушекъ. Горцы смѣшались и бросились на кордонную цѣпь въ разсыпную. Въ эту-то минуту, Власовъ, съ остальной частью отряда и съ двумя орудіями, быстро двинулся на перерѣзъ бѣжавшимъ съ лѣваго фланга. Сбитые направо, черкесы попали, при ночной темнотѣ, въ прогнойный Калаускій лиманъ. Казаки, покуда была возможность, преслѣдовали ихъ, работая шашками и пиками; но и тѣ изъ горцевъ, которые спаслись отъ казаковъ, погибли, большею частію, вмѣстѣ съ лошадьми, въ прогояхъ Калауса, и только малая партія азійцевъ, еще до прибытія къ лиману, успѣла прорваться сквозь нашъ отрядъ и бѣжать за Кубань.

У черкесовъ были отбиты два значка, взяты въ плѣнъ: князь и 42 простыхъ черкеса; изъ убитыхъ остались въ нашихъ рукахъ 20 тѣлъ, а сколько именно потоплено горцевъ неизвѣстно. По собственному ихъ сознанію, они потеряли въ помянутомъ имъ Калаускомъ дѣлѣ болѣе 20 князей и болѣе 1,000 простыхъ черкесовъ. Казакамъ досталось въ добычу 516 лошадей и множество различнаго оружія. Съ нашей стороны убитъ одинъ казакъ и четыре утонуло въ лиманѣ, при преслѣдованіи горцевъ, да ранено 14 человѣкъ⁽¹⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло полсотни лѣтъ; замолкъ громъ оружія на берегахъ Кубани; умиротворился край, но многіе горцы и донинѣ въ заунывной пѣснѣ вспоминаютъ роковую для нихъ калаускую ночь. Напрасно, однако, любознательный путешественникъ будетъ искать этого знаменательнаго урочища; онъ не найдетъ его, хотя оно существуетъ близъ дороги отъ Копыла на Петровскую: тамъ теперь, на мѣстѣ типистаго лимана, растилается прекрасный лугъ, съ котораго окружные жители собираютъ сѣно.

4-го октября партія черкесовъ до 1,000 человѣкъ вновь переправилась выше Емануиловской батареи чрезъ рѣчку Давыдовку, но, замѣтивъ себя открытыми, обратилась къ сторонѣ Кубани. На другой

(1) Изъ дѣлъ войск. арх.—Записки Ермолова 1816—1827 гг. ч. II.

день эта партія подвинулась впередъ, повидимому съ намѣреніемъ забирать изъ Калауса погибшихъ собратьевъ своихъ, но и тутъ появился, съ отрядомъ при орудіи, Власовъ, разбилъ горцевъ на двѣ партіи, изъ которыхъ большая ушла за Кубань, а меньшая, потерявъ человѣкъ съ десять убитыми, разсыпалась по прибрежнымъ камышамъ, гдѣ преслѣдовать ихъ не было возможности.

Послѣ этихъ происшествій, какъ сообщали лазутчики на Екатеринодарскую карантинную заставу, по всѣмъ горамъ за Кубанью поднялась страшная тревога. Натухайскій владѣлецъ Калабатовъ-Кадчъ началъ собирать свой народъ и приглашать шапсуговъ туда, гдѣ черкесы потерпѣли поражение отъ Власова.

Генералъ Власовъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, потребовалъ къ себѣ извѣстнаго храбростію и распорядительностію полковника Безкровнаго и еще трехъ, по указанію атамана Матвѣева, отличныхъ штабъ-офицеровъ,—войсковыхъ полковниковъ Гавриша, Вербицкаго и Бѣлого. Съ помощію ихъ, отрядъ въ четвертой части кордонной линіи усиленъ былъ болѣе чѣмъ въ 2,000 человѣкъ, а въ прочихъ частяхъ усугублена бдительность кордонной стражи; двѣ роты Навагинскаго полка расположены въ Полтавской станицѣ; жители изъ всѣхъ пограничныхъ хуторовъ собраны въ рыбные заводы и въ Темрюкъ подъ прикрытіе войскъ. Между тѣмъ, изъ-за Кубани было получено извѣстіе, что знатнѣйшіе шапсугскіе и натухайскіе старшины собираются къ анапскому пашѣ на совѣтъ, какъ поступить съ русскими. Затѣмъ лазутчики дали знать, что горцы начали собираться партіями болѣе чѣмъ по 3,000 человѣкъ на Афищѣ, Хаблѣ, Арыгедѣ и Абинѣ для вторженія въ Черноморію.

Извѣстія о сборахъ черкесовъ за Кубанью были вообще противорѣчивы: скопища то увеличивались, то расходились, а одна шайка, до 500 человѣкъ отборныхъ азійцевъ, подъ предводительствомъ шапсугскаго дворянина Казбича, будто бы неоднократно покушалась прорваться на нашу сторону, но, встрѣчая на кордонной линіи наши войска, съ присутствіемъ Власова, оставила свое намѣреніе. Наконецъ, 24-го октября, атаманъ Черноморскаго войска получилъ отъ анапскаго паши письмо, доставленное турецкимъ чиновникомъ Казнодаромъ Яхья-беемъ. Сеидъ Ахметъ, послѣ обычныхъ восточныхъ любезностей, извѣщалъ Матвѣева, что за Кубанью буйные черкесы собирались напасть на наши предѣлы, за что были наказываемы, по его паши, распоряженію; хорошіе же люди не бунтовались, и что вообще съ черкесами не слѣдуетъ вести никакихъ переговоровъ, а сно-

ситься прямо съ нимъ, пашою. Онъ писалъ еще, что и до сихъ поръ ничего не знаетъ вѣрнаго о калаускомъ побоищѣ, и потому просилъ увѣдомленія объ убитыхъ и потопленныхъ въ лиманѣ горцахъ. Матвѣевъ отвѣтилъ, что числа убитыхъ и потопленныхъ черкесовъ вѣрно опредѣлить невозможно; съ черкесами переговоры не ведутся, а въ необходимыхъ случаяхъ по пограничнымъ дѣламъ будутъ сношенія съ нимъ, пашою, по-прежнему, и что онъ всячески долженъ удерживать за-кубанцевъ отъ непріязненныхъ дѣйствій.

При наступившемъ зимнемъ времени, горы прорывались небольшими партіями, но успѣха не имѣли; да и анапскій паша не разъ извѣщалъ кордонныхъ начальниковъ о замыслахъ хищниковъ. Дерзость за-кубанцевъ дошла, однако, до того, что Власовъ рѣшился наказать разбойниковъ въ самой землѣ ихъ. 3-го февраля 1822 года, собравъ легкій отрядъ, онъ прошелъ до рѣчекъ Пшеницъ, Кунъ и Богундырь, захватилъ до 700 головъ рогатаго скота и до 400 овецъ. Черкесы разбѣжались въ лѣса, и Власовъ удалился съ добычей, сильно тревожимый, по обыкновенію, горцами.

Генераль Ермоловъ исходатайствовалъ за калауское дѣло награды Власову и многимъ черноморцамъ; а за послѣднюю удачную экспедицію, въ приказѣ по Кавказскому корпусу, 4-го мая 1822 года, извѣняя благодарность генералу Власову и офицерамъ Черноморскаго войска, въ заключеніе писалъ: «Съ удовольствіемъ замѣчаю въ числѣ штабъ-офицеровъ Дубоноса, участвовавшего въ помянутой экспедиціи по собственному вызову. Такая черта дѣлаетъ ему честь, и я вижу въ оной духъ извѣстныхъ запорожцевъ».

Пограничныя неурядицы подняли, наконецъ, на ноги и самого атаманскаго пашу. Онъ, въ началѣ января, прислалъ на Бугазскую карантинную заставу чиновника, арнаута Селимъ-Агу, съ извѣстіемъ о намѣреніи своемъ прибыть въ Екатеринодаръ. Генераль Власовъ, узнавъ объ этомъ, на всякій случай принялъ предосторожность, усиливъ пограничные посты изъ отрядныхъ казаковъ. 19-го числа паша былъ въ аулѣ шапсугскаго дворянина Читогажа, на р. Афицѣ, и имѣлъ при себѣ въ сборѣ до 3,000 шапсуговъ и нутхайцевъ. На другой день паша прислалъ на екатеринодарскій мѣшовой дворъ Селимъ-Агу, съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи и узнать, будетъ ли онъ принятъ. Селимъ объявилъ начальнику карантина, что паша, не желая подать худой мысли о своемъ приближеніи къ кордонной линіи съ большимъ числомъ черкесовъ, приказалъ имъ остаться по разнымъ рѣчкамъ и ожидать его возвращенія; съ собою же намѣренъ взять только самое малое число почетнѣйшихъ горцевъ. Власовъ от-

вѣчалъ, что паша, какъ представитель союзной державы, будетъ принятъ прилично его достоинству, съ почестями, а равно и вся свита его изъ турокъ состоящая; но чтобы на нашей сторонѣ, кромѣ трехъ или четырехъ почетнѣйшихъ горскихъ князей, черкесовъ не было. 22-го числа, паша, въ сопровожденіи своей свиты, до ста человѣкъ, прибылъ къ переправѣ и прислалъ Селима сказать, что онъ желаетъ видѣться съ Власовымъ и Матвѣевымъ, для переговоровъ. Власовъ уже узналъ, что паша не намѣренъ переѣзжать на нашу сторону, и потому поручилъ инспектору карантинной заставы просить пашу, чрезъ турецкаго посланнаго, пожаловать на нашъ мѣшовой дворъ, куда и онъ, Власовъ, съ войсковымъ атаманомъ прибудутъ. Повѣренному пашини поручено передать Сидъ-Ахмету прежнія условія, относительно черкеской свиты. Какъ только Селимъ-Ага переправился на лѣвый берегъ Кубани и передалъ отвѣтъ Власова, паша, какъ видно было съ нашего берега, немедленно сѣлъ на лошадь и со всей своей свитой отправился въ аулъ черкескаго владѣльца Дударука, расположенный въ виду Екатеринодара.

На другой день, Сидъ-Ахметъ-паша прислалъ на екатеринодарскій мѣшовой дворъ двухъ турецкихъ чиновниковъ и одного горскаго владѣльца съ объявленіемъ, что онъ на нашу сторону переѣзжать не будетъ; что привелъ уже къ присягѣ шапсуговъ и нутхайцевъ о ненападеніи на черноморскіе предѣлы, и что дальнѣйшіе переговоры желаетъ вести съ Власовымъ чрезъ своего повѣреннаго, который будетъ переѣзжать на оба берега Кубани. Власова тогда не было въ городѣ; онъ осматривалъ кордонную линію, и потому Матвѣевъ не рѣшился дать отвѣтъ пашѣ до прибытія начальника. Не дождавшись Власова, паша, переночевавъ въ аулѣ, отправился къ хамышейскому владѣльцу Гаджелю, но, повстрѣчавшись съ нимъ, поворотилъ на р. Шебжъ къ шапсугскому дворянину Казбичу, для склоненія и его жить мирно съ русскими, чего послѣдній не хотѣлъ исполнить. 25-го января изъ аула Казбича паша прислалъ къ войсковому атаману своихъ чиновниковъ, Агу-Ахмета Гаджи-Кремчирія и шапсугскаго муллу Магмета Шеретлука, сказать, что онъ, для переговоровъ, пришлетъ своего повѣреннаго на Бугазскую карантинную заставу. Куда затѣмъ отправился паша, неизвѣстно, но князь Дударукъ говорилъ о намѣреніи его ѣхать къ абадзехамъ, чтобы и это племя, подобно другимъ, привести къ присягѣ на мирную жизнь за Кубанью. Этотъ же князь рассказывалъ, что черкесы недовольны пашою, что онъ не выручилъ отъ русскихъ всѣхъ плѣнныхъ горцевъ, и еще за какія-то неиспол-

ненныя имъ обѣщанія, вслѣдствіе чего всѣ черкесы намѣрены нарушить присягу, вынужденную у нихъ пашой.

Генераль Власовъ, прибывъ въ Екатеринодаръ, составилъ, по совѣту съ атаманомъ, записку, о чемъ именно, чрезъ переводчика, объявить тому чиновнику, который будетъ присланъ на Бугазскую карантинную заставу. Въ этой запискѣ было сказано:

«1) Паша изъ аула Казбичева присылалъ своего чиновника на Екатеринодарскій мѣновой дворъ объявить: буду ли я согласенъ отдать плѣнныхъ черкесовъ у насъ содержащихся, тѣхъ только, которыхъ по-именно отъ насъ будетъ требовано, съ тѣмъ, что и онъ, съ своей стороны, будетъ отыскивать и выдавать тѣхъ нашихъ плѣнныхъ, которыхъ мы будемъ требовать. На сіе присланному объявить, что я имѣю повелѣніе отъ господина корпуснаго командира, на одного ихъ плѣннаго требовать русскихъ двухъ; ежели они не въ состояніи будутъ отдавать по три нашихъ, и еще къ двумъ человѣкамъ въ прибавокъ скотомъ или другимъ какимъ товаромъ на такую цѣну, за какую обыкновенно черноморцы выкупали у черкесовъ своихъ плѣнныхъ.

«2) Паша, пріѣзжалъ къ пристани противу мѣноваго двора для того, чтобы съ г. войсковымъ атаманомъ и со мною видѣться, дабы на счетъ плѣнныхъ поговорить, какъ и о другихъ дѣлахъ. На сіе объявить, что я самъ весьма желалъ съ нимъ, пашою, видѣться и познакомиться, но какъ ему не угодно было переѣхать на нашу сторону, то отсего мы и не могли видѣться, а намъ съ г. атаманомъ, по правиламъ карантина нашего, никакъ нельзя было переѣзжать на черкескую сторону, чтобы тамъ съ нимъ видѣться и говорить.

«3) Паша, чрезъ присланнаго чиновника объявилъ, что онъ шапсуговъ и натухайцевъ привелъ къ присягѣ въ томъ, что они не будутъ впередъ больше переходить на нашу сторону для хищничества, и что онъ будетъ стараться отыскать и возвратить намъ какъ людей, такъ и разнаго рода скотъ, ими похищенный съ начала его управленія черкесами. На сіе отвѣчать, что закубанцы и въ самое то время, когда онъ находился между ими и ѣхалъ къ Дударукову аулу, пріѣзжая къ берегу въ разныхъ мѣстахъ ниже Афинса рѣки, по нѣскольку человѣкъ, стрѣляли по нашимъ часовымъ, разъѣзднымъ и провожавшимъ по р. Кубани байдаки для войсковыхъ надобностей. Я бы весьма желалъ, чтобы похищенное у черноморцевъ было имъ, чрезъ старанія наши, возвращено. Но только паша, въ прошломъ году, хотя также присылалъ къ г. атаману чиновника своего, что онъ назначенъ отъ него собрать отъ шапсуговъ и натухайцевъ скотъ и доставить его къ мѣновому двору, но вмѣсто того, сей чиновникъ привелъ только 12 или 13 самыхъ дрянныхъ лошадей, и тѣхъ потомъ назадъ обратилъ. Теперь по всему видно, что шапсути, какъ прежде не повиновались присягѣ данной ими пашѣ, такъ и нынѣ не повинуются;

а потому и нѣтъ надежды, чтобы они похищенное ими у черноморцевъ возвратили намъ.

«Въ заключеніе разговора объявить мое низжайшее почтеніе пашѣ».

Переговоры не имѣли никакихъ послѣдствій; паша уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій съ Власовымъ, а между тѣмъ, изъ-за Кубани получались тревожныя вѣсти. Лазутчики передавали, что анапскій паша ожидаетъ отъ султана свѣдѣнія о войнѣ съ Россією и уже далъ шапсугамъ и натухайцамъ девять орудій со всѣми боевыми снарядами и при каждомъ по одному турецкому канониру; но съ тѣмъ, чтобы артилерію эту горцы возвратили въ Анапу, если не откроется война съ русскими. А какъ, вслѣдъ затѣмъ, изъ Константинополя получено свѣдѣніе о назначеніи въ Анапу другаго пашы, то Ахметъ-Сеидъ потребовалъ обратно данныя черкесамъ пушки, которыя и доставляются уже въ крѣпость для сдачи новому коменданту. Затѣмъ передали намъ изъ-за Кубани, что въ маѣ мѣсяцѣ пришло изъ Константинополя въ Анапу судно, на которомъ привезено 30 пушекъ, порохъ, свинецъ, ядра и жалованье горскимъ князьямъ, и что всѣ пушки и снаряды розданы уже шапсугамъ, абазинцамъ, бжедукамъ, чиченейцамъ, лабинскимъ ногойцамъ и баракаевцамъ. Много еще разныхъ смутныхъ толковъ доходило изъ за-Кубанскаго края, но всѣ они сводились на одинъ и тотъ же тонъ—враждебнаго расположенія горцевъ.

Не дождавшись изъ Турціи объявленія войны Россіи, анапскій паша ограничился тѣмъ, что запретилъ азіятцамъ, подъ смертною казнью, возить на Бугазъ, для мѣны русскимъ, хлѣбъ и другія произведенія за-Кубанскаго края.

Какъ можно было ожидать, такъ и сбылось. Горцы, не смотря на данную присягу жить мирно съ русскими, въ наступившемъ 1823 году постоянно тревожили Черноморскую кордонную линію. Отчаянный разбойникъ Казбичъ, къ 11-му октября, собралъ до 1,500 черкесовъ и вторгнулся съ этой массой въ наши предѣлы у Елисаветинскаго селенія. Во время переправы его чрезъ Кубань, лазутчики успѣли дать знать кордонному начальству о намѣреніяхъ непріятеля. Прикрывавшій Елисаветинское селеніе подполковникъ Ляшенко встрѣтилъ Казбича при самомъ селеніи пушечными и ружейными выстрѣлами, а между тѣмъ подоспѣлъ къ нему на помощь Табанецъ съ двумястами казаковъ и съ двумя пушками съ Александровскаго поста. Кромѣ того, генераль Власовъ направилъ другія команды на перерѣзъ горцамъ. Нѣсколько разъ черкесы бросались съ шашками, но казаки, съ помощію артилерійскаго огня изъ че-

тырехъ пушекъ, удерживали ихъ натиски. Вдругъ Казбичъ получаетъ донесеніе объ обходномъ движеніи направленныхъ Власовымъ командъ, и вся масса горцевъ, готовившаяся однимъ ударомъ сломить преграду, поворотила къ Кубани. Здѣсь Казбичъ яростно напалъ на преслѣдовавшія его команды и успѣлъ захватить въ плѣнъ одного урядника и двухъ казаковъ. Но за эту удачу онъ дорого заплатилъ. Пушки проводжали незваныхъ гостей ядрами и картечами, и много, много горцевъ легло костями на русской землѣ. Въ числѣ убитыхъ былъ сынъ Казбича, оставшійся между трупами въ нашихъ рукахъ; самъ Казбичъ, раненый успѣлъ уйти. Съ нашей стороны ранеными и убитыми оказалось 15 человекъ.

Для подкрѣпленія границы, Власовъ собралъ льготныя части казаковъ до 2,500 человекъ, затѣмъ двинулся съ отрядомъ въ горы, и, пройдя по рр. Цахъ, Суппъ и Иликъ, 22-го ноября, истребилъ нѣсколько абадзехскихъ ауловъ, захватилъ много скота и отбилъ у горцевъ мѣдную пушку. Въ декабрѣ онъ разорилъ и сжегъ аулы съ хлѣбными и сѣнными запасами въ землѣ шапсуговъ, по рр. Азыпсу, Гаплю и Кашель-Жтукъ. Ожесточенные горцы, съ наступленіемъ зимы и удобнаго перехода по льду чрезъ Кубань, открыли, въ свою очередь, рядъ набѣговъ на Черноморію, но, встрѣчая вездѣ отпоръ кордонной стражи, не имѣли успѣха.

Чтобы положить конецъ дерзостямъ черкесовъ, Власовъ, до открытія еще весны, собравъ вновь отрядъ изъ 200 конныхъ, 600 пѣшихъ черноморскихъ казаковъ и 250 человекъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, при двухъ орудіяхъ черноморской конной артиллеріи, двинулся на р. Тихеньку, гдѣ были аулы предводителей горскихъ разбойниковъ Джамбора, Асланъ-мурзы и Цапъ-Дедека. 5-го февраля 1824 года, на разсвѣтѣ, отрядъ подошелъ къ ауламъ и дружно ударилъ на жилища горцевъ. Въ минуту все запылало; страшная суматоха поднялась въ аулахъ; испуганные неожиданнымъ нападеніемъ, горцы метались во все стороны, гибли въ огнѣ и въ бушевавшихъ при аулахъ горныхъ потокахъ, или падали подъ оружіемъ русскихъ. Разоривъ жилища враговъ, Власовъ, безъ всякой потери, взялъ въ плѣнъ 143 черкеса, захватилъ 700 головъ рогатаго скота, до 1,000 овецъ, до 100 лошадей и, кромѣ того, много цѣннаго имущества было захвачено при разореніи ауловъ.

На возвратномъ пути нашего отряда появились горцы, старавшіеся отбить своихъ плѣнныхъ и имущество; сотни двѣ панцирниковъ проскочили даже въ нашъ отрядъ, но изъ этихъ смѣльчаковъ черноморскіе пластуны уложили не одинъ десятокъ, изъ подъ кото-

рыхъ 45 лошадей осталось въ нашихъ рукахъ; а болѣе смѣлые, человекъ двадцать, схвачены живыми съ оружіемъ въ рукахъ ⁽¹⁾. Не ограничиваясь этимъ отпоромъ, Власовъ разорилъ еще два аула враждебнаго намъ хамышейскаго владѣльца князя Нагай-Чирея и другихъ непріятелей.

Смѣлыми дѣйствіями за Кубанью генералъ Власовъ распространилъ всеобщій страхъ въ горахъ, воскресивъ въ памяти черкесовъ бурсаковскіе погромы, и горцы думали только объ оборонѣ. Дѣйствуя неутомимо, Власовъ едва успѣлъ дать краткій отдыхъ войскамъ, какъ получилъ отъ лазутчиковъ свѣдѣнія, что черкесы собираются для нападенія на отрядъ генерала Вельяминова, дѣйствовавшій по Лабѣ со стороны кавказской линіи, и тотчасъ же распорядился произвести за Кубанью рубку лѣса тремя небольшими отрядами, собранными на скоро съ пограничной линіи и изъ льготныхъ частей. Движеніемъ этимъ Власовъ отвлекъ вниманіе горцевъ отъ вельяминовскаго отряда; вырубленные же лѣса очищали лѣвый берегъ Кубани и доставили строительный матеріалъ жителямъ Черноморіи, въ особенности не устроившимся еще переселенцамъ.

Черкесы отказались отъ мысли хозяйничать, съ оружіемъ въ рукахъ, въ нашихъ предѣлахъ; грозная рука Власова карала злодѣевъ въ самыхъ неприступныхъ тущобахъ. Въ продолженіе всего почти 1825 года, отряды наши бороздили по за-Кубанскому краю, истребляя аулы враждебныхъ горцевъ и запасы ихъ. Въ пылавшихъ селеніяхъ черкесы гибли цѣлыми сотнями или отъ огня, или отъ оружія ожесточенныхъ казаковъ; нерѣдко женщины и дѣти, спасаясь отъ грозившей смерти, толпами попадались къ намъ въ плѣнъ, или же, предпочитая смерть плѣну, бросались въ бурныя горныя рѣки. Кромѣ множества взятыхъ въ плѣнъ черкесовъ, болѣею частью въ земляхъ шапсугскаго и абадзехскаго племенъ, войска наши захватывали цѣнное имущество горцевъ, а стада ихъ цѣлыми тысячами угонялись въ Черноморію.

Это была едвали не самая отрадная пора на Черноморской кордонной линіи. Упавшее было духомъ Черноморское войско ободрилось: оно увидѣло, что подъ управленіемъ Власова, дѣла приняли другой оборотъ. Менѣе отрадно было внутри Черноморіи. Постоянное отсутствіе строевыхъ и даже нестроевыхъ казаковъ разоряло семейства ихъ, остававшіяся безъ рабочихъ рукъ. Многіе роптали на Власова, содержавшаго, почти безъ перерыва, въ сборѣ военныя силы Черноморіи; но такихъ крайнихъ усилій отъ казаковъ потребовали обстоя-

⁽¹⁾ Незданное описаніе фактовъ Черноморіи, Я. Г. Кухаренко.

тельства дурныхъ для насъ дѣлъ въ послѣднее предѣ. тѣмъ время, когда горцы хозяйничали въ нашихъ предѣлахъ и едва не разобрали по рукамъ всей Черноморіи. Генералъ Власовъ видѣлъ всѣ невыгоды домашняго быта черноморцевъ отъ постоянныхъ военныхъ дѣйствій на Кубани, и старался облегчить участь пограничной жизни казаковъ. Самую главную заботу онъ обратилъ на боевыхъ товарищей своихъ. Впикнувъ въ жизнь казаковъ на кордонахъ, онъ нашелъ артели ихъ бѣдными, имѣвшія въ своемъ распоряженіи самыя скудныя средства для продовольствія казаковъ, которые и сами терпѣли крайнюю нужду. Чтобы поправить артельное хозяйство, Власовъ раздавалъ по полкамъ отбитый у горцевъ скотъ и овецъ на порціоны казакамъ, лошадей и рабочихъ быковъ на подъемъ артельныхъ тяжестей, на полковыя работы, а годныхъ горскихъ скакуновъ для верховой ѣзды казаковъ, взаимнѣ утраченныхъ ими на службѣ лошадей. Кромѣ того, казаки пользовались добычей при разореніи черкесскихъ ауловъ, а тамъ было много кое-чего хорошаго: попадались вещи изъ красной мѣди, шелковыя одежды изъ турецкой матеріи, дорогое оружіе, богатая конская сбруя, щегольскіе костюмы горца, луки, панцири и т. п. Заботы Власова простирались далѣе. Онъ раздавалъ много черкескаго скота жителямъ Черноморіи, пострадавшимъ отъ закубанскихъ хищниковъ. Пособія простирались и на тѣхъ, кто лишился членовъ изъ семьи своей, взятыхъ въ плѣнъ или убитыхъ горцами.

Жившій въ Черноморіи попечитель горскихъ народовъ, не успѣвшій усмирить путемъ отеческихъ наставленій дикихъ горцевъ, обратилъ, въ послѣднее время, все свое вниманіе на натухайское племя, менѣе хищное и болѣе склонное къ мирнымъ сношеніямъ съ русскими; но, прибавимъ, такъ же какъ и прочіе народы за Кубанью, злобное и намъ враждебное. Натухайцы, убаюкивая легковѣрнаго Скасси въ ложной своей покорности, въ то же время соединялись съ непріязненными намъ черкесскими племенами и врывались въ наши предѣлы для грабежей. Подъ фирмою «мирныхъ» они укрывались отъ наказаній и продолжали безчинствовать на границѣ, но де-Скасси, занятый мыслию выполнить хотя что-нибудь изъ программы своихъ предположеній, ничего не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть. Онъ тянулъ, на Бугазѣ, безконечные и бесполезные переговоры съ черкесами о дружественныхъ сношеніяхъ съ русскими, а на кордонной линіи то и дѣло что отбивались отъ хищниковъ закубанскихъ ('). Не такъ ду-

(') По присоединеніи къ Россіи, въ 1829 году, крѣпости Анапы, попечитель-

малъ о «мирныхъ» натухайцахъ Власовъ: онъ имѣлъ положительныя данныя объ участіи ихъ въ набѣгахъ на предѣлы наши, зналъ объ укрывательствѣ ими шаякъ грабителей и рѣшился наказать натухайцевъ. Предварительно, онъ, собравши отрядъ, двинулся на р. Илъ, но экспедиція эта едва, ли не въ первый разъ для него, оказалась неудачною. Едва Власовъ отошелъ отъ Кубани верстъ за пятнадцать, какъ черкескіе секреты открыли движеніе нашего отряда и разнесли тревогу по всей ильской мѣстности; вездѣ раздавались выстрѣлы непріятелей, и гдѣ-то въ горахъ, къ удивленію отряда, загрохотала даже пушка. Власовъ остановилъ отрядъ, послалъ въ сторону команду изъ 459 человекъ, при войсковомъ полковникѣ Перекрестѣ, зажать черкеское сѣно. Но не прошло и часа времени, какъ команда эта, атакованная со всѣхъ сторонъ превосходнымъ числомъ горцевъ, и боясь быть совершенно отрѣзанной, маршъ-маршомъ принеслась обратно къ отряду. Черкесы, нагоняя отставшихъ казаковъ, рубили ихъ шашками. Казаки потеряли 28 человекъ убитыми и 20 ранеными.

Возвратясь на Кубань, Власовъ занялся формированіемъ отряда для движенія въ землю злѣйшихъ враговъ Россіи—шапсуговъ и коварно-хитрыхъ натухайцевъ. 24-го февраля онъ двинулся за Кубань тремя колоннами; двѣ дѣйствующія состояли подъ командою войсковыхъ полковниковъ Стороженки и Табанца, а третья, резервная, подъ командою есаула Ольховаго, при которой находился и самъ Власовъ. Соблюдая строжайшую тишину, войска цѣлую ночь шли въ совокупности и безостановочно до рѣчки Псебепсъ, гдѣ отрядъ остановился отдохнуть. Когда затѣмъ дѣйствовавшія колонны двинулись впередъ, Табанецъ пошелъ вправо, Стороженко влѣво, а Ольховой, съ резервомъ, и Власовъ остались на мѣстѣ. На разсвѣтѣ 25-го числа, Табанецъ атаковалъ два шапсугскихъ аула. Устрашенные внезапнымъ появленіемъ русскихъ, жители разбѣжались въ лѣса, но казакамъ удалось захватить 35 человекъ, а изъ сопротивлявшихся черкесовъ 27 убиты на мѣстѣ и освобожденъ одинъ русскій плѣнный. Забравъ въ аулахъ все цѣнное имущество и оружіе горцевъ, и загнавъ весь скотъ ихъ и баранту, Табанецъ сжегъ всѣ аульныя постройки съ запасами хлѣба и сѣна, и съ своею колонною возвратился прямо въ Черноморію, имѣя только двухъ человекъ раненыхъ. Войсковой полковникъ Стороженко, отдѣлившись отъ отряда, по данному приказу

ство надъ горскими народами, по Высочайшему повелѣнію, было прекращено (Изъ дѣлъ войск. архива).

пошелъ въ землю натухайцевъ и лишь на другой день, по трудной дорогѣ, добрался до двухъ ауловъ этого племени. Натухайцы встрѣтили нашу колонну выстрѣлами. Тогда Стороженко атаковалъ оба аула и, при слабомъ сопротивленіи непріятелей, разорилъ ихъ жилища. Все имущество и скотъ были забраны; въ плѣнъ взято 44 натухайца и нѣсколько изъ нихъ убиты. Колонна, безъ всякой потери, возвратилась въ Черноморію. Туда же обратился съ резервомъ и генералъ Власовъ.

Разоренные Стороженкою аулы оказались принадлежащими «мирному» натухайскому князю Сагатъ-Гирею Калабатъ-Оглы. Прикрываясь оболочкою «мирнаго», онъ протестовалъ предъ нашимъ правительствомъ противъ враждебныхъ дѣйствій генерала Власова. Случай этотъ надѣлалъ много тревоги и подалъ де-Скасси поводъ заявить попечительство свое надъ горцами, не въ пользу Власова (1).

Для производства слѣдствія по жалобѣ Калабатъ-Оглы былъ присланъ въ Черноморію генералъ-адъютантъ Стрекаловъ. Не смотря на доказательство Власова, что натухайцы разоренныхъ ауловъ не разъ участвовали въ враждебныхъ дѣйствіяхъ, что они, какъ «мирные», укрывали у себя явныхъ враговъ Россіи, Власова обвинили въ нарушеніи мирныхъ отношеній съ натухайцами, пополнили на счетъ его убытки, понесенные разоренными натухайцами (какіе оказались за возвратомъ натурою части скота и вещей, захваченныхъ въ аулахъ) и удалили отъ командованія Черноморскою кордонною линіею.

Послѣдними дѣйствіями генерала Власова на Кубани Императоръ остался весьма недовольнымъ. Въ рескриптѣ, на имя Алексѣя Петровича Ермолова, отъ 29-го іюля 1826 года, было, между прочимъ, сказано: «Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желаніе приобрѣсть для себя и подчиненныхъ знаки военныхъ отличій легкими трудами при разореніи жилищъ несчастныхъ жертвъ, но непростительное тщеславіе и постыднѣйшіе виды корысти служили имъ основаніемъ» (2).

Натухайцы были, однако, такіе же коварные сосѣди черноморцамъ, какъ и прочія горскія племена, только болѣе хитры и осторожны. Живя на границѣ, на виду кордонной стражи, они были намъ, какъ говорится, *по неволѣ другъ*.

На мѣсто Власова прибылъ въ Черноморію генералъ-маіоръ Сысоевъ, и самое Черноморское войско, для ближайшаго надзора дѣй-

(1) Приложение XVII.

(2) Записки Ермолова, 1816—1827 гг., ч. II.

ствій онаго, по представленію Ермолова, подчинено начальствовавшему войсками на кавказской линіи генералъ-лейтенанту Емануэлю.

Дѣйствія Власова побудили горцевъ просить помощи у анапскаго коменданта. Не имѣя позволенія отъ своего правительства враждовать противъ Россіи открыто, анапскій паша тайно выдалъ черкесамъ болѣе 10 пудовъ пороха, пудовъ 15 свинца и 60 ядеръ. Снаряды эти были доставлены въ распоряженіе абадзехскаго дворянина Гаджетляшъ, въ вѣдѣніи котораго находились и присланные турками пушки. Кромѣ того, Абдулъ-паша обѣщалъ вытребовать изъ Россіи всѣхъ плѣнныхъ горцевъ и вознаградить за убытки.

Для большаго уясненія отношеній своихъ къ Турціи и Россіи, горцы просили у анапскаго паши позволенія послать депутатовъ въ Константинополь къ султану. Паша позволилъ, но направилъ черкескую депутацію къ старшему по себѣ трапезондскому Гасану-пашѣ, а тотъ послалъ ихъ въ Стамбулъ. Султанъ не принялъ черкескихъ депутатовъ, а отослалъ ихъ обратно въ Трапезондъ, приказавъ тамошнему пашѣ рассмотреть ихъ ходатайство. Хаджи-Гасанъ-паша нашелъ горцевъ виновными въ нарушеніи спокойствія русскихъ предѣловъ на кубанской границѣ враждебными дѣйствіями, и далъ имъ увѣреніе, что если они станутъ жить мирно, то и русскіе не будутъ разорять ихъ земель (1).

Такимъ исходомъ дѣла многія черкескія племена остались недовольны: они собирались, совѣщались, волновались, не соглашались и все-таки не рѣшали какъ имъ быть и жить въ неопредѣленномъ отношеніи къ Турціи и къ Россіи. Одни только абадзехскіе князья и старшины заявили письменно, отъ лица своего народа, бывшему на кавказской линіи генералъ-маіору князю Горчакову, что будутъ жить мирно съ русскими, но чтобы и русскіе не переходили на ихъ сторону для непріязненныхъ дѣйствій.

По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства, корпусный командиръ Ермоловъ, 2-го іюня 1826 года, предписалъ начальствовавшему на границѣ Черноморіи воспретить казакамъ переходить на лѣвую сторону Кубани, а генералъ Сысоевъ, въ свою очередь, вошелъ въ переписку съ анапскимъ комендантомъ Хаджи-Гасанъ-пашой о запрещеніи горцамъ вторгаться въ русскія поселенія на Кубанской границѣ.

Хаджи Гасанъ-паша, дѣйствительно, обратилъ особенное вниманіе

(1) Приложение VIII.

на за-Кубанскій край. Кромѣ убѣжденій жить мирно съ русскими, онъ потребовалъ отъ всѣхъ горскихъ племенъ полного подчиненія турецкой власти и присяги на подданство турецкому султану. Турецкіе муллы и чиновники разъѣзжали по землѣ черкесовъ, передавали распоряженія своего начальства, приводили народъ къ присягѣ, брали аманатовъ и требовали тутъ же подати хлѣбомъ и баранами на содержаніе анапскаго гарнизона. Нѣкоторые племена поддались распоряженіямъ Порты, но большая часть черкесовъ не признали надъ собой турецкаго владычества; а шапсуги и натухайцы не только отказали въ повиновеніи туркамъ, но не пустили въ свою землю турецкихъ чиновниковъ изъ Анапы, и когда тѣ хотѣли насильно привести ихъ къ присягѣ, горцы, въ схваткѣ съ турками на р. р. Острогаѣ и Сумаи, убили двухъ османовъ, а прочихъ выгнали изъ своихъ предѣловъ.

Послѣ долгихъ и безполезныхъ хлопотъ, паша предложилъ шапсугамъ и натухайцамъ собраться къ Анапѣ для общихъ совѣщаній. Когда черкесы, большою массою, собрались къ крѣпости, паша (26-го августа 1826 г.) предложилъ имъ слѣдующее: 1) онъ желаетъ утвердить ихъ въ мусульманской религіи, которую они не въ точности исполняютъ, перемѣшивая свои вѣрованія съ христіанскими. 2) Черкесы должны присягнуть, что будутъ соблюдать турецкій законъ, отказавшись отъ существовавшего у нихъ третейскаго суда. 3) Указать ему тѣхъ, которые не хотятъ быть покорными турецкой власти, и считать ихъ какъ непріятелей. Шапсугскіе и натухайскіе старшины отвѣчали, что они охотно будутъ слушать совѣты и приказанія пашы, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ не считалъ ихъ покорнымъ народомъ; помогать бы имъ въ случаѣ надобности и защищать противу непріятеля, могущаго нападать на нихъ; вольностей же ихъ паша касаться не долженъ, потому что они желаютъ быть мусульманами по своей доброй волѣ, а насильно никого не слушаютъ и слушать не будутъ. Что же касается до присяги въ отношеніи наблюденія турецкихъ законовъ, то они посоветуются со всѣми горскими народами и тогда дадутъ отвѣтъ.

Совѣщанія горцевъ кончились тѣмъ, что шапсуги и натухайцы отъ присяги султану отказались, объявивъ анапскому пашѣ, что они будутъ защищать свою свободу до послѣдней капли крови, и скорѣе согласятся быть покорными Россіи, чѣмъ данниками Оттоманской Порты.

Волненія обнаружались и въ другихъ горскихъ племенахъ. Многіе отказались отъ повиновенія туркамъ, не признавая надъ собой ни-

чьей власти; болѣе всѣхъ ропталъ простой народъ на своихъ владѣльцевъ, давшихъ присягу на подданство Турціи, не изъ чувства сознанія долга, а изъ корысти, лести или страха.

Русское пограничное начальство предлагало, съ своей стороны, горцамъ покровительство, въ случаѣ какого-либо посягательства турокъ на права и вольности тѣхъ черкесскихъ племенъ, которыя ни туркамъ, ни русскимъ покориться не желали. Между тѣмъ, шапсуги окончательно стали во враждебныя отношенія съ анапскимъ пашою, но не переставали питать злобу и къ русскимъ.

Генералъ Емануель, 19-го октября, писалъ анапскому пашѣ, что, въ силу существовавшихъ договоровъ между Россіей и Турціей, онъ, паша, обязанъ удерживать этотъ безпокойный народъ отъ вторженій въ наши предѣлы, —предваряя, что если шапсуги осмѣлятся открыть противу насъ враждебныя дѣйствія, то страна ихъ будетъ разорена. Паша, въ отвѣтъ своемъ, сознавался, что шапсуги его не слушаютъ и онъ не можетъ ихъ заставить повиноваться турецкому правительству. Тогда кавказское начальство сдѣлало распоряженіе о принятіи большихъ мѣръ осторожности на Черноморской кордонной линіи.

При открытіи войны съ Персіей, отъ Черноморскаго войска, по требованію корпуснаго командира, въ концѣ 1826 и въ началѣ 1827 годовъ, были командированы въ Тифлисъ 1-й и 4-й конные полки, 6-й пѣшій полкъ и особая пятисотенная команда изъ переселенцевъ; а 12-го февраля 1827 года и вся Черноморія объявлена на военномъ положеніи ⁽¹⁾.

Черноморскіе полки, прибывъ въ дѣйствующую армію, поступили подъ команду генералъ-лейтенанта Красовскаго и участвовали во многихъ сраженіяхъ съ персіянами. Въ 1830 году они возвратились изъ похода, кромѣ 1-го коннаго полка, который былъ командированъ въ дѣйствовавшую армію противу турокъ. Отличаясь постоянно усердіемъ къ службѣ и храбростію, 1-й конный Черноморскій полкъ удостоился получить Высочайшую награду—*знамя*, съ надписью: «*За отличіе въ Персидскую и Турецкую войны, 1828, 1829 и 1830 годахъ*» ⁽²⁾.

Въ 1827 году, на мѣсто умершаго войскаго атамана Матвѣева былъ назначенъ войска Черноморскаго полковникъ Безкровный ⁽³⁾.

Въ декабрѣ, генералъ-маіоръ Сысоевъ, по собственному желанію,

⁽¹⁾ Полн. Собр. Зак. 1827 г. (869).

⁽²⁾ На знамя дана Высочайшая грамота 21-го сентября 1831 года.

⁽³⁾ Указъ Правит. Сен. Черн. войска канцеляріи, 30-го сентября 1827 г., № 59606.

выбылъ изъ Черноморіи на Донъ. Бывшая подъ командою его Черноморская кордонная линія подчинена вѣдѣнію атамана Безкровнаго.

Въ это же время Черноморское войско было обрадовано неожиданною Монаршею милостію. Государь Императоръ, въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ прегулярнымъ войскамъ, Всемилостивѣйше соизволилъ назначить Наслѣдника престола, Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Николаевича, нынѣ царствующаго Государя Императора—атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ ⁽¹⁾. Безкровный былъ переименованъ изъ войсковыхъ-наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска, — каковымъ званіемъ преемники его и до сихъ поръ именуются.

На принесенное наказнымъ атаманомъ Безкровнымъ поздравленіе отъ Черноморскаго войска, Августѣйшій атаманъ, въ рескриптѣ отъ 16-го декабря 1827 года, писалъ:

«Алексѣй Даниловичъ! Я получилъ письмо ваше отъ 21-го минувшаго ноябрю и съ благодарностію принимаю изъявленное въ ономъ отъ лица Черноморскаго войска поздравленіе съ Всемилостивѣйшимъ назначеніемъ Меня атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Нося званіе начальника надъ войскомъ, отличивъ своими подвигами и вѣрностію престолу и отечеству, Я ласкаюсь особенно пріятною для Меня надеждою, что современемъ заслужу Государю и Любезнѣйшему Родителю Моему оказанную Мнѣ милость таковымъ назначеніемъ. Остаюсь вамъ доброжелательнымъ.

«Александръ».

Турція, между тѣмъ, настойчиво стремилась къ подчиненію за-кубанскихъ народовъ своей верховной власти. Многіе владѣльцы поддались—отчасти увѣщаніямъ, отчасти угрозамъ анапскаго пашы, или же получили отъ него подарки и дали присягу султану повиноваться его власти и быть за одно съ турками противу русскихъ; но масса простолюдиновъ роптала за то на такихъ владѣльцевъ, опасаясь утратить свою вольность.

Въ эту пору царствовавшего въ горахъ за Кубанью волненія, именно въ концѣ 1827 года, два персидскіе хана и при нихъ чело-вѣкъ сорокъ персіянъ прибыли въ Анапу искать помощи противу Россіи и просить о возбужденіи горцевъ. Получивъ отказъ, персидскіе ханы, проѣзжая за Кубанью въ свои предѣлы, сами стали бунтовать горцевъ. Они говорили: «Что вы сидите смирно? чего смотрите? зачѣмъ не воюете съ Россіею? У русскихъ теперь войска нѣтъ—всѣ въ Персіи; остались однѣ только женщины. Некому будетъ противу

⁽¹⁾ Высоч. прик. 2-го октября 1827.

васъ вооружаться. Шахъ персидскій и султанъ турецкій подняли противу Россіи свое оружіе, и вы теперь можете имѣть всѣ успѣхи. Если же вы не захотите идти на Россію войною, то мы будемъ просить султана, чтобы онъ прислалъ свои войска для разоренія васъ».

Въ то же время и турецкіе муллы, распространенные въ горахъ, подговаривали черкесовъ поднять оружіе противу русскихъ за султана, если послѣдуетъ война Турціи съ Россіей. Слухи объ этой войнѣ носились уже въ горахъ, и вскорѣ оправдались. Командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенантъ Емануель, получилъ Высочайшій рескриптъ, данный 3-го апрѣля 1828 года, слѣдующаго содержанія:

«Надменное упорство Оттоманской Порты, отринувъ предложенія мирныя, вынуждаетъ прибѣгнуть къ оружію. Война съ сею державою объявлена будетъ вслѣдъ за симъ правительству ея.

«На основаніи сего, повелѣваю вамъ, съ 25-го апрѣля, считать войну съ Турціею начатою и приступить къ дѣйствіямъ противу сей державы, сообразно съ обстоятельствами и сходно съ наставленіями, предначертанными вамъ, по повелѣнію Моему, начальникомъ главнаго Моего штаба.

«Возлагая на особенное попеченіе ваше полное охраненіе ввѣренной вамъ области, Я остаюсь въ твердой надеждѣ, что довѣренность и уваженіе, которыя вы снискали между горскими племенами Кавказа, предупредитъ всякое съ ихъ стороны непріязненное дѣйствіе, и что твердость и мужество ваше укротятъ всѣ замыслы недоброжелательныхъ и враговъ Россіи».

Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, графъ Дибичъ, препровождая это Высочайшее повелѣніе Емануелю, писалъ, что дѣйствія противу Турціи на границѣ, ему (Емануелю) ввѣренной, будутъ состоять «въ нападеніи на Анапу, куда флотъ, съ десантомъ, получилъ уже повелѣніе отплыть изъ Севастополя 20-го апрѣля». Относительно же покровительствуемыхъ Турціею за-кубанцевъ и другихъ горскихъ народовъ, Дибичъ прибавлялъ, что Государю Императору угодно, чтобы «обращеніе съ ними было дружелюбно; чтобы желающимъ переселяться къ намъ дано было на сіе дозволеніе, съ надлежащими мѣрами предосторожности; а отъ желающихъ присягнуть на вѣрноподданство Россіи, принимаема была присяга. Чтобы просящимъ защиты и покровительства нашего противу турокъ, или преданныхъ имъ племенъ, была оказываема помощь назначеніемъ достаточныхъ для сего отрядовъ, соблюдая при томъ, чтобы приближеніе въ горы нашихъ войскъ не могло возбудить опасеній въ сосѣдственныхъ поколѣніяхъ». Въ заключеніе начальникъ главнаго штаба писалъ, чтобы «всякія покушенія на наши предѣлы были немедленно отражаемы и

наказываемы должнымъ образомъ, для укрощенія другихъ хищниковъ».

Соображаясь съ полученною инструкціей, генералъ Емануель приказалъ наказному атаману Черноморскаго войска «предварительно, по секрету, внушать народамъ, близъ Кубани обитающимъ, что ежели они въ турецкихъ дѣлахъ не примутъ участія, а останутся спокойными въ жилищахъ своихъ, то были бы увѣрены, что руссiйское войско, при переходѣ за Кубань, не только никакого вреда не учинить, но въ нужномъ случаѣ имъ и помощь окажетъ, лишь бы они, при сближеніи нашихъ войскъ, выслали двухъ, или трехъ старѣйшинъ на встрѣчу, съ объявленіемъ, что они мирные обитатели». Напротивъ того, всѣ тѣ, которые «примутъ участіе турковъ и будутъ ополчаться, признаны будутъ за непріятелей Россіи и противу нихъ употребится сила оружія нашего». Предписывая атаману, чтобы, при началѣ войны, кромѣ назначенныхъ резервовъ на кавказской линіи, были собраны на границѣ черноморскіе полки, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій, Эмануель сообщилъ Безкровному нѣкоторыя наставленія, данныя управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, относительно сношеній нашихъ съ горцами. Этими наставленіями было обусловлено, что, въ случаѣ перехода нашихъ войскъ за Кубань, они не должны касаться собственности за-кубанцевъ «невинныхъ противу насъ», и, кромѣ того, наблюдать, чтобы «за вины частныхъ лицъ не были наказываемы цѣлыя общества».

25-го апрѣля 1828 года, генералъ Эмануель издалъ прокламацію къ за-кубанскимъ народамъ на русскомъ языкѣ, съ турецкимъ переводомъ, слѣдующаго содержанія:

«Россiйская Имперія объявила Портъ Оттоманской, за нарушеніе мирнаго трактата, — войну, и потому отъ имени Великаго Государя моего извѣщаю васъ, что, при появленіи турковъ за Кубанью, или если бы, сверхъ всякаго чаянія, предприняты были противъ Россіи злыя намѣренія какимъ либо изъ племенъ за-Кубанскихъ, сборищемъ, войска русскія тотчасъ вступятъ въ ваши земли для истребленія ихъ. Впрочемъ, война сія до васъ не касается, ибо руссiйское правительство васъ съ турками не смѣшиваетъ и только противу ихъ и за-кубанскихъ возмутителей будетъ употреблять свое оружіе. Между тѣмъ, вамъ, неоднократно испытаннымъ въ прежнія времена столько гибельныхъ бѣдствій чрезъ обманчивое покровительство властолюбивой Порты, пора уже обратиться къ благоразумію, и въ войнѣ сей не принимать никакого участія. Выгоды, которыми вы пользовались и пользуетесь отъ дружелюбнаго сосѣдства съ жителями Кавказской области и Черноморіи, обнадеживаютъ меня, что вы не отвергнете сего моего совѣта, и что въ доказательство расположенія своего къ

Россiйскому правительству, немедленно изгоните изъ земель своихъ находящихся теперь среди васъ турковъ.

«Въ такомъ предположеніи, — всѣ жители закубанскіе, при вступленіи за Кубань русскихъ войскъ, должны быть совершенно покойны въ домахъ своихъ и спокойно заниматься хозяйственными своими дѣлами, ибо войска не только не причинятъ имъ никакого оскорбленія (повторяю: если жители останутся мирными), но, напротивъ того, въ случаѣ нужды, будутъ даже защищать ихъ противъ насилія турковъ. Въ предосторожность же войскамъ требуется, чтобы, при проходѣ ихъ мимо ауловъ, было высылаемо отъ каждаго по три почетнѣйшихъ старшинъ, съ объявленіемъ, что жители въ дѣлѣ турковъ не участвуютъ, при чемъ должны выдаваться въ вѣрности аманаты. Послѣ сего старшины могутъ объяснять отряднымъ начальникамъ всѣ свои надобности.

«Тѣмъ изъ закубанскихъ племенъ, которыя вздумали бы утѣснять своихъ односелецъ, за преданность къ Россіи, будетъ отмщено точно такъ, какъ за собственную обиду русскихъ. Для сего утѣсняемые должны тотчасъ требовать себѣ защиты отъ ближайшихъ къ нимъ русскихъ воинскихъ начальниковъ.

«Отъ бѣглыхъ кабардинцевъ, находящихся за Кубанью, одинъ разъ навсегда требую я, чтобы они отъ хищничества удержались; въ противномъ же случаѣ, добычами не замѣнятся имъ потери, которыя понесутъ они, если привлекутъ на себя русское оружіе. Къ тому же и сами жители закубанскіе, давшіе имъ убѣжище, должны за стыдъ почитать слѣдовать ихъ легкомысленнымъ совѣтамъ, а и того еще болѣе, терпѣть въ нихъ своихъ притѣснителей и имъ повиноваться.

«Подвластнымъ и холопьямъ тѣхъ владѣльцевъ, которые рѣшатся содѣйствовать туркамъ, или сами будутъ хищничествовать въ границахъ Кавказской Области и въ Черноморіи, — обещаю всегданнюю вольность и покровительство, если таковые подвластные и холопья добровольно явятся къ кому либо изъ русскихъ начальниковъ на линіи. Владѣльцы же ихъ будутъ преслѣдуемы и истребляемы оружіемъ безъ всякой пощады.

«Вотъ, закубанскіе народы, условіе, которымъ обезпечивается ваше имущество, ваши права и самая жизнь ваша! Признательные изъ васъ найдутъ въ русскихъ воинахъ друзей и защитниковъ, а неблагодарные противники — враговъ».

На прокламацію эту темиргоевскій народъ отозвался изъявленіемъ преданности русскимъ и выразилъ готовность противодѣйствовать покушеніямъ другихъ племенъ на Кавказской границѣ; но всѣдъ за тѣмъ темиргоевцы, увлекаемые примѣрами прочихъ, начали враждебно дѣйствовать противу нашихъ пограничныхъ карауловъ, за что, въ наказаніе, нашими войсками, 20-го мая 1828 года, были разграблены аулы темиргоевского владѣльца Хаосѣя у р. Бѣлой. Веѣ другія

племена за Кубанью, надѣясь на поддержку со стороны турокъ, враждебно откликнулись на прокламацію Емануеля. По требованію Порты, закубанскіе народы, даже и тѣ, которые считались мирными, дали присягу на вѣрность подданства турецкому султану, и, по приказанію анапскаго паши, соединясь подъ Анапой съ турками, обратили противъ насъ всѣ свои силы.

Съ самаго начала войны всѣ строевыя части Черноморскаго войска были сосредоточены на границѣ. Изъ нихъ два пѣшіе, два конные полка и артилерійская рота поступили въ наблюдательный отрядъ, собранный при Фанагорійской крѣпости; №№ 8-го и 9-го конные, 5-й и 8-й пѣшіе полки и часть артилеріи, съ наказнымъ атаманомъ Безкровнымъ, отправились подъ Анапу, гдѣ и пробыли съ 3-го мая по 12-е іюня, т. е. до взятія этой крѣпости русскими войсками. Остальныя части войска содержали Кубанскую кордонную линію, безпрестанно отбивая нападены горцевъ.

Участвовавшіе подъ Анапой полки Черноморскаго войска, за отличную храбрость и мужество въ сраженіяхъ, были награждены знаменами съ надписью: «*За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12-го іюня 1828 года*» (1). Атаманъ, полковникъ Безкровный, пожалованъ чиномъ генерала-маіора.

Во время военныхъ дѣйствій, Безкровный, со своими казаками, отбилъ, въ числѣ оружія, богатую турецкую саблю, и отправилъ ее Августѣйшему атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, нынѣ царствующему Государю Императору Александру Николаевичу, чрезъ флигель-адъютанта полковника Мердера.

Съ паденіемъ Анапы, можно было надѣяться, что черкесы отстанутъ отъ турокъ. Въ этихъ видахъ генераль Емануель, 27-го іюня 1828 года, изъ крѣпости Анапы писалъ:

«Къ горскимъ народамъ, живущимъ по Кубани и по берегу Чернаго моря, князьямъ, дворянамъ, старѣйшинамъ и проч.

«Всѣ желанія правительства нашего, объявленныя вамъ чрезъ прокламацію мою, чтобы вы оставались мирными во время войны нашей съ турками, всѣ старанія мои склонить васъ къ спокойной жизни были тщетны. Вы не хотѣли слѣдовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ въ отношеніи къ вамъ Всеавгустѣйшаго Монарха нашего. Изъ васъ многіе злоумышленники взяли сторону турокъ и завлекли въ заблужденіе многихъ изъ тѣхъ, кои желали не участвовать въ сей распрѣ.

«Я знаю, что фанатизмъ и ложныя представленія васъ обольщали; но,

(1) Высочайшія грамоты на знамена даны 21-го сентября 1831 года.

наконецъ, войска наши восторжествовали надъ врагами нашими, усиливающимися защищать столь неправильное дѣло. Крѣпость Анапа принадлежитъ намъ. Мѣсто сіе, служившее убѣжищемъ для всѣхъ неблагомыслящихъ и бывшее причиною многихъ вашихъ несчастій и несогласій между вами, можетъ теперь содѣлаться для васъ мѣстомъ благодѣтельнымъ и служить къ возобновленію нашихъ связей. Здѣсь вы найдете, подобно какъ и на всѣхъ пунктахъ границы нашей, пріемъ дружескій и благосклонный. Я готовъ внимать мирнымъ предложеніямъ вашимъ; я имѣю полную власть согласиться на все, что будетъ соотвѣтствовать достоинству и величію правительства нашего и мѣрамъ, кои нужно принять на предбудущее время, чтобы водворить на прочномъ основаніи спокойствіе и безопасность на границѣ нашей. Но извѣщаю васъ, что я не буду довольствоваться одними пустыми обѣщаніями, которыя весьма часто были вами измѣняемы: мнѣ нужны надежныя обезпеченія, честность и искренность; и тогда вы можете быть увѣрены, что найдете у насъ покровительство и даже помощь.

«Торговля, источникъ благосостоянія народовъ, откроется для васъ на самыхъ удобныхъ мѣстахъ вашего берега и границы нашей. Умѣйте воспользоваться; но повторяю: худо будетъ тѣмъ, которые захотятъ продолжать непріязненныя свои къ намъ дѣйствія и не послушаютъ сей послѣдній совѣтъ. Я тогда приму такія мѣры, послѣдствіе коихъ долго останется въ памяти вашей.

«Дипломатическій агентъ, назначенный при мнѣ по Высочайшему повелѣнію, для сношеній съ кавказскими народами, всѣ его чиновники, и другіе военные начальники по границѣ, имѣютъ порученіе представлять мнѣ всѣ ваши просьбы».

Воззваніе это, какъ и первая прокламація, осталось безплоднымъ.

При блокированіи крѣпости Анапы, натухайцы первые открыли непріязненныя дѣйствія, а когда крѣпость была взята, они же первые, чрезъ старѣйшинъ, со стороны дворянства и простаго народа, вступили съ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго войска въ переговоры объ изъясненіи поворности Россіи и даже назначили срокъ для принесенія присяги, обѣщая выдать аманатовъ. Но вслѣдъ за обѣщаніями отказались отъ всего. Тогда генераль-маіоръ Безкровный собралъ отрядъ, вторгнулся въ предѣлы натухайцевъ и разореніемъ шести ауловъ, въ урочищахъ Унепохорай, Уманъ и Чопракъ, жестоко наказалъ коварныхъ хищниковъ, вслѣдствіе чего натухайцы принесли присягу на вѣрноподданство и представили аманатовъ. При мѣру ихъ послѣдовали другія горскія племена, кромѣ абадзеховъ и шапсуговъ.

Генераль Емануель наказалъ сначала абадзеховъ; къ шапсугамъ же обратился предварительно съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Шапсугскіе старшины и весь народъ! Человѣколюбіе мое заставляетъ

меня еще обратиться къ вамъ въ послѣдній разъ съ моимъ предложеніемъ, чтобы, видя послѣдствія съ абадзехами, не предавались ихъ жалкой участи, и съ полученія сего, исполняя наравнѣ съ прочими вамъ подобными горскими племенами всѣ требованія русскаго правительства, обратились бы съ просьбою на имя мое чрезъ ближайшаго Черноморскаго войска начальника генералъ-маіора Безкровнаго съ посылкою для сего въ Екатеринодаръ повѣренныхъ людей. Въ противномъ случаѣ, ожидать меня съ войскомъ къ себѣ для наказанія васъ, согласно изданной мною въ Анапѣ прокламаціи, чтобы то могло надолго остаться въ памяти вашей».

Шансуги, прочитавъ на общемъ собраніи грозное увѣщаніе Емануеля, изорвали бумагу, топтали ее ногами и съ неистовствомъ кричали, что не подчинятся русскимъ, и до послѣдней крайности будутъ защищать свою свободу. Дѣло въ томъ, что турки, по слухамъ изъ за Кубани, доставляли шансугамъ, какъ самому воинственному племени, военные снаряды, и старались поддерживать въ нихъ духъ независимости и ненависти къ русскимъ.

Генералъ Емануель, занятый другими дѣлами, поручилъ атаману Безкровному раздѣлаться какъ съ непокорными шансугами, такъ и съ другими враждебными племенами.

Два раза, въ началѣ 1829 года, горцы врывались въ предѣлы наши большими партіями, съ намѣреніемъ разграбить при-Кубанскія станицы. Въ этихъ набѣгахъ, кромѣ открыто враждебныхъ племенъ, участвовали и горцы, только что давшіе присягу быть «мирными». Безкровный рѣшился наказать вѣроломныхъ. 16-го іюня онъ отправилъ ночью байдаки по Кубани отъ Байдачнаго до Елисаветинскаго поста, гдѣ и перешелъ чрезъ Кубань съ отрядомъ изъ полковъ, бывшихъ на подкрѣпленіи границы и содержавшихъ самую кордонную линію, всего до 1,000 человекъ, съ двумя взводами артилеріи.

21-го іюня, въ восемь часовъ вечера, Безкровный двинулся въ горы и въ четвертомъ часу по-полуночи другаго дня достигнулъ урочища Берко. Имѣя впереди себя черкескій аулъ, атаманъ приблизился къ нему по весьма затруднительной, заросшей кустарниками, волнообразной мѣстности. Расположивъ отрядъ на командовавшихъ высотахъ, онъ еще до разсвѣта послалъ конныя команды для отысканія по кошарамъ азіатцевъ баранты и другаго скота. Отправлявшіеся въ поле утромъ горцы открыли казаковъ и завязали съ ними жаркую перестрѣлку; но казаки, не смотря на упорное сопротивление, успѣли отбить до 2,000 баранты и сожгли черкескія пасѣки, стоги хлѣбовъ, сѣна и нѣсколько хуторовъ. Между тѣмъ, по тревогѣ горцы уже снѣжили со всѣхъ сторонъ и вскорѣ собра-

лось ихъ до 500 человекъ. Разгорѣвшееся съ отдѣльными командами дѣло дошло и до отряда. Какъ ни былъ губителенъ нашъ артилерійскій огонь, однако горцы упорно нападали на отрядъ со всѣхъ сторонъ, бросались въ атаку на шашки, противъ которыхъ казаки дѣйствовали пиками. Черкесовъ набралось уже болѣе тысячи человекъ; бой продолжался болѣе часу и прекратился отступленіемъ горцевъ, потерпѣвшихъ много убитыми и ранеными и оставившихъ 14 тѣлъ въ нашихъ рукахъ. Отрядъ двинулся къ Кубани; перестрѣлка, однако, продолжалась; отважные горскіе наѣзники безпрестанно наскakивали на нашихъ фланкеровъ и гарцовали на легкихъ своихъ скакунахъ. Спустя нѣсколько времени, къ непріятелю прибыли значительныя свѣжія подкрѣпленія, и отрядъ нашъ вновь былъ атакованъ. Скопища горцевъ, захвативъ удобный путь къ Кубани, сбивали отрядъ въ бывшее, на лѣвомъ флангѣ, едва примѣтное, покрытое плавною травой, болото. Здѣсь бой продолжался до двухъ часовъ, и только усиленное дѣйствіе нашей артилеріи и рѣшительный ударъ казаковъ пиками проложили отряду дорогу. Кромѣ убитыхъ и раненыхъ, горцы оставили въ нашихъ рукахъ тринадцать тѣлъ; но въ плѣнъ мы взяли только двухъ черкесовъ: такъ отчаянно дрались наши противники. Мы потеряли убитымъ одного казака, ранеными одного офицера, трехъ урядниковъ и девять казаковъ.

Въ эту экспедицію черкесы потерпѣли большое разореніе, потерявъ запасы хлѣба и сѣна. Подобными лишеніями Безкровный полагалъ заставить горцевъ смириться; но, не имѣя для сильныхъ экспедицій достаточныхъ военныхъ средствъ, онъ просилъ генерала Емануеля прикомандировать къ Черноморскому войску, для военныхъ дѣйствій за Кубанью, баталіонъ регулярной пѣхоты. Въ просьбѣ этой ему было отказано. Нападенія черкесовъ на кордонную линію возобновились. Тогда Безкровный рѣшился, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, вновь дѣйствовать за Кубанью, чтобы не давать непріятелю замѣчать какой-либо слабости съ нашей стороны. Собравъ отрядъ изъ разныхъ строевыхъ частей войска болѣе чѣмъ въ 1,500 человекъ, при пяти орудіяхъ, онъ, вечеромъ, 18-го сентября, двинулся въ абадзехскія владѣнія на рр. Сунъ, Илинъ и Онеубитъ, гдѣ шансуги граничили съ абадзехами и гдѣ, по полученнымъ извѣстіямъ, находились ихъ собранія. Не смотря на трудную, особенно для артилеріи, лѣсистую дорогу, отрядъ шелъ быстро, стараясь къ разсвѣту достигнуть враждебныхъ ауловъ. На пути получено было свѣдѣніе, что черкесы о движеніи нашего отряда узнали уже отъ мирныхъ хамышейцевъ, и семейства и имущество удалили въ горы, а сами ожи-

дали наши войска въ лѣсахъ, окружавшихъ аулы. Разсвѣтъ 10-го числа засталъ Безкровнаго въ лѣсу, въ 35 верстахъ отъ Кубани. По выходѣ отряда изъ лѣса, поднялся такой туманъ, что за нѣсколько шаговъ ничего не было видно. Остановившись на опушкѣ, отрядъ простоялъ до восьми часовъ утра, покуда разсѣялась мгла; но далѣе идти было некуда: отрядъ былъ открытъ; черкесы собиравлись со всѣхъ сторонъ, да и аулы уже опустѣли. Безкровный, выступивъ въ обратный путь, выжигалъ черкескія хлѣба и сѣно, которыхъ, какъ насчитывали казаки, пламя пожрало до 500 скирды и стоговъ, да отогнано овецъ до 250 штукъ.

Остальные мѣсяцы 1829 года прошли сравнительно спокойно, потому что между горскими племенами царствовала неурядица отъ безначалія.

Выше я упомянулъ о нѣкоторыхъ полкахъ изъ войска Черноморскаго, бывшихъ подъ Анапой. Кромѣ того, три полка дѣйствовали въ Европейской Турціи: одинъ пѣшій, 5-й и 6-й конные. 21-го марта 1828 года, 1-й пѣшій полкъ, посаженный въ Керчи на суда, отправился къ Измаилу, а потомъ, перемѣщенный на дунайскую флотилію, двинулся къ Браилову, гдѣ участвовалъ въ осадѣ этого города, съ 18-го по 28-е мая. 29-го числа, прорвавшись ночью, Дунаемъ, на правый флангъ Браилова, этотъ полкъ наналъ неожиданно, въ Мачинскомъ рукавѣ, на турецкую флотилію изъ 36 военныхъ судовъ, разбилъ турокъ и взялъ непріятельскія суда въ плѣнъ. За такой подвигъ 1-й пѣшій Черноморскій казачій полкъ былъ награжденъ знаменемъ, съ надписью: «За отличіе при разбитіи турецкаго флота подъ Браиломъ, въ Мачинскомъ рукавѣ, 29-го мая 1828 года (1)». Черноморскіе казаки участвовали и во многихъ другихъ сраженіяхъ съ турками, при блокадахъ и взятіи турецкихъ крѣпостей, а по окончаніи войны, въ 1832 году, возвратились съ честью и славою домой.

По выступленіи изъ предѣловъ войска двухъ сказанныхъ полковъ, въ августѣ 1828 года, 5-й конный полкъ, по распоряженію командира резервныхъ войскъ, генералъ-лейтенанта графа Витта, расположился штабъ-квартирой въ мѣстечкѣ Скулянахъ, Бессарабской области, и занялъ кордонную карантинную линію на лѣвомъ берегу рѣки Прута, отъ мѣстечка Липканъ до селенія Езбпрудъ, на разстояніи до 150 верстъ; 6-й конный полкъ, находившійся сначала въ городѣ Балтъ,

(1) На знамя 1-му пѣшему Черноморскому полку дана Высочайшая грамота 6-го августа 1830 года.

конвоировалъ плѣнныхъ турокъ до города Житомира, а 8-го февраля перешелъ въ Скуляны, гдѣ и занялъ кордонную линію по рѣкѣ Пруту вмѣстѣ съ 5-мъ коннымъ полкомъ. Сей послѣдній, по распоряженію начальника главнаго штаба 2-й арміи, 6-го марта направился къ крѣпости Варнѣ, но, дойдя до селенія Сатунова, по новому повелѣнію, двинулся въ крѣпость Гирсовъ, въ сводный корпусъ генералъ-лейтенанта Красовскаго, и переправился чрезъ Дунай 25-го марта, при крѣпости Исакчи. 6-й конный полкъ, слѣдуя съ Прута къ Сатуновой переправѣ чрезъ Дунай, 3-го апрѣля переправился и пошелъ въ крѣпость Варну.

Оба полка получили знамена съ надписью: «За отличіе въ турецкую войну, въ 1829 году» (1).

Въ 1831 году оба полка были передвинуты въ Царство Польское къ крѣпости Замостью, и отсюда поступили въ дѣйствовавшія войска. Кромѣ ихъ были въ Царствѣ 2-й и 7-й конные Черноморскіе полки. Изъ многихъ сраженій съ польскими мятежниками, 2-й и 5-й полки участвовали въ штурмѣ Праги, за что, въ числѣ прочихъ войскъ, получили Высочайшую награду по пяти рублей на человѣка, а тѣ которые дѣйствовали на лѣвомъ берегу Вислы и на правомъ преслѣдовали поляковъ, по два рубля. Тамъ же находилась и Черноморская гвардейская сотня.

Изъ всѣхъ частей Черноморскаго войска, бывшихъ въ польской войнѣ, болѣе всѣхъ отличился мужествомъ и храбростію, какъ отзывался походной атаманъ казачьихъ войскъ, генералъ Власовъ, 5-й конный полкъ.

Всѣ полки по окончаніи войны возвратились въ Черноморію.

VI.

(1830—1842).

Военныя дѣйствія за Кубанью.—Прибытіе графа Паскевича въ Екатеринодаръ.—Смѣна атамана Безкровнаго.—Назначеніе наказнымъ атаманомъ генерала Заводовскаго.—Волненія горцевъ.—Урядникъ Суръ.—Закубанскія дѣла.—Пятидесятилѣтіе войска.—Заключеніе.

Не смотря на условія адрианопольскаго трактата, Порты не переставала возбуждать горскіе народы къ непріязненнымъ противъ Рос-

(1) На знамена, пожалованныя 5-му и 6-му коннымъ Черноморскимъ полкамъ, даны Высочайшія грамоты 11-го ноября 1831 года.

сии дѣйствіямъ. Неоднократно горцы собирались на совѣщанія, судили, рядили, спорили, кричали, и все-таки не соглашались въ общемъ планѣ дѣйствій противу Черноморіи, и только мелкія партіи хищниковъ нападали безуспѣшно на Кубанскую границу. Но вскорѣ между ними явился, изъ шапсугскаго племени, смѣлый и предприимчивый предводитель Казбичъ.

3-го января 1830 года, онъ, со скопищемъ до 4,000 человекъ, переправился чрезъ Кубань и пошелъ на Елисаветинскую станицу. Бывшій въ то время на Александровскомъ посту атаманъ Безкровный, пропустивъ горцевъ отъ Кубани, сталъ обходить ихъ съ тыла, по посланный для этого отрядъ Могукова, будучи задержанъ топкими, незамерзшими ериками, не достигъ цѣли. Тѣмъ не менѣе, Казбичъ, угадавъ намѣреніе Безкровнаго и боясь быть отрѣзаннымъ, повернулъ къ Кубани, потерявъ на обратномъ пути много убитыми и ранеными отъ пушечныхъ выстрѣловъ отрядовъ Могукова и самого Безкровнаго. Онъ занялъ, однако, пѣхотою берегъ, отбивалъ мѣткими выстрѣлами наступавшихъ казаковъ, а конницу свою пустилъ на переправу. Въ это время подоспѣло на выручку ему сборище горцевъ до 2,000 человекъ, направленное на Екатеринодаръ. Безкровный, конечно, не могъ разбить столь многочисленнаго противника; но Казбичъ все-таки понесъ большую потерю отъ нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ, и какъ ни торопились подбирать азіяты своихъ убитыхъ и раненыхъ, въ нашихъ рукахъ осталось 14 тѣлъ. Когда же Казбичъ началъ переправляться черезъ Кубань, Безкровный, приблизившись на малую дистанцію, сталъ поражать горцевъ картечью, вырывавшею цѣлые ряды ихъ. Скопище смѣшалось и побѣжало, не обращая вниманія на значки, наклоняемые знаменосцами на русскую сторону, и не слушая убѣжденій Казбича и старшинъ остановиться. Безкровный гнался за бѣгущимъ непріателемъ верстъ десять отъ Кубани, захватилъ еще 13 тѣлъ горцевъ, — что, какъ извѣстно, считалось у горцевъ позорнымъ. По словамъ лазутчиковъ, черкесы въ этомъ дѣлѣ потеряли вообще до полутора ста человекъ. Съ нашей же стороны было ранено восемь казаковъ.

Послѣдующіе набѣги Казбича и другихъ предводителей не имѣли успѣховъ; но, тѣмъ не менѣе, постоянныя тревоги сильно беспокоили Черноморское войско, не знавшаго ни покоя, ни отдыха. Между тѣмъ, за Кубанью, турки не переставали волновать горцевъ. Отъ анапскаго коменданта, генерала Вышеславцева, было получено свѣдѣніе, что Казбичъ имѣлъ въ Джугубѣ (на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта) свиданіе съ пашой Сеидъ-Ахметомъ, отъ котораго получилъ богатые по-

дарки, послѣ чего съ большею еще настойчивостію занялся собираніемъ партій въ горахъ. Для той же цѣли, къ натухайцамъ былъ посланъ отъ пашы чиновникъ. Передавали еще вѣсть, будто бы отъ самого султана прибылъ къ за-кубанскимъ племенамъ Салахуръ Мегметъ-Ага, съ фирманомъ такого содержанія: «кто изъ горцевъ, въ 1831 г., съ марта по май мѣсяцъ, прибудетъ въ Стамбулъ, тотъ останется турецкимъ подданнымъ, а кто останется на мѣстѣ, тотъ долженъ считаться русскимъ подданнымъ; для желающихъ же прибыть въ столицу Порты султанъ обѣщалъ прислать суда въ Сунджукъ-Кале». При чтеніи этого фирмана въ собраніи черкесскихъ старшинъ, послѣдніе чуть не убили турецкаго чиновника за то, что султанъ отказывался отъ горцевъ и отдавалъ ихъ русскимъ. Салахуръ Мегметъ-Ага поспѣшилъ убраться въ Турцію, въ чемъ ему помогъ состоявшій въ турецкой службѣ черкесь Занъ-Оглы-Сефиръ-бей.

При такомъ настроеніи умовъ между горскими народами, командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-отъ-кавалеріи Емануель, открылъ военныя дѣйствія за Кубанью двумя отрядами. Съ первымъ онъ самъ дѣйствовалъ въ землѣ абадзеховъ, а со вторымъ навазний атаманъ Безкровный двинулся въ землю шапсуговъ. Отрядъ атамана состоялъ изъ полковъ: двухъ конныхъ, двухъ пѣшихъ, двухъ ротъ Нашебургскаго полка, трехъ ротъ Навагинскаго полка и трехъ взводовъ Черноморской конной артилеріи. 29-го января, въ девять часовъ вечера, Безкровный выступилъ въ горы. Достигнувъ одного лѣса, въ которомъ были непріятельскія жилища, войска наши заняли предлежащія высоты. Въ этой позиціи Безкровный дождался разсвѣта. Утромъ открылось: опушка лѣса была занята горцами; аулы находились на рѣчкѣ Дечахо; дорога къ нимъ пролегла чрезъ ущелье Кабаницъ; въ ущельѣ же и въ окрестности росъ мелкій дубовый лѣсъ, простиравшійся до самыхъ горъ. Отрядъ подошелъ къ этому лѣсу и былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, на который стрѣлки наши отвѣчали тѣмъ же; когда же нѣсколько пушенныхъ нашей артилеріей гранатныхъ и картечныхъ выстрѣловъ принудили горцевъ уступить намъ опушку лѣса, стрѣлки немедленно заняли ее, послѣ чего колонна двинулась впередъ ущельемъ. Бой завязался въ самомъ лѣсу, столь густомъ, что артилерія, которой только и боялись горцы, не могла дѣйствовать. Они до того разсвирѣпѣли, что, не взирая на явную смерть, мѣшались съ нашими стрѣлками по флангамъ, а конные наѣзники врывались даже въ самый отрядъ. Особенно центръ колонны выдерживалъ убійственный ружейный огонь; каждый шагъ впередъ былъ приобретаемъ кровію.

Горцы, предводительствуемые владѣтельнымъ дворяниномъ Маамкиреемъ Цоко-Моко, отчаянно защищали дорогу, и отступали медленно, не обращая вниманія на свои ежеминутныя потери. Маамкирей и другіе дворяне съ быстротою молніи являлись на всѣхъ флангахъ и при мѣромъ своей храбрости и неустрашимости увлекали за собою черкесовъ и яростно бросались на шашки. Каждый натискъ ихъ отбивался казачьими пиками. Черезъ два часа войска достигли первыхъ ауловъ, разбросанныхъ по лѣсу группами въ нѣсколько савель; бывшіе при нихъ запасы хлѣба и сѣна, вмѣстѣ съ саклями, казаки тотчасъ же зажигали. Тѣснимый непріятель подавался далѣе и далѣе къ главному аулу, пока онъ не былъ занятъ и зажженъ нашимъ отрядомъ. Густой дымъ, чаща лѣса и растянутая верста на десять по ущелью колонна давала горцамъ надежду если не истребить, то, по крайней мѣрѣ, на голову разбить нашъ отрядъ. Пользуясь выгодами мѣстности, они съ отчаяніемъ врывались въ ряды наши и старались отбить пушки, безмолвствовавшія въ густотѣ лѣса, такъ что весь губительный огонь выносили на себѣ конница и пѣхота. Въ самый разгаръ боя, часть горцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ Маамкирея, ударила изъ-за кустарниковъ на взводъ артилеріи, и хотя команды, прикрывавшія орудія, дали отпоръ, но, уступая силѣ непріятеля, принуждены были податься назадъ. Тогда горцы бросились на пушки, убили двухъ артилерійскихъ лошадей, ранили двухъ артилеристовъ и двухъ лошадей и уже готовились захватить орудія.... Въ этотъ-то критическій моментъ падаетъ съ авангарднаго фланга Безкровный съ казаками, отбрасываетъ горцевъ пиками и отнимаетъ уже захваченныя пушки. Обративъ враговъ въ бѣгство, атаманъ погнался за ними въ лѣсъ; но бѣжавшіе черкесы были встрѣчены значительною партией, снѣшившею имъ на помощь, и всѣми силами своими ринулась на команду Безкровнаго. Горсть казаковъ, отбиваясь пиками, подавалась назадъ. Отважный атаманъ, бывший впереди казаковъ, съ отступленіемъ послѣднихъ остался назади. Вдругъ подъ нимъ падаетъ конь, сраженный черкесскими пулями; Безкровный окруженъ со всѣхъ сторонъ. Предпочитая славную смерть постыдному плѣну, неустрашимый атаманъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Первый выстрѣлъ его повергъ мертвымъ главнаго предводителя горцевъ, Маамкирея Цоко-Моко, еще двухъ закололъ онъ пикою, но пика мгновенно была изрублена шашками; самъ Безкровный получилъ три раны: въ грудь, въ голову, съ поврежденіемъ черепа, и въ правое плечо, съ поврежденіемъ кости. Онъ продолжалъ, однако, обороняться саблею и ранилъ еще нѣсколькихъ черкесовъ. Къ

счастію, на выручку атамана прискакали хорунжіе Могуковъ и Золотаревскій и нѣсколько казаковъ. Могуковъ и разжалованный изъ хорунжихъ Григорій Сотниченко первые врубались въ толпу горцевъ, пробились сквозь ихъ къ Безкровному, схватили своего атамана, лишившагося чувствъ отъ потери крови, и благополучно добрались до отряда, — на флангахъ котораго кипѣлъ ожесточенный бой. Всѣ усилія горцевъ были направлены къ тому, чтобы задержать колонну въ лѣсу до ночи. Подумертвый Безкровный велѣлъ войскамъ тихимъ шагомъ отступать. Въ четыре часа по-полудни, колонна начала пролагать себѣ путь оружіемъ сквозь густыя толпы непріятеля; насѣдавшіе одновременно на нашъ арьергардъ и фланги черкесы были отражаемы ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, и, наконецъ, прогнаты въ лѣсъ.

Этотъ кровавый бой продолжался, съ перерывомъ на нѣсколько минутъ, съ семи часовъ по-полуночи до пяти часовъ по-полудни. Въ немъ участвовало горцевъ до 4,000 человекъ. Сорокъ пять тѣлъ ихъ осталось на мѣстѣ; болѣе сотни было подобрано убитыхъ и до двухъ сотъ раненыхъ; убито и ранено лошадей до трехъ сотъ; сожжены одинъ большой аулъ и до 35 хуторовъ; хлѣба и сѣна до 650 стоговъ и взято восемнадцать головъ рогатаго скота. Съ нашей стороны убито: казаковъ три; лошадей 14; ранено: генералъ Безкровный; оберъ-офицеровъ два; унтеръ-офицеровъ два; казаковъ и солдатъ 29; лошадей 37.

Атаманъ Безкровный еще въ 1829 году, съ согласія генерала Емануеля, закрылъ по кордонной линіи мѣновыя дворы, гдѣ, въ числѣ прочаго, мѣнялась горцамъ и соль. Прекращеніемъ отпуска этого необходимаго продукта, Безкровный рассчитывалъ склонить горцевъ къ покорности; но высшее начальство отмѣнило принятую имъ мѣру, какъ стѣснительную для горцевъ, и предписало обходиться съ ними самымъ дружелюбнымъ образомъ. Получая свободный доступъ на нашу сторону, горцы имѣли на мѣновыхъ пунктахъ пріятелей, которые, во всякое время, могли указать имъ удобные для вторженія пункты на кордонной линіи. Черкесы, разумѣется, усилили свои хищническіе набѣги. Нерѣдко попадались въ руки казаковъ такіе пріятели, которые не далѣе какъ того же дня смиренными агнцами являлись на мѣновыхъ дворахъ, и послѣ ночныхъ разбоевъ спокойно приходили вновь на сатовку.

Съ назначеніемъ на Кавказъ главнокомандующимъ графа Паскевича, дѣла на Кубанской границѣ приняли другой оборотъ. Приказано было строить укрѣпленія за Кубанью, чтобы имѣть опорные пункты

въ непріятельской сторонѣ. Это возложено было на наказнаго атамана Черноморскаго войска Безкровнаго.

Въ 1830 году, генераль Безкровный выстроилъ три укрѣпленія: первое на Кубани *Алексѣевское*, — названное именемъ самого Безкровнаго; второе, въ честь имени Паскевича, *Шебско-Ивановское*, а послѣднее — на р. Афипѣ, по имени Емануеля *Георіе-Афинское*. Изъ этихъ укрѣпленій Шебское было признано неудобнымъ и упразднено; остальные и позже выстроенныя: *Абинское*, *Варениковское* и *Ольгинское* — существовали до упраздненія Черноморской кордонной линіи.

Тяжелое это время было для Черноморіи. Строевыя части всѣ были раскомандированы, то въ походахъ, далеко отъ дома, въ чужихъ краяхъ; то въ закубанскихъ отрядахъ, такъ что на Кордонной линіи оставалось казаковъ очень немного. Оказалось необходимымъ вызвать изъ внутри Черноморіи и сѣдовласыхъ ветерановъ и малолѣтковъ. Какъ теперь, такъ и всегда, подобнаго рода экстренные вызовы на границу дѣлали немалое разстройство въ домашнемъ быту казаковъ, и безъ того пуждавшихся въ рабочихъ рукахъ. И однако, всѣ черноморцы, отъ стараго до малаго, способные носить оружіе, спѣшили, по призыву войсковыхъ властей, на Кубань стать защитой роднаго края отъ горцевъ. За то любая казачья хата являла грустную картину казачей жизни: тамъ плачетъ казачка съ малыми дѣтьми, проводившая стараго свекра, бывшаго единственной опорой въ семействѣ, — мужъ уже давно былъ на службѣ; тамъ престарѣлая мать, не дождавшись съ кордона служиваго сына, проводила туда же и малолѣтка своего, единственнаго помощника въ домашнихъ трудахъ. И какихъ сценъ не было за кулисами семейной жизни черноморскихъ казаковъ! Кромѣ суровой прозы, можно было встрѣтить и поэтическую сторону быта черноморцевъ, выразившуюся въ народной пѣснѣ:

За Кубань иду!

Гей, коню мій, коню! заграй підомною!
Дівчино прощай, дівчино прощай!...

За Кубань идешъ, мене покидаешъ,
Чого жъ ти, мій милий, чого тамъ шукаешъ!
Хіба тобі, милий, чужа сторона
Рідніша, миліша своси вона?

Иду туда!

Де роблять на диво червоне пиво
Зъ крові супостатъ, зъ крові супостатъ!

Хіба жъ ею хочешъ, мій милий, упиться;
Хіба же ти схотівъ за мною разлучиться.
Испий мої слезы, испий мою кровь,
Тільки не кидай за вирну любовь!....

Дівчино не плачь!

Не рви мого серця! якъ пиръ сей минеться,
Прийду я опять, прийду я опять.

Тавжежъ тобі, милий, назадъ не вертаться,
Тамъ тобі, серденько, тамъ оставаться.
Онъ бачъ підъ тобою щось твій кінъ поникъ,
У полі червонімъ заснешъ ти на вікъ!....

Якъ воронъ въ віконце

До тебе закриче, изъ-за гіръ прескоче
Казаченько твій, казаченько твій.

Якъ явіръ зеленій головоньку склоне,
Зозуля кукукне, діброва застогне,
Твій кінъ підъ тобою спіткнеться вздохне,
Тобі вже, мій милий, не буде мене. ...

Корпусный командиръ, графъ Паскевичъ, желая лично ознакомиться съ положеніемъ Черноморской кордонной линіи, и вообще съ положеніемъ Кубанскаго края, 10-го декабря прибылъ въ Черноморію и расположилъ свою штабъ-квартиру въ Екатеринодарѣ. Къ приѣзду его всѣ дѣйствовавшія въ Черноморіи войска, казачьи и регулярныя, были собраны въ одинъ большой отрядъ, съ которымъ Паскевичъ, 12-го октября, двинулся въ горы и прошелъ Шапсугскія владѣнія. Разоривъ нѣсколько ауловъ, онъ возвратился къ Кубани. При этомъ движеніи отряда, всѣ нападенія горцевъ едва были замѣтны. Масса войскъ, которыми начальствовалъ Паскевичъ, держала въ страхѣ.

11-го ноября, корпусный командиръ, по жалобамъ нѣкоторыхъ лицъ на Наказнаго атамана Черноморскаго войска, удалилъ Безкров-

наго отъ должности, назначивъ на его мѣсто генераль-маіора Заводскаго.

Лукавый попуталъ корыстью одного изъ лучшихъ генераловъ Черноморскаго войска, извѣстнаго своими военными подвигами еще съ отечественной войны. Израненный въ бояхъ, имѣя за военные отличія, кромѣ прочихъ наградъ, золотую саблю, бриліантовый перстень и офицерскій крестъ св. Георгія, Безкровный былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отличный администраторъ. Нужно было видѣть, какъ онъ, принявъ въ управленіе Черноморское войско, разоблачилъ издавна вкоренившіеся безпорядки, смѣнилъ виновныхъ членовъ, внушилъ избраннымъ на мѣсто ихъ чувства служебнаго долга, чести и пользы войску и правительству. Молодой, видный собою, краснорѣчивый генераль Безкровный былъ душою общества, гдѣ встрѣчались люди, искавшіе его покровительства. Безкровный готовъ былъ содѣйствовать просителямъ, которые, въ свою очередь, подносили атаману подарки. Эти-то искатели благосклонности атамана и, какъ тогда говорили, оскорбленные супруги и отцы были главными виновниками паденія Безкровнаго.

Постройка за Кубанью укрѣпленій, введеніе въ нихъ гарнизоновъ отъ Черноморскаго войска и безпрестанныя движенія нашихъ отрядовъ въ черкеской землѣ дали горцамъ почувствовать твердое намѣреніе покорить ихъ русской власти; но, подстрекаемые турками и надѣясь на свои недоступныя горныя тущобы, не вѣрили въ возможность торжества русскихъ войскъ. Были, однако, и сторонники мира и покорности, впрочемъ немногочисленные. Масса народа желала войны, слыша отъ своихъ вожakovъ увѣренія въ безсиліи русскихъ, и посулы помощи могущественнаго падишаха. Пріѣзжавшіе изъ Турціи купцы съ товарами, а иногда и съ военными запасами, или въ видахъ личной пользы, или по порученію своего правительства, поддерживали между черкесами духъ ненависти къ русскимъ.

Осенью 1831 года, когда Кубань обмелѣла, сконища горцевъ неоднократно бросались на Кордонную линію; но крѣпкая стража наша отбрасывала хищниковъ, и въ схваткѣ 27-го сентября отбила значокъ. Волненіе въ горахъ усиливалось; слухи и вѣсти, одни другихъ нелѣпѣе, распространялись съ необыкновенною быстротою.

Ханъ-Оглы-Кіеръ-Гирей-Султанъ, проживая по разнымъ мѣстамъ шапсугскаго владѣнія, передавалъ черкесамъ, что султанъ турецкій не навсегда уступилъ Россіи берегъ Абхазіи отъ Анапы до Сухумъ-Кале; что о принадлежности этого берега, Россія и Порта ведутъ переговоры. Онъ доказывалъ, что если бы береговая полоса принадлежала

Россіи, то давно была бы занята; что горскіе народы во всякое время могутъ надѣяться на покровительство и защиту Порты, что они свободны отъ подданства Россіи, а для вѣщаго убѣжденія читалъ именно будто бы фирманъ падишаха, въ которомъ, между прочимъ, повелѣвалось тѣмъ горцамъ, которые еще не примирились съ Россіей, отнюдь не мириться.

Начальствовавшій въ Анапѣ генераль Вышеславцевъ и Черноморскій наказный атаманъ, старались разувѣрить горцевъ въ ложныхъ слухахъ: они передавали, имъ, чрезъ приверженныхъ къ намъ черкесовъ, что по адрианопольскому трактату берега Абхазіи навсегда уступлены во владѣніе Россіи, что султанъ Гирей только мутитъ въ горахъ умы легковѣрныхъ, къ собственному вреду ихъ, и что читанный имъ фирманъ подложный. Бунтовщика совѣтовали поймать, что, однако, не удалось, или, по крайней мѣрѣ, его не выдали русскимъ, а былъ слухъ, что султана Гирея сами горцы убили въ аулѣ Энемъ, при дракѣ шапсуговъ съ бжедуховцами, не враждовавшими съ русскими.

Шапсути, заклятые враги русскихъ, злобились на всѣ горскія племена, готовые покориться, и нерѣдко нападали на нихъ. Всѣ эти волненія въ горахъ были причиною, что въ 1832 году только отважный разбойникъ Казбичъ тревожилъ набѣгами кордонную линію.

27-го декабря черкесы, переправясь на нашу сторону близъ Тиховскаго пикета, въ дистанціи Славянскаго поста, намѣревались пробраться къ селенію Полтавскому. По данному сигналу, наши легкіе отряды пустились со всѣхъ сторонъ на партію хищниковъ. Видя себя открытыми, черкесы отошли къ Кубани, но успѣли сжечь сѣно кордонныхъ и пограничныхъ жителей, разорить и сжечь нѣсколько пикетовъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ, отстоявшемъ отъ Ольгинскаго поста въ 18 верстахъ, горцы встрѣтили сопротивленіе. Здѣсь находился на Кордонной стражѣ урядникъ 5-го коннаго полка Иванъ Григорьевичъ Суръ, съ тринадцатью казаками. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ рѣшился защищаться до послѣдней капли крови. До трехъ сотъ хищниковъ, атаковавшихъ пикетъ, открыли по защитникамъ ружейный огонь, — требуя сдачи. Въ отвѣтъ — изъ пикета летѣли казацкія пули, поражавшія разбойниковъ. При неравенствѣ силъ, въ пикетѣ было уже двое убитыхъ и трое раненыхъ казака, но Суръ, не теряя присутствія духа, ободрялъ товарищей и продолжалъ отстрѣливаться. Черкесы бросились, наконецъ, штурмовать пикетъ, и начали шашками подрубать пикетный плетень. Мужественнаго урядника и это не смутило: онъ продолжалъ, со своими столь

же неустрашимыми сослуживцами, укладывали на вѣчный покой черкесовъ возлѣ самыхъ стѣнъ пикета, стрѣляя въ упоръ. Часа два длилось сопротивленіе храбраго Сура; горцы то усердно принимались рубить пикетные колья, то отскакивали съ дикими криками, видя вокругъ себя падавшихъ мертвыми товарищей. Подоспѣвшій, подъ командою подполковника Кривцова, отрядъ при двухъ орудіяхъ выручилъ молодцовъ. Горцы, захвативъ съ собою убитыхъ и раненыхъ, убрались за Кубань, провожаемые ядрами и картечью.

За такой подвигъ урядникъ Сура былъ произведенъ въ хорунжіе, а его сподвижники награждены званіемъ урядниковъ; тремъ изъ нихъ, получившимъ раны, пожалованы еще знаки отличія Военнаго ордена св. Георгія. Съ тѣхъ поръ выдержавшій осаду пикетъ названъ Суровымъ и при немъ устроена чрезъ Кубань (Сурова) переправа, противу которой теперь, на лѣвой сторонѣ, находится земля генерала Короленка.

24-го января 1833 года, скопище горцевъ, болѣе 3,000 человекъ, появилось около Петровскаго поста. Противъ нихъ вышелъ, съ командой, есаулъ Р. Горцы атаковали его съ фронта и фланговъ, но до тѣхъ поръ, пока дѣйствовали пушки, держались въ почтительномъ отдаленіи отъ команды. Затѣмъ, едва только пушка, выбросивши снаряды, замолкла, какъ азіяты съ дикими возгласами бросились на команду, убили шестерыхъ, ранили четырехъ казаковъ, нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ и овладѣли пушкою. Начальникъ команды, Р., едва, съ остальными казаками, успѣлъ убраться въ постъ, который черкесы окружили. Въ это-то мгновеніе прибѣжалъ на выручку войсковой старшина Завгородный, съ отрядомъ въ 200 человекъ и со взводомъ артилеріи; съ другой стороны подоспѣлъ есаулъ Давыдовъ, тоже съ командою казаковъ и съ однимъ орудіемъ. Отступивъ отъ поста, черкесы стали на отбой; завязалось жаркое дѣло. Зная свое превосходство въ силахъ, горцы наступали, но при каждомъ натискѣ были встрѣчаемы картечью. Разбитые, ослабленные потерей, хищники въ разстройствѣ бѣжали за Кубань, — причемъ казаки отбили у нихъ пушку и тринадцать взятыхъ въ плѣнъ товарищей. Въ этотъ день съ нашей стороны было убито шесть, ранено восемь казаковъ и 22 казака уведены въ плѣнъ. Войсковой старшина Завгородный былъ также раненъ. У черкесовъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ на нашей сторонѣ, тянувшаяся по слѣдамъ ихъ за Кубань кровавая полоса свидѣтельствовала о пораженіи горцевъ.

Послѣ такой неудачи, горцы хотя и нападали на кордонную ли-

нію, но мелкими партіями. Они, по прежнему, были заняты своими внутренними дѣлами.

До сихъ поръ война съ закубанскими народами, то оборонительная, то наступательная, велась Черноморскимъ войскомъ иногда съ помощію регулярныхъ частей на время экспедицій; цѣлью дѣйствій за-Кубанью было удержаніе горцевъ отъ нападеній на Кубанскую линію и наказаніе ихъ за хищничество. Съ назначеніемъ графа Паскевича главнокомандующимъ на Кавказѣ, послѣдовала перемѣна въ образѣ дѣйствій противу закубанцевъ. Война переносится въ средину непріятельской земли; тамъ возводится рядъ укрѣпленій, дѣйствія за Кубанью производятся отрядами регулярныхъ войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ Паскевича, генераловъ Вельяминова, Малиновскаго, Раевского, Апрена и другихъ героев Кавказа.

Горцы, тревожимые и тѣснимые въ своихъ земляхъ, надѣялись на Турцію, откуда они получали оружіе, порохъ и другіе военные снаряды. Чтобы отнять у горцевъ и съ этой стороны средства къ борьбѣ съ русскими войсками, учреждена была Черноморская береговая линія, т. е. построенъ рядъ укрѣпленій; вмѣстѣ съ тѣмъ положено было начало колонизаціи русскихъ на непріятельской землѣ, подъ прикрытіемъ крѣпости Анапы. Постепенно, вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ, черкесы начали отодвигаться далѣе въ горы, но и въ самыхъ непроходимыхъ дебряхъ и тущахъ кавказскихъ не имѣли покоя отъ нашихъ войскъ.

Въ то время, какъ отряды наши громили горцевъ въ самой срединѣ ихъ земли, наказный атаманъ Черноморскаго войска, генералъ Заводовскій, частыми экспедиціями дѣйствовалъ за-Кубанью со стороны Черноморской кордонной линіи. Разоря ближайшіе къ Кубанѣ непріятельскіе аулы, угоня ихъ стада и истребляя полевые запасы, Заводовскій старался отвлекать тѣмъ горцевъ отъ Кубанской границы. Въ зимнее время, кордонная стража была усиливается льготными частями войска, и хотя неустанно наблюдала за безопасностію предѣловъ нашихъ, но отчаянные хищники пробирались къ намъ въ темныя ночи по при-кубанскимъ плавнямъ, замерзавшимъ въ суровую зиму. Такія шайки разбойниковъ иногда успѣвали что нибудь своровать въ при-кубанскихъ селеніяхъ, или схватить кого-нибудь въ плѣнъ, но болѣею частию открываемыя нашими залогомъ и неутомимыми пластунами жестоко были наказываемы.

Съ этого времени дѣла на Черноморской кордонной линіи утрачиваютъ первоначальное значеніе свое: борьба съ черкесскими племенами продолжается уже не одними черноморскими казаками, а обще съ ре-

гулярными войсками. Отдѣльныя части Черноморскаго войска входили въ отряды регулярныхъ войскъ за-Кубанью, на восточномъ берегу Чернаго моря, въ анапскомъ гарнизонѣ и на Кавказской линіи, куда въ продолженіе пяти лѣтъ (1832 — 1836 г.), постоянно выкомандировывалось нѣсколько черноморскихъ полковъ.

Продолжать описаніе военныхъ дѣйствій черноморцевъ на Кубани, значило бы слѣдить за общимъ ходомъ войны на Западномъ Кавказѣ. Не принимая на себя этого труда, заканчиваю свой рассказъ внутренними событіями въ войскѣ.

Пятидесятилѣтіе боевой жизни черноморцевъ на Кубани было ознаменовано новымъ положеніемъ для сего войска, Высочайше утвержденнымъ 1-го іюля 1842 года. При объявленіи его собравшимся въ Екатеринодарѣ представителямъ отъ всѣхъ частей войска (8-го ноября), наказный атаманъ, генералъ Заводовскій, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Храбрые товарищи!

«Мы удостоились счастья обратить на себя Высокомонаршее вниманіе Государя Императора. Всемиловѣйшій Монархъ, заботясь о нашемъ благѣ, изволилъ даровать намъ новое положеніе, обещающее для насъ и потомковъ нашихъ полное благоденствіе. Привѣтствую васъ, друзья, съ этимъ радостнымъ событіемъ! Теперь намъ остается только оправдать надежды Августѣйшаго Императора, благодѣтеля нашего. Приступимъ единодушно къ исполненію Его Высочайшей воли и насладимся счастьемъ, даруемымъ намъ отъ щедротъ великаго Царя-Отца».

Громкое, душевное ура было отвѣтомъ на привѣтъ атамана.

Распорядившись о переформированіи въ войскѣ строевыхъ частей по новому положенію, наказный атаманъ отправился въ Петербургъ, съ двумя войсковыми депутатами, благодарить Государя Императора за дарованныя Высочайшія милости. Обласканный Его Величествомъ, Заводовскій возвратился въ Черноморію съ милостивымъ Царскимъ словомъ и благоволеніемъ къ войску Черноморскому.

Сформированные, по новому положенію, полки и баталіоны получили знамена прежде заслуженныя, а недоставшія шести пѣшимъ баталіонамъ, пожалованы Государемъ Императоромъ въ 1845 г. (1).

Атаманъ ходатайствовалъ для Черноморскаго войска еще одной дорогой награды: по просьбѣ Заводовскаго и по представленію Главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, Государь Императоръ Всемиловѣйше пожаловалъ Черноморскому войску большое Георгіевское знамя за полувѣковую службу этого войска на

(1) Приложение XIX и XX.

Кубанской границѣ, многими подвигами мужества и храбрости ознаменованную (1).

Торжественное освященіе этого дорогаго Царскаго подарка происходило въ войсковомъ кругѣ, при г. Екатеринодарѣ, 11-го мая 1844 года, при сборѣ войскъ, дворянства и станичныхъ представителей (2).

Къ Царю любовію пылая,
За даръ безцѣнный Николая,
Гремѣли пушки и ура!
Все войско славилъ Царя:
Вездѣ триумфъ, восторгъ сердецъ;
Всѣ рады были—дѣдъ, отецъ
И малы дѣти ликовали,
Царя и войско прославляли....

Я былъ на этомъ торжествѣ, въ числѣ тѣхъ мальчиковъ, которыхъ вызывали тогда изъ станицъ, чтобы они на долгое время помнили это счастливое для войска событіе; были въ войсковомъ кругѣ и старые казаки, служившіе еще въ Сѣчѣ Запорожской. Нельзя было не заглядѣться на этихъ здоровенныхъ усачей, съ роскошными чупринами, въ красивыхъ запорожскихъ костюмахъ. Особенно врѣзались мнѣ въ памяти два сѣдые ветерана, бойко отплясывавшіе запорожскаго казака, подъ звуки хора войсковой музыки. Выпивши по *ківшу горілки*, они начали танецъ съ удивительной для ихъ лѣтъ легкостью, потомъ, лихо отхватавъ *гайдука*, сядились одинъ противъ другаго, скрестивши ноги, пѣли за-бугскія пѣсни Головатаго и опять черпнувши по «ківшу» плясали, пѣли и пили.

Много прекраснаго и характеристичнаго вспоминается изъ праздника пятидесятилѣтняго юбилея Черноморскаго войска. Съ тѣхъ поръ истекаетъ уже третій десятокъ лѣтъ, а вся обстановка казацкаго праздника рисуется въ воображеніи, какъ будто событіе недавнее.

Черноморцы, осчастливленные драгоцѣннымъ даромъ Монарха, среди общей радости и веселья, пѣли сочиненную тогда же, на этотъ случай, пѣсню:

Ликуй родной любезный край,
Отчизны храбрыя дружины;
И ратной славой процвѣтай
Безсмертный даръ Екатерины!

(1) Приложение XXI.

(2) Приложение XXII.

Царица-Мать съ высотъ внемли,
Услышь ты наши пѣснопѣнья,
Съ твоей дарованной земли
Мы шлемъ тебѣ благодаренья.

Насъ Царь-Отецъ созвалъ на пиръ,
И насъ по царски угощаетъ;
Онъ далъ законъ намъ, далъ намъ миръ,
Днесъ знамя бранное вручаетъ.

И въ немъ щедротъ святой залогъ,
Ко славѣ вѣрнымъ путь открывшихъ.
Ура! казаки, съ нами Богъ
И доблесть дѣдовъ сномъ почившихъ!

Надъ нами свѣтлая заря
Въ грядущемъ славу общаетъ,
Подъ знаменъ русскаго Царя
Казаки отрадно смерть встрѣчаютъ.

Ура!—нашъ храбрый атаманъ!
Съ тобою мы непобѣдимы,
Тобой гордится русскій станъ,
Тобой прославлены дружины.

Веди насъ въ горы пировать;
Гостями нежданными нагрянемъ,
И горцевъ пѣсней угощать
Радужно мы не перестанемъ.

Съ тобой намъ нѣтъ нигдѣ преградъ,
Вѣдь рай тому, кто мертвый ляжетъ;
Живымъ какихъ желать награды—
Коль русскій Царь спасибо скажетъ.

Къ Творцу любовію горя,
Къ нему молитвы возсылаемъ:
Храни Господь, храни Царя
И нашу славу съ Николаемъ!

Съ тѣхъ поръ Черноморское войско проявило много славныхъ подвиговъ въ боевой службѣ своей, много царскихъ наградъ получило за отличія свои, и много, много знаменательныхъ событій совершилось въ Черноморіи..... Придетъ время, когда обо всемъ этомъ повѣдаетъ правдивая исторія Кавказа;—а мнѣ остается только сказать, что минувшая жизнь Черноморцевъ на Кубани, знаменованная доблестными подвигами, награжденная царскими милостями, свидѣтельствуетъ о вѣрности, преданности и усердіи казаковъ къ службѣ Государю и Отечеству, какъ въ былое, такъ и въ будущее время.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(ЧЕРНОМОРЦЫ ЗА ВУГОМЪ).

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

№ 2,123.

Отъ генералъ-фельдмаршала, Екатеринославскаго, Таврическаго и Харьковскаго генералъ-губернатора и кавалера князя Потемкина-Таврическаго.

Чтобъ имѣть въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ военныя команды волонтеровъ, препоручилъ я секундъ-маіорамъ Сидору Бѣлому и Антону Головатому собрать охотниковъ, и конныхъ и пѣшихъ, для лодокъ, изъ поселившихся въ семь намѣстничествъ служившихъ въ бывшей Сѣчи Запорожской казаковъ. Во время отправленія службы своей будутъ они довольствуемы жалованьемъ, провіантомъ и на лошадей фуражемъ. Кто же отличитъ себя службою, тѣ могутъ ожидать и награжденія отличнаго. Въ слѣдствіе чего, все желающіе изъ помянутыхъ казаковъ могутъ являться въ Бериславль къ означеннымъ секундъ-маіорамъ, Бѣлому и Головатому, коимъ отъ меня повелѣніе дано. Подписалъ князь Потемкинъ-Таврическій.

Августа 20-го дня 1787 г.
Михайловка.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

№ 2,664.

Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, Всемилоостивѣйшей Государыни моей, генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій всею легкою конницею, регулярно и нерегулярною, флотомъ Черноморскимъ и многими другими сухопутными и морскими военными силами, государственной военной коллегіи призидентъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генералъ-губернаторъ, Ея Величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, войскъ генералъ-инспекторъ, л.-гв. Преображенскаго полку подполковникъ, корпуса кавалергардовъ, Екатеринославскаго кира-

сирскаго, Смоленскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго полковъ шефъ, Мастерской Оружейной Палаты верховный начальникъ и орденовъ российскихъ: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, военнаго св. великомученика и побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князя Владиміра большихъ крестовъ, королевскихъ: прусскаго Чернаго Орла, датскаго Слона, шведскаго Серафимовъ, польскаго Бѣлаго Орла, св. Станислава и великокняжескаго Голстинскаго св. Анны кавалеръ, князь Потемкинъ-Таврическій. Объявляю чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что, по случаю учиненнаго турками съ Имперіею Всероссійскою и открывшихся нынѣ военныхъ дѣйствій, господинъ капитанъ Захарій Чепѣга, исполненъ будучи похвальной ревности и усердія къ службѣ Ея Императорскаго Величества, и пользуясь случаемъ къ изъявленію противъ враговъ христіанства мужественныхъ подвиговъ своихъ, предъявилъ желаніе собрать волонтеровъ и съ оными употребленъ быть при арміи, моему начальству ввѣренной. А потому и дозволяю ему набрать охотниковъ изъ свободныхъ людей, съ казеннымъ, до колѣ на сей службѣ пребудутъ, пропитаніемъ, повелѣвая съ набратыми людьми являться къ командирующему на границѣ генералитету и ко мнѣ рапортовать.

Во удостовѣреніе жъ даннаго дозволенія утверждаю сіе рукою и печатью герба моего. Подписалъ: Потемкинъ-Таврическій.

Въ Елисаветградѣ.

Октября 12-го дня 1787 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

№ 582.

Отъ генералъ-фельдмаршала, главнокомандующаго Екатеринославскою арміею, всею легкою конницею, регулярною и нерегулярною, флотомъ Черноморскимъ и многими другими сухопутными и морскими военными силами, государственной военной коллегіи президента, Екатеринославскаго, Таврическаго и Харьковскаго генералъ-губернатора, дѣйствительнаго камергера, л.-гв. Преображенскаго полка подполковника, корпуса кавалергардовъ, Смоленскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго шефа, Мастерской Оружейной Палаты верховнаго начальника и разныхъ орденовъ кавалера, князя Потемкина-Таврическаго.

Войска вѣрныхъ казаковъ войсковому атаману, господину подполковнику Сидору Бѣлому, старшинамъ и всему войску.

Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая наша Монархия, пріемля за благо усердіе ваше въ собраніи противу врага христіанства оказанное, высочайшимъ иманнымъ повелѣніемъ указать мнѣ соизволила объявить вамъ высочайшее свое благоволеніе, о которомъ и даю вамъ чрезъ сіе знать, надѣясь, что при возчувствованіи сея монаршей милости, вѣще воспылаетъ въ васъ ревнованіе къ отличенію себя вѣрностію и заслугами, въ чемъ и желаю да Господь Богъ вамъ вспомошествовать.

Ея Императорское Величество изволила низойти на пожалованіе вамъ земли для поселенія въ Керченскомъ кутѣ или на Таманѣ, всемилостивѣйше возлагая сіе на мое распоряженіе, котораго я и не премину учинить, стараясь о благѣ сего войска по мѣрѣ оказываемаго онымъ къ высочайшей службѣ усердія. Высочайшее сіе благотвореніе распространяется и на тѣхъ, которые изъ за-границы къ вамъ присовокупляются восхотятъ и на находящихся въ непріятельской сторонѣ, если которые изъ нихъ, пришедъ въ раскаяніе о своемъ заблужденіи, прибѣгнуть къ собственноручной Ея Императорскому Величеству милости. Подписалъ: князь Потемкинъ-Таврическій.

Генваря 31 го дня 1788 года.

Елисаветъ-градъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

№ 314.

ОРДЕРЪ.

Генерала и кавалера.....

Вѣрнаго Запорожскаго войска господину атаману кошевому Бѣлому.

Вслѣдствіе Ея Императорскаго Величества указа о всемилостивѣйшемъ благоволеніи къ вѣрнымъ казакамъ, препровожденный отъ его свѣтлости главнокомандующаго арміею господина генералъ-фельдмаршала и многихъ орденовъ кавалера князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго листъ при семъ слѣдуетъ въ войско (1). Такожъ: знамя войсковое бѣлое большое, малыя для куреней, которыхъ, по умноженію людей, прибавлять будетъ впередъ; булава атамана кошевого и другіе перначи.

Изображеніе на оныхъ креста съ сіяющимъ въ срединѣ солнцемъ представляетъ привязанность войска къ вѣрѣ христіанской; на другой же сторонѣ, въ звѣздѣ, надпись ордена св. апостола Андрея Первозваннаго означаетъ храненіе ими вѣры, проповѣдуемой симъ апостоломъ въ странахъ, по Днѣпру лежащихъ, и вѣрность къ государю и отечеству.

Сколь сіи отличности для войска знамениты, столь да умножатъ свою ревность къ службѣ и окажутъ храбрость въ военныхъ подвигахъ. Подписалъ: Александръ Суворовъ.

Февраля 27-го дня 1788 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

№ 2,659.

Отъ генералъ-фельдмаршала, главнокомандующаго Екатеринославскою арміею, флотомъ Черноморскимъ, всею легкою конницею, государственной

(1) См. Приложение III.

военной коллегіи президента, Екатеринославскаго, Таврическаго и Харьковскаго генераль-губернатора, Ея Императорскаго Величества генераль-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, л.-гв. Преображенскаго полка подполковника, корпуса кавалергардовъ, Екатеринославскаго кирасирскаго, Смоленскаго драгунскаго и Екатеринославскаго драгунскаго полковъ шефа, Мастерской Оружейной Палаты верховнаго начальника и разныхъ орденовъ кавалера, князя Потемкина-Таврическаго.

Войска вѣрныхъ казаковъ кошевому атаману, господину подполковнику, старшинамъ и всему войску.

По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, сдѣланную для сего войсковую печать къ надлежащему оныя употребленію при семъ препровождаю. Подписалъ: князь Потемкинъ-Таврическій.

Мая 13-го дня 1788 года.
Елисаветъ-градъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

ОТКРЫТЫЙ ОРДЕРЪ.

Коша вѣрныхъ казаковъ бывшаго Запорожскаго низоваго войска полковымъ старшинамъ, яко то: полковникамъ, есауламъ, хорунжимъ, атаманамъ куреннымъ и въ отрядныхъ партіяхъ произведеннымъ старой службы рядовымъ казакамъ, товариществу, при атестатахъ, свидѣтельствахъ... (1), отставкахъ и безъ награды состоящимъ, всеѣмъ извѣстно да будетъ.

Его свѣтлость, высокоповелительный многихъ военныхъ силъ вождь и разныхъ орденовъ кавалеръ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, сего года минувшаго 31-го января, въ препровожденномъ своемъ въ кошъ вѣрнаго войска казаковъ листѣ, мнѣ со всеѣмъ согласно и ревностно усердствующихъ старой службы старшинъ и рядовыхъ казаковъ, въ заслугахъ любезному отечеству извѣстныхъ войску товарищей, меня войсковымъ атаманомъ до сего наименовавши и всеѣмъ старшинамъ объявляетъ всемилостивѣйшее нашей Монархини благоволеніе, что каждой искусной въ храбрости воинъ поелику зависить отъ усердной Богу вѣрою, къ своей Монархинѣ усердіемъ и ревностію отечества, бывши внутренительно располагаемъ сердечною любовію, которая побудитъ освященнымъ Матери церкви оружіемъ, чрезъ милость императорскую благословеннымъ и препорученнымъ мнѣ къ вамъ любезному товариществу вѣрнаго войска въ службѣ бывшимъ, да и тую жъ милость присовокупляющимся изъ-за границы простертую, напротивъ дерзкаго врага Христова имени побѣди-

(1) По неразборчивому почерку старинной рукописи одно слово пропущено.

тельно вооружиться, на что и отъ Господа Бога тебѣ и смиреннѣ въ томъ же листѣ явѣ возводитъ святою молитвою помощь и неослушнымъ вѣрное заслугамъ удовлетвореніе чинить. Что, общественнѣ съ коша старшинъ, ордерую, извѣстному старой службы товариществу приказую усердствующимъ ревностію въ помощь заграничныхъ прошу за полученіемъ сего явиться: коннымъ въ конницу полководца г-на майора Чепѣги, пѣши въ урочище Василькове на лиманъ въ лодки. Гдѣ же сей явленъ будетъ и прочтеть всякъ, внутренительно выслуша явку, число мѣсяцъ да написать со скорѣйшимъ отвѣтомъ: будетъ ли или не будетъ въ походѣ, дабы средства трудовъ окончиться могли спокойнымъ въ семь кошѣ всеѣхъ старшинъ мнѣніемъ за возвратомъ сего моего открытаго ордера въ кошъ. Мая 27-го дня 1788 года. Подписалъ: Сидоръ Бѣлый.

Ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей моей государыни арміи подполковникъ и вѣрныхъ казаковъ войсковой атаманъ.

Красная
сургучн.
печать

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссийской, и проч. и проч. и проч.

По храбрости и усердію къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества престолу и по желанію войска вѣрныхъ казаковъ, опредѣляется атаманомъ кошевымъ Харитонъ (1) Чепѣга. Объявляя о семъ всему войску, предписываю надлежащимъ образомъ его почитать и повиноваться.

Во увѣреніе чего данъ сей, за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ герба моего печати, въ главной квартирѣ Екатеринославской арміи при Очаковѣ, іюля 3-го дня 1788 года.

Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни моей генераль-фельдмаршалъ, главнокомандующій Екатеринославскою арміею, флотомъ Черноморскимъ и многими другими сухопутными и морскими военными силами, государственной военной коллегіи президентъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генераль-губернаторъ, Ея Величества генераль-адъютантъ, генераль-инспекторъ, дѣйствительный камергеръ, л.-гв. Преображенскаго полка подполковникъ, корпуса кавалергардовъ, Екатеринославскаго кирасирскаго, Смоленскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго полковъ шефъ, Мастерской Оружейной Палаты верховный начальникъ, орденовъ російскихъ: св. апостола Андрея Первозваннаго, св.

(1) Настоящее его имя было Захарій; имя же Харитонъ ошибочно взято отъ простонароднаго имени Харько, какъ вообще звали казаки Чепѣгу.

Александра Невского, военного св. великомученика и побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князя Владиміра большихъ крестовъ, королевскихъ: датскаго Слона, прусскаго Чернаго Орла, шведскаго Серафимовъ, польскаго Бѣлаго Орла, св. Станислава и великокняжескаго Голштинскаго св. Анны кавалеръ. Подписалъ: князь Потемкинъ-Таврическій.

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII.

Божіею милостію, Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссийская.

Нашему генералъ-фельдмаршалу, князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому.

Пріемля за благо и съ особливимъ Нашимъ признаніемъ ревностные труды ваши во устроеніи войскъ казацкихъ во вѣренной вамъ Екатеринославской губерніи, которые въ теченіи настоящей съ турками войны при арміи, вами предводимой, не одинъ разъ на тверди и водахъ отличились ихъ усердіемъ и храбростію, Всемилостивѣйше соизволяемъ: чтобы вы, по главному надъ ними начальству, именовались великимъ гетманомъ нашихъ казацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ и пребываемъ всегда вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктпетербургѣ, генваря 10-го дня 1790 года. На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

ПРИЛОЖЕНИЕ IX.

(Мѣсто Императорскаго герба).

Графъ Григорій Потемкинъ-Таврическій, Священныя Римскія Имперіи князь, великій гетманъ Императорскихъ казацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ.

Императорскаго войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ кошевому атаману, господину бригадиру и кавалеру Чепѣгѣ, войсковымъ старшинамъ и всему обществу.

Объявляю чрезъ сіе, что Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать меня великимъ гетманомъ Императорскихъ казацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ.

Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества о томъ повелѣнія ⁽¹⁾

⁽¹⁾ См. Приложение VIII.

препровождая при семъ для обнародованія въ войскъ экземпляры, надѣюсь я, что войско Черноморское, ознаменовавшее себя отличными подвигами въ теченіи настоящей войны, потщится умноженіемъ оные оказать новые опыты ревностнаго къ службѣ Ея Императорскаго Величества и усердіе и чрезъ то сдѣлать себя достойнѣйшимъ Высочайшаго Монаршаго благоволенія къ особливой своей и моей собственной чести и славѣ. Подписалъ: князь Потемкинъ-Таврическій.

26-го февраля 1790 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ X.

Екатеринославскимъ и Черноморскимъ казакамъ, въ день наименованія свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго великимъ гетманомъ.

Побѣдительныя державы
Храбры войска искони,
Возсіяли вѣчны дни
Щастья вашего и славы!

Покоритель южныхъ странъ,
Вождь премудрый вашъ гетманъ.
Онъ на сушѣ, и на морѣ,
Вамъ открылъ къ побѣдамъ путь.
Зрѣли всѣ, какъ ваша грудь
Наносила туркамъ горе.
Какъ эвксинскихъ бездна водъ
Пожирала сей народъ,
Вашей храбрости къ стремленью
Покорила Березань,
Стѣнь азовскихъ къ разрушенью
Поборала ваша длань.

Мы, среди преславныхъ боевъ,
Зрѣли въ васъ прямыхъ героевъ.

Кто-жъ достойнѣе другой —
Бодрымъ духомъ вашимъ править,
Кто-бъ васъ больше могъ прославить
И открыть вамъ вѣкъ златой? ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Имя автора этихъ стиховъ неизвѣстно.

ПРИЛОЖЕНИЕ XI.

Стихи г. Массона, де-Шанваллона, на сей же случай.

Неблагодарною исторіей забвенный,
Самою храбростью народъ къ войнѣ рожденный,
Почти торжественно великій оный день:
Разгналъ онъ твоего забвенья мрачну тѣнь.

Потемкинъ на тебя лучъ славы изливаетъ
И подвиги съ тобой, и имя раздѣляетъ!

ПРИЛОЖЕНИЕ XII.

диѳирамбъ ⁽¹⁾.

Низовому обѣихъ сторонъ воинству, получившему себѣ великимъ гетманомъ высокоповелительнаго всѣхъ силъ російскихъ военачальника, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, сочиненный свойственнымъ симъ новымъ аргонавтамъ нарѣчіемъ, прилагаемаго при семъ отъ предковъ писанія ⁽²⁾.

1790 года февраля 15-го дня.

Воскресши южныхъ странъ, возрадуйтесь вои,
Что въ свѣтѣ чести вы сподобились такомъ,
Что на невѣрнаго идущихъ бусурмана,
Далъ Богъ вамъ знатнаго великаго гетмана.
Который будетъ васъ за храбрость награждать,
Старайтесь только вы подъ нимъ такъ воевать,
Какъ воевали тамъ преславны предки ваши
На Черномъ морѣ и на утреннемъ Савашѣ.
Отколь съ моноскыловъ ⁽³⁾ чрезъ огненный свой градъ
Восточны жгли страны и самой Цареградъ.

⁽¹⁾ Мнѣ кажется, слово диѳирамбъ, въ примѣненіи къ этимъ стихамъ, не совсѣмъ правильно: неумѣренныхъ и восторженныхъ словъ въ стихотвореніи нѣтъ. Быть можетъ, въ прошломъ столѣтіи иначе понимали значеніе диѳирамба.
Асторъ.

⁽²⁾ Кто былъ сочинитель этихъ стиховъ и какое было упоминаемое имъ писаніе—неизвѣстно.

⁽³⁾ «Моноскылами» назывались запорожскія чайки—човны (небольшія суда на веслахъ). См. «Запорожскую Старину» Семенцовскаго.

Примѣромъ таковымъ вы, вои, подражайте,
И съ пламенемъ къ мѣстамъ симъ наги поспѣшайте,
Чтобъ вашимъ мужествомъ тамъ гордый *Понта* врагъ
Склонилъ предъ вашимъ симъ вождемъ на-вѣки свой флагъ!

ПРИЛОЖЕНИЕ XIII.

Графъ Григорій Потемкинъ-Таврическій, Священныя Римскія Имперіи князь, великій гетманъ Императорскихъ казацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ.

Императорскаго войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ, кошевому атаману, господину бригадиру и кавалеру Чепѣгѣ, войсковымъ старшинамъ и всему обществу.

Поставляя по званію моему непремѣннымъ себѣ долгомъ пенсись о доставленіи всего возможнаго блага всемилостивѣйше ввѣренному мнѣ войску вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ, всеподданнѣйше представилъ я Ея Императорскому Величеству о поселеніи сего войска на привольныхъ мѣстахъ по берегу Чернаго моря, между Днѣстра и Буга. Отведя чрезъ землемѣровъ достаточное количество земли и вверхъ сихъ рѣкъ сколько потребно будетъ, тожъ и у Кибурна, гдѣ включается въ межу войсковую и озера, буде есть, непринадлежащія владѣльцамъ.

Всегдашнее мое есть и будетъ попеченіе, чтобы войско сіе, въ награжденіе своей службы, пользовалось рыбными тамъ ловлями и всѣми выгодами земли; я же не оставляю снабдить васъ нужнымъ для строенія лѣсомъ и во всемъ такъ способствовать, что только къ пользѣ и добру войска Черноморскаго служить можетъ. Данъ въ главной квартирѣ въ Яссахъ. Марта перваго дня тысяча-семьсотъ-девяносто года. Подписалъ: князь Потемкинъ-Таврическій.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIV.

№ 496.

О Р Д Е Р Ъ.

Войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ кошевому атаману, господину бригадиру и кавалеру Чепѣгѣ, войсковымъ старшинамъ и всему обществу.

На Кибурнской сторонѣ, земли, непринадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра линією на картѣ означенныя, опредѣляются для войска Черноморскаго. Присовокупляется къ тому же еще округу Еникольскій съ Таманомъ, на которомъ отданныя мнѣ мѣста съ рыбными ловля-

ми, самыми изобильными, любя войско, навсегда оному дарую. Для обозрѣнія тамошнихъ земель и водъ пошлите надежныхъ людей и донесите мнѣ о годности ихъ; я же, съ моей стороны, дамъ вамъ землемѣра для снятія плана. Подписалъ: князь Потемкинъ-Таврическій.

Апрѣля 19-го дня 1790 года.
Яссы.

ПРИЛОЖЕНІЕ XV.

Божією милостію, мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Намъ любезновѣрнымъ, сухопутныхъ и морскихъ Нашихъ силъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и всему вѣрнопопдаданному Намъ воинству.

Мы получили извѣстіе о кончинѣ Нашего генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго въ 5-й день октября послѣдовавшей. Раздѣляя печаль съ вами о потерѣ вождя побѣдоносного и попечительнаго о васъ, сугубо оную ощущаемъ, лишився въ особѣ его вѣрнаго намъ слуги, отличнымъ къ Намъ усердіемъ, рвеніемъ ко славѣ Нашей и величію государства и многими побѣдами противу непріятеля, устройствомъ въ войскѣ и въ разныхъ ввѣренныхъ ему частяхъ правленія знаменитаго.

Воздавъ памяти его должную справедливость, удостовѣрены Мы, что каждый изъ васъ при непорочной вѣрѣ къ Богу, вѣрности къ Намъ и отечеству, и при храбрости российскому народу издревле свойственныхъ, проходя служеніе свое съ усердіемъ и радѣніемъ, исполняя узаконенія Наши съ точностію, наблюдая воинскій порядокъ и подчиненность, яко сущее основаніе службы и залогъ побѣдъ, сохраните навсегда честь оружія Нашего и во всякомъ случаѣ пойдете тѣмъ же путемъ побѣдоноснымъ, которымъ и предки ваши и вы сами шествовали.

Пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, октября 14-го дня 1791 года. На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою:

«ЕКАТЕРИНА».

ПРИЛОЖЕНІЕ XVI.

Ой Боже нашъ! Боже милостивій,
Уродились мы въ свѣтѣ несчастливѣ!
Служили вѣрно въ полі и на морі,
Да и остались убогі, босі й голі.

Старались землю заслужити,
Щобъ въ вольности віку дожити.

Да и давъ гетманъ отъ Дністра до Буга,
Границею по бендерську дорогу.

Дністровскій, Дніпровскій—оби два лимани,
Въ нихъ добуватись справляти жупани.

Прежнюю взяли (¹), да и сю отбирають,
А намъ дати Таманъ обіцають.

Ми туда пішли—аби бъ намъ сказали,
Щобъ не загубить да козацької слави!

Встань, батьку, великій гетмане,
Милостивій нашъ вельможній пане.

Встань Грицьку (²), промовъ за насъ слово,
Преси Цариці—все буде готово.

Дастъ намъ грамоту на вічність жити,
Ми їй будемъ вірнійше служити!

Сочинена іюня 16-го дня 1792 года, въ С.-Петербургѣ, войсковымъ судьей, арміи полковникомъ Антономъ Андреевичемъ Головатымъ.

(¹) Вѣроятно, Головатый намекаетъ на землю запорожскаго войска, отобранную у казаковъ.

(²) Умершій уже въ то время Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

ВѢДОМОСТЬ

КАКОВАГО ПОЛОЖЕНІЯ ТАМАНСКАЯ И КУБАНСКАЯ ЗЕМЛИ, СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ КАКІЕ ГДѢ ГОРОДА, КРѢПОСТИ И ДРУГІЯ МѢСТА, ТАКЖЕ РѢКЪ И СОЛЯНЫХЪ ОЗЕРЪ.

Учинена іюля 8-го 1792 года.

Переправа съ Керчи чрезъ гирло на Южную Косу.

Отъ южной косы вправо надъ Чернымъ моремъ и Кубанскимъ лиманомъ (гдѣ гирло съ Кубанскаго лимана въ Черное море впало) Соляное озеро, до коего отъ южной косы 16 верстъ; близъ онаго на горѣ, во многихъ мѣстахъ, идетъ деготь; тутъ городъ Фанагорія и корабельная пристань.

Отъ пристани за 13 верстъ гора, называемая Кизилтазъ, надъ Кубанскимъ лиманомъ; отъ сей горы за одну версту гирло, идущее съ Кубанскаго лимана и впадающее въ Сукуровой лиманъ.

Отъ гирла и Сукуроваго лимана за версту надъ Кубанскимъ лиманомъ на горѣ ханская крѣпость, а понижѣ оной съ горы идетъ деготь.

Отъ крѣпости и Сукуроваго лимана понадъ Кубанскимъ лиманомъ же, за 20 верстъ, Некрасовское пустое селеніе, гдѣ радуть (редуть) Каракольникъ и близъ оныхъ есть вѣсть.

Отъ Некрасовскаго селенія до Дуникаевскаго лимана, а онымъ вокругъ до Дуникаевскаго селенія 15 верстъ, отъ онаго селенія, за 15 верстъ, балка Дубовый рынокъ.

Отъ Дубоваго рынка надъ Ахтинскимъ лиманомъ балка Атышъ и онымъ до лимана Атышъ 15 верстъ; сей лиманъ впалъ въ Ахтинской.

Понадъ Атышскимъ и Ахтинскимъ лиманами, за 25 верстъ, пещаной ерокъ, идущій съ Ахтинскаго лимана и впадающій въ Азовское море.

Напередъ сего ерока городъ пустой, называемый Старой Темрюкъ, гдѣ земляная крѣпость.

Близъ сей крѣпости, верстъ за пять надъ Ахтинскимъ лиманомъ и Азовскимъ моремъ, на косѣ, каменная пустая крѣпость, называемая Новый Темрюкъ, и около оной на двухъ земляныхъ батареяхъ по двѣ чугунныхъ и по одной мѣдной, всего шесть пушекъ, изъ числа коихъ одна чугунная разбита. Близъ сего города, чрезъ Ахтинской лиманъ бродъ.

Отъ Ахтинскаго броду, понадъ Ахтинскимъ лиманомъ, до устья рѣки Кубани 30 верстъ; здѣсь рѣчка Кубань рѣздѣлилась на семь частей и тѣ гирла пошли въ разные мѣста; Ахтинской же лиманъ идетъ съ устья Кубани.

Отъ устья Кубани, за 30 верстъ, радуть, называемой Куркай, гдѣ съ Кубани и рѣчка Куркай идетъ.

Отъ Курковъ, за 40 верстъ, надъ Кубанью, между Чернымъ протокомъ и Казачьимъ еркомъ, земляная большая крѣпость, называемая Копиль.

Сколько степь вдлинъ и вширь верстъ, также лиманы и прочія мѣста.

Въ лиманахъ или рѣчкахъ какія воды.

Есть ли гдѣ сады, лѣса и другія деревья.

Способны ли степи или нѣтъ и есть ли гдѣ камыши.

Проникнутые лиманы сколько имѣютъ вдлинъ и вширь верстъ, также лиманы, ибо очень большіе.

Въ Кубанскомъ, Ахтинскомъ, Атишскомъ, Дуникаевскомъ, Сукуровомъ лиманахъ, также и въ гирлѣ, воды прѣсны.

Садовъ и лѣсовъ нѣтъ.

У Некрасовскаго селенія почастіи есть сады.

Садовъ и лѣсовъ нѣтъ. Въ Дубовомъ рынкѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, есть небольшая дубина.

Степь ко всему способной, а камыша нѣтъ.

Отъ Старога до Новаго Темрюка, версты за 2 вода и камыши, а отъ Новаго Темрюка чрезъ Ахтинской лиманъ, броду 3 версты, но всебольшіе камыши.

Садовъ и лѣсовъ нѣтъ.

Отъ устья Кубани до самой радуги Куркай и по берегу Кубани много родящихся разныхъ деревъ, также и вербъ, а садовъ нѣтъ.

Отъ Курковъ понадъ Кубанью до селенія Копили большія вербы и прочія деревья; недоѣзжая до Копили, версты за 2, садъ; въ ономъ яблоки, вишни, виноградъ и прочіе. Вдлинъ онаго 1½ версты, а вширь полверсты.

Степь ко всему способной.

Переправа чрез протоку и ерокъ.

Отъ Чернаго протока и Казачьяго ерка, за 30 верстъ, урочище, называемое Заны.
Отъ Заны, верстъ за 60, надъ Кубанью радуга Марьивская, сдѣланная российскими войсками.

Отъ Марьивской радуги, за 75 верстъ, Талызинская чрезъ Кубань переправа, гдѣ по сей сторонѣ Кубани и радуга.

Отъ Талызинской переправы, за 80 верстъ, устье рѣчки Лабы. Сія рѣчка идетъ съ череской стороны и впадаетъ въ Кубань.

Отъ устья рѣчки Лабы, за 60 верстъ, крѣпость Казанская.

Отъ Казанской, за 10 верстъ, радуга Новопавловская. Здѣсь двѣ балки, называемыя 1-я сухая, а 2-я широкая.

Отъ Новопавловской, за 8 верстъ, урочище Темышбекъ, отколь пошли челбайскія вершины. Близъ Темышбека двѣ балки: 1-я терновка, а 2-я камышевата.

Отъ Темышбека, за 35 верстъ, радуга Григориполисъ. Отъ Григориполиса, за 30 верстъ, крѣпость Прочный-Окопъ; отъ Прочнаго-Окопа, за 15 верстъ, радуга Убѣжная; отъ Убѣжной, за 10 верстъ, радуга Западная, а отъ оной, за 10 верстъ, Державная.

Отъ Державной, за 20 верстъ, Овечій бродъ, что на Кубани, отъ коего, верстъ за 10, радуга Недреманная, гдѣ и полкъ Донской стоитъ. Недоѣзжая до онаго, большая гора.

Отъ Недреманной, за 14 верстъ, вершины рѣчки Ягорлыка; не доѣзжая до оной большая гора, коей полагается примѣрно 12 верстъ.

Отъ вершины Ягорлыка, за 4 версты, балка Грушовка, отъ коей пошла Слѣпая гора, коей будетъ версты 3, а отъ оной, за 4 версты, городъ Ставрополь.

Отъ Русскаго лѣса, за 15 верстъ, крѣпость, называемая Московская; не доѣзжая до оной идетъ рѣчка Тагила.

Отъ Московской, за 17 верстъ, крѣпость Донская. Въ сихъ двухъ крѣпостяхъ много народовъ мужскаго и женскаго половъ.

Отъ Донской, за 22 версты, надъ рѣкою Верхнимъ Ягорлыкомъ радуга Безопасная, пониже коей и вышесказанная рѣчка Тагила въ Ягорлыкъ впаде.

Отъ Безопасной, за 25 верстъ, надъ онымъ же Ягорлыкомъ радуга Преградная; отъ оной надъ Ягорлыкомъ же, за 23 версты, радуга Ведмежьева.

Отъ протока, верстъ за 5 во многихъ мѣстахъ плодичіе деревья, яко то: яблуня, груши, терны, виноградъ и прочіе, а оттодь еще верстъ за 20 до самаго Заны, по надъ Кубанью, большія вербы.

Да противъ радуги Марьивской, близъ Кубани, въ степу черный лѣсъ, полагая оный вдлинъ 7, а вширь 6 верстъ, а отсель понадъ Кубанью много большихъ вербъ. Въ степу большіе лѣса, садовъ нѣтъ.

Противъ Талызинской переправы, близъ Кубани, въ степу лѣсъ кругликъ, онъ же и красной, коего вдлинъ одна верста, также и вширь.

Въ рѣчкѣ Лабѣ вода прѣсная.

Въ сихъ балкахъ воды нѣтъ.

Въ сихъ балкахъ вода хотя и есть, но горькая и не къ чему неспособная.

Здѣсь вездѣ повадъ

Кубанью большіе лѣса и

въ оныхъ разныя деревья.

Здѣсь большіе лѣса на-

противъ вышесказанныхъ

немного рѣдшіе.

Въ сихъ горахъ вездѣ криницы и въ нихъ воды прѣсныя, а о Ягорлыкскихъ водахъ будетъ сказано ниже.

Отъ Ставрополя, за 10 верстъ, близъ Русскаго лѣса колодезь, въ коемъ вода прѣсная.

Лѣса понадъ Кубанью и въ степь до самаго Ставрополя, большіе, а минувши Ставрополь, за 10 верстъ, лѣсъ, называемой Русской, коего вдлинъ полагается, примѣрно, 10 верстъ, а вширь сколько знать не можно, потому что все байраками.

Недоѣзжая до Московской версты за 3—маленькіе есть байраки.

Въ верхнемъ Ягорлыкѣ и Тагилѣ воды прѣсныя.

Степь и земля во всемъ способный, а камышовъ нѣтъ.

С п о с о б н ы й.

С т е п ь

Отъ сихъ трехъ радуть и отъ дороги въ лѣвую сторону, за 15 верстъ, Соленое озеро, которое соль родить очень дробную, а иногда и вовсе не родить.

Отъ Вѣдмежьевой, надъ онымъ же Ягорлыкомъ, за 23 версты, радута Всестославская; близъ оной въ Ягорлыкъ рѣчка Какалы впаде, которая теченіе имѣетъ отъ стороны Кубани.

Отъ Всестославской, за 22 версты, радута Летницкая.

Отъ Летницкой, за 15 верстъ, течетъ небольшая рѣчка, называемая Разсыпная, и впадаетъ въ вышесказанный Ягорлыкъ, отъ коей за 10 верстъ и радуть Разсыпной.

Отъ Разсыпной, за 25 верстъ, радута называемая Песочная Копани, отъ коей верхній Ягорлыкъ, поворотился къ Дону, на востокъ.

Отъ Песочныхъ Копаней, за 30 верстъ, надъ рѣкою среднимъ Ягорлыкомъ, почта, до оной недѣлящая верстъ за 5, балка Кавалерка, впадающая въ средній Ягорлыкъ, а сей Ягорлыкъ впадъ въ рѣку Манычъ.

Отъ средняго Ягорлыка, за 19 верстъ, балка Грязуха, впадающая въ рѣку нижній Ягорлыкъ; отъ сей балки, за 6 верстъ, течетъ рѣчка нижній Ягорлыкъ, гдѣ и почта, а нижній Ягорлыкъ впадъ въ Ею.

Отъ нижняго Ягорлыка, гдѣ и почта, за 16 верстъ, рѣчка Кагульта, впадающая въ рѣчку Мечетку, гдѣ и почта.

Отъ Кагульта, за 12 верстъ, рѣчка Мечетка, впадающая въ Кагальникъ, гдѣ и почта.

Отъ Мечетки за 12 верстъ, рѣчка Хомутецъ, впадающая въ Кагальникъ, гдѣ и почта.

Отъ Хомутца, за 18 верстъ, рѣчка Кагальникъ, впадающая въ Азовское море. Здѣсь и почта есть.

Тутъ дорога раздѣлилась на двѣ части: одна пошла на городъ Черкаской, а другая влѣво къ песчаному броду, что на Кагальнику.

Отъ почты, что при Кагальнику, за 15 верстъ, Песчаный бродъ, а оттоль за 20 верстъ, по теченію Кагальника, съ лѣвой стороны течетъ рѣчка Юлпугъ и впадаетъ въ Кагальникъ; отсель, верстъ за 5, надъ Кагальникомъ разныхъ людей хутора, въ томъ числѣ и полтавскаго казака Антона Журьбы.

Отъ оныхъ хуторовъ, за 6 верстъ, того жъ куреня казака Помазана, хуторъ и на Кагальнику мельница водяная, отъ коего также, верстъ за 6, полтавскаго казака Саливка, на Кагальниковомъ же хуторъ.

Прописанные хутора съ правой стороны Кагальника. Близъ Саливковаго хутора, на Кагальнику, и по теченію съ правой же стороны, маіора Полѣнки мѣсто.

Тутъ, переправясь на лѣвую Кагальника сторону, въ степу, внутрѣ онаго, отъ Кагальника, за 30 верстъ, балка Куяльникъ, въ которой были татарскія селенія. На той балкѣ много копаней.

Отъ оныхъ копаней, влѣво внутрѣ же за 40 верстъ, рѣчка Герчаковата, которая теченіе имѣетъ отъ стороны Кубани и впадаетъ въ Ею.

Отъ вышесказаннаго лимана понадъ Кагальникомъ, съ лѣвой стороны, того жъ маіора Полѣнки, за 17 верстъ, слобода.

Отъ оной слободы, поворотя по Кагальнику влѣво къ Азовскому морю, за 17 верстъ, на морѣ коса, называемая Ыруглая.

Отъ Круглой, за 7 верстъ, Очаковская коса; отъ оной, за 7 же верстъ, Губерская; отъ оной, за 7 же верстъ, Губерская балка въ коей и почта. Въ сей балкѣ, въ трехъ мѣстахъ, идетъ въ море вода.

Сіе озеро вокругъ 0, шири 4 версты. Отъ Всестославской и Летницкой шири о Кубани полагается примѣрно 80 верстъ.

Отсель шири до Кубани примѣрно олагается 95 верстъ.

Отъ Кавалерки къ кубанской сторонѣ поперекъ, до урочища Караусунъ 60, оттоль до Кубани сколько неизвѣстно, полагается примѣрно 100; всего шири до Кубани 60 верстъ.

Отъ Мечетки до Кубани шири 300 верстъ.

Отсель полагается до Кубани 260 верстъ.

Отсель до Кубани 10 верстъ.

Отсель до Кубани шири 210 верстъ.

Въ балкѣ Кавалеркѣ, въ рѣчкѣ среднемъ Ягор-

Во вѣхъ сихъ рѣчкахъ и въ балкѣ Грязухѣ воды горькая.

Въ Юлпугѣ и Кагальникѣ

воды прѣсныя.

Въ копаняхъ вода прѣсная.

Въ сей рѣчкѣ вода горькая.

Оная вода немного горькая.

С а д о в ь н ы е т ь.

Степь и земля способный, а камышовъ нѣтъ.

Земля во всемъ способная, а камыши хотя и есть, но рѣдко.

Отъ той балки, за 18 верстъ, коса Кругленькая, а отъ нея, за 5 верстъ, Сазалницкая, гдѣ и лиманъ большой.

Отъ Сазалницкой, за 7 верстъ, надъ моремъ, маіора Змѣева хуторъ; отъ онаго, за 8 верстъ, надъ моремъ же, при устьѣ Ей хуторъ Бурлацкой.
Отъ онаго хутора, что при устьѣ Ей, верстъ за 6, коса Найдена и зашла въ Ейской лиманъ.

Отъ Найденной косы, за тринадцать верстъ, земляная крѣпость, называемая Ейское укрѣпленіе; отъ сего, за 4 версты, рѣчка Ея, теченіе имѣющая въ море. Черезъ сію рѣчку и мостъ, и пошла оная внутрь земли, за 70 верстъ.

Отъ Еи, за четыре версты, гирло называемое Пашковка; оно идетъ съ Еи и впадаетъ въ Ейской лиманъ, чрезъ которой есть мостъ, гдѣ и карантинъ.

Отъ Пашковки, за тридцать три версты, Ейская коса, которая въ море зашла, за семь верстъ, гдѣ гавань; близъ сей гавани большая земляная крѣпость, называемая Ханская, въ коей ханской домъ.

Отъ Ханской крѣпости понадъ моремъ, за двадцать пять верстъ, балка Широкая, отъ коей, за двадцать пять верстъ, Долгая коса, въ которую съ моря и лиманъ зашелъ.

Отъ Долгой, за сорокъ пять верстъ, коса Камышеватая, и на оной двое соляныхъ озеръ; сіи озера хотя и родятъ соль, но не каждого лѣта.

Отъ Камышеватой, за двадцать пять верстъ, четыре озера и одинъ лиманъ соляныхъ, кои также не каждого лѣта соль родятъ; сіи-жъ озера близъ балки Буркутъ.

Отъ Буркутъ влѣво, по-за озерами внутрь земли, за десять верстъ, рѣчка Есени, впадающая въ соляное озеро.

Отъ Есени, за пять верстъ влѣво, балки — копани.

Отъ копаней, за четыре версты, лиманъ Голбашъ, впадающій въ Челбасы.

Отъ вышесказанной балки Буркутъ, за двѣнадцать верстъ понадъ моремъ, пересыпи, гдѣ Бейсунской лиманъ и Есенская коса, отъ коей, верстъ за четырнадцать между Бейсунскимъ лиманомъ и соляными озерами, перебоина.

Отъ перебоины, за пять верстъ, рѣчка Челбасы, впадающая въ Бесуйской лиманъ; отъ устья въ степь внутрь, до Новопавловской, что выше сказано, болѣе ста верстъ солодкою водою.

Переправившись чрезъ Челбасы, отъ оныхъ за пятнадцать верстъ, устье рѣчки Бейсуга, гдѣ и радутъ Брянской. Сія рѣчка впадаетъ въ лиманъ; отъ сего лимана тожъ пошли лиманы и балки Лебежія; да кромѣ оныхъ пошло много лимановъ. Недоѣзжая до устья Бейсуги, версты четыре, есть четыре гирла, называемыя бейсуйскія.

Отъ устья Бейсуги, за десять верстъ, близъ Бейсуйскаго лимана, двѣ балки, а какъ онымъ названіе, знатъ не можно. Близъ сихъ балокъ надъ моремъ обрывъ, называемой желѣзный.

Отъ балокъ, за пятьдесятъ шесть верстъ, Ахтарской заливъ, идущій съ Азоваго моря; недоѣзжая до онаго, радута, называемая Ахтаръ-бахтаръ, отъ коей влѣво пошли Кирвальскія и Сингильскія соляныя озера. Отъ радута Ахтаръ-бахтаръ, влѣво внутрь земли за пятьдесятъ верстъ, рѣчка Ксирвали; отъ Ксирвалей, за тридцать верстъ, рѣчка-жъ Сингали. Сіи рѣчки впадаютъ въ лиманы.

Отъ Сингали, за сорокъ верстъ, внутрѣ-жъ земли, неграсовское селеніе, пустое называемое Золникъ.

Близъ вышесказаннаго Ахтарскаго гирла, понадъ Азовскимъ моремъ, Очуевская коса; недоѣзжая до оной, есть четыре гирла. До сей косы отъ Ахтарскаго гирла считается пятнадцать верстъ.

Отъ оныхъ гирлъ, Очуевскою косою, до Товгарскаго ерка тридцать пять верстъ.

Отъ Товгарскаго, за шесть верстъ, казачій ерокъ, отъ коего, за семь верстъ, устье Чернаго протока, о коемъ выше сказано.

Сазалницкая коса ширь 10, а вдлинь версты.

Оная коса вдлинь, а вширь 1 верста; отсель до Кубани вширь 220 верстъ.

Отъ Ейскаго крѣпленія до Кубани вширь 195 верстъ.

Отъ сей крѣпости до Кубани ширь 200 верстъ.

Вдлинь сей косы 4 верстъ.

Отъ сей косы вдлинь и ширь по верстъ.

Сей лиманъ вдлинь 6 верстъ.

Отъ Бейсуги до Кубани вширь 90 верстъ.

Ахтарскаго залива ширь 2, а соляныхъ озеръ вдлинь, а вширь 15 верстъ.

Рѣкъ и водъ нѣтъ.

Въ Ей и Пашковѣ

воды прѣсныя.

Хотя и есть въ копаняхъ воды, но отчасти соленыя.

Въ рѣчкѣ Есени вода прѣсная.

Воды горькія, но на оныхъ есть солодкия криницы.

Въ Челбасахъ вода неспособная.

Въ Бейсугѣ и Лебяжихъ лиманахъ, воды прѣсныя, а въ прочихъ негодныя, также и въ гирлѣ.

Въ сихъ балкахъ воды хотя и есть, но не совсѣмъ хорошія.

Въ Курпилахъ и Сингальяхъ воды прѣсныя.

Въ сихъ гирлахъ воды горькія.

Близъ Сазалницкой косы понадъ обрывомъ много кислицы и терновъ.

Степь ко всему способный, а у Сазалницкаго лимана

много камыша.

Способный степь ко всему; камышовъ же на косѣ Камышеватой и около соляныхъ озеръ довольно.

Садовъ и лѣсовъ нѣтъ; въ балкѣ Буркутъ и надъ Есению есть терны.

Садовъ и лѣсовъ нѣтъ.

При Курпилахъ небольшіе байраки.

Надъ Черной протокой и городъ Очуевъ, въ коемъ крѣпость земляная, но отчасти уже разоренна, и около оной двѣ канавы, наведенныя полною водою; съ оныхъ полисадникъ вырубленъ; внутри города два запасныхъ каменныхъ погреба; на батареяхъ же девятнадцать пушекъ большихъ, въ томъ числѣ мѣдныхъ четыре, а прочія чугунныя. Выше Очуева, съ Черной протоки, отъ стороны Курковъ, пошла рѣка Кубань и впадаетъ въ Темрюкскіе лиманы.

Отъ самаго Ахтарскаго залива, на Очуевской косѣ, даже до Товгарскаго ерка, все соляныя озера.

Отъ Очуева, за пятнадцать верстъ, сладкой ерокъ, идущій съ лимана и впадающій въ Азовское море, отъ коего, за пятнадцать же верстъ, Кучугурская коса. Не доходя до оной, есть 5 сладкихъ ерковъ, идущихъ съ лимана и впадающихъ въ тос-жъ море.

Отъ Кучугуръ, за сорокъ пять верстъ, Темрюкъ и Песчаной ерокъ, о коихъ выше сказано; недовзжая до оной, понадъ моремъ, есть нижеписанные ерки, идущіе съ лимановъ и впадающіе въ море: Разсыпной, Глубокій, Проходной, Грузкой и Широкой, и двѣ перебоины.

Отъ Очуева, понадъ моремъ, и Темрюку, нижеписанные есть лиманы.

- 1) Очуевской, соляной.
- 2) Сладкой.
- 3) Яневъ.
- 4) Курковской.
- 5) Темрюкской.
- 6) Кандаурской.

Переѣхавши Песчаный ерокъ, неходя балки, называемой Шумукой, пошла Сѣверная коса, она-жъ и Еникульская, которая подошла къ самому Еникулю; въ срединѣ оной много татарскихъ пустыхъ селеній и колодезей.

Близъ вышесказанной балки Шумукой, переѣхавши оную въ трехъ безводныхъ балкахъ, по одному каменному мосту; отколь, за пятнадцать верстъ городъ Тамань, гдѣ каменная крѣпость была, а нынѣ российскими войсками сдѣлана земляная, гдѣ стоитъ и егерей баталіонъ, въ старыхъ турецкихъ домахъ, коихъ числомъ 150.

Отъ Тамани, верстъ за семь, близъ дороги, озеро; отъ озера, за пять верстъ, коса Южная, о коей въ самомъ початкѣ сказано.

Подписать: премьеръ-маіоръ

Отъ Очуева до Кубани вширь 80 верстъ.

Вдлинъ 40, а вширь 15.
Вдлинъ 30, а вширь 20.
Вдлинъ 20, а вширь 10.
Вдлинъ 60, а вширь 4.
Вдлинъ 20, а вширь 5.
Вдлинъ 15, а вширь 10.

Сей косы вдлинъ 0 верстъ, а вширь нать неможно.

Въ семь озеръ вода прѣсная.

Въ сихъ рѣчкахъ-ерокахъ вода прѣсная.

Въ нѣкоторыхъ воды прѣсныя и въ иныхъ соленныя.

Въ Очуевѣ есть часть садовъ.

С а д о в ы и л ѣ с о в ы н ѣ т ѣ .

Около Тамани, съ обѣихъ сторонъ, въ трехъ мѣстахъ большіе сады, въ коихъ много разныхъ фруктовъ, а по большей части виноградовъ.

Отъ Ахтарскаго гирла даже до протока въ степь верстъ за 30, большія болота и камыши, а отсель во-кругъ Очуева, со всѣхъ онаго сторонъ за 40 верстъ, вездѣ болота и камыши и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть черная лоза, а отсель понадъ моремъ даже до Темрюка, тако-выс-жъ.

Земля способная и пошли съ обѣихъ сторонъ косы.

н а я .

с п о с о б

с с м л я

кавалеръ *Мокій Гуликъ*.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVIII.

- Всепресвѣтѣйшая, Державиѣйшая, Великая Государыня Императрица, Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемило-
стивѣйшая.

Всеподданнѣйше просятъ Войска вѣрныхъ казаковъ Черно-
морскихъ атаманъ кошевой, арміи бригадиръ и кавалеръ, За-
харій Алексѣевъ сынъ Чепѣга, войсковые старшины и все
Войско.

При началіи нынѣ кончившейся съ Портою Оттоманскою кампаніи, по
Всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію и покойнаго
свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана Григорія Александровича Потемки-
на-Таврическаго повелѣнію, мы, изъ бывшихъ Запорожцевъ и другихъ за-
граничныхъ мѣсть, будучи собраны на сухомъ пути конныхъ и пѣшихъ,
также и на флотиліи старшинъ и казаковъ *двадцать тысячъ шесть
сотъ двадцать два*, служили Вашему Императорскому Величеству до
окончанія оной усердно.

По повелѣнію покойнаго князя и великаго гетмана, устроены между
нами старшины, яко то войсковые: кошевой судья, писарь и есаулъ, пол-
ковники, сотники, полковые есаулы и хорунжіе, пушкаръ, добыщикъ и ку-
ренные атаманы; далъ намъ покойный булавъ и перначей семнадцать, зна-
мено большое бѣлое и праперовъ малыхъ четырнадцать, войсковую пе-
чать и часть артиллеріи, а подъ селеніе намъ отводъ земли общаѣ у
Вашего Императорскаго Величества исходатайствовать. А до того, какъ
повелѣлъ оный покойный свѣтлѣйшій князь, намъ съ разныхъ Вашего Им-
ператорскаго Величества губерній и граничныхъ мѣсть на вновь приоб-
рѣтенной между рѣкъ Буга и Днѣпра, также и на Киібуриской сторонѣ,
земли переселяться, то уже и переселилось на оную старшинскихъ и ка-
зачьихъ семействъ *тысяча семьсотъ пятьдесятъ девять*, и въ нихъ
мужеска *пять тысячъ шестьдесятъ восемь*, да женска половъ *четыре
тысячи четыреста четырнадцать* душъ и завели себѣ хозяйство по-
рядочно, яко то: домостроительство, водяныя и вѣтряныя мельницы, хлѣ-
бонашество, скотоводство, лѣса, сады, виноградъ, пасѣки, рыболовные
заводы и все, что есть нужное къ оному хозяйству; прочихъ же тако-
выхъ, кои и въ позапрошедшую съ Портою Оттоманскою войну отъ быв-
шаго Запорожья Вашему Императорскому Величеству служили, оныхъ гу-
берній разныхъ уѣздовъ самыя помѣщики и ихъ прикащики, невзирая на
данныя отъ насъ свидѣтельства, присвоиваютъ не принадлежаще въ под-
данство, самихъ содерживая подъ стражею, а ихъ женъ и дѣтей угнѣ-
тивъ ежедневною работою, къ совмѣстному поселенію не вынуждаютъ. А
ежели всѣ служившіе съ ихъ семействами будутъ вынуждены, то соберет-
ся самага мужскаго пола на *двадцать пять тысячъ*.

Съ числа переселившихся на вышеписанную землю, отъ нѣкоторыхъ
старшинъ и казаковъ возшли къ намъ жалобы, что, при переселеніи ихъ
съ подъ помѣщиковъ, оныя помѣщики и ихъ прикащики собственного ихъ
имѣнія иного безвинно ограбили и не возвращаютъ. И какъ мы и потом-
ки наши, будучи Вашего Императорскаго Величества вѣроподданные рабы,
общаемъ и должны Вашему Императорскому Величеству и наслѣдникамъ
Всероссійскаго Престола служить вѣрою и правдою, и все что къ пользѣ
отечества касаться будетъ, исполнять со усердіемъ, такъ какъ долгъ сы-
новъ всероссійскаго отечества требуетъ. Прибѣгая подъ покровительство
Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше рабски просимъ: насъ,
Войско, во всегдашнее свое Монаршее благоволеніе матерски принявъ,
для поселенія на Таманѣ съ окрестностями оной, милостиво повелѣть от-
вести выгодныя земли, такъ достаточно, чтобъ имѣющее быть приумноже-
ніе сему Войску безнужно помѣщаться могло, и на вѣчно спокойное по-
томственное оною владѣніе отпращенному зъ симъ избранному отъ насъ
войсковому судѣ, арміи полковнику и кавалеру Антону Головатому, зъ
старшинами, Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милостивую
грамоту выдать; также и о выпускѣ съ губерній служившихъ Вашему
Императорскому Величеству старшинъ и казаковъ зъ ихъ семействами и
имѣніемъ и о возвратѣ заграбленнаго въ таковыхъ имѣніяхъ учинить все-
милостивѣйшее разсмотрѣніе. 1792 года, февраля 29-го дня.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIX.

инструкция.

Войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бри-
гадира и кавалера Чепѣги, войсковыхъ старшинъ, полковниковъ и всего
общества.

Сего войска войсковому судѣ, господину полковнику и ка-
валеру Головатому зъ старшинами.

Принявъ вамъ сію написанную отъ насъ на Всевысочайшее Ея Импе-
раторскаго Величества имя о войсковыхъ потребностяхъ просьбу, слѣ-
довать въ Санктпетербургъ, и за явкою, гдѣ надлежитъ, просить первѣе
доставленія васъ съ просьбою къ Ея Императорскому Величеству и у Ея
Императорскаго Величества, за поднесеніемъ оной, также просить ниже-
слѣдующаго:

1) Для поселенія войскъ отводу земли на Таманѣ, начиная границу
отъ Азовскаго моря по рѣчкѣ Кагальнику на урочище Хамутицкое и на
устьи балки Терновой впадающей у рѣку Манычъ, а оною до устья рѣки
Егорлыка и по Егорлыку радутами Летницкою, Всетославскою, Каланы,

Медвѣжекурганскою, Преградною, Безопасною, Донскою, Московскою, по-за Русскимъ лѣсомъ на Ставрополь, а отъ онаго до рѣки Кубани на радуты Недреманной и Овечій бродъ, а Кубанью выпзъ до Чернаго моря; также и съ правой стороны Азовскаго моря ради воинскихъ потребностей пристанную часть земли, и на всю оную землю Высочайшей грамоты.

2) Выпуску зъ разныхъ губерній служащихъ Ея Императорскому Величеству старшинъ и казаковъ и ихъ женъ съ семействами и имѣніемъ.

3) Удовольствія старшинъ и казаковъ возвращеніемъ ихъ собственнаго заграбленнаго безвинно помѣщиками и ихъ прикащиками имѣнія.

4) Казакамъ тѣмъ, кои, имѣя у себя женъ и дѣтей, неимѣють чѣмъ переселиться на Тамань, также и вдовамъ неимущественнымъ, оставшимся съ дѣтьми, по умертвіи ихъ мужей на сраженіяхъ, Высочайшаго Монаршаго вспоможенія.

5) Къ продовольствію всѣхъ до разводу хлѣба провіанта } Со дня переселенія на оную землю на два года.
и денегъ.

6) Вольную торговлю на Черноморской землѣ по границѣ и внутрѣ оной всѣми товарами, безъ пошлины и откуповъ.

7) Съ Тамани въ Таврическую область, чрезъ гирло, имѣть Войску свой перевозъ и для пристани отъ Таврической стороны часть земли.

8) Порядокъ учрежденія сего Войска по роду службы, на какомъ положеніи ему быть, также окладное навсегда примѣромъ бывшаго Запорожья жалованье и провіантъ.

9) При переселеніи Войска зъ назначенной было ему покойнымъ свѣтлѣйшимъ княземъ и великимъ гетманомъ земли, дабы заведенное хозяйство напрасно оставаться не могло.

10) Также, при переселеніи онаго, дабы вездѣ по пути, какъ провіантъ отпускаемъ былъ, такъ и на рѣкахъ переправы свободныя и въ потребномъ случаѣ вспоможеніе даваемо было.

11) По врученному вамъ въ написанному въ Государственную военную коллегію, съ приложеніемъ произведенныхъ покойнымъ свѣтлѣйшимъ княземъ и великимъ гетманомъ сего Войска, старшинъ въ армейскіе чины именныхъ списковъ и документовъ рапорту патента испросить.

А затѣмъ, что вами отъ Ея Императорскаго Величества испрошено и получено будетъ, за возвращеніемъ доставить къ намъ при письменномъ увѣдомленіи. Февраля 29-го дня 1792 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ XX.

Всеавгустѣйшая Монархиня, Всемилостивѣйшая Государыня.

Жизнодательнымъ державнаго велѣнія Твоего словомъ, при рожденіи въ неплоднаго бытія, вѣрный Черноморскій кошъ пріемлетъ нынѣ дерз-

новеніе вознести мною благодарный гласъ свой къ святѣйшему Величеству Твоему, и купно изглаголати глубочайшую преданность сердець его. Прими оную, яко жертву единой Тебѣ отъ насъ сохраненную; прими и уповающимъ на сѣнь крилу Твоею пребуди прибѣжище покровъ радованія да ѣи годи.

Сія рѣчь говорена войсковымъ судьей и кавалеромъ Антономъ Андреевичемъ Головатымъ Ея Величеству въ 1-й день апрѣля 1792 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXI.

Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому казачьему Войску 30-го іюня 1792 года.

Вѣрнаго Нашего Войска Черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему Войску Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Усердная и ревностная Войска Черноморскаго Намъ служба, доказанная въ теченіе благополучно оконченной съ Портою Оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе отъ самаго того времени, какъ сіе Войско, по волѣ Нашей, покойнымъ генераломъ-фельдмаршаломъ, княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ - Таврическимъ учреждено, приобрѣли особенное Наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ Войска Черноморскаго утвержденіемъ всегданшняго его благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, Всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе состоящей въ области Таврической островъ Фанагорію, со всей землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка, служили границею войсковой земли. Съ прочихъ же сторонъ разграниченіе указали Мы дѣлать генералъ-губернатору Кавказскому и губернаторамъ Екатеринославскому и Таврическому чрезъ землемеровъ, обще съ депутатами отъ Войска Донскаго и Черноморскаго.

Всѣ состоящія на помянутой Нами пожалованной землѣ всякаго рода уголья, на водахъ же рыбныя ловли, остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи Войска Черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой, при рѣкѣ Кубани, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, который для вѣщей Войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имѣють.

Войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

На производство жалованья кошевому атаману и войсковым старшинам по приложенной росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и прочія по Войску нужные расходы, повелѣли Мы отпускать изъ казны Нашей по 20,000 рублей на годъ.

Желаемъ Мы, чтобъ земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными отъ Насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы предоставляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ Войскѣ; по важныхъ преступниковъ повелѣваемъ, для осужденія по законамъ, отсылать къ губернатору Таврическому.

Мы Всемилостивѣйше позволяемъ Войску Черноморскому пользоваться свободно внутреннею торговлею и вольною продажей вина на войсковыхъ земляхъ.

Всемилостивѣйше жалуемъ Войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя оному отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, по волѣ Нашей, доставлены.

Губернатору Таврическому указали Мы доставлять Войску Черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу, по назначенію военного начальства, и преподавать всѣ нужныя способствованія; а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи Войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какия въ теченіи двухъ недѣль могутъ приключаться, для донесенія Намъ.

Мы надѣемся, что Войско Черноморское, соотвѣтствуя Монаршему Нашему о немъ попеченію, потщится не только бдительнымъ охраненіемъ границъ соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрное употребить стараніе заслуживать званіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствомъ и распространеніемъ семейственного житія.

РОСПИСЬ ЖАЛОВАНЬЮ, ЕЖЕГОДНО ПОЛАГАЕМОМУ НА ВОЙСКО ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЬЕ.

	Рубл.
Кошевому атаману.	1,000
Войсковому судѣ	800
Войсковому писарю	500
Войсковому есаулу	500
Протопопу	200
Попу	100
Діакону.	80

На причетъ церковный	120
Куреннымъ атаманамъ, каждому по 40 руб.	1,600
Пушкарю и довыну, по 40 руб.	80
Итого.	4,980

На содержаніе артилеріи и жалованье казакамъ, въ дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе по разсмотрѣнію войскового правительства расходы	15,020
Всего.	20,000

Войсковымъ старшинамъ или полковникамъ, когда они въ владѣніи Войска Черноморскаго на службу отряжены, каждому производить въ годъ по сту рублей.

Сотникамъ, есауламъ, квартирмистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу наряжены въ предѣлахъ Войска Черноморскаго, каждому по пятидесяти рублей.

Казакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по двѣнадцати рублей и провіантъ указной, а коннымъ и фуражъ.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою:

ЕКАТЕРИНА II.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXII.

Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому казачьему Войску 1-го июля 1792 года.

Вѣрнаго Нашего Войска Черноморскаго кошевому атаману, старшинамъ и всему Войску Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Разсмотрѣвъ всеподданнѣйшія представленія, вступившія къ Намъ отъ Войска Черноморскаго и отъ присланнаго отъ онаго войскового судьи Головатаго, съ прочими депутатами, и удовлетворя прошеніямъ съ справедливостію согласнымъ, Всемилостивѣйше Мы повелѣли: 1) Губернатору Таврическому имѣть попеченіе объ отысканіи и доставленіи старшинамъ и казакамъ Войска Черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго имъ имѣнія, буде гдѣ оное въ прежнихъ ихъ жилищахъ задержано. Равнымъ образомъ истребовать ему, для причисленія къ Войску, тѣхъ старшинъ казаковъ съ ихъ имуществомъ, которые, дѣйствительно прежде служивши въ военномъ званіи въ Запорожьи и по разрушеніи Сѣчи поселясь въ разныхъ мѣстахъ удерживаются тамъ противу ихъ воли, для чего отъ Войска Черноморскаго и нужно доставленіе къ губернатору Таврическому именного всѣхъ оныхъ списка, съ означеніемъ мѣстъ ихъ

пребыванія. 2) На снабженіе переселяющихся въ повопжалованныя Войску Черноморскому въ Фанагорійскомъ уѣздѣ земли немущихъ казаковъ, особливо же вдовъ съ дѣтьми, потерявшихъ мужей своихъ на сраженіяхъ, отпустить 30,000 рублей. 3) Всѣхъ военнослужащихъ казаковъ, въ новомъ ихъ поселеніи, удовлетворять пропитаніемъ по сентябрь мѣсяць будущаго 1793 года. 4) Всѣмъ преселяющимся изъ новопріобрѣтенной между Днѣстра и Буга области въ Фанагорійскій уѣздъ старшинамъ и казакамъ дозволить продавать построенные ими въ той области дома и прочія строенія, и въ томъ имъ всякое способствованіе преподавать. 5) При семъ переходѣ Войска Черноморскаго, изъ состоящихъ на пути магазиновъ дозволить оное провіантомъ и въ переправахъ чрезъ рѣки всевозможное вспоможеніе чинить. Въ соотвѣтствіе чего и Войско Черноморское, во время прохода, да сохранитъ строгую дисциплину и да возбранитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ російскихъ какъ тогда, такъ и впредь по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ къ оному являющихся. 6) Что касается до пожалованныхъ отъ покойнаго генераль-фельдмаршала князя Таврическаго по сему Войску въ штабъ и оберъ-офицерскіе чины старшинъ, онымъ о дачѣ патентовъ указали Мы нашей военной коллегіи. Мы надѣемся, что Войско Черноморское Монаршею Нашею милостію взысканное, употребитъ усиленнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на земли, Всемилостивѣйше отъ Насъ пожалованныя, и что всемѣрно потщится ревностію и усердною службою учинить себя и впредь достойнымъ Нашего благоволенія.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXIII.

Всемилостивѣйшая Монархиня, Всемилостивѣйшая Государыня!

Мы къ тебѣ прибѣгли, къ Тебѣ Монархинѣ Правовѣрной. Ты насъ приняла, яко мать; Тамань, даръ твоего благоволенія о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей Твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, населимъ ссѣла, сохранимъ безопасность предѣловъ; наша преданность и усердіе къ Тебѣ, Монархинѣ, и любовь къ отечеству пребудетъ вѣчно, а сей свидѣтель всемогущій Богъ.

Благодарна говорена въ 13-й день іюля.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXIV.

Ой годі намъ журитися,
Пора перестати.
Дождатися отъ Цариці
За службу заплати.

Дала хлѣбъ, сілъ и грамоти
За вірнія служби,
Отътеперь ми, милі брятья,
Забудимъ всі нужди.

Въ Тамані жить, вірно служитъ,
Грядицю держати,
Рибу ловить, горілку пить,
Ще й будемъ богаті.

Да вже треба й женитися,
И хлѣба робити,
Хто прійде къ намъ изъ невірнихъ
То, якъ врага, бити.

Слава Богу и Цариці,
И покой гетману!
Злічили намъ въ сердцахъ нашихъ
Великую рану.

Благодаримъ Императрицу,
Молимося Богу,
Що намъ она указала
На Тамань дорогу.

Эта пѣсня сочинена полковникомъ Антономъ Головатымъ, августа въ 10-й день 1792 года, возлѣ Днѣстра, на балкѣ Красной.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXV.

Ц Е Р Е М О Н І А Л Ь.

Вѣрное казацкаго черноморскаго коша Войско, получивъ высочайшія Ея Императорскаго Величества милости, содержащіяся въ грамотахъ, привезенныхъ посланнымъ отъ него войсковымъ судьей и кавалеромъ Головатымъ, припимало день новаго бытія своего августа 15-го числа слѣдующимъ порядкомъ:

1) Когда посланный прибылъ до рѣки Буга съ Высочайшими Ея Императорскаго Величества милостивѣйшими дарами, то далъ знать кошевому, который отрядилъ ко встрѣчѣ пятисотный конной полкъ, съ полковникомъ, старшинами и значкомъ, за 30 верстъ въ урочище Кучургану, отколь оной препровождалъ его, Головатаго, до селенія кошеваго, гдѣ:

Въ семь часовъ утра собиравось Войско на назначенное мѣсто въ той сторонѣ, откуда посланному прибыть надлежало, и, расположась на двѣ

стороны, стало на каждой въ двѣ лавы (ряды). Простираясь далеко за селеніе кошевое, лавы сіи оканчивались у войсковой церкви, близъ предоградія которой, съ западной стороны, уготовано было возвышенное нарочитое мѣсто на подобіе амвона, покрытое турецкими коврами; на немъ, въ виду Войска, должно было послѣдовать принятіе грамотъ и прочихъ монаршихъ даровъ; тамъ же поставленъ былъ столъ, покрытый матерією, для положенія на немъ тѣхъ монаршихъ даровъ. Противу сего амвона стояли полукругомъ старшины съ булавами, знаменами и знаками, а вокругъ ихъ множество постороннихъ зрителей разнаго званія и возраста. По правую же оную сторону духовенство въ облаченіи.

2) Посланный, извѣщенъ будучи о времени, приближался по малу къ вышеписаннымъ лавамъ, а между тѣмъ, кошевой и писарь стали на возвышенномъ ономъ мѣстѣ и когда выпалено было трижды изъ пушки, въ знакъ того, что посланный приближился къ устроеннымъ лавамъ, то кошевой отрядилъ отъ себя на встрѣчу ему первѣйшихъ старшинъ, съ хлѣбомъ и солью.

3) Войсковой судья, принявъ оныя и поблагодаривъ, устроилъ шествіе свое сквозь войско слѣдующимъ образомъ: четыре штабъ-офицера впереди несли присланный монаршій хлѣбъ на блюдѣ, покрытомъ матерією; за ними судья несъ на пожалованномъ блюдѣ таковую-жъ солонку и грамоты, а съ нимъ сыны малолѣтніе несли: Аѳанасій къ кошевому письмо, Юрій всемилостивѣйше пожалованную ему осыпанную дорогими каменьями саблю.

4) При первомъ вступленіи несущихъ дары, въ строю началась пушечная и изъ мелкаго ружья пальба и продолжалась до самаго приближенія судьи къ кошевому, стоящему на мѣстѣ своемъ.

5) Тутъ судья взошелъ къ кошевому, отдалъ изъ своихъ рукъ, по порядку, всѣ высочайшіе дары: хлѣбъ, соль, грамоты, и съ краткимъ привѣтствіемъ препоясалъ кошевого саблею.

6) Кошевой поцѣловалъ хлѣбъ и соль, поставилъ на вышеупомянутомъ столѣ, а грамоты отдалъ войсковому писарю.

7) Принявъ оныя, читалъ громкимъ голосомъ предъ всѣмъ войскомъ и наки отдавалъ кошевому.

8) По прочтеніи, кошевой, поклонясь на всѣ четыре стороны, поздравилъ войско съ высочайшими монаршими милостями. Тогда со всѣхъ сторонъ вдругъ закричали: «ой спаси-жъ нашей матери за сю милость».

9) Между тѣмъ, вышеписанные четыре штабъ-офицера, взявъ столъ съ положенными на немъ монаршими дарами, несли въ церковь; предъ ними шло духовенство, а за ними кошевой съ судьей, писаремъ, старшинами и войскомъ.

10) По внесеніи и постановленіи предъ Спасителевою иконою, начато служеніе божественныя литургіи, которую совершалъ преосвященный Амвросій, архіепископъ Екатеринославскій, съ архимандритами и прочимъ

духовенствомъ. По окончаніи же оной, предъ начатіемъ благодарственнаго Господу Богу о монаршемъ долготѣнемъ здравіи молебствія, говорилъ краткое поученіе, которое у сего прилагается ⁽¹⁾, а потомъ совершилъ и самое то молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, причемъ въ обыкновенное время выпалено изъ ста одной пушки, а отъ казаковъ троекратно выстрѣлено бѣглымъ огнемъ.

11) По окончаніи сего, тѣ же старшины несли на блюдѣ хлѣбъ, соль и монаршія грамоты въ домъ кошевого, въ препровожденіи булавъ, знаменъ и значковъ; за ними слѣдовалъ кошевой и судья съ старшинами. Тамъ пожалованный хлѣбъ раздѣленъ на части; одна для вѣчнаго поминанія положена въ войсковой церкви, вторая отправлена на Тамань къ войску, во флотиліи служащему, третья раздана на полки при кошѣ, четвертая поставлена была у кошевого на столѣ, гдѣ старшины оного, послѣ горѣлки, закушивали; остатокъ довольный отъ части сей послѣдней несенъ былъ съ таковымъ же препровожденіемъ въ домъ войскового судьи, гдѣ приготовленъ былъ для почетнѣйшихъ обѣденный столъ. Прочіе же старшины и часть духовенства остались обѣдать въ домѣ кошевого, а для полковниковъ и прочихъ казаковъ, недалеко отъ церкви, приготовлены были пять большихъ столовъ на зеленой травѣ, куда, принеши подъ значками данный имъ монаршій хлѣбъ, пили горѣлку и онымъ закушивали, и за обѣдомъ ту же горѣлку повторяючи за здравіе Всемилоствѣйшей монархини, пили изъ мелкаго ружья.

12) Въ домѣ судьи, за столомъ, при питіи за Высочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе, сдѣлавъ сто одинъ выстрѣлъ, за Его Императорское Высочество, съ высокою фамилією, съ августѣйшими дѣтьми, пятьдесятъ одинъ. Незабыто при томъ также пити и палити за сенатъ, за синодъ, за все православное руссійское воинство, за кошевого съ старшинами, за черноморскій кошъ и все его войско, за гостей и такъ далѣе. При продолженіи стола пѣли пѣсню «Ой годи намъ журиться», которую пѣли съ веселіемъ.

13) Такимъ образомъ, пообѣдавъ, кошевой, съ старшинами и гостями, благодарилъ Бога и Всемилоствѣйшую Монархиню, а войско, то же благодаря, отправилось въ дома свои съ пѣніемъ пѣсни, повторять еще и тамъ горѣлкою желаніе долготѣннаго здравія всеавгустѣйшей Благодарительницѣ своей.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXVI.

Всемилоствѣйшая Государыня, Милосердѣйшая Мати!
Вашего Величества святѣйшій даръ на просьбы Черноморскаго войска

⁽¹⁾ Поученія этого при дѣлѣ не оказалось.

излитый отъ посланнаго войскового судьи Головатаго, состоящій во Высочайше пожалованныхъ грамотахъ, хлѣбѣ, солѣ и саблѣ, асигнованной мнѣ, полученъ благополучно. За который приношу Вашему Величеству всеподданнѣйшую глубочайшую мою благодарность, съ опредѣленіемъ себя за неувядаемую возчувствованную въ сердцѣ моемъ высокомонаршую великую и благотворительную матернюю милость по вѣкъ мой преданнѣйшимъ, сверхъ долгу моего и обязанности, во всѣхъ начертаніяхъ служою. При семъ за беззачетное нахожу Вашему Величеству донести, что гребная сего войска флотилія уже отправлена къ ново-Всемиловѣйше дарованному Фаногорійскому острову, куда я, съ войсковымъ правительствомъ, конными, сухопутными полками, принявъ сего числа путь, оставя по себѣ при остальныхъ командахъ и семействахъ служащихъ казаковъ, обзаведшихся на новопріобрѣтенной между Буга и Днѣстра землѣ хозяйствами войскового судью Головатаго, которые на предстоящую весну имѣютъ быть переселены на Высочайше утвержденную землю.

И, ограничивъ высокомонаршей милостью, осмѣлился предать себя во Всемиловѣйшій матерній милосердый ресpektъ. Подлинное за надлежащимъ подписомъ кошевого атамана Черноморскаго войска Челѣги.

Сентября 2-го дня 1792 года.
Слободзея Руфа.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXVII.

Вѣрнаго Императорскаго войска Черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариществу, полковымъ старшинамъ, куреннымъ атаманамъ и всему войску.

Порядокъ общей пользы.

Божіимъ призрѣніемъ и Всепресвѣтѣйшія, Державнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, монаршимъ благоволеніемъ блаженныя и вѣчно-достохвальныя памяти покойнымъ господиномъ генералъ-фельдмаршаломъ, священныя Римскія Имперіи княземъ и великимъ гетманомъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при учрежденіи войска Черноморскаго, мы, будучи избранными и утвержденными ко управленію имъ въ начальники, нынѣ вспоминая первобытное сего войска подъ названіемъ Запорожцевъ состояніе и Божіимъ попущеніемъ онаго за разныя погрѣшности уничтоженіе, а потомъ неизреченною его милостию и Ея Императорскаго Величества, матернимъ милосердіемъ сверхъ заслугъ сего войска и нашихъ нечаяннаго новаго почтениѣйшаго и полезнѣйшаго нынѣшняго состоянія сего войска и нашего учрежденія, и съ утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія къ благополучному пребыванію всемиловѣйшее отъ Ея Императорскаго

Величества земли пожалованіе, по принесеніи Богу благодарственнаго моленія и Ея Императорскому Величеству съ преданностию сердечной вѣрности благодаренія, поставляемъ отнынѣ навсегда: первое—по Божіему и монаршему правосудію, за достойное наказаніе въ страхъ и трепетъ вообразить, а второе, ощущая Божія и монаршія благодѣянія, излияныя на насъ и войско Черноморское, яко неоцѣненный даръ, свято почитать и сохранять, дабы сего войска не потеряло, по силѣ Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоты въ 30-й день іюня 1792 года Всемиловѣйше войску жалованной, сообразуясь изданному отъ Ея Императорскаго Величества учрежденію о управленіи губерніи устроить порядокъ ниже-скаждающій:

1) Да будетъ въ семъ войскѣ войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ, безъ малѣйшей отмыны, въ которомъ засѣдать должны атаманъ кошевой, войсковой судья и войсковой писарь.

2) Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражи кордоновъ при рѣкѣ Кубану, въ Карасунскомъ кутѣ воздвигнуть градъ и для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнедеятельности и благодѣтельности нашей, Всемиловѣйшей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, именовать его Екатеринодаръ.

3) По войсковой дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣяемаго порядка и прибѣжища бездомовныхъ казаковъ, во градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ: Екатерининскій, Кисляковскій, Ивановскій, Конелевскій, Сергіевскій, Динскій, Крилевскій, Каневскій, Батуренскій, Поповичевскій, Васюринскій, Незамаевскій, Иркѣевскій, Щербиневскій, Титаревскій, Шкуренскій, Корнѣевскій, Рогивскій, Корсунскій, Кальниболоцкій, Уманскій, Джерелѣевскій, Деревянковскій, Нижнестеблѣевскій, Вышнестеблѣевскій, Переяславскій, Полтавскій, Мышастовскій, Мѣнскій, Тамосевскій, Величковскій, Леушковскій, Пластуновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Вѣдьмедивскій, Платнировскій, Пашковскій, Куцевскій, Небержанскій, по плану, да и войско при границы поселить куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню, по жребію, принадлежать будетъ.

4) Въ куренѣ избирать атамановъ тѣхъ куреней войску съ достойныхъ людей и перемѣнять ихъ другими каждаго года мѣсяца іюня 29-го числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ.

5) Куренные атаманы должны въ куреняхъ безотлучное пребываніе всегда имѣя, по парядамъ начальства на службу казаковъ чинить немедленное выставленіе и случающіеся между куренными людьми маловажныя ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставле-

нием обидимой сторонѣ справедливаго удовольствія, а за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству.

6) Всѣ обрѣтающіеся у войска старшины безъ должности, какого бы ранга ни были, и казаки, состоя подъ управленіемъ своего куреня, да повинуются атаману и товариществу; напротивъ чего и атаманы съ товариществомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность старшинъ и казаковъ въ недавно кончившуюся турецкую войну за вѣру и отечество Всероссійскаго Престола дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ да почитаютъ.

7) Для заведенія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгоденственному спокойствію благоустройнаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завести окружныя правленія, подъ названіемъ таковымъ: *первое*, при рѣкѣ Кубанѣ, между Казачьимъ ерикомъ и Усть-Лабинскою крѣпостію, въ г. Екатеринодарѣ Екатеринодарское; *второе*, отъ Чернаго моря до Чернаго ерика на Фанагорійскомъ острову въ называемой Таманѣ, Фанагорійское; *третье*, отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю до рѣчки Челбасъ, съ лѣвой стороны теченія рѣки Бейсу, при устьѣ его, Бейсугское; *четвертое*, отъ рѣки Челбасъ до рѣки Еи, при устьѣ ея, Ейское, а *пятое*, при границѣ отъ стороны Кавказскаго намѣстничества, по размежеваніи земель, гдѣ за способіе будетъ, Григорьевское.

8) Для управленія округами, въ окружныя правленія опредѣлить по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему, и на должность приведа ихъ къ присягѣ, велѣтъ имъ, исключая первую Екатеринодарскую округу, въ послѣднихъ четырехъ округахъ выстроить окружные города, яко то: Фанагорію, Бейсу, Ейской и Григорьевской, а села всѣ населятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ переселяющимся изъ разныхъ мѣстъ сего Войска военными людьми. И для печатанія при правленіяхъ письменныхъ дѣлъ подѣлать окружныя печати съ гербами, по приличію округовъ свойственными, яко то: на Екатеринодарской, такъ какъ на границѣ противу врага имени христіанскаго, казакъ водрузившій ратище въ землю, и приложѣ къ ему, вмѣсто присошокъ, ружье, держа лѣвою рукою ратище и ружье, и другою прикладъ, врага стрѣляющій; на Фанагорійской — по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ приборомъ; на Бейсугской — рыба; на Ейской — казакъ, при границѣ единовѣрныхъ съ ружьемъ на караулѣ стоящій, а на Григорьевской, отъ пустаго степу, въ пикетѣ казакъ сидящій на конѣ, при всѣмъ воинскомъ приборѣ.

9) Окружныя правленія и командиры должны по посылаемымъ отъ атамана кошеваго и войсковаго правительства письменнымъ повелѣніямъ, чинить непремѣнное и немедленное исполненіе, безъ малѣйшаго упушенія.

10) Окружныя правленія имѣютъ попеченіе о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ къ оживленію чело-

вѣческому способствующихъ. А имѣющіеся лѣса и родящее дерево да сохранять отъ опустошенія вырубкою; скотомъ и пожаромъ въ цѣлости, къ общей войсковой пользѣ. Также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать; обиженныхъ защищать съ доставленіемъ справедливаго удовольствія; свирѣпыхъ укрощать; злонравныхъ исправлять, сиротъ и вдовъ заступать и во всемъ имъ помогать; лѣнивыхъ понуждать къ трудолюбію; для распространенія семейственнаго житія холостыхъ къ женитьбѣ побуждать, непокоряющихся власти и непочитающихъ старѣйшихъ, по мѣрѣ преступленія штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному сужденію присылать у войсковое правленіе.

11) Окружныя правленія о благосостояніи въ той округи всѣхъ военныхъ жителей семидневные, а о чрезвычайностяхъ въ тотъ же самый часъ имѣютъ присылать рапорты атаману кошевому и у войсковое правительствѣ, для донесенія главной командѣ.

12) Окружныя правленія должны имѣть прилежное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующие въ тѣхъ округахъ старшины и казаки, имѣя въ себѣ на каждую мужеска пола душу военное оружіе во всякой чистотѣ исправное, на случай наглаго военного времени или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и проѣзжающихъ по сей землѣ постороннихъ россійскихъ людей, непріятельскаго нападенія, имущественныя конно и неимущественныя пѣше къ пораженію непріятеля были на всякій часъ въ готовности. И чтобъ на войсковой землѣ, за всякимъ дѣломъ, ѣздить, ходить хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на пастбу гонять безъ военнаго орудія никто не дерзалъ, а и кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ же мѣстѣ штрафовать.

13) Окружныя правленія да имѣютъ смотренія по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ, и гдѣ надобно, переправы, мосты и гати были во всей исправности.

14) Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ, сохраняема была чистота, и на случай пожара имѣли ко утушенію онаго воду и обыкновенные для пожара желѣзные инструменты.

15) Въ тѣхъ округахъ, ежели гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленія командиры должны съ подчиненными имъ старшинами и казаками, стараться всѣхъ переловить и отослать къ законному сужденію, какъ и передержателей, у войсковое правительствѣ при рапортѣ.

16) Ежели въ какой округи на людяхъ появится заразительная болѣзнь — отчего Боже сохрани! — окружныя правленія имѣютъ тотчасъ, зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ съ великою осторожностію, дабы зараженные съ здоровыми отнюдь не совокуплялись и съ подробнымъ объясненіемъ откуда такое зло возымѣло на-

чало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ.

17) При случаяхъ, въ тѣхъ округахъ, скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное зло истребить, чрезъ кого слѣдуетъ увѣдавъ о томъ, подробно тотчасъ рапортуя атаману кошевому и войсковому правительству, и, отдѣля скотъ больной отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣетъ, а съ палаго кожи не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы, и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ выѣзжать, такъ и въ оное со стороны, съ здоровымъ скотомъ, въѣзжать запретить, покуда отъ заразы тое мѣсто освободится.

18) Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года іюня 29-го числа, т. е. въ день св. Апостоловъ Петра и Павла. А ежели съ сихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполнителями довлѣмаго по законамъ порядочнаго служенія безпорочны, то о таковыхъ, уважая, пріостанавливать ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время. А которые окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ не дожидаясь года, въ то самое время когда увѣданно будетъ перемѣна другими, предавать законному сужденію и штрафу.

19) Съ начала учрежденія вѣрнаго Войска Черноморскаго, старшинамъ и казакамъ, во всю недавно кончившуюся съ Портою Оттоманскою войну за вѣру, отечество и сію землю дѣйствительно лично служившимъ, кровь проливавшимъ и тѣмъ вольность пріобрѣтшимъ, за ихъ труды и подвиги позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы; при тѣхъ дворахъ, хуторахъ и мельницахъ заводить лѣса, сады, винограды, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы.

20) Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождамъ-наставникамъ и попечителямъ общинъ сего Войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственникововъ и вольножелающихъ людей поселить дозволяется, и опредѣлить имъ земли, по прилагаемой у сего штатной росписи.

21) Старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими казаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ воли выйти дожде догъ хозяину возвратить.

22) Казаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тягости, по конецъ ихъ жизни, не употреблять.

23) Вышенисанымъ старшинамъ и казакамъ на вѣчно-спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, садами, виноградами

и рыболовными заводами владѣніе выдать открытые листы, съ тѣмъ, чтобъ до онаго, кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землю не утѣснялъ.

24) Для военнаго время, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на военныхъ жителей, или постороннихъ російскихъ людей, отъ кубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служившіе старшины, съ поселенными людьми и казаками, такъ и не служившіе старшины и казаки (исключая только старыхъ, искалеченныхъ, малолѣтнихъ, къ службѣ негодныхъ), словомъ сказать, всѣ безъ изыятія должныствуютъ, со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ, къ пораженію непріятеля имущественные конно, а неимущественные нѣше быть на каждый часъ во всей готовности.

25) Войсковой есаулъ долгъ имѣть, по границѣ и внутри войсковой земли разѣзжая смотрѣть за опредѣленными въ окружныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошеваго и войсковаго правительства были выполняемы въ самой точности, безъ малѣйшей отмѣны. И ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству съ подробнымъ поясненіемъ его виновности, для чего отъ кошеваго давать ему о томъ полныя наставленія.

Вышенисанный порядокъ, въ соотвѣтствованіе Высочайшей Ея Императорскаго Величества воли, мы, будучи обязаны усердіемъ и ревностію къ отечеству и любовью ко всему нашему обществу, почитая для долгодѣяственнаго благосостоянія сего Войска самонужнѣйшимъ началомъ на войсковой земли возстановляя, надѣмся, что наше войсковое общество приметъ сей въ кротости духа и воздавъ Богу за Ея Императорское Величество благодарственныя молитвы, посвятить себя въ непремѣнномъ его исполненіи. На всегда благополучной градъ Екатеринодаръ 1794 года января... Подлинное подписали: атаманъ кошевой, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Чепѣга; войсковой судья, арміи полковникъ и кавалеръ, Антонъ Головатый, и войсковой писарь, арміи подполковникъ, Тимофей Котляревскій.

ИНСТРУКЦІЯ

изъ войсковаго черноморскаго правительства окружнымъ правленіямъ.

О должности окружнаго правленія.

1.

Окружнаго Правленія: полковникъ, полковый есаулъ и писарь выбираются правительствомъ, и по годно, въ 29 іюня, перемѣняются будутъ.

2.

Окружное Правленіе долженствуетъ, во-первыхъ, имѣть бдѣніе, дабы въ округѣ были сохранены: благочиніе, добронравіе и порядокъ; второе, чтобы предписанное законами полезное, повсюду въ округѣ исполняемо и сохраняемо было; въ случаѣ-же не рѣшенія оныхъ, Окружное Правленіе, по состоянію дѣла, не смотря ни на какое лицо, всякаго должно приводить къ исполненію предписаннаго закономъ, и, третье, Окружное Правленіе, одно въ округѣ, право имѣетъ приводить въ дѣйствіе повелѣніе сего правительства.

3.

Окружное Правленіе долженствуетъ наблюдать, дабы никто запрещеннымъ не торговалъ въ округѣ и чрезъ округу не возилъ запрещеннаго.

4.

Окружное Правленіе долженствуетъ имѣть свѣдѣніе о торговыхъ цѣнахъ въ округѣ всякаго рода хлѣба и крупъ, и о семъ въ каждыя двѣ недѣли присылать въ войсковое правительство вѣдомости.

5.

Окружное Правленіе имѣетъ самое прилежное смотрѣніе, чтобы въ округѣ всегда мѣры и вѣсы были вѣрныя, исправныя и заклеяныя: за лишнее же чинить взысканіе по узаконеніямъ.

6.

Окружное Правленіе бдѣніе имѣетъ, чтобы въ округѣ никто бѣглыхъ людей не принималъ, не держалъ и не укрывалъ и буде гдѣ явится таковой ослушникъ и нарушитель установленнаго порядка, чтобы принималъ, держалъ или укрывалъ у себя бѣглаго, то Окружное Правленіе должно, буде не отдастъ добровольно, поступить съ таковымъ какъ по законамъ предписано. Кто по симъ дѣламъ не доволенъ производствомъ Окружнаго Правленія, тотъ просить можетъ въ семъ правительствѣ о производствѣ дѣла и тогда Окружное Правленіе обязано учиненное имъ по тому дѣлу прислать все производство; за бѣглыхъ же людей тогда отвѣтствуетъ тотъ, у кого они найдены, до тѣхъ поръ пока рѣшеніе сего правительства воспослѣдуетъ.

7.

Окружное Правленіе въ вѣдомствѣ своемъ имѣетъ все дороги и мосты, и, прилагая неусыпное смотрѣніе и попеченіе, чтобы дороги, мосты и переправы чрезъ рѣки и воды въ такомъ исправномъ состояніи содержимы были, чтобы проѣзжимъ не было ни остановки, ни опасности.

8.

Окружное Правленіе, вездѣ на мѣстѣ дѣла вѣдомства своего, изслѣдовываетъ, не требуя никакого рода заплаты — ни за дѣло, ни за проѣздъ; а какъ скоро свѣдаетъ о таковыхъ дѣлахъ, кои обществу вредъ наносятъ и не до его рѣшенія принадлежатъ, о томъ даетъ знать правительству.

9.

Буде явится дѣло такого рода, что многое число людей допросить надлежитъ изъ одного или изъ разныхъ селеній, или жилищъ, то Окружное Правленіе должно ѣздить изъ одного мѣста въ другое, дабы не собирать людей излишно и не отлучать отъ домовъ, работъ, ремесла и прокормленія, и по зрѣлому и точному разсмотрѣнію всехъ обстоятельствъ на мѣстѣ заключать приговоръ, который, по самой истинѣ и вслѣдствіе законовъ, учинить надлежитъ.

10.

Буде кто Окружнаго Правленія постановленіемъ, по повелѣнію сего правительства, недоволенъ, и доказать можетъ, что Окружное Правленіе незаконно поступило, тотъ долженъ просить въ четырехъ-недѣльный срокъ въ семъ правительствѣ, и тогда Окружное Правленіе производство отошлетъ въ сіе правительство, а буде кто по этому дѣлу подъ стражею содержится и въ чемъ обвиненъ, то и таковаго съ онымъ дѣломъ прислать.

11.

Окружное Правленіе не имѣетъ опредѣленнаго въ году времени дня засѣданія, но во всякое время собирается въ округѣ тамъ, гдѣ свѣдаетъ, что непорядки учинились, или куда позвано, или послано будетъ.

О должности Полковника въ округѣ.

12.

Окружному Правленію поручено въ округѣ: 1) земская полиція или благочиніе; 2) приведеніе въ исполненіе закона; 3) приведеніе въ дѣйствіе повелѣній правительства и проч. Отъ полковника же, какъ онъ есть первый засѣдатель сего правленія, требуется и предписывается ему слѣдующее.

13.

Полковнику надлежитъ отправлять должность свою съ непоколебимою вѣрностію и ревностію къ службѣ Императорскаго Величества, съ добродѣтелью и человеколюбіемъ къ народу, съ осторожною кротостію безослабное во всехъ дѣлахъ и всепремѣннымъ бдѣніемъ, дабы вездѣ установленный порядокъ всеми и каждымъ въ округѣ сохраненъ былъ въ цѣлости.

14.

Полковникъ самъ и все въ округѣ живущіе обязаны клятвою предъ Всемогущимъ Богомъ въ сохраненіи не нарушимо подданнической вѣрности къ особѣ Императорскаго Величества, и ихъ Высочествъ и какъ безъ нарушенія временнаго и вѣчнаго своего блаженства, клятвою приступить не могутъ, для того полковнику поручается и предписывается бдѣніе, дабы никто, въ противность подданническаго долга и послушанія, въ округѣ ничего не предпринималъ и не учинилъ. Буде же, паче чаянія, гдѣ окажется сему противное предъ присягою, то полковникъ токмо о томъ

увѣдомить долженствуетъ сіе правительство и кошевого атамана, но имѣть до того не допустить и смирить, по мѣрѣ данной ему власти, въ чемъ всякій вѣрный Императорскаго Величества подданный обязанъ, по мѣрѣ власти, силы и возможности своей, помогать полковнику.

15.

Буде (отъ чего Боже сохрани) въ округѣ окажутся на людяхъ прилипчивыя болѣзни, яко то: горячка съ пятнами, кровавые поносы и другія тому подобныя болѣзни, то полковнику освидѣтельствовать немедленно самому на мѣстѣ съ медицинскимъ чиновникомъ, при приходскомъ священникѣ и двухъ свидѣтеляхъ, и буде подлинно таковыя болѣзни по свидѣтельству окажутся, то, для предупрежденія прилипчивости, полковникъ отлучить имѣть здоровыхъ отъ больныхъ, такъ чтобы сообщенія одни съ другими не имѣли; пользованіе и излѣченіе поручаетъ врачамъ, самъ же о болѣзни увѣдомляетъ сіе правительство и кошевого атамана съ яснымъ описаніемъ какъ болѣзни, такъ и гдѣ, кому и отчего она приключилась.

16.

Буде въ которомъ мѣстѣ въ округѣ окажется скотскій падежъ, то полковнику немедленно освидѣтельствовать самому на мѣстѣ и о семъ немедленно увѣдомить войсковое правительство и кошевого атамана, съ яснымъ описаніемъ: гдѣ, отчего и сколько скота пало; зараженный скотъ полковникъ велитъ отдѣлать отъ здороваго, а палый приказуетъ отъ жилья въ отдаленныхъ мѣстахъ, не снимая отнюдь кожъ и не касаясь до онаго руками, зарыть въ глубокія ямы; на зарытіе же употребляютъ надлежитъ длинныя шесты, а ямы засыпать землею, а сквозь селеніе, гдѣ падежъ скотскій случится, полковникъ запретить проѣздъ и проложить обводный дороги и поступаетъ въ силу законовъ о семъ 1746, 1771 и 1774 годовъ.

17.

Буде гдѣ въ округѣ окажется въ чемъ ослушаніе отъ цѣлаго селенія, то полковникъ увѣдомляетъ о семъ войсковое правительство и кошевого атамана, а между тѣмъ прилагаетъ стараніе о приведеніи ослушныхъ въ послушаніе, по мѣрѣ данной ему власти.

18.

Полковникъ всякому обиженному даетъ судейское покровительство, и для того, буде гдѣ въ округѣ окажется насильство, то полковникъ, тотчасъ на мѣстѣ о томъ изслѣдовываетъ безъ многого письменнаго о томъ производства, но единственно въ ясность приводитъ: учиненъ ли тайный случай или нѣтъ и свидѣтелей допрашиваетъ, и буде у кого что отнято и оно на лицо находится, тотчасъ велитъ возвратить и о томъ даетъ знать сему правительству, въ коемъ просьбу производить дозволяется тѣмъ кои доказать могутъ, что полковникъ пристрастно или несправедливо поступилъ какъ въ 6 и 10 статьяхъ предписано.

19.

Буде въ округѣ окажется гдѣ скопище воровъ или бѣглыхъ людей,

то полковникъ увѣдомляетъ о семъ войсковое правительство и кошевого атамана, а между тѣмъ, не теряя времени, прилагаетъ всевозможное стараніе воровъ искать въ тѣхъ мѣстахъ въ округѣ, гдѣ находятся, въ чемъ каждое селеніе обязано подать руку помощи, и буде по слѣдствію окажется, что гдѣ въ селеніи воры или бѣглые были и ихъ въ селеніи не искали небреженіемъ, то таковыя селенія подвергаются пени и полковникъ предложить Окружному Правленію, которое имѣетъ положить на нерадивыхъ общей безопасности и взыскивать съ таковыхъ селеній атамановъ по рублю съ каждаго изъ нихъ за человѣка, — что упустили, могли его имѣть.

20.

Полковникъ неуспынное смотрѣніе имѣть долженъ въ округѣ за мостами и большими дорогами, дабы они въ такомъ исправномъ состояніи были, что бы на нихъ остановки или опасности никому не приключилось, а буде гдѣ попортится велѣтъ поправлять тѣмъ кому надлежитъ безъ упушенія времени; и къ тому принудить можетъ. Полковникъ наблюдаетъ и то, что бы мостовъ и дорогъ никто не перекопалъ, не загородилъ и не переложилъ съ одного мѣста на другое безъ повелѣнія, и что бы вездѣ на мостахъ и дорогахъ была чистота и палой скотины и мертвечины, — отчего вредный духъ происходитъ — на мостахъ и дорогахъ и возлѣ оныхъ нигдѣ не валялось.

21.

Буде случится кому Императорскаго Величества, или войскамъ, или командѣ при которой знамена, — пройти чрезъ округу, тогда полковникъ самъ или одинъ изъ засѣдающихъ въ Окружномъ Правленіи встрѣчаетъ у межи округи и провожаетъ воинскихъ людей до межи сосѣдней округи, а гдѣ надобно квартиры — отводитъ полковникъ, смотря въ каждомъ мѣстѣ, что бы войсковымъ обывателямъ однимъ предъ другими отягощенія не было и безъ крайней необходимости (развъ по множеству воинскихъ людей и за неимѣніемъ достаточнаго для нихъ жилья) отводитъ надлежитъ не иначе, какъ по два человѣка солдатъ на каждый обывательскій покой; буде же жилья мало, а команда во многомъ числѣ, то тогда разставить по разсмотрѣнію возможности, по сколько на покой причтется и о томъ полковникъ съ полководцами полковъ или командъ, и гдѣ имъ квартиры, и какъ отведены, присылать имѣетъ рапортъ въ войсковое правительство и кошевому атаману. Тоже учинить и по выступленіи полка или команды изъ округи; во все же время бытности полка или воинской команды въ округѣ имѣть смотрѣніе, что бы обоюдныхъ обидъ и притѣсненій никому не было: буде же гдѣ окажутся обиды или притѣсненія, то полковникъ, разсмотрѣвъ, за обывателей буде кто изъ нихъ обиженъ, требовать имѣетъ удовольствія, такъ какъ и съ нихъ обывателей взысканіе чинить, буде они кого обидѣли. Буде же полковникъ отъ воинскаго командира удовлетворенія за обиды или притѣсненія не получаютъ, то имѣетъ о томъ увѣ-

домить войсковое правительство и кошевого атамана, прося заступленія, удовольствія и удовлетворенія какъ своей должности и власти, такъ и обиженнымъ.

22.

Буде въ округѣ гдѣ потребно будетъ отводить воинскимъ командамъ для лошадей въ лѣтнѣе время пастбища, то полковникъ отводитъ оныя по очереди, чтобъ однимъ предъ другими обывателями напрасной обиды не было. Полковнику смотрѣть что бы посѣянному хлѣбу и другимъ сѣннымъ полосамъ травы и толоки не было, и обидъ никакого рода обоюдно ни отъ кого и никому не было, и стараться нигдѣ до того не допускать; а буде гдѣ, паче чаянія, какія обиды окажутся, то поступить полковнику какъ о семъ въ 14 и 25 статьяхъ предписано.

23.

Полковникъ властенъ подтвердить единожды о прилежнѣйшемъ смотрѣніи каждому хозяину, что бы крайняя вездѣ осторожность была въ домахъ отъ огня и на поляхъ при выжиганіи травъ, жнивѣ и коренья, и чтобъ проѣзжіе раскладывали огни отъ мостовъ, строеній и лѣсовъ въ такой отдаленности, что бы пожара отъ того учиниться не могло, и что бы, при отѣздѣ со степовъ, огни гасили; буде же гдѣ въ лѣсныхъ мѣстахъ учинится (отъ чего Боже сохрани) такой пожаръ, что весь лѣсъ будетъ въ опасности сгорѣть, то полковникъ долженствуетъ самъ на мѣстѣ учинить всевозможныя распоряженія на утушеніи пожара и обывателей заставить окапывать рвами, или каналами тѣ мѣста, дабы огонь далѣе не распространился.

24.

Полкамъ, стоящимъ въ округѣ или проходящимъ, лѣса на постройку полковыхъ тягостей и на другія надобности, полковникъ самъ собою не отводитъ, ибо по инструкціи полковничей велѣно полкамъ довольствоваться покупкою, на что и деньги въ полки отпускаются; на вареніе же каши и печеніе хлѣба въ лагерное время, по повелѣнію войскового правительства, полковникъ отводитъ изъ валежника, подсохшаго лѣса и подстою.

25.

Полковникъ словами долженствуетъ поощрять не только земледѣльцевъ къ земледѣлію и трудолюбію, а селенія въ томъ, что бы всегда имѣли запасъ имѣли, дабы, въ случаѣ неурожая, обыватели нужды терпѣть не могли, но вообще всехъ людей къ добронравію и порядочному житію.

26.

Полковникъ долженствуетъ имѣть особенное попеченіе о прокормленіи нищихъ и убогихъ въ округѣ; и старается, что бы всякій приходъ или селеніе своихъ нищихъ, убогихъ и по тѣлеснымъ недугамъ работать не могущихъ, прокормилъ и оныхъ отнюдь не допускалъ до такой крайности,

что бы отъ холода и голода принуждены были по міру шататься и стыднымъ и порочнымъ образомъ докучать людямъ подъ окошками или на улицахъ и дорогахъ прошеніемъ милостыни. Буде же подъ видомъ нищихъ набредутъ изъ другихъ округъ праздношатающіеся люди, то, таковыхъ изловя, высылать вонъ изъ округа; буде же бѣглецы и безпаспортные, то отсылать куда принадлежитъ, а пока не отошлются (буде работать могутъ) заставлять чистить дороги и мосты, вмѣсто обывателей, кои имъ дадутъ дневную нужную пищу.

Послѣ этого наставленія окружнымъ властямъ, въ инструкціи прописаны статьи изъ дѣйствовавшаго тогда государственнаго *устава благочинія и взысканія*, а также и относящіяся до Окружныхъ Правленій статьи изъ войскового постановленія 1 января 1794 года, подъ названіемъ «*Порядокъ общей пользы*».

(ЧЕРНОМОРЦЫ НА КУБАНИ).

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Отвѣтъ кошевого атамана Черноморскаго войска Чепѣги, на письмо къ нему одного генерала, интересовавшагося знать какъ черноморцы воевали въ Польшѣ въ 1794 году, и предлагавшаго дочь свою въ невѣсты атаману.

Милостивый Государь мой

Петръ Михайловичъ!

Благодарствую Вамъ покорно за добрыя желанія Ваши и за поклоны отъ почтеннѣйшей супруги вашей, Ульяны Григорьевны, любезныхъ сыновъ и дочери Вашихъ, въ письмѣ своемъ отъ 8-го февраля изъясняемые. Мнѣ пріятно, что Богъ послалъ Вамъ такихъ любезныхъ дѣтей; дай Боже чтобъ здоровы да долголѣтны были.

Походъ въ Польшу былъ—слава вседержителю нашему Богу—благополучный. Корпусъ нашъ, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена, шолъ до Слонима и мы, бывши съ Польскими мятежниками на восьми небольшихъ сраженіяхъ, гнали ихъ якъ зайцовъ, ажъ до самой Праги, что на супротивъ столичнаго города Варшавы, и тутъ уже, по соединеніи съ батькомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымнискимъ, обступивши, доклали воза и всехъ непріятелей въ Прагѣ. бывшихъ выкосили а решту вытопили въ Выслѣ; тутъ ихъ наклали такъ якъ мосту;

на Варшаву жъ якъ взяли съ гарматъ стрѣлять и влучать по Королевскихъ будинкахъ, такъ вона за разъ и здалась. Послѣ сего все ихъ лядске воинство истреблено, а жители обезоружены. Для лучшаго увѣренія прилагаю у сего конію съ письма польскаго Короля Станислава, писанное къ Государынѣ въ 1794 году. Батько нашъ, графъ Александръ Васильевичъ, такъ же бачу, по нашему ляхивъ не любить, и я думаю що Польши сего гостя по вѣкъ не забуде!

Вы рекомендуете дочку мѣ въ невѣсты. Благодарствую Вамъ! пусть буде здорова и примноголѣтня. Жаль що изъ Польши пришовъ та и доси не ожинився, все тышь, — нема щастя, особливо въ Польщѣ хотѣлось полячку забрать, такъ никого було въ старосты взяты. Незнаю, якъ далѣ уже буде; я и тутъ пѣдцилялось сватать княгинь черкескихъ у горскихъ князей. Во время слѣдованія моего съ полками октября мѣсяца съ Польши имѣвъ случай быть въ почтенной матушки вашей Булацевши, гдѣ ея и съ любезнымъ шуриномъ вашимъ угощенъ былъ отменно, и не только мы все компанією, но и кони наши были довольны, что имъ чрезвычайно пріятно было, за что вамъ, ровню и Ульянѣ Григорьевнѣ, усерднѣйше благодарю. Въ заключеніе увѣдомляю Васъ, что я еще, по милости Всевышняго, здоровъ.

Пребуду съ усерднѣйшею преданностію
и отличнимъ почитаніемъ
Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
и проч.
(Подпись Чепѣги).

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

На масляной вторникъ.

- 1) Въ сей день вступитъ въ персидскій походъ, за Божіемъ благословеніемъ, нижеслѣдующимъ порядкомъ.
- 2) Въ половинѣ седьмаго часа тремя сигналами съ пушки невдругъ извѣстятъ всехъ.
- 3) Въ восемь часовъ соберутся къ церквѣ чиновники и казаки по сей части надобніе, при всемъ воинскомъ уборѣ.
- 4) Въ началѣ девятаго часу начнется обѣдня.
- 5) По окончаніи оной, отидеть молебень о путешествіи, поставивъ передъ иконою морскаго Николая Чудотворца, два полковничьихъ «перначей» и старшинскіе; по окончаніи сего цѣлуютъ отшедшіе крестъ и окрапаваются святою водою, а потомъ на мѣстные образа. За симъ передастъ духовенство образъ кошевому, отъ кошеваго Главнымъ, а Главные отдадутъ опредѣленнымъ чинамъ.

6) Значки стоятъ какъ полковые, такъ и сотенные, въ пирамидѣ, а по освященіи сотенныхъ, кошевой поручаетъ Главному, Главный начальникамъ подчиненнымъ; выходятъ изъ церкви, помолясь Богу предъ церковною, простясь съ оставшими за Божією помощію воспримутъ путь свой.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

1797 года Генваря 15 дня, была церемонія препровожденія Кошеваго Атамана Генераль-Маіора и Кавалера Захарій Алексѣевича Чепѣги тѣла, съ дому до войсковой Соборной церкви нижеслѣдующимъ порядкомъ:

На сборъ съ вѣстовой пушки выстрѣлено одинъ разъ и потомъ въ большой колоколъ продолжался часъ звона. По собраніи начали отъ дому его къ церквѣ шествіе.

1) Архимандритъ Феофанъ и войсковой Протоіерей съ десятию священниками, въ уборѣ съ большими со свѣщами.

2) Псаломщики.

3) Евангеліе съ большимъ свѣтильникомъ.

4) Тѣло на колесницѣ везено шестью вороними лошадьми, которыхъ каждую вели выбранные казаки, по обѣимъ же сторонамъ онаго тѣла по шесть человекъ старшихъ, придерживая гробъ съ перевязаніемъ чернымъ флеромъ рукъ и несеніемъ каждымъ свѣчей.

5) Крыша съ положенными на ней крестообразно жалованныхъ Царской и Гетманской двухъ сабель.

6) На двухъ сшитыхъ съ темнаго хорошаго зеленого сукна обложенныхъ во кругъ серебряннымъ прозументомъ подушкахъ два креста, на одной по правую сторону Владимірской 2-й степени съ звѣздой, на второй по лѣвую сторону Георгіевской 3-го класса.

7) Двѣ лошади верховыя его, любимыя, въ богатомъ уборѣ, въ рукахъ ведены.

8) Жалованная войску булава.

9) По обѣимъ сторонамъ дороги перначей золотыхъ 12, серебрянныхъ 4, да мѣдныхъ 16.

10) Два большихъ знаменъ бѣлое и голубое.

11) Прапѣровъ конныхъ и пѣхотныхъ 12.

12) Между конями на дорогѣ впередъ церковная хоругвь и крестъ, а въ передѣ ихъ два свѣтильника. Все выше писанное несено было Куреными Атаманами и старшинами.

13) Трехъ фунтовая войсковая пушка.

14) На сѣрой лошади добывшъ съ жалованными войску серебрянными литавами, кои были покрыты тонкимъ чернымъ сукномъ.

15) На лошадяхъ два трубача съ жалованными войску серебрянными вызолоченными трубами, перевязанными чернымъ флеромъ.

По обѣимъ же сторонамъ всего вышеписаннаго нѣшіе 500, а въ передѣ конные столько же, вооруженные казаки, шли стройно, а въ передѣ оныхъ полковникъ на лошади съ обнаженною саблею. При препровожденіи же тѣла отъ самаго дома въ церковь читано было двѣнадцать разъ Евангеліе, за коими по прочтеніи каждаго палили казаки въ пушки, изъ мелкаго ружья по одному разу, а 16 числа по отпѣніи божественною литургіи и по отправленіи надъ тѣломъ обряда погребенія, тѣло покойнаго таковымъ же порядкомъ несено было до могилы, которая вырыта въ крѣпости, по срединѣ, на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ имѣетъ быть строится войсковая соборная церковь. По опущеніи тѣла въ могилу и по отпѣніи вѣчной памяти выпалено было съ пушекъ девять разъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому.

Всеподданиѣйшій Рапортъ

Генералъ-Лейтенанта графа Маркова.

По объѣздѣ границы и постовъ праваго фланга Кавказской линіи, бывае въ Екатеринодарѣ для осмотра баталіона Суздальскаго мушкатерскаго полку, посланнаго туда еще по предписанію генералъ отъ инфантеріи графа Гудовича, на смѣну выступившаго отъ туда Вятскаго мушкатерскаго полку по силѣ Высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, отъ 7-го прошедшаго февраля, дѣлалъ при семъ случай лично строгіе подтвержденія и внушенія Черноморскому Войску, въ сходственность всевысочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, отъ 11-го января, чтобъ впредѣ въ томъ Войскѣ нмалѣйшаго нестройства и никакого противнаго спокойствію и порядку службы дѣйствія не происходило, а учрежденному въ Екатеринодарѣ военному суду предписалъ порученное ему дѣло, надъ волновавшимися въ Екатеринодарѣ въ Августѣ мѣсяцѣ 1797 года казаками, окончить какъ наискорѣе и ожидаю что оно въ скорости къ окончанію приведено будетъ; между тѣмъ по дошедшимъ ко мнѣ отъ сего военного суда свѣдѣніямъ и по личнымъ изысканіямъ моимъ и по принесеннымъ ко мнѣ отъ разныхъ обществъ Черноморскаго казачьяго войска просьбамъ значить: что хотя нынѣ по сему слѣдствію находится въ Екатеринодарѣ подъ карауломъ до двухъ сотъ человекъ изъ казаковъ Черноморскихъ, но большая часть оныхъ невинны, а дѣйствительно виновны въ бывшемъ тогда непослушаніи начальству и вволнованіи тѣ 14 человекъ, которые подъ именемъ депутатовъ отправлены были къ Высочайшему двору Вашего Императорскаго Величества

и особливо изъ нихъ три казака: Дикунъ, Шмольно и Собакирь. Вообще весь тотъ случившійся въ Екатеринодарѣ въ Августѣ 1797 года безпорядокъ, по обстоятельствамъ дѣла показывается не бунтомъ, а только слѣдствіемъ частнаго неудовольствія прибывшихъ тогда изъ Персидскаго похода козаковъ, на прежнихъ своихъ начальниковъ на которыхъ и нынѣ приносятъ просьбу, что въ продолженіе Турецкой и Польской войны тогдашніе начальники ихъ многое у нихъ удержали, такъ какъ и во время пребыванія ихъ въ ономъ на полуостровѣ Камышеватомъ заставлены они тамъ были для всего корпуса рубить дрова и никакой за то платы не получали, что и дѣйствительно кажется справедливымъ, такъ какъ Суздальскій мушкатерской полкъ на томъ же полуостровѣ находившейся таковую же жалобу приносятъ, а выше объясненные зачинщики утвердили ихъ что имъ заплачено зато, а Начальники имъ не отдають, все сіе неудовольствія Черноморскихъ казаковъ могли бы безъ дальнѣйшихъ безпорядковъ быть удовлетворены и они успокоены, если бы по приходѣ ихъ въ Екатеринодаръ, начальники ихъ, тотъ же часъ, по давнишнимъ ихъ обычаямъ, приласкавъ ихъ дабы имъ хоть малое вознагражденіе за ихъ притензіи, подчиваніемъ хлѣбомъ и виномъ, но какъ атаманъ Полковникъ Котляревскій не считалъ себя обязаннымъ дѣлать имъ никакого удовольствія, по причинѣ что ихъ притензіи были на прежнихъ начальниковъ, то отъ сего и отъ невѣжества и грубости ихъ и произошелъ весь безпорядокъ, названный тогда бунтомъ, теперь не только волновавшіеся козаки, но и все козаки Черноморскаго Войска изъявляя болѣзненное огорченіе душъ своихъ что послѣ десятилѣтней своей вѣрной службы представлены они въ видѣ бунтовщиковъ, когда они были только недовольны своими начальниками, полагая всю надежду свою на премудрое Вашего Императорскаго Величества разсмотрѣніе невѣжественнаго ихъ поступка и неизреченное милосердіе Вашего Императорскаго Величества къ своимъ вѣрноподаннымъ, всему свѣту извѣстное, и принося увѣренія и клятвы всеподданической своей вѣрности и усердіи къ Вашему Императорскому Величеству и готовности пролить кровь свою на службу Вашу, просили меня донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, почему и дерзаю о всемъ ономъ всеподданиѣйше донести. Подлинной подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ графъ Марковъ.

Апрѣля 26-го дня 1798 г.
Бл. кр. Георгіевской.

ПРИЛОЖЕНІЕ 5.

Всемилоствѣйшій Государь!

Среди жаждущаго повсюду десницею твоею, устройства, десницею возведшею меня войска Черноморскаго начальникомъ, войсковымъ атаманомъ

и арміи полковникомъ, среди устроиваемаго отеческимъ попеченіемъ твоимъ благоденствія Россіи пріими Всеавгустѣйшій Монархъ, въ знакъ всепреданнѣйшей моей благодарности подносимое симъ начертаніе о всемъ касающемся до благоустроенія ввѣреннаго Черноморскаго войска.

Съ самыхъ юнѣйшихъ лѣтъ моихъ, посвятя военной службѣ и продолжая оную съ усердіемъ и ревностію, — первѣе въ Запорожскомъ, а потомъ въ Черноморскомъ войскѣ, въ нижнихъ чинахъ и войсковымъ писаремъ, достигъ во всѣхъ частяхъ въ ономъ войскѣ познанія, — пріобрѣвъ таковое лѣтами, трудомъ и многими опытами, и желая онымъ вѣнше изъяснить напряженіе и ревность мою къ государственной пользѣ, пріемлю дерзновеніе представить на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества первобытное и настоящее Черноморскаго казачьяго войска положеніе, со-дня-на-день оскудѣвающее относительно силъ его и количества, изложить планъ могущій служить къ отвращенію послѣдняго черноморскихъ казаковъ изнеможенія и къ ободрѣнію оныхъ, паки отличаетя столь славными подвигами, каковыми ознаменовали они себя въ послѣднюю турецкую и прочія брани.

Вѣрное Черноморское войско воспріявъ въ 1787 году, по Высочайшему изволенію, начало свое чувствительно усугублялось по 1790 годъ, и возрасло было до 2,829 конницы да 9,681 пѣхоты, служившихъ на сушѣ и морѣ всѣхъ 12,510 человекъ подружьемъ, которые и подвизались противъ непріятеля съ ревностію и особливимъ мужествомъ извѣстнымъ предводителямъ и всей арміи.

По счастливо конченной съ турками войнѣ, оказанныя въ оную войскомъ усердіе и ревность доставили ему отъ главнаго начальства для поселенія лежація между рѣкъ Буга и Днестра земли, куда одна часть войсковыхъ семействъ не видя точнаго тому положенія, колебалась переходить и оставалась на прежнихъ своихъ по разнымъ мѣстамъ жилищамъ; а другая — перешла было и заведя тамо все нужное къ хозяйству, жительствоваала два года. Въ 1792 годѣ блаженные и вѣчнодостойныя пачасти любезнѣйшая Вашего Императорскаго Величества родительница Ека-терина Алексѣевна Самодержица Всероссійская, въ награду вѣрныхъ Черноморскаго войска заслугъ, соизволяя Высочайшее доставить ему всегдашніе благоденствіе, Всемилоостивѣйше пожаловать изволила грамотою островъ Фанагорію, съ принадлежащими къ нему землями, для поселенія; войско ощущая зиждимое для него благоденствіе, по неимѣнію покунщиковъ, по причинѣ скорого переселенія, безъ продажи, всѣ свои между Бугомъ и Днѣстромъ хозяйственныя заведенія и многія по дальнѣйшему пути невозможныя къ перевозу движимости должно было оставить, и 1793 года, хотя въ скудномъ состояніи перешло съ семействами на оную землю въ числѣ мужеска полу до шестнадцати тысячъ, причиненныя войску переселеніемъ разстройства еще болѣе усугубили ниже означенными послѣдствіями.

Первое — едва войско вступило въ предѣлы пожалованной земли, въ

самое крутое осеннее время, гдѣ не найдя никакого строенія, женъ и дѣтей отъ свирѣпѣющаго времени, а вмѣсто того, чтобы содѣять нужное для предохраненія семейства, какъ вдругъ необходимость настояла оставить всѣ дальнѣйшія попеченія о устроеніи себя и опредѣлить четыре тысячи казаковъ для содержанія пограничной стражи противъ ежеминутно угрожаемыхъ нападеніемъ за-кубанцевъ, а послѣ того, 1794 года, отрядить по требованію главнаго начальства тысячи конницы противъ мятежниковъ въ Польшу, изъ коихъ до четырехъ сотъ человекъ осталось жертвою брани.

Второе. — Начальствовавшіе тогда одинъ по другому въ Черноморскомъ войскѣ, кошевой атаманъ Чепѣга и войсковой судья Головатый, не войдя обстоятельно въ положеніе тамошней земли и ея качества и не сдѣлавъ для поселенія войска одинъ разъ навсегда сообразнаго мѣстоположенію плана, однихъ поселили противъ ихъ желанія на невыгодныхъ для жительства мѣстахъ; другихъ четыре года затрудняли переселеніемъ ихъ съ мѣста на мѣсто; войско и посему случаю потерпѣло несоразмѣрны состоянію его убытки къ отправленію службы, усугубляющіе ему безсиліе.

Третье. — Въ надлежащее содѣйствованіе къ поселенію, въ началѣ позволено было старшинамъ и казакамъ рубить войсковою лѣсъ сколько кому надобно; но скоро потомъ къ большому разстройству войска воспрещено было всѣмъ, не только пользоваться таковою выгодною, но даже кромѣ одного валежника и нарубленнаго имъ не брать, чрезъ что большая часть нарубленнаго лѣса пропала, а старшины и казаки понесли невозвратный убытокъ, потерю на то времени, трудовъ и издженія.

Четвертое. — Въ вѣншее отягощеніе войска, казаки безпрестанно были употребляемы безъденежно для войсковыхъ и собственныхъ работъ помянутыхъ начальниковъ и тѣмъ не только лишены были способовъ обзавестись нужнымъ, но и доведены до самой крайности.

Пятое. — Вмѣсто надлежащаго способствованія къ лучшему устроенію войска, къ чему успѣшно служила Высочайше дарованная вольная продажа горячаго и винограднаго вина, начальство лишило казаковъ и оной выгоды, отдавъ помянутую продажу на откупъ коллежскому асессору Янину, по 1801 годъ, на условіяхъ продавать ведро по пяти рублей, что для многихъ сдѣлалось преградой къ поправленію состоянія своего и принудило всѣхъ, не имѣя вольной продажи вина, лишиться другихъ промышленныхъ оборотовъ и претерпѣвать въ употребленіи вина несносную дороговизну.

Шестое. — Начальники, не сообразясь съ точнымъ положеніемъ войска изъ долженствующихъ быть по оному предмету, чтобы всѣ пожалованныя войску земли и угодія, для избѣжанія скудости, зависти и вражды, оставались общественными, напротивъ того, взявъ они за себя выгоднѣйшими по частямъ лѣсъ и самую лучшую землю, послѣднюю роздали было по куреніямъ и войсковымъ старшинамъ, предоставивъ право себѣ и каж-

дому на собственное и потомственное владѣніе. Таковымъ постановленіемъ войско чувствительно утѣшено, посѣяно между нимъ разномысліе и несогласіе и отнято средство къ обзаведенію себя хозяйствомъ.

Седьмое.—Судья Головатый вопиющую гребную флотилію подчинилъ, и ради оной въ кизилтажскомъ лиманѣ дѣлалъ гавань, которая оказалась, по малому пространству и мѣстности, вовсе на то неспособною и нынѣ штормомъ водъ разбита, а для оныхъ работъ употреблялъ казаковъ; сіи, не получавъ за труды ни откуда платы и лишась тѣмъ временемъ способу къ заработанію нужнаго, пришли чрезъ то къ крайнему изнеможенію.

Восьмое.—Къ большому удрученію Черноморскаго войска постигъ войсковую землю столь сильный неурожай хлѣба, что четверть онаго дошла цѣною до двѣнадцати рублей, и что по существующей тамъ до селѣ дороговизнѣ хлѣба, войско по сіе время не можетъ нисколько поправиться.

Девятое.—При вышеобъясненномъ пораженіи войска неурожаетъ хлѣба и чрезвычайною въ немъ дороговизною, состоящіе на войсковой землѣ на дѣйствительной службѣ 4.000 человекъ, довольствуясь только изъ всемилоостивѣйше пожалованной грамотой войску годовой *двадцати тысячной* суммы, сколько кому по разчисленію достанется, а провіантъ взимая изъ собственныхъ оскудѣвшихъ домовъ своихъ, изнемогаютъ подъ игомъ невозможности содержать себя, женъ, дѣтей и отправлять безперемѣнную службу.

Десятое.—Возвращающимъ войску обстоятельствамъ устроить себя и возрастать, сугубо содѣйствуетъ и сіе: каждое лѣто на лошади и рога-тый скотъ по необычности съ климатомъ бываетъ сильный падежь, а по скудости пущаго для присмотра ихъ состоянія столько убываетъ онаго, что многіе старшины и казаки лишались пригнатаго ими изъ прежнихъ жилищъ.

Одиннадцатое.—Сверхъ многихъ другихъ содѣйствующихъ къ стѣсненію войска причинъ присоединилъ къ тому вредъ и климатъ; войско немощи вдругъ къ оному приобыкнуть и не имѣя ни лекарей, ни аптекъ, пострадало сначала бытности его тамъ столько отъ анхорадовъ, горячекъ и кровавыхъ поносовъ, что болѣе 2.000 казаковъ померло.

Двѣнадцатое.—Старшинамъ и казакамъ необходимую нужду имѣющимъ оглучатся съ войска на прежнія мѣста своего жительства, однимъ ради исправленія долговъ, другимъ для забратія остальнаго тамъ имѣнія, а нѣкоторымъ и по торговымъ промысламъ, войсковое правительство не имѣя власти давать отъ себя пашпорты относилось къ Таврическому губернатору за 500 верстъ, кои по причинѣ разлитія водъ съ великими затрудненіями получаемы были и въ такомъ иногда разстояніи времени, что имѣющіе нужду отлучиться, потерявъ удобность онаго, должны оставить дорогу и по истекающимъ не рѣдкимъ обстоятельствамъ лишиться своей собственности и чрезъ оную почувствовать невозвратный убытокъ, умножающій притѣсненіе въ каждого состояніи.

Тринадцатое.—Наконецъ вышеизображенные обстоятельства избыточествующія нуждами и утѣсненіемъ живущихъ на войсковой землѣ казаковъ, не токмо у оставшихся на прежнихъ жилищахъ старшинъ и казаковъ отняли желаніе переселиться, а преклонили ихъ остаться тамъ на всегда, но и многихъ обитающихъ уже на сей землѣ заставили сокрыться въ неизвѣстныя Донскаго войска и Астраханской губерніи мѣста.

Се суть точныя причины слѣдствія грозящаго скорымъ безсиліемъ Черноморскому войску, такъ что онаго считая взрослыхъ годныхъ къ службѣ, престарѣлыхъ и изувѣченныхъ отъ непріятельскихъ ранъ и малолѣтнихъ, всего числомъ мужескаго полу только до 13.500 человекъ состоитъ, въ коемъ числѣ холостыхъ казаковъ очень мало.

Заключающееся въ столь маломъ числѣ находящееся въ состояніи отправлять службу, войско содержать безпремѣнно пограничную стражу съ толикою нуждою, что на случай могущаго въ большомъ количествѣ послѣдовать отъ питающихся единымъ грабежомъ и хищеніемъ закубанскихъ народовъ нечаяннаго на войско нападенія, оное не только къ отраженію собственными силами, но и къ защищенію себя никакой возможности и никакихъ надежныхъ мѣръ предпріять будетъ не въ состояніи; при всемъ томъ однакожъ, не взирая на предстоящія угнетенія состоянію сего войска отягощенія и ревнуя закону Божию, славѣ и закону монаршему употребила послѣднія свои силы, способы и возможности соорудить храмы Божіе, снабдить ихъ утварями и уже сооружено шесть церквей снабжены нужнымъ, іерееми и причтомъ церковнымъ, да заложено десять церквей, а для изувѣченныхъ и престарѣлыхъ казаковъ заведена пустыня, въ коей построена уже трапезная церковь и нѣсколько келій, пока вдалѣ всемогущій Богъ укрѣпляя благое намѣреніе сниспошетъ способы и добродетельныхъ дателей съ помощію совершить и другія церкви, яко священное благопочитаніе.

По умертвіи предѣстниковъ монаховъ, когда я остался по нихъ старшимъ, зная совершенно по объясненному мною коликою все то для войска было преградою въ достиженіи цѣли хозяйственнаго благоустройства, прирастворенія и имущества, истекая желаніемъ и стараніями подать тому возможную помощь и ободрить изнеможенное нуждами и объемлемое униженіемъ войско, тотчасъ съ согласія старшинъ и куренныхъ атамановъ планъ переселенія съ мѣста на мѣсто остановилъ, раздѣленіе земель и лѣсовъ уничтожилъ; рубить порядкомъ лѣсъ каждому для своихъ надобностей позволилъ, казаковъ употреблять въ партикулярныя работы запретилъ, винный откупъ упразднилъ и далъ свободно кому угодно промыслять виномъ и, наконецъ, состоящихъ на пограничной стражѣ казаковъ вымѣниваемыхъ у закубанцевъ за соль хлѣбомъ войсковымъ, пока можно доставать будетъ, приказалъ довольствоваться и продовольствуются онымъ.

Всѣ таковыя жъ однако употребленные мною къ устроению всѣмъ хо-

зайствомъ къ облегченію его тягостей къ ободрѣнію и увеличенію онаго способа, при потеряніи бывшаго на то столько удобнаго времени теперь никакъ не могутъ произвести желаемаго успѣха безъ Высочайшаго Императорскаго Величества содѣйствія, кое ежели угодно Вашему Императорскому Величеству всемилостивѣйше оказать благоденственнаго состоянія войска и укрѣпленія онаго непоколебимости противу за-граничныхъ и варварскихъ походовъ, то необходимо нужно бы было:

Первое.—Подтвердить съ низпосылаемою къ войску милость и благоволеніе новою Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества грамотою съ выгодами благоговѣнно изложенными мною къ подножію священнѣйшаго престола твоего всеавгустѣйшій монархъ, какъ прежніе начальники Войсковое Управление называвшіеся въ Запорожьи и во время заведенія сего войска кошеми, неизвѣстно почему перемѣнили на Войсковое Правительство, то Всемилоствѣйше повелѣть: именовать его по прежнему: кошемъ войска вѣрныхъ Черноморскихъ казаковъ, а начальникамъ онаго именовать: одинъ по другому, кошевыми атаманами, яко таковое званіе издревле сего рода казакамъ присвоенное и обольщающіе ихъ при напослѣдствіи древности достигать славныхъ заслугъ предковъ своихъ.

Второе.—Есть пожалованнымъ блаженныя и вѣчно достойныя по смерти Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною любезнѣйшею Родительницею Вашему Императорскому Величеству войску одному знамя, булава одной, праперамъ четырнадцати, перначамъ четырнадцати, съ двумя трубами литаврамъ и войсковой печати Всемилоствѣйше пожаловать два бунчука и трость войсковую, поелику сіи привилегіи были въ войскѣ Запорожскомъ жалованными, знамя же и праперы перемѣнить новыми, ибо сіи будучи въ непрестанной службѣ обвѣщали.

Третье.—Нужно бы было въ каждомъ куренѣ имѣть по тысячѣ чело-вѣкъ казаковъ, дабы ограждая оныя безъ отягощенія войска границы угрожать сосѣдственныхъ хищныхъ непріятелей и на случай войны значную часть отдѣлять во оную, если Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества угодно будетъ въ пользу Государственныхъ по сему предмету интересовъ благоустроенія составить, количество сіе людей есть истинное ередство прежде всего Всемилоствѣйше повелѣть выслать въ войско тѣхъ, которые служили въ недавно конченную турецкую войну во всѣхъ сраженіяхъ и пришедъ съ войскомъ на Высочайше пожалованную землю когда возвратились за взятіемъ женъ и дѣтей въ свои жилища, то удержали тамъ противъ ихъ воли, съ строгимъ взысканіемъ за ихъ отлучку и сугубымъ порабощеніемъ, потомъ, тѣхъ кои во время существованія войска запорожскаго многіе казаки вышли съ онаго поженились, остались на жительствѣ въ войсковыхъ селеніяхъ и будучи сіи поженившіеся съ разныхъ мѣстъ уроженцы и наживши въ войскѣ имѣніе вызвали къ себѣ кровныхъ и отдаленныхъ родственниковъ и оными расположились до не малыхъ тысячей душъ, отправляющихъ на случай войны

равную съ не женатыми службу, слѣдующихъ селеній въ вѣдомствѣ Новороссійской губерніи нынѣ состоящихъ: по рѣкѣ Днѣпру на правой сторонѣ волостной, втораго Кодаку, Голой-Камянки, половицы, новаго Кодаку, Тарашскаго, Сухачевки, Карнауховки, Третузнаваго, Камянскаго, Романковаго, Жовтой Зеленой, Петраковки, Куцовки, Верьможой; на лѣвой—Московки, Богородичнаго, Камянки, Сокольскаго, Бригадировки, Ревуловки, Паньковки, Шульговки, Новосельцы, Петриковки, Галушковки, Сѣрковки, Продановки, Лизноваго, Цеглянки, Бабенковки, Половешаны, Могилева, Бабайковой, Гуналовки, Катовки, Козарщѣны, Перещепина, Барвинковой-стенки и Камышеватой, всѣхъ сорокъ два селенія, изъ числа коихъ нѣкоторыя уже переселены въ другія той губерніи мѣста; сверхъ выше писанныхъ селеній по упраздненіи бывшей Сѣчи запорожской въ той же губерніи населены изъ запорожцевъ цѣлые города, селенія и помѣщичьи слободы, сіи все служили въ позанрошедшую съ турками войну, а нѣкоторые прикрывали границы и остающіеся въ домоводствѣ работали и пособляли тѣмъ кои были въ дѣйствительно за-граничной Государственной службѣ, деньгами, лошадьми, провіантомъ, оружіемъ и всѣмъ нужнымъ, заступая другъ друга службу составляли все до единого готовыхъ войновъ, но по желанію ихъ переселиться въ войско Черноморское на пожалованную Высочайше землю сдѣланы отъ тамошняго начальства не точію затрудненія, но и крайнія притѣсненія, насилія и несносныя отъ помѣщиковъ бои,—даже въ чинахъ офицерскихъ, на такой конецъ принимаемыя что многіе принуждены были отречься отъ имени, заслугъ своихъ и содѣлаться противу воли и чувствій войновъ поселянами. Поелику жъ нѣкоторые изъ таковыхъ будучи изъ малолѣтства изощрены въ воинскомъ искусствѣ и давъ многократно противъ непріятеля въ походахъ, хотя премѣнили оружіе въ кровѣ непріятельской обогренное на рати, но жаръ войска въ ихъ и дѣтяхъ ихъ и потомкахъ не погаснетъ. Переведеніе помянутыхъ казаковъ въ Черноморское войско, не сопрягаясь ни съ какими затрудненіями, сугубо можетъ произвести пользу, ибо они: яко достаточны не почувствуютъ отягощенія въ переселеніи, легко могутъ устроить себя хозяйствомъ и доставлять войску въ чадахъ своихъ мужественныхъ и храбрыхъ войновъ, а оставленные ими мѣста могутъ быть съ выщею пользою заняты многими нуждающимися въ землѣ малороссійскими людьми, къ таковымъ слѣдуетъ причислить и тѣхъ казаковъ, которые по Высочайшей грамотѣ слѣдуя изъ прежнихъ жилищъ на войсковую землю чрезъ Донскую, были утѣснены Донскими старшинами въ пути до такой крайности, что принуждены были согласиться остаться ихъ поселянами, и старшины донскіе, пользуясь такимъ случаемъ, населили изъ сихъ и Малороссійскихъ въ трехъ стахъ и болѣе дворовъ состоящія слободы, но ежели бы донесеніе мое о переселеніи выше объясненныхъ поселянъ было несходно со всевысочайшими намѣреніями, то неблагоугодно бы было хотя малороссійскихъ имѣющихъ нужду въ землѣ переселить на

Высочайше пожалованную Черноморскому войску землю и симъ средствомъ пополнить недостатокъ казаковъ, нужный войску для выше объясненныхъ воинскихъ причинъ и интересовъ государственныхъ.

Четвертое. — Для содержащихъ пограничную стражу четырехъ тысячъ человекъ, если бы Высочайше благоволено было годовое казенные провіантъ, денежное жалованье, порохъ и свинецъ, чтобы чувствительное войско имѣло облегченіе.

Пятое. — Въ разсужденіи бывающихъ тамъ частыхъ болѣзней Всемилостивѣйше опредѣлить повелѣно бы было лекаря съ помощниками и аптекою.

Шестое. — Для изытія величайшихъ и съ чувствительною разстройкою сопряженныхъ затрудненій, каковыя казаки имѣя нужду отлучиться по своимъ необходимымъ надобностямъ въ другія губерніи, какъ выше мною изложено, претерпѣвши и болѣе еще теперь претерпѣваютъ въ разсужденіи пашпортовъ о коихъ войсковое Правительству долженствуя относиться первѣе было Таврическому губернатору чрезъ Азовскій проливъ за пять сотъ верстъ, а нынѣ Новороссійскому губернатору въ г. Екатеринославѣ, пребывающему за тысячу верстъ, всегда встрѣчало, сугубо встрѣчаетъ по прежней и нынѣшней отдаленности и по случающемуся разлитію водъ крайнюю въ полученіи оныхъ медленность и пренятства, а также при важнѣйшихъ требующихъ скорого разрѣшенія дѣлахъ позволить войсковому правительству прямо самимъ собою давать отъѣзжающимъ казакамъ пашпорты, а въ разсужденіи близкаго разстоянія Астраханской губерніи ограждающейся одною съ войскомъ Черноморскимъ противъ непріятеля цѣпью подчинить войско военному Астраханскому губернатору, относительно жъ дачи пашпортовъ до сего времени войсковые начальники, а не губернаторы отвѣтствовали, въ противномъ случаѣ за казаковъ слѣдственно и удостоившись Высочайшаго на дачу пашпортовъ позволенія Войсковое начальство долгомъ ставить себя строго за отъѣзжающими смотрѣть и отвѣтствовать за оныхъ по прежнему.

Седьмое. — Приведши со временемъ хозяйственныя войска заведенія въ благоустройство, могутъ произвести многіе тоже продукты, кои только въ границы могутъ быть съ пользою вышущаемы. А поелику торговля—болѣе всего приводитъ въ цвѣтущее состояніе народъ и распространяетъ его и она то обогащала и укрѣпляла бывшее Занорожское войско пристанищами торговлѣ судовъ въ порты его, то для вышняго благоденствія Черноморскаго войска Всемилостивѣйше позволить выдержавшимъ карантинъ и проѣзжающимъ въ Таганрогъ и оттуда судамъ приставать у имѣющихся на войсковой землѣ способныхъ къ тому мѣстахъ.

Восьмое. — Войско сіе главнѣйшій промыселъ имѣетъ въ ловлѣ рыбы и продажѣ оной, но за разлитіемъ водъ Азовскаго моря и рѣки Дону, покупщики не пріезжаютъ, а промышленники принуждены на лодкахъ перевозить оную на правую сторону Азовскаго моря. Но какъ тамъ за пристань, а потомъ за поклажу рыбы вносятъ непомѣрный платежъ, то не-

соблаговолено-бы было Всевысочайше пожаловать войску находящіеся при устьи рѣки Кальмуса по лѣвую сторону противу Мариуполя, гишло для пристани, выстроено рыбныхъ сараевъ и для пастбы скота пріѣзжающихъ за покункою рыбы, самую нужную, по пристойную часть земли, поеланку оное мѣсто какъ ничѣмъ незаселено и Мариуполю не столь нужно сколько войску, слѣдовательно и отягощенія отъ войска не можетъ не только никому послѣдовать, но еще и выгоды Мариупольскимъ жителямъ приносить можетъ.

Затѣмъ всеѣмъ у самихъ границъ Черноморскаго войска живутъ черкескіе князья Бзедукскіе, Евбукъ-Кирей сынъ Гаджеевъ, съ пятью братьями, Джакайскіе, Могметъ-Кирей сынъ Ахедяговъ, съ тремя братьями и роднымъ дядею, Сапейской знаменитой узденъ Шеретауковъ сынъ съ тремя братьями, владѣющіе болѣе тысячи семействами, оные будучи отчаянно и смертельно гонимы соотчичами своими и невидя никакихъ средствъ къ спасенію своему рѣшились искать подъ милосердіемъ Вашего Императорскаго Величества скипетромъ, предавая себя въ высокомонаршее подданство, вслѣдствіе чего они пріѣзжая ко мнѣ съ строгательнѣйшею просьбою о принятіи ихъ на войсковую землю или куда благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству повѣлѣть перевести ихъ и съ возбуждающимъ сожалѣніемъ и всякое состраданіе изъясненіемъ, что если я наконецъ непредставлю тамъ Вашему Императорскому Величеству и противъ всякой жалости войско употребить оружіе и мечъ для недопущенія ихъ переходить на сю землю, то они предавшись въ сей жестокости отчаяніе станутъ насильно переправляться въ границы Россійскія и безъ всякой защиты охотно предавать себя до послѣдняго, истребленію оружія и меча, только бы исторгнуть себя изъ неносимыхъ мученій, каковыми они терзаемы отъ соотчичей своихъ. Въ разсужденіи столь жалостнаго ихъ положенія, ихъ преданности къ всероссійскому престолу и государственной пользѣ могущей произойти отъ переселенія ихъ съ таковыми семействами подъ Россійскую державу, приѣмлю смѣлость всеподданнѣйше довести негодно ли Вашему Императорскому Величеству даровать памянутымъ князьямъ съ ихъ семействами, въ нутрѣ Россіи праздную землю для поселенія, гдѣ они будучи не могутъ дѣлать шалости, но еще по устроеніи себя хозяйственнымъ заведеніемъ и переродясь содѣлаются полезными какъ и прочіе иноплеменики да и переселеніе ихъ не то, что многихъ къ тому побудить, но и непріятельскую силу ослабивши принесетъ сугубую пользу Россіи, въ разсужденіи поселенія ихъ на пусто-рожныхъ земляхъ.

Всемилостивѣйшій Государь! чего предметники мои, кошевой Чепѣга и судья Головатый, въ подкрѣпленіе войска и въ государственную пользу не донесли къ трону Вашего Императорскаго Величества, то я, яко одарствованъ будучи неизреченными благостями Твоими. Миропомазанникъ, первымъ долгомъ найдя себя обязаннымъ все то изобразить, повергаю

оное и самого себя на Всемиловѣйшее благоусмотрѣніе къ подножію священнаго престола Твоего и всеблаготворѣйшее молю, удостой Всемиловѣйшаго Высокомонаршаго вниманія.

Всемиловѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданнѣйшіе
(Подпись войсковаго атамана Котляревскаго).

1797 году, декабря 1-го дня,
С.-Петербургъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 6.

Панове атаманы и все куренное товариство!

Къ крайнему прискорбію моему изъ получаемыхъ мною отъ войсковаго правительства и пана войсковаго асаула увѣдомленій о пограничныхъ происшествіяхъ, вижу нашей пограничной стражи такую слабость, что уже закубанскіе хищніе народы въ наши предѣлы переѣзжая безъ опасности берутъ отъ насъ скотъ аки свой собственный и казаковъ по два человека разъѣзды дѣлающіа захватываютъ у свои предѣлы, а противлящихся имъ ранятъ и въ смерть убиваютъ; наши-жъ стражи изъ оныхъ хищниковъ ни единого не поймать и тѣмъ умножаютъ войску порокъ и безславіе.

Сему поводомъ нижеизъясненная причина и вамъ довольно извѣстная, что на границу поставлено казаковъ только тысячу пять сотъ человекъ, да и тѣ почти всѣ наемные, нездоровіе и малолѣтніе и по причинѣ частыхъ имъ перемѣнъ къ воинскому дѣлу не привыкшіе, которые не повинуваясь кордоннымъ старшинамъ и не имѣя у себя исправныхъ воинскихъ зброй, а конные добрыхъ лошадей, будучи одѣты въ тяжелую одежду, не приученными къ тому лошадымъ, всегда бываютъ показаннымъ хищникамъ смѣшнымъ игралищемъ въ жертву.

Куды какъ за сіе нашему прежде прославленному войску предъ всѣми стыдно, не меньше-жъ и мнѣ заглаждать его справедливые пороки, о которыхъ знатные господа будучи извѣстны, нѣкоторыя часто напоминая прежніе и нынѣшніе противу своего начальства бунты и оную пограничную слабость дѣлаютъ мнѣ выговоръ и судятъ о войскѣ не хорошо. Я будучи приверженнымъ къ войску любовію, соболѣзную о немъ и напрягаясь всѣми способами о исходатайствованіи ему благодарственнаго состоянія, хотя по долгу моему предъ Монаршимъ трономъ, войско оправдая милостію его силы, изнеможеніемъ и скудостію разными обстоятельствами къ тому доведенными и прошу подкрѣпленія его, какъ въ копіи моего Госу-

дарю Императору донесенія у войска для свѣдѣнія отпавленной изъяснено; но, въ разсужденіи вышеописанной слабости нашей пограничной стражи, о коей войсковое общество ослабѣвъ воинскимъ духомъ и обременивъ себя житейскими попеченіями, а нѣкоторые бесполезною празднолѣностію, для защиты войска отъ закубанскаго разоренія, предосудительнаго порока и безчестной славы не только предпринять всевозможнѣйшихъ мѣръ и способовъ, но и помыслить о томъ, какъ видно почитаютъ за не нужное. До воспослѣдованія на тое мое донесеніе Высочайшей резолюціи, за необходимое нахожу напомнить вамъ нижеслѣдующее:

Вспомнить, панове атаманы и товариство, тое, что прежде бывшее войско наше Запорожское разрушено точно чрезъ таковое же слабое содержаніе. Также ввѣренной было ему границы, которою прошелъ непріятель въ российскіе предѣлы и за разныя противности высшей власти; по разрушеніи же его сколько оно претерпѣло гоненія, претѣсненія, грабительства, насилія, поношенія, укоризны и смертныхъ побоевъ; не меньшее-жъ и нынѣшнее Черноморское—первіе при собраніи его заслуживая вновь казачью честь и славу, понесло трудовъ и подвиговъ, жертвуя за то жизнь, лилася въ бояхъ своихъ кровныхъ и товарищей; а потомъ при переселеніи до р. Днѣстра и оттоль на нынѣшнюю землю отъ помѣщиковъ и разныхъ начальствъ, также и на сей землѣ за прежнихъ начальниковъ не согласно между собою войскомъ командовавшихъ по нестарательности о войскѣ у высшей власти и чрезъ не дачу войску тутъ доваемаго порядка, разными нуждами пожертвовало,—о чемъ вамъ всѣмъ извѣстно, а потому то у насъ такъ мало и войска, да и тое своими—слабымъ содержаніемъ границы и буйнствомъ теперь сдѣлало на чести своей великое пятно, чрезъ которое дабы оно не подверглося наки тому же горестному слѣдствію, отъ чего Боже сохрани, покуда подоспѣтъ ему Божія помощь. совѣтую вамъ опасаясь того, соотвѣтствуйте оному моему о войскѣ попеченію и вы своею помощію такою, что на защищеніе Высочайше ввѣренной войску границы, по повелѣнію войсковаго правительства, коему отъ меня о томъ предложено, съ вашей стороны были употреблены всѣ силы и способы съ повиновеніемъ всякаго своему начальству, чѣмъ можете преградить зловреднымъ хищникамъ на нашу сторону дороги, отвратить ихъ отъ причиненія войску разоренія и безчестія и соблюсти войско достойнымъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества вниманія и Всемиловѣйшаго благоволенія. С.-Петербургъ. 20-го іюня 1798 года.

(подпись атамана Котляревскаго).

ПРИЛОЖЕНІЕ 7.

Милостивый Государь и вельможный Пане
Тимофей Терентіевичъ!

Всеночтеннѣйшее письмо ваше, отъ 20-го прошедшаго іюня писанное,

мы сего іюля въ — день имѣли счастье чрезъ господина капитана Гельдына получить и будучи обрадованы чрезъ оное тѣмъ, что вы еще по благодати Божіей хотя живы сердечно радуемся и просимъ Бога о подкрѣпленіи здоровьемъ изнеможенныхъ неусыпными трудами на пользу благомысленнаго общества и всего войска Черноморскаго силъ вашихъ, а при таковомъ нашемъ возчувствіи приносимъ вамъ и всенижайшую нашу отъ искреннихъ сердецъ благодарность, *предая себя навсегда вашему покровительству* и милостямъ, обязываясь при томъ всеми силами и усердными мѣрами по порученности вашей границу защищать, между собою доброе соглашеніе имѣть и къ возстановленію общаго блага и покоя прилагать всевозможное стараніе и труды; возмутителей же въ войскѣ покоя и нарушителей заслуженной войскомъ чести и славы такъ же стараемся укротить страхомъ и благими совѣтами, касательно-жъ до тѣхъ зловерниковъ, которые учинили прошлаго 1797 года августа въ 6-й день бунтъ, мы по повелѣнію правительства и Мокія Семеновича воспріяли было дѣтельными и удобовозможными мѣрами всехъ поотыскивать и представить въ комиссію, но сія комиссія перешедъ въ управленіе покойнаго и добродѣтельнаго для насъ генерала Горемыкина, набравши ихъ до ста пятидесяти человекъ болѣе принимать ихъ отказался и мы изустно отъ него генерала слышали, что-де ненадобно болѣе ихъ представлять въ комиссію, потому же что все онѣ только одну пелѣность городать, но таковымъ обстоятельствамъ мы отысканіемъ ихъ и приостановились и видимъ при томъ, что выписанные бунтовщики устрася должнаго наказанія за свой грѣхъ, скрылись въ камышахъ и оттолъ и очей показать не смѣютъ и не признаются, а другіе, при поискахъ нашихъ, неизвѣстностію отреклись; къ сожалѣнію же нашему видимъ, что изъ числа живущихъ по селеніямъ и хорошіе хозяева, развращены будучи, попали въ сію дураческую ихъ шайку и, по глупости своей, взынуть якъ вилепку, а позабывши страхъ Божій мало взираютъ на пренодаваемые имъ отъ насъ благомысленные совѣты. Въ таковыхъ то, благодѣтельный и вельможный пане, находимое въ обстоятельствахъ, сокрушающія души и сердца наши сожалѣніемъ о ближнихъ и заблужденію отъ коихъ по всему предначертанному получаемъ еще и не малые огорченія и укоризны за одно только то, что мы есть присяжные, но мы присяжные Богу и Государю, а чтя вашу добродѣтель при начертаніи сего возсылаемъ тѣмъ нашимъ ко Всевышнему мольбы, щобъ даровалъ намъ сей Всевышній Творецъ въ скоромъ времени узрѣть спокойствіе и вась въ скорѣ отъ толь возвратившихся въ добромъ здоровьи и благополучіи, чего воожиданіи при глубочайшемъ нашемъ высокопочитаніи и преданности на вѣки прибудемъ непреложно,

Вашего высокоблагородія,

всепокорѣйшими слугами.

(Слѣдуютъ подписи куренныхъ атамановъ).

Благополучный градъ Екатеринодаръ
Августа 1-го дня 1798 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 12.

Божією поспѣшествующею милостию, Мы, Павелъ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч. и проч. и проч.

Вѣрнаго Нашего Черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску Наше Императорское милостивое слово:

Пріемля съ монаршимъ Нашимъ благоволеніемъ службу вѣрноподданнаго намъ Черноморскаго войска, видѣли мы съ особеннымъ удовольствіемъ Нашимъ вѣрность, усердіе и отличную храбрость, оказанныя симъ войскомъ въ теченіе бывшей послѣдней войны съ Портою Оттоманскою и нынѣ всегда съ таковою же похвальною ревностію продолжающаго Намъ службу свою. Мы благоволиительно желая изъяснить войску сему Нашу Императорскую благопризнательность и милостиво оказать щедроты и воздаяніе за вѣрность и службу ихъ, жалуемъ и подтверждаемъ въ вѣчномъ владѣніи ихъ населяемый симъ войскомъ островъ Тамань во всехъ тѣхъ предѣлахъ, которые положены данною имъ въ 1792 году Іюня 30 дня, грамотою и учиненнымъ отъ губернскаго начальства разграниченіемъ. Сію Императорскую милость Нашу распространяемъ Мы на слѣдующихъ постановленіяхъ:

Первое: все состоящія на сей пожалованной имъ землѣ всякаго рода угоды, на водахъ же рыбныя лова да пребудутъ въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска Черноморскаго, исключая только мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на тѣхъ земляхъ для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе: войску Черноморскому благоволиительно ввѣряемъ бдѣніе и охраненіе погранично отъ набѣговъ народовъ за-кубанскихъ.

Третье: Всемилоостивѣйше позволяемъ и подтверждаемъ войску Черноморскому право пользоваться свободно внутреннею торговлею и вольною продажей вина на земляхъ войску принадлежащихъ.

Четвертое: войско Черноморское получаетъ отъ насъ повелѣніе чрезъ военное начальство какъ о устройствѣ сего войска, такъ и о нарядахъ на службу, которыя обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію, свойственными вѣрноподданымъ Нашимъ, притомъ же правительство войсковое о благосостояніи войску и о обо всехъ важныхъ происшествіяхъ, какія тамъ случиться могутъ, имѣть по часту доносить Намъ; по гражданской же части быть въ вѣдѣніи Нашего Сената.

Пятое: простирая Монаршее Наше попеченіе о благѣ вѣрнаго намъ Черноморскаго войска, соизволяемъ, чтобъ и управленіе дѣлъ до онаго относящихся воспріяло лучшій образъ, и для того Всемилоостивѣйше повелеваемъ учредить въ немъ войсковую канцелярію на слѣдующемъ основаніи: 1) въ войсковой канцеляріи присутствовать отъ войска Черноморскаго атаману, двумъ членамъ и, сверхъ того, особамъ, каковыхъ Мы заблагораз-

судимъ назначить; 2) отъ сей канцеляріи зависѣть должно наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ благоустройства и правосудія и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ; 3) учредить зависящія отъ той канцеляріи экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ, вторую для гражданскихъ и тяжбныхъ, третью для казенныхъ, четвертую для межевыхъ, пятую для полиціи и шестую сыскное начальство, соотвѣтствующее земскому суду, и во всѣхъ сихъ экспедиціяхъ быть отъ Черноморскаго войска пристойному числу членовъ; 4) экспедиціи сіи, производя дѣла, приговоры свои по опытамъ должны вносить на утвержденіе войсковой канцеляріи и опредѣленной отъ Насъ въ оную довѣренной особѣ и доколѣ утвержденны не будутъ, исполнять своихъ положеній не должны; 5) войсковая канцелярія и подчиненныя ей экспедиціи, какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ узаконеній Всероссийской Имперіи; 6) дѣла по гражданской части на апелляцію вносить въ Сенатъ, а по военной относиться въ военную коллегію—сообразно чему и уголовныя вносить на ревизію, по роду ихъ и принадлежности, до того или другаго правительства, но отсылая прежде приговоры свои на разсмотрѣніе довѣренной отъ Насъ особѣ; 7) въ судейскія должности опредѣлять по годно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей; 8) канцелярію и ея экспедиціи снабдить, и впредь снабждать, по распоряженію войсковой канцеляріи канцелярскими служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго производства дѣлъ потребно; 9) для охраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ на законномъ основаніи удовлетворенія, Всемилостивѣйше соизволяемъ при войсковой канцеляріи быть прокурору.

Шестое: желая распространить торговлю и промыслы и въ Черноморскомъ войскѣ и преподавать оному средства, всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ присвоеннымъ, Всемилостивѣйше дозволяемъ каждому изъ сего войска, съ позволенія войсковой канцеляріи, записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній и согласно съ дарованными отъ Насъ каждому состоянію преимуществами, свободно производить торги и промыслы какъ во всей Нашей Имперіи, такъ и въ оной; для суда же и расправы записавшихся въ купечество и мѣщанство учреждать всюду ратгаузы на такомъ основаніи, какъ оныя учреждены и содержатся во всѣхъ российскихъ торговыхъ мѣстахъ, поступаая въ порядкѣ переноса сихъ дѣлъ на апелляцію и ревизію по предъидущему пятому пункту.

Седьмое: атаману съ войсковыми старшинами и съ присутствующими войсковой канцеляріи на жалованье, также на употребляемые къ содержанію карауловъ отряды и на прочіе по войску нужные расходы предоставляемъ на всегда пользоваться отпускаемою изъ казны Нашей денежною суммою по двадцати тысячъ рублей ежегодно.

Восьмое: Всемилостивѣйше дозволяемъ войску Черноморскому, въ означеніе службы его Престолу Нашему, употреблять данныя имъ отъ Насъ

знамена, булавы, перначи и войсковую печать, каковая въ войскахъ Нашихъ положена.

Впрочемъ Мы надѣемся, что войско Черноморское, ощущая Монаршее Наше о немъ попеченіе и покровительство, потщится навсегда не только имѣть бдительное охраненіе границъ и отпирать съ ревностію и храбростію службу, каковая на него отъ Насъ возлагается, но и всемѣрно продолжать будетъ стараніе о внутреннемъ благоустройствѣ, тишинѣ, трудолюбіи и распространеніи семейственнаго житія и чрезъ то удостоится вящаго Нашего благоволенія и щедротъ. Дана въ Михайловскомъ Замкѣ, мѣсяца Февраля шестаго-надесять дня, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ перваго, царствованія Нашего въ пятое лѣто; великаго же магистерства Нашего въ третіе.

На подлинной написано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

«Павелъ.»

Контрасигноваль: графъ Растопчинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 13.

Божією поспѣшествующею милостію; Мы, Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, и проч. и проч. и проч.

Вѣрнаго Нашего войска Черноморскаго атаману, старшинамъ и всему войску Наше Императорское милостивое слово.

Во уваженіе на службу вѣрноподданнаго Намъ Черноморскаго войска съ ревностію и усердіемъ продолжаемую за благо признали Мы симъ подтвердить пожалованныя ему въ 30-й день іюня 1793 года, въ 16-й февраля 1801 г. грамоты съ нижеслѣдующими постановленіями.

Первое: населяемый симъ войскомъ островъ Тамань да будетъ въ вѣчномъ и неотъемлемомъ владѣніи онаго во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые по учиненному разграниченію ему предоставлены, и въ слѣдствіе того, всѣ состоящія на сей землѣ всякаго рода угоды, на водахъ же рыбныя ловли, должны навсегда остаться въ точномъ и полномъ распоряженіи войска, исключая токмо мѣста для крѣпостей съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на землѣ сей для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе: войску Черноморскому ввѣряется по прежнему бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ. Мы надѣемся при семъ, что войско сіе бывъ сильно отразить во всякое время сихъ непріятелей, не позволитъ себѣ принимать изъ внутри Россіи никакихъ людей, подъ ка-

кимъ бы то ни было предложемъ, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства.

Третіе: Всемилостивѣйше позволяемъ и подтверждаемъ войску Черноморскому право пользоваться свободно внутреннюю торговлю и вольною продажей вина на земляхъ войску принадлежащихъ. При сихъ даруемыхъ войску выгодахъ долженствуетъ оно все по земству повинности: наипаче же содержаніе казармъ и отоплѣніе и освѣщеніе находящихся и впредь тамъ быть могущихъ армейскихъ полковъ, исправлять всегда безмолвно, какъ того общественная польза требуетъ.

Четвертое: войско Черноморское получаетъ отъ Насъ повелѣніе чрезъ военное начальство какъ о устройствѣ оного, такъ и о нарядахъ на службу, которыя и обязано исполнять съ точностію и посильностію.

Пятое: войсковому правительству быть на томъ точно основаніи, какъ въ указѣ Нашемъ въ 25-й день февраля 1802 года изданномъ постановлено: по дѣламъ войсковымъ должно оно зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ Таврическаго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Шестое: Всемилостивѣйше дозволяемъ и подтверждаемъ каждому изъ сего войска, съ вѣдома войскаго начальства, записываться въ гильдіи и мѣщане на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній, для свободнаго отправленія торговъ и промысловъ, какъ во всей Имперіи Нашей, и въ оной.

Седьмое: для учрежденныхъ въ войскѣ Черноморскомъ, по указу отъ 13-го ноября 1802 года, двадцати полковъ къ даннымъ отъ покойнаго Родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича 14 знаменамъ, Всемилостивѣйше жалуетъ и при семъ доставляемъ войску еще шесть знаменъ, подтверждаемъ и употребленіе булавы, перначей и войсковой печати.

Впрочемъ увѣрены Мы, что войско Наше Черноморское, пользуясь подтвержденными ему нынѣ правилами, по велику они могутъ быть съ общими государственными постановленіями согласны, не престанетъ съ обычною ему къ Намъ вѣрностію продолжать быть навсегда храбрымъ и ревностнымъ къ службѣ, соблюдая внутреннее благоустройство и тишину и распространеніемъ семейственнаго житія, вышше пріобрѣтая отъ Насъ къ себѣ благоволеніе. Дана въ Санктпетербургѣ, мая тридцать перваго дня тысяча восемь сотъ третьяго года.

На подлинной подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

«Александръ».

Контрасигновалъ: государственный канцлеръ Александръ Воронцовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 14.

Рѣчь,

говоренная въ день торжественнаго празднованія войскомъ Черноморскимъ при полученіи Высочайшей грамоты и знаменъ и освѣщеніи оныхъ, въ г. Екатеринодарѣ, въ войсковой соборной церкви, войсковымъ протоіереемъ Кирилломъ Россинскимъ, 1804 года января 3-го дня.

Христіановѣрные Черноморскаго войска вѣрные воины!

Се новое отъ Высокомонаршаго престола изливается на васъ благоволеніе, новыя милости! Се политическое бытіе и благоденствіе ваше, дарованное вамъ отъ щедротъ Великія Екатерины, утвержденное Павломъ первымъ, нынѣ премудрымъ, кроткимъ и Всемилостивѣйшимъ Александромъ для васъ и потомства вашего утверждается.

Почтите же сіе за особенное къ вамъ благоволеніе всеблагаго Бога, образующаго себя въ лицѣ Царей и въ руцѣ коего сердце ихъ.

Служили вы ревностно на сушѣ и морѣ; доказали великое героическое знатными побѣдами; отличили себя вѣрностію и усердіемъ; за то насладили земли и воды, благословенныя изобиліемъ; и, что и того вышше, удостоились отъ великихъ въ свѣтѣ Монарховъ получить довѣренность охранять спокойствіе и безопасность отечества. Сія довѣренность и нынѣ вамъ, по вѣрности вашей, предоставляется. Потщитесь убо оправдать оную вашею дѣятельностію, лобызая десницу Вышняго, поборающую вамъ, укрѣпляющую мыщцы ваши къ исправному служенію и подающую вамъ скорую во благовремени помощь.

Уже въ теченіе второе-надесять лѣтъ какъ вы, борясь съ неблагопріятствомъ дѣйствіа климата, и не щадя живота своего для благоденствія единовѣрныхъ, почти безвредно противустали наглости не обузданныхъ сосѣдей; и одною рукою бодрственно отражаете сонмы лукавыхъ хищниковъ, другою — гдѣ варварство и безчеловѣчіе имѣло свое прибіжище, — тамъ другою рукою любовь ваша и вѣрность къ Отечеству населяетъ грады и веси, въ коняхъ, яко же во дни Соломона, кійждо подъ смоковницею своею покояся, такожде подъ державнѣйшимъ скипетромъ премудрыхъ и вѣрныхъ Россійскихъ Монарховъ свободно распространяетъ житейскія свои выгоды; одною рукою смиряете дерзость своевольныхъ враговъ и тѣмъ охраняете цѣлость ввѣренныхъ вамъ предѣловъ и ограждаете тишину отечества; другою, — гдѣ была мерзость запустѣнія, гдѣ грубость и невѣжество поставило кумировъ, гдѣ суевѣріе и нечестіе приносило жертву порочнымъ прихотямъ и буйному своевольству, — тамъ другою рукою благочестіе ваше и вѣра сооружаютъ священные храмы, въ коняхъ проповѣдывается Евангеліе Христово.

Радуйтесь убо, христіановѣрные ратоборцы! — яко за оружіемъ вашимъ

тысящи народовъ во всякой безопасности возлагаютъ руки свои на рала; безъ страха и боязни производятъ промыслы: въ мирѣ и покоѣ довольствуются кѣждо собственностію; безъ препятствій и помѣхъ единогласно предъ алтаремъ Господнимъ возсылаютъ теплѣйшія моленія, прошенія, благодаренія за всѣ человѣки, за Царя и за всѣхъ иже во власти суть.

Торжествуйте и веселитесь!—яко се въ оправданіе вашей вѣрности и любви къ отечеству и во ободреніе недремлемыхъ подвиговъ вашихъ Всемилостивѣйшій Монархъ, снисходи отъ престола величества своего, благопризираетъ на ваши нужды и собственнымъ начертаніемъ своей десницы въ потомство утверждаетъ ваши выгоды и преимущества, и въ залогъ отеческія къ вамъ любви и благоволенія восхотѣлъ обрадовать васъ даромъ новыхъ знаменій, въ страхъ и ужасъ врагамъ, въ утвержденіе и ободреніе вѣрнымъ.

Запечатлѣйте сіи Высочайшія къ вамъ Монаршія милости въ сердцахъ вашихъ на вѣки, и принесите днесь благодареніе Благодѣтелю Богу; принесите и Всеавгустѣйшему Монарху, тако благодѣющему вамъ. Оправдайте высокое его надѣяніе на васъ. Будьте добрые граждане и вѣрные воины. Свободу предоставляемыхъ вамъ выгодъ обратите на праведное обогащеніе себя и своихъ собратій, да трудолюбіемъ и тѣченіемъ вашимъ можете, отъ сокровищъ дарованныхъ вамъ водами и полями износимыхъ, и сами съ довольствомъ наслаждаться и дальнѣйшимъ соотечественникамъ вашимъ отъ избытковъ оныхъ другособообщительно служить промышленностію своею; а довѣренность Высочайшую съ удердіемъ употребите на бодрственное противустояніе и усмиреніе злодѣйственныхъ враговъ,—да мужествомъ и дѣятельностію вашею, мало по малу преклоняющихъ уже предъ копіями вашими гордыя свои выи, скоро, скоро заставите предъ сими новыми знаменами преклонить свои колѣна. И тако благоразуміемъ вашимъ и ненавидящія мира будутъ мирны; и водворится вездѣ тишина, безопасность, согласіе, благоденствіе, довольство, и слава ваша будетъ превознесена у Бога и у Высокомонаршаго престола; и уразумѣютъ языцы: яко съ нами Богъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ 15.

Милостивые Государи!

Въ воззваніи моемъ къ почтеннѣйшему сословію, въ ноябрѣ 1821 года, изложивъ обстоятельства, заставившія меня сдѣлать оное, я, по волѣ Начальства, приглашалъ каждого къ пожертвованію въ пользу людей, охраняющихъ безопасность Черноморіи отъ столь злохитцаго закубанскаго непріятеля и въ пособіе переселенцамъ, перешедшимъ сюда изъ малорос-

сійскихъ губерній, по Высочайшему соизволенію, для умноженія войска Черноморскаго, а слѣдовательно усиленія въ свое время охранительной стражи и раздѣленія съ старожилыми обязанностей по службѣ.

Надѣяніе, съ которымъ я приглашалъ сословіе, въ полной мѣрѣ оправдано усердіемъ его. Пробѣгая мысленно подвигъ, въ семъ случаѣ, сословія, представляется взору новое усердіе его: еще не окончено прежденачатое пожертвованіе, какъ при открытіи комитета, учрежденнаго благовидною цѣлью правительства, простерты руки къ усугубленію приношеній, обращаемыхъ, по распоряженію здѣшняго правительства, въ пособіе ближнимъ нашимъ. Дѣлая таковое пожертвованіе, почтеннѣйшее сословіе доказало опытомъ, сколь добрыя дѣла близки сердцамъ нашимъ.

Такъ чувство общей пользы, въ семъ дѣлѣ довольно обнаруженное, должно быть предпочтено всѣмъ прочимъ. Начальство, пекущееся о благѣ Черноморіи, съ удовольствіемъ обращаетъ вниманіе на усердіе черноморцевъ. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ благодарность Его Высочайшества господина корпуснаго командира и кавалера, изъясненная имъ въ приказѣ по корпусу. Я, съ моей стороны, имѣя честь быть предсѣдателемъ комитета, цѣль учрежденія котораго каждому извѣстна, руководствуемаго господиномъ генералъ-маіорамъ и кавалеромъ Власовымъ 3-мъ, долгомъ считаю, отъ лица онаго и всего здѣшняго правительства, принести совершенную благодарность. Сверхъ того, Милостивые Государи, скажу откровенно, что благородное, правильное дѣло собственными чувствами каждого несравненно должно быть болѣе награждаемо, ибо, сдѣлавши добро, можно ли раскаиваться и быть на себя недовольнымъ.

Пожертвованный скотъ, овцы, деньги и хлѣбъ поступили въ вѣдѣніе войскаго правительства, по распоряженію котораго часть скота отпущена полкамъ, оберегавшимъ границу, а другая остается не израсходованною; хлѣбъ употребленъ въ пользу переселенцевъ для продовольствія бѣднѣйшихъ изъ нихъ; искупленъ на деньги провіантъ, котораго осталшая часть, за расходомъ, равно скотъ и деньги сохраняютъ. Сколько же сего именно и кѣмъ пожертвовано, на какіе предметы употреблена часть пожертвованія и сколько чего еще остается не израсходованнымъ, прошу покорно выслушать отчетъ.

(По прочтеніи отчета).

Милостивые Государи! Вотъ предметъ—одинъ, для котораго вы вызваны въ Екатеринодаръ; но прошу покорно обратить вниманіе ваше и на другой, о коемъ я сейчасъ говорить буду. Хотя, въ настоящее время, переселенцы, посредствомъ заработковъ, могутъ поправить нѣсколько со-

стояніе свое, однако же обстоятельства не обнадеживаютъ совершенно, чтобы впослѣдствіи времени не подверглись тѣмъ ужасамъ бѣдствій и нищеты, коихъ они уже довольно испытали. Съ открытіемъ весны, начали они прибывать вновь; зимовали тамъ, гдѣ кому случилось; на продовольствіе себя все почти имущество издержано и, чтобы объяснить ихъ положеніе, довольно сказать, что они изъ самыхъ тѣхъ мѣстъ были доставляемы въ Черноморію на обывательскихъ подводахъ; но еще ихъ много ожидается и всѣ они такіе, которые двинулись съ прежнихъ мѣстъ въ прошедшемъ году и зимовали, какъ я уже говорилъ выше, гдѣ кому случилось. Сихъ ожидаемыхъ можно назвать послѣднею частію, ибо изъ числа 25,000 ревизскихъ душъ, предположенныхъ къ переселенію въ Черноморію, осталось только на прежнихъ жилищахъ до 1500. Изъ числа ожидаемыхъ придутъ сюда нѣкоторые поздно; всѣ они находятся теперь въ самомъ жалостнѣйшемъ состояніи, и что же съ ними будетъ, если не поддержать ихъ? Недостатокъ войсковой суммы пренятствуетъ сдѣлать имъ пособіе отъ войска, и одного остатка изъ пожертвованія къ тому будетъ недостаточно.

Объяснивши такимъ образомъ вкратцѣ положеніе переселенцевъ, я начну говорить о людяхъ, состоящихъ на кордонной службѣ. Они, кромѣ провіанта, ничего болѣе не получаютъ; имѣющіе же поступить зимою для подкрѣпленія границы, по недостатку войсковой суммы, будутъ служить по прежнему на своемъ провіантѣ. Желаніе Его Высокопревосходительства господина корпуснаго командира и кавалера есть, чтобы они, посредствомъ приношеній, получали мясную порцію. Какъ тѣ, такъ и другіе, охраняя отъ набѣговъ за-кубанцевъ линію, вмѣстѣ съ тѣмъ охранять будутъ безопасность собственности и благосостоянія каждаго черноморца; слѣдовательно заслуживаютъ возрѣнія на ихъ положеніе и облегченія онаго.

Милостивые Государи! обстоятельства требуютъ, чтобы мы вновь простерли руки наши на помощь ближнимъ и на пособіе кордонной стражѣ. Я, по долгу званія моего, обращаюсь съ убѣдительнѣйшею просьбою для обоихъ сихъ предметовъ, да не оставитъ каждый, по возможности своей и усердію, удѣлить отъ избытковъ своихъ что кому заблагоразсудится. Да и кому свойственнѣе сіе сдѣлать какъ не намъ, Милостивые Государи? Мы сіе сотворимъ ближнимъ нашимъ: и Отецъ нашъ Небесный сотворитъ намъ такъ, яко же мы сотворимъ человѣкомъ. Такъ будемъ единомысленны, растворимъ сердца наши къ благому дѣлу, усугубимъ нашу любовь и усердіе къ обратіи нашей!

Нѣтъ ничего пріятнѣе въ жизни человѣка, какъ быть участникомъ въ добрыхъ дѣлахъ, являть дѣло милосердія, быть благотворителемъ. Поспѣшимъ насладиться симъ; представимъ новыя доказательства, что мы питомцы Сыны отечества нашего и вѣрные сподвижники Царствующаго надъ нами Царя! Да съ умиленіемъ смотрѣть будетъ потомство наше на дѣла

наши, которыхъ, конечно, не изгладитъ время, пока это возможно будетъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 16.

Милостивый Государь

Григорій Кондратьевичъ!

Мнѣ доставлено извѣстіе изъ Бугаза, что Черноморскіе казаки, за похищеніе у нихъ нѣсколькихъ лошадей, сдѣланное, безъ сомнѣнія, *Шапсухами* (*), напали на жилище постоянно преданнаго намъ черкесскаго князя Сагатъ-Герей-Калабатъ-Оглы, который въ недавнемъ времени, совместно съ княземъ Индаръ-Оглы, Наврусомъ и другими вѣрными намъ натохайцами, явился среди большаго собранія шапсуховъ, склонившихъ небольшое число натохайцовъ напасть съ ними на границы наши, и отвратилъ ихъ отъ сего покушенія. Начальствующимъ въ Бугазѣ извѣстенъ сей поступокъ его; я имѣлъ честь довести оный до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія отношеніемъ моимъ № 36; теперь же обязываюсь присовокупить, что означенный князь, столь усердствующій къ выгодамъ нашимъ, есть наслѣдникъ того самаго князя Калабатъ-Оглы, котораго сыны Агметъ-Герей и Асламъ-Герей воспитывались въ Одессѣ и умерли въ 1812 году, оказавши намъ величайшія услуги. Князь Сагатъ-Герей, послѣдняя отрасль сей фамиліи, во время сдѣланнаго на него нападенія находился у князя Индаръ-Оглы, родственника его въ Ишадѣ, съ тою цѣлью, чтобы склонить Индаръ-Оглы выдать дочь его за одного изъ сильнѣйшихъ князей Шапсуховъ, Абата-Цбуша, отъ каковой родственной связи ихъ я ожидалъ великихъ успѣховъ въ усмиреніи необузданныхъ Шапсуховъ. Я не могу понять, какимъ образомъ генералъ Власовъ, проходя мимо жилища Мурадина, не былъ освѣдомленъ, что Сагатъ-Герей принадлежитъ къ числу вѣрнѣйшихъ и усерднѣйшихъ союзниковъ нашихъ. Натохайцы, вѣроятно, объявятъ справедливое ихъ за сіе негодованіе, что можетъ навлечь большія несчастія чиновникамъ нашимъ, живущимъ въ горахъ.

(*) Въ прежнее время, названіе горскихъ племенъ въ официальныхъ бумагахъ подвергалось различнымъ измѣненіямъ, въ особенности: *Шапсухи*, *Абадзехи*, *Натухайцы*,—что и встрѣчается въ статьѣ «Черноморцы на Кубани».

Прим. Автора.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ сихъ, легко можно видѣть цѣль разрушить мирныя сношенія наши съ Натохайцами и расположить ихъ къ непріязненнымъ поступкамъ, ибо еслибъ черкесы, дѣйствительно, похитили лошадей на нашей сторонѣ, то, для возвращенія ихъ, начальству можно было отнестись ко мнѣ или къ Пашѣ Анапскому, который, въ подобномъ же случаѣ, поступилъ со всею справедливостію, отыскивая пропажу и самыхъ виновныхъ, какъ видно изъ отзыва его въ копіи у сего прилагаемаго къ Бугазскому комисару.

Не имѣя свѣдѣній о всѣхъ подробностяхъ нападенія на Сагаты-Герей, я покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе взять на себя трудъ сообщить мнѣ оныя, съ означеніемъ потерь, понесенныхъ симъ княземъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Высокоблагородія
покорнѣйшій слуга
де-Скасси.

№ 46.

4 Марта 1826 года.

Керчь.

Его Высокоблагородію Г. Атаману
Черноморскаго войска, Полковнику и
кавалеру Матвѣеву.

ПРИЛОЖЕНІЕ 17.

Закубанскимъ народамъ Дунабе-Эфенди-Илгачъ-Бекъ дворянамъ, мullahамъ и прочимъ честнымъ людямъ повелѣніе.

Вы отправили отъ себя посланныхъ Асланъ-Бека, Сеферъ-Бека и прочихъ дворянъ и мullahъ къ султану съ жалобою на Россію, что она дѣлаетъ съ вами войну и разоряетъ васъ; но Султанъ прислалъ ихъ ко мнѣ, какъ назначенному въ Анапъ пашою, на мѣсто теперь тамъ находящагося Абдула, для разобранія жалобы вашей. Я, разобравъ жалобу вашу, нашелъ, что вы неправы и посланныхъ отправилъ въ Анапъ къ пашѣ Абдула. Вы сами болѣе виноваты разоренію васъ Россією. Я вамъ приказываю,

чтобы жили смирно и воровства въ Россіи недѣлали, и Россія вамъ разоренія никакого не будетъ дѣлать. Подтверждаю вамъ строго Анапскому пашѣ Абдула повиноваться во всемъ и исполнять всѣ приказанія его до моего приѣзда въ Анапъ. Если вы его будете слушать, то и будете всегда покойны. Когда я прибуду въ Анапъ, сдѣлаю особое мое распоряженіе и вы будете покойны, если только будете слушать. Сіе я вамъ пишу по приказанію Султана, и если вы его почитаете за своего Государя, то исполняйте мое приказаніе. Россія васъ разорять не будетъ. Я пишу сіе изъ Трапезона.

Гаджи-Гасанъ-Паша.

Апрѣля 23-го дня 1826 года.

Трапезонъ.

Апрѣля 23-го дня 1826 года.

Трапезонъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 18.

ПРИКАЗЪ.

по черноморскому казачьему войску.

Г. Екатеринодаръ, Декабря 1 дня 1844 г.

№ 53.

На основаніи 28 § Высочайше утвержденнаго въ 1-й день іюля 1842 г. положенія о Войскѣ, представляемо было росписаніе: какія именно знамена предполагается дать и какія изъ старыхъ знаменъ оставить коннымъ полкамъ и пѣхимъ баталіонамъ сего Войска.

По росписанію тому предполагалось:

1-му Конному полку. Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 1-му конному полку съ надписью: «За отличіе въ Персидскую и Турецкую войны въ 1827, 1828 и 1829 годахъ».

- 2-му Конному полку. Дать знамя, Всемилостивѣйше пожалованное Императоромъ Павломъ I.
- 3-му } — — { Дать знамена, Всемилостивѣйше пожалованныя Императоромъ Александромъ I.
- 4-му } — — {
- 5-му — — Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 5-му конному полку съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну въ 1829 году».
- 6-му — — Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 6-му конному полку, съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну въ 1829 году».
- 7-му — — Дать знамя, Всемилостивѣйше пожалованное Императоромъ Александромъ I.
- 8-му — — Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 8-му конному полку съ надписью: «За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12-го іюня 1828 г.»
- 9-му — — Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 9-му конному полку съ надписью: «За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12-го іюня 1828 г.»
- 10-му } — — { Дать знамена, Всемилостивѣйше пожалованныя Императоромъ Александромъ I.
- 11-му } — — {
- 12-му } — — {
- 1-му Пѣшему баталіону. Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 1-му пѣшему полку съ надписью: «За отличіе 29-го мая 1828 года при разбитіи Турецкой флотиліи подъ Браиловымъ.»
- 2-му } — — { Дать новыя знамена.
- 3-му } — — {
- 4-му } — — {
- 5-му — — Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 5-му пѣшему полку съ надписью: «За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12-го іюня 1828 года.»
- 6-му } — — { Дать новыя знамена.
- 7-му } — — {
- 8-му — — Оставить знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 8-му пѣшему полку съ надписью: «За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12-го іюня 1828 года.»
- 9-му — — Дать новое знамя.

Намъ объявленъ, по командѣ, отзывъ г. военнаго министра къ г. командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, отъ 29-го сентября текущаго года за № 3141, что Государь Императоръ означенное росписаніе знаменъ въ 23-й день того сентября Высочайше утвердить изволилъ, что Всемилостивѣйше пожалованныя вновь знамена вышеозначеннымъ шести пѣшимъ баталіонамъ, по изготовленіи, будутъ доставлены.

О таковой Монаршей милости объявляется по Войску, съ присовокупленіемъ, что въ отношеніи выдачи полкамъ и баталіонамъ, при выступленіи на службу, принадлежащихъ имъ знаменъ и возвращенія оныхъ при смѣнѣ по 236 § Войсковаго положенія, надлежитъ руководствоваться общими правилами по военному Управленію Войска Донскаго 4 п. § 247 и 7 п. § 438. Подписалъ исправляющій должность Войсковаго Наказнаго Атамана, Начальникъ Штаба, Генералъ-Маіоръ Рашпилъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 19.

Божіею Милостію,

Мы, Николай Первый,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій,

и пр. и пр. и пр.

Нашему Черноморскому Казачьему Войску.

На основаніи 27 и 28 §§ дарованнаго Нами положенія Черноморскому Казачьему Войску, Всемилостивѣйше жалую шесть знаменъ пѣшимъ баталіонамъ оного войска №№ 2, 3, 4, 6, 7 и 9-го повелѣваемъ: по прочтеніи сей Нашей грамоты предъ баталіонами и по освященіи знаменъ, употребить оныя на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, Россійскому воинству свойственными. Пребываемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою на-
насано:

«Николай».

С.-Петербургъ.

14-го марта 1845 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 20.

Божією Милостію,
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій,
и проч. и проч. и проч.

Нашему вѣрноподданному Черноморскому Казачьему Войску.

Въ ознаменованіе пятидесяти-лѣтняго существованія Черноморскаго Казачьяго войска и во вниманіе полезной службы Черноморцевъ, ихъ храбрости неоднократно доказанной при отраженіи скопищъ горцевъ, постоянно нарушающихъ спокойствіе Черноморіи, и того отличнаго состоянія, съ которымъ содержится тамъ кордонная линія, — Всемиловѣйше пожаловали Мы сему войску новое знамя, которое, препровождая при семъ, повелѣваемъ: освятя оное по установленію, употребить на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбрости Россійскому воинству толико свойственными.

На подлинной подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою.

«Николай».

Царское-Село.
10-го октября 1843 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 21.

Праздникъ Черноморскихъ казаковъ 11-го мая 1844 года.

Черноморское Казачье войско, со времени своего существованія, извѣдало много счастья, много радостей отъ благодѣяній Августѣйшихъ Монарховъ, постоянно удостоивавшихъ высокаго вниманія своего вѣрную службу этихъ остатковъ древняго Запорожья и призывавшихъ на нихъ Царственные милости свои. Старинные войсковые клейноды, булавы, перначи,

жалованныя грамоты, знамена и другіе дары Царей-Благодѣтелей служатъ краснорѣчивыми памятниками этихъ милостей, а Великія имена Екатерины II, Павла I и Александра Благословеннаго суть святыя символы благоденствія Черноморіи. Но никогда еще черноморцы не испытывали такого счастья, какъ при нынѣ Царствующемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ I. Онъ обновилъ войско новой жизнью; онъ ввелъ его въ рядъ обществъ, образованныхъ дарованіемъ новаго благодѣтельнаго положенія, — и не прошло еще двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшнюю весною Монархъ вновь осчастливилъ черноморцевъ, Всемиловѣйше пожаловавъ войску бѣлое Георгіевское знамя «за пятидесяти-лѣтнюю вѣрную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу».

Черноморское войско приняло этотъ даръ съ чувствами глубочайшаго благоговѣнія и безпредѣльной вѣрноподданнической благодарности. Такія чувства должны были выразиться въ торжествѣ всенародномъ, въ праздникѣ бѣлаго сословія; и праздникъ этотъ совершился при освященіи дарованной хоругви.

День 11-го мая былъ днемъ радости, днемъ веселія для всей Черноморіи.

Начальникъ Штаба Черноморскаго войска, Генералъ-Маіоръ Рашпиль, управлявшій войскомъ въ отсутствіе Наказнаго Атамана, готовилъ этотъ народный праздникъ со всею великолѣпіемъ, доступнымъ нашему отдаленному и скудному краю. Со всехъ концовъ Черноморіи стекались въ Екатеринодаръ жители всехъ возрастовъ и состояній, чтобы отпраздновать свою радость, свое счастье, чтобы торжественно вознестъ теплыя молитвы къ Престолу Всевышняго о благоденствіи Августѣйшаго виновника нашего счастья. Болѣе двадцати тысячъ душъ приняли участіе въ торжествѣ. Сверхъ того, къ празднику были вызваны Атаманы изъ 59 станицъ Черноморскаго войска. Каждого изъ нихъ сопровождали мальчики отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ и нѣсколько ветерановъ казаковъ, служившихъ еще въ славномъ войскѣ «Низовомъ Запорожскомъ». Старики сходились порадоваться счастью молодаго поколѣнія, да вспомнить свою незабвенную Екатерининскую старину, а дѣти призваны были наторжество отцовъ за тѣмъ, чтобы было кому передать память объ этомъ великомъ днѣ въ двадцатое столѣтіе.

Въ то же время прибыли къ Екатеринодару пять конныхъ полковъ, четыре пѣшихъ баталіона и двѣ конно-артиллерійскія батареи, назначенныя на смѣну кордонной стражи и гарнизоновъ за-кубанскихъ укрѣпленій.

Все благопріятствовало этому празднику народа: и весенняя майская погода, и совершенное спокойствіе опасной границы.

Мѣстомъ торжества избранъ былъ лагерь войскъ, живописно раскинутый на берегу Кубани, ниже города. Среди него устроена была, со всеми прихотями военного щегольства, большая атаманская ставка. Она украсилась старыми знаменами — священными памятниками боевой славы Черно-

морцевъ. На стѣнѣ, противоположной дверямъ ставки, горѣлъ огромный стальной щитъ, въ видѣ звѣзды, составленной изъ ста ружей. Сердцемъ звѣзды служилъ портретъ Государя, во весь ростъ. Пьедесталъ этой величественной картины составляли дары безсмертной Екатерины: серебряныя литавры, украшенныя шелковыми завѣсами и кистями; на нихъ серебряныя трубы и золотое блюдо,—подарокъ Войску Царицы съ хлѣбомъ-солью на новоселье при Кубани, въ 1792 году. Вокругъ пьедестала была расположена полная военная артиллерія изъ древнихъ и новѣйшихъ доспѣховъ казацкихъ.

Среди ставки, на огромномъ столѣ, блестѣлъ новый даръ Всемилостивѣйшаго Государя—бѣлое Георгіевское знамя; надъ нимъ составляли сѣнь старинныя хоругви, заслуженныя полками Черноморскими на берегахъ Дуная и Рейна, на высотахъ Балкановъ и Кавказа, на равнинахъ Евфрата и Вислы.

10-го мая были кончены все приготовленія къ празднику. День этотъ назначался для совершенія обряда пригвожденія знамени къ древку.

Въ четыре часа пополудни, войска стали подъ ружье для встрѣчи своего наказнаго атамана. Къ атаманской ставкѣ собрались все чины военного и гражданского управления войска. За ними расположились станичные атаманы со стариками и дѣтьми.

Вскоръ прибыли въ лагерь Наказный Атаманъ, Начальникъ Штаба и Преосвященный Іеремія. Сказавъ привѣтствіе войскамъ, Наказный Атаманъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, послѣдовалъ къ ставкѣ. При входѣ въ нее, архипастырь осѣнилъ знамя крестнымъ благословеніемъ и вслѣдъ затѣмъ начался обрядъ пригвожденія знамени къ древку, по всемъ правиламъ законами начертаннымъ. Обрядъ длился до сумерекъ. Съ пробитіемъ вечерней зори, атаманская ставка затворилась и вокругъ святыни, въ ней заключавшейся, помѣстился въ глубокомъ молчаніи караулъ изъ конныхъ и пѣшихъ урядниковъ. Присутствовавшіе при совершеніи обряда разъѣхались въ ожиданіи завтра.

11-е число началось теплыми молитвами къ Творцу, Подателю всехъ благъ. Въ девять часовъ утра стеклись въ Войсковой Соборъ, для слушанія Божественной литургіи, все генералы, штабъ и оберъ-офицеры войска, все гости Черноморіи, все жители города, и, сверхъ того, войска приехали изъ лагеря отъ каждаго полка, баталіона и батареи по два урядника и по два рядовыхъ. Преосвященный Іеремія священнодѣйствовалъ. Божественную литургію онъ заключилъ краснорѣчивымъ словомъ, приличнымъ торжеству.

При возглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему дому, громъ крѣпостныхъ орудій загрозоталъ залпами, и полевая артиллерія откликнулась въ лагерь отвѣтными перекатами. То было знакомъ начала торжественнаго освященія знамени.

Войска выстроились густыми колонами на прибрежной равнинѣ во-

кругъ амвона, воздвигнутаго для священнодѣйствія; интервалы колоннъ заняли станичные атаманы, старики, дѣти и ученики Екатеринодарскаго училища. Тогда все изъ Войскаго Собора прибыли въ лагерь, и просторная равнина вдругъ зашестрѣла тысячами зрителей.

Начальникъ Штаба встрѣтилъ Наказнаго Атамана и преосвященнаго на линейкѣ лагеря и препроводилъ ихъ въ кругъ, куда, вмѣстѣ съ тѣмъ, было вынесено изъ ставки и знамя.

Церемоніаль освященія знамени открылся чтеніемъ Высочайшей грамоты, при которой пожалованъ войску новый трофей вѣрной службы и статей воинскаго артикула. По окончаніи чтенія, наказный атаманъ поздравилъ своихъ храбрыхъ товарищей съ новою высокомонаршею милостію въ немногихъ, но сильныхъ словахъ. Затѣмъ послѣдовало освященіе знамени. Преосвященный Іеремія, съ настоятелемъ войскаго монастыря, архимандритомъ Діонисіемъ, и съ семидесятью-пятью священнослужителями совершили его. Величіе этого церемоніала привело всехъ въ умиленіе; но когда наказный атаманъ преклонилъ колѣна для принятія знамени, и когда архипастырь, вручая ему эту хоругвь, съ кроткимъ смиреніемъ на челѣ и молитвою во взорѣ, устремленномъ къ небу, прочелъ назиданіе Церкви, какъ должно хранить завѣтъ нашей чести, тогда слезы сердечной признательности къ Августѣйшему Благодѣтелю войска заискрились на всехъ лицахъ! Напослѣдокъ Преосвященный привелъ къ присягѣ войска на вѣрность службы Престолу и Отечеству,—и знамя, сопровождаемое духовенствомъ, тихо обтекло неподвижные ряды ратнаго строя, которые архипастырь кропилъ святой водою.

Церемоніаль заключился провозглашеніемъ многолѣтія Монарху, всей Императорской фамиліи и всему воинству Россіи. Каждый возгласъ сопровождался залпами артиллеріи и звучнымъ русскимъ ура двадцати тысячъ голосовъ.

Когда священнодѣйствіе кончилось, знамя, при звукахъ музыки, возвратилось къ атаманской ставкѣ и было водружено въ дуло чугунаго единорога, изъ числа древнихъ Турецкихъ трофеевъ, врытаго у ея порога.

Между тѣмъ, въ ставкѣ былъ приготовленъ уже столъ, и все чиновники и духовенство, присутствовавшіе на церемоніи, были приглашены къ обѣду. Станичные атаманы, старики-ветераны, дѣти, множество народа расположились пировать за Царскимъ хлѣбомъ и солью и полной чаркой вокругъ ставки, на зеленыхъ дерновыхъ столахъ, нарочно складенныхъ. Войска разошлись къ своимъ артельнымъ котламъ, давно ожидавшимъ ихъ. На правомъ же флангѣ лагеря роскошествовали, по своимъ обрядамъ и вкусу, до 500 человекъ горцевъ, мирныхъ и дикихъ, сомнительныхъ друзей и закоренѣлыхъ враговъ нашихъ. Они были приглашены раздѣлить съ нами нашу радость и повеселиться вмѣстѣ, забывъ все прошедшее и не думая о будущихъ встрѣчахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ атаманской ставкѣ и за дерновыми столами, въ лагерь и у дикихъ гостей, вездѣ

равно было изобиліе и радушіе въ угощеніи; вездѣ слышался говоръ удовольствія. Тосты смѣнялись одинъ другимъ: за здоровье Государа Императора, Августѣйшаго Атамана и всего Императорскаго дома, за военнаго министра, корпуснаго командира и командующаго войсками,—за всѣ власти, свѣтскія и духовныя,—за всѣ силы Россіи, морскія и сухопутныя,—за всѣхъ братьевъ — русскихъ, дѣтей одного отечества, одного Монарха. Отца, непрерывно гремѣли залпы изъ двадцати орудій и звучало родное, чистосердечное ура!

Послѣ обѣда лагерю данъ былъ отдыхъ; но къ вечеру опять всѣ съѣхались въ атаманскую ставку на балъ. По пробитіи вечерней зори, первоначально былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ; потомъ зажглись въ разныхъ мѣстахъ съ фронта лагеря потѣшныя огни; противъ дверей ставки горѣли вензеля: Императорскій, Августѣйшаго Атамана, Великаго Князя Михаила Павловича, а по сторонамъ ихъ огненная картина знамени и аллегорическія изображенія 1844 года. Наконецъ атаманская ставка заблистала въ разноцвѣтныхъ лучахъ великолѣпныхъ огней, и тамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ шумно пировали за свою славу сѣдые витязи съ молодымъ поколѣніемъ ратныхъ товарищей, тамъ теперь юныя красавицы, подъ звуки скрипки, едва слышно порхали во французскихъ кадриляхъ. Балъ длился далеко за полночь.

Дабы сохранить воспоминаніе объ этомъ торжествѣ, Черноморское войско положило: каждый годъ, въ день 11-го мая, совершать благодарственное моленіе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ церемоніаль освещенія знамени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧЕРНОМОРЦЫ ЗА БУГОМЪ.

	Стр.
I. Уничтоженіе Запорожской Сѣчи. — Жизнь казаковъ до составленія вновь войска. — Невѣрные запорожцы. (1775—1786)	1
II. Война Россіи съ Турціей. — Фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій. — Призывъ на войну запорожцевъ. — Войско вѣрныхъ казаковъ. — Войсковыя клейноды. — Основаніе войсковаго коша. — Назначеніе кошевымъ атаманомъ Сидора Бѣлаго. (1787)	4
III. Участіе войска «вѣрныхъ» казаковъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ. — Смерть кошеваго Бѣлаго. — Новый кошевой Захарій Чепѣга. — Подвигъ войсковаго судьи Головатого. — Наименованіе войска «вѣрныхъ» казаковъ «Черноморскимъ войскомъ» (1788)	8
IV. Участіе Черноморскаго войска въ сраженіи подъ Бендерами и при взятіи штурмомъ Хаджибея. — Покореніе Богдада и взятіе Аккермана. — Набѣгъ подъ Киію. — Покореніе Бендеръ (1789)	14
V. Князь Потемкинъ пожалованъ гетманомъ черноморцевъ. — Войско черноморское получаетъ для поселенія землю между рр. Бугомъ и Днѣстромъ. — Командорскій знакъ Головатого. — Дѣйствія Головатого при истребленіи турецкаго флота подъ Измаиломъ. — Штурмъ Измаила и черноморцы (1790)	17
VI. Походъ черноморцевъ подъ Галацъ. — Вѣроломство турецкихъ запорожцевъ. — Сраженіе при Бабадагѣ. — Участіе Черноморскаго войска при разбитіи турокъ подъ Мачиномъ. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій. — Миръ съ Турціей. — Смерть гетмана князя Потемкина-Таврическаго (1791).	22

- VII. Отправление войсковой депутации въ С.-Петербургъ. — Представитель Головатый. — Царскія награды войску. — Переселеніе черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань (1792) . 29

ЧЕРНОМОРЦЫ НА КУБАНИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

- I. Кубань. — О древнихъ народахъ Кубанскаго края. — Тмуторакань и русскіе. — О татарахъ и ногайцахъ. — Таманскій островъ. — Кубанскій край 37
- II. Стремленіе черноморцевъ къ единству. — Выборъ кошевого. — Кутузовъ и черноморцы. — Войсковая администрація за Бугомъ 50
- III. Переселеніе черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань. — Частное и войсковое хозяйство. — Войсковая администрація. — Медицина, Гимназія и Духовенство. — Мысли Ланжерона. — Заключеніе. 58

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

- I. Военныя силы Черноморскаго войска: флотилія, гвардія, артилерія, кавалерія, пѣхота. — Порядокъ службы. 73
- II. Занятіе черноморцами Кубанской границы. — Закубанскіе горцы. — Паша хорунжаго Безкровнаго. — Походъ въ Польшу и Персію. — Кончина Екатерины II, кошевого Чепѣги и судьи Головатого. — Депутатія черноморцевъ при коронаваніи Павла I. — Неудовольствія казаковъ на Котляревскаго (1794—1797) 82
- III. Князь Батырь-Гирей. — Непріязненные дѣйствія черкесовъ. — Дипломатическія сношенія съ Турціей. — Дворянинъ Шостанъ-Али. — Котляревскій, атаманъ черноморцевъ. — Султанъ Али-Шеретлу-Оглы. — Измѣнникъ Явбукъ-Бей (1795—1799). 98
- IV. Черноморскій атаманъ Бурсакъ. — Военныя дѣйствія за Кубанью. — Разбитіе Явбукъ-бея. — Переговоры съ абадзехами. — Царскія награды Черноморскому войску. — Разбитіе горцами черноморскаго байдака. — Экспедиція за Кубань. — Храбрая казачка. — Покорность натухайцевъ. — Награды черноморцамъ. — Экспедиція въ землю шапсуговъ. — Тревожные слухи изъ-за Кубани. — Походъ противъ турокъ. — Турецкіе запорожцы. — Закубанскія дѣла. (1800—1808). 119
- V. Потеря Новогригорьевскаго поста. — Наказаніе горцевъ. — Прокламація маркиза де-Траверсе. — Разбитіе Кривошеи. — Бой Тиховскаго съ горцами. — Походы атамана Бурсака

за Кубань. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій. — Вражда между горцами. — Время французской войны и мира съ Турціей. — Дѣйствія анапскаго паша за Кубанью. — Отставка атамана Бурсака. — Атаманъ Матвѣевъ. — Открытіе торговли съ горцами. — Непріязненные дѣйствія черкесовъ противъ Черноморіи. — Подчиненіе Черноморскаго войска Кавказскому начальству (1809—1820). 145

- VI. Взглядъ Ермолова на Черноморію. — Прибытіе въ Черноморское войско генерала Власова. — Калаусская битва. — Походъ Власова за Кубань. — Приѣздъ анапскаго паша къ Екатеринодару. — Военныя дѣйствія за Кубанью. — Посолія турокъ горцамъ. — Разореніе владѣній Натухайскаго князя Калабать-Оглы. — Удаленіе Власова на Донъ и прибытіе въ Черноморію генерала Сысоева. — Походъ черноморцевъ въ Персію. — Смерть Матвѣева и назначеніе атаманомъ Безкровнаго. — Дѣла на Кубани въ войну съ турками. — Участіе черноморцевъ въ турецкой войнѣ. — Дѣйствія Безкровнаго за Кубанью (1821—1829). 169
- VII. Военныя дѣйствія за Кубанью. — Прибытіе графа Паскевича въ Екатеринодаръ. — Смѣна атамана Безкровнаго. — Назначеніе наказнымъ атаманомъ генерала Заводовскаго. — Возненія горцевъ. — Урядникъ Суръ. — Закубанскія дѣла. — Пятидесятилѣтіе войска. — Заключеніе. (1830—1842) . 199

Приложенія.

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

COLLEGE
LIBRARY
1967-1968

[REDACTED]

two weeks from the last date st...

947

K843

AUG 2 1932

